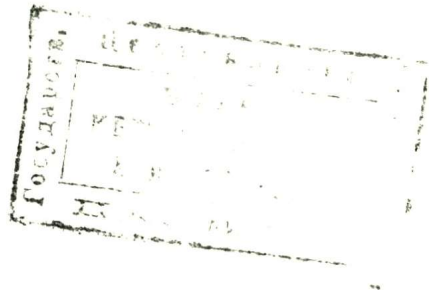

ЦЕНА 2 р. 75 к.

777

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ
в Издательство КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
Москва 19, Волхонка, 14. Тел. 3-59-48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

27 (3)

1928

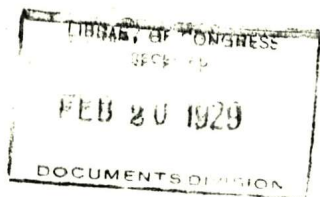
ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ПРОБЛЕМА КОН'ЮНКТУРЫ

(К вопросу о построении марксистской теории кон'юнктуры)

I. *Предварительные замечания.* Вопросы кон'юнктуры стоят в центре экономических исследований, особенно в послевоенный период. Ряд специальных учреждений в разных странах, в том числе и у нас в СССР, занят наблюдением и изучением кон'юнктуры. Вопросам кон'юнктуры посвящен ряд периодических изданий и специальных монографий.

Каковы причины, которые вызвали такое внимание к этой проблеме? Что толкает на такое тщательное, упорное изучение этого феномена? Что заставляет по линии именно кон'юнктурных явлений сосредоточивать основные силы, затрачиваемые в области экономических исследований? Нам думается, что объяснение нужно искать, примерно, в следующем. Политическая экономия—наука сравнительно молодая—сложилась к концу XIX и началу XX в. в законченную систему теоретического истолкования капитализма, правда, в нескольких вариантах: классический, марксистский, австрийский, англо-американский и т. д. Вместе с тем, в связи с развитием капитализма и превращением промышленного капитализма в финансовый, «капитаны» эпохи промышленного переворота в Англии выросли в герцогов и некоронованных королей эпохи финансового капитала. Буржуазия сумела поставить себе на службу т. н. точные науки и использовать их в своих интересах. Очередь пришла и за политической экономией. И «капитаны», и «герцоги», и «короли», сознавая силу научного истолкования, стремятся науку использовать в своих, весьма утилитарных, целях. Путь же для этого—в кон'юнктурных изысканиях, имеющих дело так же, как и агенты конкретного хозяйственного процесса, с поверхностью этого процесса. Идеологическая формула, объясняющая и мотивирующая уклон современных экономических изысканий, дана Е. Altschul'ем: «Сознание, что между экономической теорией и реальной хозяйственной жизнью лежит пропасть, которая делает невозможным перебросить мост между теорией и практикой, создала в Америке у ряда более молодых экономистов и статистиков резкую оппозицию против экономической теории, построенной на нескольких исходных предпосылках»¹. Гос-

¹ Eugen Altschul.—«Konjunkturtheorie und Konjunkturstatistik». «Arch. f. Sozialwiss.», 1926, 55 B., 1 Heft, S. 61.

подстывающий класс стремится использовать науку в своих интересах. Путь к этому—кон'юнктурные изыскания.

Интерес к кон'юнктурным исследованиям характерен не только для капиталистического сектора мирового хозяйства. У нас, в условиях экономики переходного периода, интерес к ним не меньше. Задачи планового воздействия на течение хозяйственного процесса настоятельно диктуют необходимость обращения к кон'юнктурному анализу. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Знаменательно, что до настоящего времени нет марксистских работ, посвященных проблеме кон'юнктуры. В работе т. Осинского—«Мировое хозяйство и кризисы»—этому вопросу уделено весьма мало места, лишь вскользь касается тов. Осинский этого вопроса. В статье тов. Варги¹, посвященной «исследованию кон'юнктуры и теории кризисов», также нет развернутого анализа проблемы. Попытку марксистской постановки вопроса мы находим в статье Н. Г. Ефимова-Малтапара—«Кон'юнктура, как предмет экономической теории»².

До сих пор нет единства в понимании феномена кон'юнктуры. Мы встречаем столько же определений кон'юнктуры, сколько авторов высказывается по этому вопросу. Если такое положение вещей естественно для буржуазной теоретической мысли с ее бесконечным количеством оттенков в трактовке хозяйственного процесса, то это не может иметь места в марксистской теории монолитной и единой, монистически интерпретирующей капиталистический процесс. Мы считаем, что из марксовской системы теоретической экономики должно вытекать определенное—и притом одно—для марксистов понимание кон'юнктуры.

В дальнейшем мы остановимся на двух вопросах: на вопросе о содержании понятия кон'юнктуры с марксистской точки зрения и на вопросе о месте теории кон'юнктуры в системе марксовской теоретической экономики. При этом анализ разбивается на две части: в первой—основной и центральной—внимание сосредоточивается на анализе феномена кон'юнктуры в условиях капиталистического хозяйства; во второй—попытка наметить специфические особенности в постановке этой проблемы у нас, в условиях переходного периода. Далее, в данной работе мы даем только позитивную трактовку вопроса, совершенно не останавливаясь на критическом разборе решений этого вопроса, которыми так изобилует текущая экономическая литература. Это должно составить предмет специальной работы на основе сконструированного позитивного решения проблемы.

II. *Теория кон'юнктуры в системе марксовской теоретической экономики.* Исходный момент анализа—марксова теоретическая система. Стоящие на точке зрения марксовской теоретической экономики находятся в привилегированном положении. Это положение аналогично

¹ Е. Варга.—«Исследование кон'юнктуры и теории кризисов». «Мировое хозяйство и мировая политика», 1927, № 12.

² Н. Г. Ефимов-Малтапар.—«Кон'юнктура, как предмет экономической теории». Сборн. «Вопросы экономики», вып. 2-й. Научно-исследовательская кафедра по экономике (Харьков). Гос. изд. Украины, 1928. С. работой Н. Г. Ефимова автор ознакомился, когда настоящая статья была уже написана.

или вернее в значительной мере приближается к тому, которое имеет место в точных—естественных либо математических—науках. У нас есть определенная система основных исходных категорий и всякое новое явление, которое попадает в поле нашего зрения мы можем подвергнуть анализу, опираясь на законченную систему понятий. Если мы подходим к построению теории какого-либо нового феномена, мы должны обязательно связать это построение с той системой категорий и законов, при помощи которой мы истолковываем капиталистический хозяйственный процесс и которая должна быть нашей исходной точкой при всяком анализе явления, которое мы впервые делаем объектом своего исследования. Лишь при этих условиях мы можем получить действительно научное истолкование.

Ответ на вопрос о том, что такое кон'юнктура, в чем сущность этого явления, мы получим, если рассмотрим марксово понимание предмета политической экономии, метода ее и той схемы анализа капиталистического хозяйственного процесса, которую Маркс наметил в своем «Введении к критике политической экономии».

На вопросе о предмете политической экономии мы долго останавливаться не будем. Для решения нашей задачи достаточно будет сослаться на соответственные места марксова «Введения»¹ и энгельсовского «Анти-Дюринга»², в которых предмет политической экономии в конечном счете определяется, как капиталистический хозяйственный процесс в единстве его основных моментов—производства, распределения, обмена и потребления.

Второе—это метод. В том же «Введении» Маркс определяет метод познания конкретного капиталистического процесса, как метод восхождения от абстрактного к конкретному. «Как только эти отдельные моменты (разделение труда, деньги, стоимость. А. М.) были более или менее абстрагированы и зафиксированы, экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость—к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении... Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть... способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно, как конкретное»³.

В соответствии с этим Марксом была намечена схема построения теории капиталистического хозяйственного процесса⁴. Схема эта не осуществлена полностью в «Капитале», но в основном Маркс придерживался ее.

Максимальная степень абстракции применена Марксом в I и II томах «Капитала». Модель капиталистического хозяйства, которой

¹ К. Маркс.—«Введение к критике политической экономии». Сборн. «Основные проблемы политической экономии», под ред. и с предисловием Ш. Дволайцкого и И. Рубина. ГИЗ, 1922, стр. 12.

² Ф. Энгельс.—«Философия. Политическая экономия. Социализм. (Анти-Дюринг)». Изд. Петрогр. Сов. Р. и Кр. Деп., 1918, стр. 130 и 133.

³ К. Маркс.—«Введение», стр. 24—25.

⁴ Там же, стр. 33.

оперирует там Маркс, упрощена до последней степени—двухклассовое общество, обмен по стоимости и т. д. В III томе Маркс значительно конкретизирует абстрактную модель первого и второго томов, и дает такую характеристику ступени своего анализа: «...те формы капитала, которые мы описываем в этой книге, шаг за шагом приближаются к той форме, в которой они выступают на поверхности общества, в действии различных капиталов одного на другой, в конкуренции и в обыденном сознании деятелей производства»¹.

В связи с этим стоит вопрос об отношении Маркса к вульгарной экономии, которой он бросал обвинение в том, что она «вращается в сфере видимой внешности этого строя»², «делая предметом анализа общественный процесс воспроизводства в его запутанной конкретной форме»³... Еще более яркая характеристика дана им в III томе: «... Вульгарная экономия... есть не что иное, как дидактический, более или менее доктринерский перевод повседневных представлений действительных агентов производства и... лишь вносит известный разумный порядок в эти представления»⁴. Маркс не устал клеймить вульгарную экономию и неоднократно все снова и снова возвращался к этому как в «Капитале», так и в «Теориях прибавочной стоимости». Обвинения были основаны на том, что вульгарная экономия вращалась в сфере поверхности капиталистического процесса и только этим ограничивалась. Для научной политической экономии Маркс считал необходимым проделать огромную предварительную работу, прежде чем подойти к поверхности явлений, но он не отказывался от анализа этой поверхности, считая ее лишь последним, заключительным звеном исследования. Задача—познание конкретного хозяйственного процесса, путь—восхождение от абстрактного к конкретному. Нам представляется, что обвинения Маркса против вульгарной экономии за ее «поверхностность» сыграли некоторую роль в том нежелании марксистов заниматься конъюнктурой, которое мы отметили выше, поскольку конъюнктура—феномен конкретный *par excellence*.

Если принять намеченное нами истолкование марксова метода,—а иначе этот метод истолковать нельзя,—тогда намечаются, примерно, такие этапы в анализе капиталистического процесса. В первую очередь анализируются основные, простейшие категории: стоимость, деньги, цена, прибыль и т. д.; затем рассматривается процесс воспроизводства в целом. В свою очередь процесс воспроизводства рассматривается в разных аспектах. У Маркса имеются две ступени анализа, совершенно явственно очерченные. Мы думаем, что, следуя методу и указаниям Маркса, следует анализировать процесс воспроизводства на трех ступенях абстракции, и о третьей ступени мы говорим именно в связи с проблемой конъюнктуры.

¹ К. Маркс.—«Капитал», т. III, ГИЗ, 1922, стр. 1—2.

² К. Маркс.—«Капитал», т. I, примеч. 32.

³ К. Маркс.—«Капитал», т. II, изд. «Коммунист», 1918, стр. 446—447.

⁴ К. Маркс.—«Капитал», т. III, стр. 360.

Первая, самая высокая ступень абстракции при анализе процесса воспроизводства в целом,—это та ступень абстракции, на которой Маркс ведет анализ во II томе «Капитала». Здесь дана абстрактная теория воспроизводства. Для анализа Маркс пользуется той моделью капиталистического хозяйственного процесса, о которой мы уже говорили, и показывает условия, в которых происходит процесс развертывания капиталистического хозяйства в предположении, что нет никаких помех. Если оперировать только теми схемами, которые даны Марксом во II томе, если ограничиться только тем анализом, который развернут им в 3-м разделе II тома, тогда получается, что никаких границ для развертывания капиталистического хозяйственного процесса нет и движение может развиваться до бесконечности. Но это лишь первая ступень в анализе и притом наиболее абстрактная ступень. Это—тот уровень анализа, на котором Маркс вскрывает пружину и внутренний механизм движения капиталистического процесса в совершенно идеальных, абстрактных условиях.

Затем Маркс переходит к другой модели. Он осложняет первую ступень абстракции целым рядом конкретизирующих моментов—и производительностью труда, и колебанием цен, и движением кредита, и целым рядом других моментов. На этой ступени абстракции ведется анализ цикла и кризиса. Мы думаем, что должна быть еще одна ступень абстракции, еще более осложненная конкретизирующими моментами, на которой должен вестись анализ конъюнктуры. Это логически вытекает из того понимания марксова метода, о котором мы говорили выше. Таким образом, при анализе процесса воспроизводства в целом мы мыслим себе три ступени абстракции и соответственно—абстрактную теорию воспроизводства, теорию цикла и кризиса и, наконец, теорию конъюнктуры.

Первая контроверза, которая здесь возникает, это контроверза относительно необходимости конструирования разных—теории цикла и теории кризиса. В теоретической экономии имеется течение, которое считает, что двух теорий нет и не должно быть; что должна быть сконструирована одна теория—теория цикла, теория циклического развертывания хозяйственного процесса, которая должна заменить, растворив в себе, прежнюю теорию кризисов. В целом ряде работ—в частности у Афтальона—имеются указания на то, что впервые так был поставлен вопрос у Жюгльера. Формулировка Жюгльера гласит: «... Не исходя ни из какой теории, ни из какой гипотезы, а основываясь только на наблюдении действительных фактов, можно установить закон периодичности кризисов. Существуют эпохи оживления, благополучия и повышения цен, заканчивающиеся всегда кризисом; за ними следуют годы замедления торговли и понижения цен, приводящие промышленность в более или менее угнетенное состояние»¹.

В 1904 году появилась статья В. Зомбарта, который развивал, примерно, ту же точку зрения на необходимость растворения теории

¹ Clement Juglar.—«Des crises commerciales et de leur retour périodique». Paris, 1889, стр. XV.

кризиса в теории цикла¹. Мы не предполагаем дать тщательный детальный перечень тех работ, в которых развивалась точка зрения необходимости растворения теории кризиса в теории цикла. Мы отметим лишь несколько этапов и обращаем внимание на живучесть этих взглядов, а также на то, кто является носителем их и творцом.

В работе А. Афтальона теория растворения сформулирована в следующих выражениях: «...Теперь знают, особенно благодаря Жюгляру, что кризис—лишь один момент целого цикла, который периодически повторяется, момент, правда, наиболее болезненный... Когда предмет будет лучше осознан, меньше будут говорить о кризисах перепроизводства и больше об экономических циклах. В научных работах это второе понимание вытеснит, заменит собою первое»².

В своей работе «Der Moderne Kapitalismus», вышедшей новым изданием в 1924 г., В. Зомбарт снова возвращается к этой теме—«Чаще всего о кон'юнктуре говорят в связи с учением о т. н. «кризисах»; в то время как, с моей точки зрения, следовало бы развернуть прежде всего учение о кон'юнктуре, внутри которого следовало бы трактовать проблему «кризисов», как часть общей проблемы»³.

Кульминирует точка зрения относительно необходимости растворения теории кризисов в теории цикла в новейшей работе W. C. Mitchel'я. Митчель заявляет, что в своей работе он пользуется четырехфазной формулой цикла, причем этими фазами он считает—депрессию, оживление, расцвет и упадок⁴.

Взгляды Митчеля на кризис настолько характерны, его построение настолько закончено и ясно сформулировано, вся сущность «теории растворения» настолько обнажена, что мы считаем целесообразным привести довольно длинную выдержку из его работы.

«Но хотя реальность таких переходов несомненна, вопрос о том, следует ли для обозначения этого перехода сохранить слово «кризис», может вызывать большие сомнения, ибо с этим словом, как в общепринятом употреблении, так и по мнению некоторых отдельных авторов подобных Бунятяну и Туган-Барановскому, ассоциируется представление о напряжении на денежном рынке. Когда такое напряжение едва уловимо, назвать такой переход кризисом представляется уже неточным. Между тем, внимательное изучение ежегодных данных показывает нам, что переходы, не сопровождающиеся напряжением, встречаются часто—чаще даже, пожалуй, чем переходы катастрофического характера. И есть благоприятные указания на то, что постепенные переходы начинают преобладать все больше и больше...

¹ W. Sombart.—«Versuch einer Systematik der Wirtschaftskrisen». «Brauns. Archiv.», Bd. 19, 1904.

² Albert Aftalion.—«Les crises périodiques de surproduction». Paris, 1913, стр. VI.

³ W. Sombart.—«Der Moderne Kapitalismus». 1924, Zweiter Band, 1 Halbband, S. 208.

⁴ «... In this discussion accordingly, business cycles are treated as having four phases—depression, revival, prosperity and recession...» (Wesley C. Mitchel, «Business Cycles», New-York, 1927, Chapter IV, III, 4—«Crises» and «Recessions», p. 381).

... Итак, слово «кризис» является неподходящим термином для обозначения одной из четырех фаз хозяйственного цикла...

... В соответствии с вышесказанным, в настоящем труде для хозяйственных циклов принимаются четыре фазы—депрессия, под'ем, расцвет и упадок. Слово—«кризис» не устранено, но применяется, подобно словам «паника» и «спекулятивный под'ем», для обозначения степени интенсивности фазы. Каждый хозяйственный цикл включает фазу упадка; упадок этот может быть отмечен или же не отмечен кризисом»¹.

У Митчеля кризис исчез не только при анализе текущего периода развития капиталистического хозяйства, когда всеми признается известная модификация прежних форм проявления кризиса; кризис у него исчез и из истории всего предшествующего периода развития капитализма, кризис у него исчез вообще, как феномен. Теория растворения теории кризиса в теории цикла превратилась в растворение кризиса в цикле. С точки зрения «оправдания» капитализма—успех немалый.

На контрверзе относительно теории цикла и теории кризиса мы считаем необходимым остановиться, нужно дать ответ на вопрос о соотношении теории цикла и теории кризиса. Мы считаем, что имеются достаточно веские основания для выделения теории кризиса, поскольку, с нашей точки зрения, кризис в достаточной мере реальный и достаточно специфический феномен капиталистического хозяйственного процесса. Мы уже отмечали, что теория цикла и теория кризиса оперируют одной и той же моделью, рассматривают хозяйственный процесс на одной и той же ступени абстракции—и это сближает обе теории. Но в то же время перед каждой из теорий стоит специфическое задание и по этой линии проходит водораздел между ними. Теория кризисов должна об'яснить специфическую форму разрешения накапливающихся в движении капиталистического хозяйственного процесса противоречий². Теория цикла должна нам дать об'яснение не только остальных, кроме кризиса, фаз, но, и это самое главное, и об'яснить переход, трансформацию одной фазы в другую. Задачи разные. Разумеется, нельзя оторвать одной теории от другой. Нельзя об'яснить кризис, не имея в виду весь механизм

¹ У. К. Митчель.—«Цикличность колебаний кон'юнктуры и их международный характер». («Вопросы кон'юнктуры», т. III, вып. 1-й, стр. 4—6).

² Нельзя признать удачным определение кризиса, которым оперирует тов. С. Губерман в своей статье: «Проблема экономических кризисов», см. «Социалистическое хозяйство», 1927, кн. IV, стр. 18. Тов. Губерман заявляет: «мы определяем понятие кризиса, как всеобщий (для одной или нескольких стран) поворот вниз кон'юнктуры, независимо от того, носит ли этот поворот обрывистый или постепенный характер». Не говоря уже о том, что это определение весьма близко подходит к Зомбартовскому—ср. в частности «Der Moderne Kapitalismus», Zweiter Band, Erster Halbband, 1924, стр. 211—212, и Афтальоновскому—ср. «La crise est le point d'intersection de ces deux périodes, le point où a lieu le passage de la prospérité à la dépression. (A. Aftalion, «Les crises périodiques de surproduction», Paris, 1913, p. VI), но и по существу это определение не отмечает самой специфической, характерной особенности феномена.

цикла, нельзя об'яснить цикл, не имея в виду одного из существеннейших и наиболее специфических моментов развертывания цикла—кризиса. Теория цикла и теория кризиса не отделены китайской стеной друг от друга, но все же у каждой свой специфический объект и своя особая задача.

Если мы до сих пор приводили принципиальные, научные основания для различения обеих теорий, то наряду с ними имеются и тактические соображения, которые в боевой, революционной теории нельзя игнорировать. Ведь совершенно ясно, что теория Митчеля, которая элиминирует такой феномен, как кризис, из истории развития капиталистического хозяйства, растворяя его в цикле и кон'юнктуре,—что эта теория является апологетической, извращающей фактическую картину течения хозяйственного процесса, притупляющей те острые противоречия, которые имеются в этом движении; она дает неправильное описание и в связи с этим неправильное истолкование капиталистического процесса. Мы полагаем, что мотивы того и другого порядка достаточны для выделения теории кризиса и «нерастворения» ее в теории цикла.

В работах ряда авторов усиленно подчеркивается, что первым, вскрывшим циклический характер хозяйственного процесса, был Жюгляр¹, работа которого первым изданием вышла в 1860 г., вторым— в 1889 г. Для марксистской теории проблема цикла не является новостью. Уже в «Капитале», в I томе, вышедшем в 1867 г. Марксом с исчерпывающей полнотой был сформулирован циклический характер движения капиталистического хозяйственного процесса, причем, в работах Маркса имя Жюгляра не упоминается. Теория цикла была естественным этапом в исследовании Маркса, логически вытекавшим из всего анализа в целом. Совершенно определенная формулировка дана Марксом в предисловии ко 2-му изданию первого тома «Капитала»: «... Полное противоречий движение капиталистического общества более всего дает себя чувствовать практику-буржуа в превращениях того периодического цикла, который проходит современная промышленность и высшую степень которого представляет всеобщий кризис»...

Еще ярче формулировка двадцать третьей главы—«Всеобщий закон капиталистического накопления»—первого тома «Капитала»: «...Как небесные тела, будучи раз приведены в известное движение, постоянно его повторяют, так и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, также постоянно повторяет его. Действия, в свою очередь, становятся причинами и различные перипетии всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности. Но только с того момента, что машинное производство, ставшее достаточно глубокие корни, стало оказывать подавляющее влияние на все национальное производство... только с того момента начались

¹ Ср., напр., Albert Aftalion, цит. раб., стр. VI; Eugen Altschul, цит. раб., стр. 61 и др.

повторяющиеся циклы, фазы которых обнимают целые годы и которые упираются всегда в общий кризис, завершающий один цикл и являющийся отправной точкой для другого¹.

В дополнение к этим формулировкам, устанавливающим циклический характер капиталистического процесса, в III томе «Капитала» имеются указания на периодизацию самого цикла: «Если мы рассмотрим те циклы оборотов, в которых движется современная промышленность,—состояние покоя, возрастающее оживление, расцвет, пере-производство, крах, застой, состояние покоя и т. д., циклы, дальнейший анализ которых выходит за пределы нашего исследования»².

Проблема цикла и проблема кризиса были поставлены Марксом, причем он не «растворял» одной проблемы в другой и дал достаточно материала для об'яснения как одного, так и другого феномена, имманентного капиталистическому способу производства в его развертывании.

Если разграничение—при всей их связанности—между проблемой цикла и проблемой кризиса намечается вполне явственно, то в чем заключается *differentia specifica*, которая отличает—при анализе процесса воспроизводства—круг явлений, который мы обозначаем, как явления кон'юнктурные? Мы думаем, что первый шаг в этом направлении будет в дальнейшем усложнении абстрактной модели капиталистического хозяйственного процесса, которой мы оперируем в своем анализе. При построении абстрактной теории воспроизводства, при анализе цикла и кризисов Маркс включает в модель хозяйственного процесса только одну экономическую формацию—капиталистическую. Прочие же, докапиталистические, формации элиминируются. Основания для этого—достаточны. Во «Введении к критике...» у Маркса имеются указания на то, что любая общественная формация, любое капиталистическое хозяйство представляет собой комплекс различных экономических формаций. Капиталистическое общество характеризуется тем, что капиталистическая формация является в нем господствующей и имеет тенденцию к экспансии своего господства и к подчинению себе других формаций, окрашивая их в собственные ей самой краски. Явление экономической мимикрии характерно и для человеческого общества, как способ самообороны. Для анализа цикла и кризиса пользоваться односекторной чисто капиталистической моделью вполне законно. Выявление и об'яснение законов движения капиталистической формации есть в то же время выявление и об'яснение законов движения всей системы в целом, поскольку движение капиталистической формации определяет движение прочих формаций, увлекая их в своем движении. Для решения тех задач, которые мы себе ставим при построении абстрактной теории воспроизводства, теории цикла и кон'юнктуры односекторная модель вполне достаточна. Иное дело, когда мы переходим на следующий этап, когда мы делаем следующий шаг в сторону приближения к поверхности хо-

¹ К. Маркс.—«Капитал», т. I, СПб, 1899, стр. 532—533.

² К. Маркс.—«Капитал», т. III, изд. 1922, стр. 345.

зяйственного процесса. В этих условиях односекторная чисто-капиталистическая модель недостаточна. Можно было бы привести следующую аналогию. При анализе цены мы на определенной ступени можем оперировать только категорией стоимости, и, следовательно, чисто-капиталистической моделью. Но, когда мы через рыночную стоимость и цену производства переходим к цене и хотим дать объяснение движению цен в определенной области, в определенный период, нам придется свою модель усложнить и привлечь ряд моментов, от которых можно было отвлечься на первой ступени анализа, причем, в ряде случаев а priori можно сказать, необходимо будет привлечение докапиталистических формаций. При анализе же конъюнктуры, при котором, в нашем понимании, мы имеем дело с хозяйственным процессом в целом, включение не-капиталистических формаций—в условиях конкретного, реально-существующего капитализма—является совершенно необходимым.

В этой методологической предпосылке, в построении схемы—той абстрактной модели, на которой мы ведем анализ—уже в этом, частично, заложено отличие, которое имеется между объектом анализа, с которым мы имеем дело при исследовании кризисов и цикла, и тем объектом, который мы анализируем при конъюнктурном исследовании.

Мы не считаем нужным специально останавливаться на том, что объектом анализа общей теории воспроизводства является единый хозяйственный процесс. Никакого разрыва между теориями и их самостоятельного, автаркического существования мы себе не мыслим. Изолированное друг от друга построение их невозможно. Предмет анализа—единый хозяйственный капиталистический процесс; анализируем мы его на разных ступенях абстракции под углом зрения решения разных задач, которые мы себе ставим в процессе анализа. Абстрактная теория воспроизводства, теория цикла, теория кризиса и теория конъюнктуры суть части единой общей теории воспроизводства, объектом которой является единый хозяйственный процесс в его конкретной данности, а предпосылкой—система развитых Марксом основных категорий. Разные ступени анализа нам нужны для того, чтобы вскрыть сущность процесса и понять внешнюю «поверхностную» форму его проявления.

В связи с проблемой конъюнктуры находится существеннейшая проблема соотношения абстрактной теории и конкретного процесса—проблема границ нашего теоретического познания в применении его к истолкованию конкретных явлений. Здесь мы должны искать ответ на вопрос о заполнении той пропасти, которая лежит между абстрактной теорией и течением конкретного процесса, который теория должна объяснить, мало того, должна помочь воздействовать на него. Несмотря на различные цели, которые ставит себе господствующий класс в условиях диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии, общественно-экономическое развитие достигло той ступени, когда необходимость воздействия на течение хозяйственного процесса осознается и в условиях капиталистических—в целях укрепления господства и извлечения прибыли, и в условиях переходного периода—

в целях построения социализма. Конъюнктурные наблюдения и теория конъюнктуры открывают некоторые возможности в области воздействия на хозяйственный процесс. Отсюда тот повышенный интерес к конъюнктуре, под знаком которого развиваются экономические исследования последнего времени.

Резюмируем. Теория конъюнктуры может быть сконструирована. Она должна составить часть общей теории воспроизводства, распадаящейся на абстрактную теорию воспроизводства, на теорию цикла и теорию кризисов, оперирующие, примерно, одной и той же абстрактной моделью капиталистического хозяйственного процесса, несколько усложненной и конкретизированной по сравнению с моделью, которой оперирует абстрактная теория воспроизводства и, наконец, на теорию конъюнктуры, которая объектом исследования берет следующее приближение к самой поверхности хозяйственного процесса—модель, имеющую своей составной частью—в конкретных условиях реального капитализма—и не-капиталистические формации.

III. *Сущность конъюнктуры.* От вопроса о том, какое место занимает или, вернее, должна занимать теория конъюнктуры в теоретической системе Маркса, мы переходим к следующему вопросу—к вопросу о сущности конъюнктуры. После развернутых нами методологических предпосылок сам собой напрашивается ответ на вопрос, что такое конъюнктура. Мы уже отмечали, что в существующей экономической литературе нельзя найти двух авторов, которые одинаково отвечали бы на этот вопрос. Каждый высказывающийся дает свой ответ, который так или иначе отличается от других ответов. Тем важнее попытаться наметить марксистское решение вопроса, которое должно соответствовать духу марксовой системы в целом.

Если правильна позиция, занятая нами в методологических предпосылках, если конъюнктуру нужно рассматривать в определенном аспекте процесса воспроизводства, тогда наиболее общим определением этого явления было бы определение такого порядка: *конъюнктура—это процесс воспроизводства in concreto.*

Следующие моменты характерны для определения феномена конъюнктуры. Во-первых, конъюнктуру мы связываем с процессом воспроизводства. Во-вторых, о конъюнктуре мы говорим тогда, когда речь идет о процессе воспроизводства в его конкретном проявлении. Третий момент, который весьма важен с точки зрения характеристики явления конъюнктуры это—рассмотрение хозяйственного процесса, как системы элементов, находящейся в движении. В одном из наиболее ранних определений конъюнктуры, данном Лассалем, правильно отмечена это весьма важная и характерная черта анализируемого нами феномена. Эта связующая лента общественных взаимных связей, эта цепь, которая все существующие, неизвестные обстоятельства связывает между собой, называется в нашем меркантильном мире—«конъюнктурой». И дальше в примечании Лассаль добавляет: «Conjunctio rerum omnium (соединение, связь существующего) называли римские и греческие стоики орфическую, «неразрывную ленту» цепь судьбы, негативно связывающую и определяющую все бытие

(см. Heraklit, ч. I, стр. 374—379)¹. Мы придаем особое значение именно этому третьему моменту, отмечающему «связь всех вещей», указывающему на то, что при анализе конъюнктуры речь идет о системе, в которой все элементы связаны и находятся в определенной зависимости друг от друга. Следующий момент, который должен быть отмечен при характеристике феномена конъюнктуры это—включение в систему хозяйственного процесса на-ряду с капиталистической и не-капиталистических формаций, о чем мы уже говорили в предшествующем разделе. Для капиталистического хозяйства при анализе конъюнктуры мы должны включить в систему хозяйственного процесса, по меньшей мере, две экономические формации—капиталистическую и простую товарную.

Само собой вытекает из нашего определения, т. е. из определения конъюнктуры, как капиталистического процесса воспроизводства *in concreto*, что мы имеем дело с явлением динамического характера, поскольку мы имеем дело с процессом. Постоянные споры по вопросу о статическом и динамическом моменте в определении конъюнктуры отпадают в отношении нашего определения, поскольку в нем учтен момент движения.

Есть еще один момент, который следует иметь в виду при характеристике феномена конъюнктуры. В целом ряде определений конъюнктуры мы находим указания на явления колебаний, колебательные движения—ср., например, определение тов. Осинского: «пульсация» и т. д. Постоянное изменение внешних отношений, постоянное движение той внешней формы, в которой протекает капиталистический процесс—момент хотя и второстепенный, но все же характерный для явления конъюнктуры, как объекта теоретического анализа.

Поскольку капиталистический хозяйственный процесс имеет циклическую форму движения, постольку, очевидно, существует связь между явлениями конъюнктурного порядка и циклом. Мы уже касались разграничения конъюнктуры и цикла, теории конъюнктуры и теории цикла. Здесь мы коснемся соотношения цикла и конъюнктуры. Нам мыслится это соотношение в таком виде: когда мы говорим о конъюнктуре, мы всегда при этом должны мыслить себе и цикл с каким-то коэффициентом—дробным или целым. Если мы говорим о конъюнктуре в какой-нибудь стране, мы можем говорить о конъюнктуре на протяжении данного месяца, года, пяти, десяти лет и т. д. В таком случае речь может идти о том, что мы рассматриваем капиталистический процесс воспроизводства в его внешнем проявлении, либо как отрезок цикла, если речь идет о конъюнктуре месяца, года и т. п.; либо данный отрезок процесса воспроизводства может совпасть с циклом; либо, если мы в поле своего зрения возьмем 10—20-летний и т. п. отрезок, тогда вопрос будет идти о рассмотрении конъюнктуры на протяжении 2, 2½, 3 и т. д. циклов. Связь между конъюн-

¹ F. Lassale.—«Herr Bastiat-Schulze v. Delitsch». Reden und Schriften, Leipzig, 3 т., стр. 29. Ср.—проф. Вильгельм Ренке, «Конъюнктура», изд. НКФ СССР, Москва, 1927, стр. 11.

ктурными явлениями и циклами необходимо отметить. Нельзя анализировать конъюнктуру в условиях капиталистического хозяйства, не связав этого анализа с анализом цикла. Первый этап анализа—определение фазы цикла, либо целого цикла, либо ряда циклов—в зависимости от отрезка времени, на котором мы рассматриваем конъюнктуру. После того как проделан этот первый этап, можно перейти к самой поверхности явлений—к анализу сочетания элементов хозяйственного процесса в систему на данном отрезке времени.

Таковы те характерные моменты, которые должны быть отмечены, когда мы устанавливаем сущность и природу конъюнктурных явлений.

Для уточнения нашего определения нужно указать, что конъюнктура в нашем понимании ассоциируется с хозяйственным процессом, берущимся в масштабе либо народного, либо мирового хозяйства. Лишь народно-хозяйственные явления либо явления мирового хозяйства могут быть объектом теоретического конъюнктурного анализа.

Мы не будем здесь останавливаться на определении понятий народного и мирового хозяйства. Известно, что на эту тему имеется обширная литература, но до настоящего времени так же, как и по вопросу о конъюнктуре, нет решения вопроса, которое могло бы объединить достаточно большой круг исследователей. Для нашего анализа не столь уже существенно точно определить, что такое мировое хозяйство, уложить это определение в краткую сжатую формулу. Для анализа конъюнктуры достаточно исходить из факта существования мирового хозяйства и народного хозяйства, из констатирования, что то и другое представляет собой систему, что одно отличается от другого природой связей, которая существует между элементами, на которые распадается каждая из систем. По линии природы связей и природы элементов, которые сочетаются в систему, лежит основное разграничение между мировым и народным хозяйством. Поскольку для понятия конъюнктуры характерным моментом является рассмотрение хозяйственного процесса, как системы, постольку с понятием конъюнктуры ассоциируется представление о мировом хозяйстве, либо народном, ибо лишь в этом случае мы имеем дело с развернутой системой.

В связи с этим нам представляется неправильной постановка вопроса некоторыми экономистами, в частности, Касселем, когда они говорят о влиянии конъюнктуры на производство, на цены и т. п. С нашей точки зрения производство, труд, цены и т. д.—составные части того объекта, который мы анализируем, когда анализируем конъюнктуру. Дело обстоит не таким образом, что конъюнктура объект—сам по себе, производство, цены и т. п.—сами по себе. Конъюнктуру нельзя противопоставлять ценам, труду и т. п., ибо, поскольку конъюнктура процесс воспроизводства *in concreto*, постольку и производство, и цены, и труд и т. д.—элементы системы хозяйственного процесса, вне которых и самый процесс не существует.

Мы считаем целесообразным остановиться еще на одном моменте для уяснения той интерпретации явлений конъюнктуры, которую

мы здесь дали,—на сопоставлении динамики кон'юктур народного или мирового хозяйства за какой-нибудь период и истории народного или мирового хозяйства за тот же период. В чем тут разница? По какой линии лежит разграничение между динамикой кон'юктур в Англии за какие-нибудь 20 лет,—скажем, с 1850 до 1870 г.—и историей народного хозяйства Англии за тот же период? Нам думается, что разница определяется тем, где лежит центр тяжести исследования, так как объект анализа—один и тот же. Если исходить из нашего понимания кон'юктур, то центр тяжести исследования переносится на анализ системы, на выявление связей отдельных элементов, сочетающихся в систему хозяйственного целого, между тем, как в историческом исследовании мы не фиксируем своего внимания на этом моменте. Кроме того, давая историю народного хозяйства, мы описываем и объясняем развитие его, включая в поле своего зрения ряд таких моментов, которые нас совершенно не интересуют при кон'юктурном исследовании, например, развитие тех или иных торговых институтов, организационную структуру в разных отраслях народного хозяйства и т. п.

Вся совокупность отмеченных моментов позволяет, на наш взгляд, выделить явления кон'юктур, как явления *sui generis*, из целого ряда других, смежных, и сделать их объектом специального изучения.

Против нашего определения кон'юктур, как процесса воспроизводства *in concreto*, может быть выдвинуто возражение относительно его общности. Если принять наше определение, то из него следует, что о кон'юктуре можно говорить и в условиях простого товарного хозяйства, и в условиях натурального хозяйства, ибо процесс воспроизводства имеет место в условиях и этих формаций. Мы полагаем, что характеристикой «капиталистической»—капиталистический процесс воспроизводства *in concreto*—мы ослабляем возможный упрек. Но, кроме того, при попытках определить феномен кон'юктур мы находимся в тех же условиях, как и при пользовании любой категорией политической экономии. Так, например, одна из наиболее универсальных категорий и капиталистического хозяйства, и политической экономии, объясняющей это хозяйство—это категория цены. Между тем, этим понятием мы пользуемся и в отношении простого товарного хозяйства, и в условиях экономики переходного периода, давая себе ясный отчет в том, что, с точки зрения марксистской теории, во всех этих формациях за категорией цены кроется весьма разное содержание. В то же время мы констатируем, что до сих пор еще не выработалось специальных терминов для обозначения «цены» в разных экономических формациях. «Кон'юктура» разделяет участь прочих экономических понятий. Объектом теоретического анализа является процесс воспроизводства *in concreto* в условиях капиталистического хозяйства.

IV. *Наблюдение кон'юктур и теория кон'юктур.* Нужно различать теорию кон'юктур и наблюдение кон'юктур. Это—совершенно разные вещи. Теория кон'юктур должна нам подсказывать,

что мы должны наблюдать. Теория кон'юктур должна опираться на всю систему теоретической экономии. Вне этого нельзя даже ставить вопрос о кон'юктурных наблюдениях. Здесь мы должны искать ответ на вопрос о том, что должно быть в поле нашего зрения, когда мы хотим поставить кон'юктурные наблюдения.

Наблюдение кон'юктур состоит в констатации определенных фактов в области, указанной теорией; в количественной статистической характеристике элементов хозяйственного процесса; в выявлении эмпирических закономерностей на фоне вскрытых абстрактной теорией воспроизводства законов. Само собой разумеется, что при марксистском анализе обязательным является диалектический метод исследования: кон'юктура, как момент той или иной деятельности процесса воспроизводства *in concreto* рассматривается в движении, как результат предшествующего развития и зародыш будущего. Когда факты установлены и систематизированы, когда отдельные элементы приведены в систему, отражающую конкретный хозяйственный процесс, теория должна дать им объяснение.

Мы считали необходимым остановиться на этом разграничении между теорией кон'юктур и наблюдением кон'юктур, так как часто ряд недоразумений получается вследствие того, что смешивают то и другое.

V. *Элементы теории кон'юктур.* То, что в настоящее время называется теорией кон'юктур, представляет собой все, что угодно, но только не теорию кон'юктур. Под названием «теория кон'юктур» можно найти и теорию цикла, и теорию кризисов, и абстрактную теорию воспроизводства, и смесь и того, и другого, и третьего. Так, в недавно вышедшей библиографической работе по вопросам кон'юктур¹ имеется раздел «Общие проблемы хозяйственной кон'юктур», и в нем вы найдете и работу Булгакова «О рынках», которая трактует вопросы абстрактной теории воспроизводства—и только, и такую работу, как книга П. Маслова «Наука о народном хозяйстве», где нет ни одного слова о кон'юктуре, и Дж. Ст. Милля—«Основания политической экономии»—работу, которую можно на таком же основании включить в раздел «Общие проблемы хозяйственной кон'юктур», на каком—будучи последовательным—следовало бы включить в этот раздел всех предшественников и эпигонов Милля, писавших на какие бы то ни было экономические темы.

Теории кон'юктур в собственном смысле слова, как теории феномена *sui generis*, у нас нет. В частности, нет марксистской теории кон'юктур. Что должно было бы составить содержание этой теории,

¹ В. Э. Шпринк,—«Библиографический указатель по вопросам хозяйственной кон'юктур». Труды Научно-исследовательского Института сельско-хозяйственной экономии. Изд. «Новый аргоном», М., 1928. (Автор настоящей работы не чувствует себя вполне свободным от упрека: в сборнике «Проблема рынка и кризисов», вышедшем под редакцией моей и И. А. Трахтенберга, не проведено, в частности, в отделе библиографии достаточно четкого разграничения проблем. Положения, развиваемые в настоящей статье,—результат продолжающейся работы автора в области вопросов общей теории воспроизводства. А. М.)

какие элементы этой теории можно было бы наметить? Если принять наше определение кон'юнктуры, если исходить из намеченного разграничения тех аспектов, под углом зрения которых мы должны изучать единый конкретный процесс воспроизводства, то на долю того, что можно было бы назвать теорией кон'юнктуры, придется ряд проблем, отчасти намеченных, но неразработанных Марксом. Так, Маркс дал подход к анализу конкуренции, но не разработал этой темы. Между тем, когда мы, анализируя кон'юнктуру, поднимаемся на самую поверхность капиталистического хозяйственного процесса, нам необходимо иметь разработанную теорию конкуренции. Нет у нас марксистской разработки проблемы монополии, проблемы спроса и предложения. Пока речь шла о вскрытии внутренних пружин и основных законов капиталистического хозяйственного процесса, можно было обходиться без этих разделов. Но если мы ставим проблему кон'юнктуры, необходима разработка этих разделов, и притом марксистская, увязанная со всей марксовой системой. На-ряду с этими проблемами можно было бы назвать и ряд других, которые должны быть разработаны, как части теории кон'юнктуры. Так, если проблемы сущности денег, сущности кредита разрабатываются в общей теории, то целый ряд вопросов денежного обращения и роли кредита в сложных условиях конкретной действительности—в теоретической разработке—должен быть поставлен в разделе общей теории воспроизводства, посвященном теории кон'юнктуры. Особняком стоит, но должна быть включена в теорию кон'юнктуры проблема экономических показателей—проблема, находящаяся на стыке экономической теории и статистики, в частности, математической.

Мы не пытаемся перечислить все разделы, подлежащие включению в теорию кон'юнктуры; мы намечаем лишь примерно круг и характер вопросов, подлежащих разработке в марксистской теории кон'юнктуры. Мы считаем, что та разработка этих проблем, которая имеется уже сейчас и которая приурочивалась к объяснению либо абстрактной теории воспроизводства, либо теории цикла и теории кризисов, что эта разработка не находится еще на той ступени конкретизации, которая нам нужна при анализе кон'юнктуры. То, что мы имеем сейчас в области отмеченных нами разделов, достаточно для объяснения циклического движения хозяйственного процесса, достаточно для объяснения кризисов. Но этого оказывается уже мало, когда мы в пределах цикла берем определенный отрезок, устанавливаем сочетание элементов хозяйственного процесса в определенную систему и хотим определить, почему элементы хозяйственного процесса сложились именно в такую систему,—а это именно и составляет задачу теории кон'юнктуры.

VI. *Проблема кон'юнктуры в условиях переходного периода.* Переходим к последнему разделу—к вопросу о кон'юнктуре в условиях переходного периода. Мы ставим этот вопрос, хотя и считаем, что анализ этой проблемы должен был бы составить содержание специальной работы. Но мы считаем невозможным, поставив проблему

кон'юнктуры, не затронуть постановки этой проблемы у нас, в наших специфических условиях. Задача разработки этой проблемы весьма актуальна, и по мере развития планирования и планового овладения хозяйством, задача эта все настойчивее требует своего разрешения.

Мы считаем, что наше определение кон'юнктуры в условиях капиталистического хозяйства—капиталистический процесс воспроизводства *in concreto*—модифицируется при перенесении этой категории в наши условия в том смысле, что кон'юнктура в СССР это—процесс воспроизводства переходного периода *in concreto*: прежнюю формулу заполняет новое содержание—место капиталистического хозяйственного процесса заступает хозяйственный процесс переходного периода,—прежняя оболочка скрывает новое содержание. Но метод исследования кон'юнктуры тот же самый: при исследовании кон'юнктуры мы должны анализировать процесс воспроизводства в его конкретном проявлении, рассматривая хозяйственный процесс, как систему связанных между собой элементов, включая в объект исследования на-ряду с господствующей экономической формацией и другие формации.

При постановке вопроса о кон'юнктуре, как объекте теоретического анализа, весьма важно иметь в виду необходимость комплексного рассмотрения хозяйственного процесса, рассмотрения хозяйственного процесса, как единого целого, как системы, между элементами которой теснейшая, неразрывная связь. На-ряду с этим, специфическая особенность кон'юнктуры СССР, как объекта теоретического анализа, в структуре абстрактной модели хозяйственного процесса. Если для кон'юнктуры в условиях капиталистических характерна двухсекторная модель, включающая капиталистическую и простую товарную формацию, то для данной ступени развития СССР характерна трехсекторная модель, включающая обобществленный, господствующий сектор, и на-ряду с ним—капиталистический и простой товарный секторы. Наличие обобществленного сектора накладывает на хозяйственный процесс специфическую печать переходности к социализму; наличие капиталистического и простого товарного секторов вносит те элементы стихийности, которые одни только и создают предпосылки кон'юнктуры в условиях переходного периода.

Когда мы ставим вопрос о кон'юнктуре в условиях переходного периода, нас могут обвинить в непоследовательности. Ведь в первой части, говоря о теории кон'юнктуры в капиталистических условиях, мы намечали ее, как заключительное звено большого предварительного теоретического исследования, включающего и теорию основных категорий капиталистического хозяйства, и абстрактную теорию воспроизводства, и теорию цикла, и теорию кризисов. Не слишком ли мы спешим, ставя вопрос о построении теории кон'юнктуры в наших условиях, когда, как известно, у нас отсутствует общая теория экономики переходного периода и мы переживаем в этой области период исканий?

Разумеется, было бы весьма хорошо, если бы можно было дать кому-либо задание разработать общую теорию советского хозяйства, и на этом фундаменте начать строить теорию конъюнктуры. Но пока этого нет, а жизнь настойчиво требует ответа как раз на ряд таких вопросов, ответа на которые нужно искать в области конъюнктуры. Очевидно, работа в этих областях будет идти одновременно и параллельно. В те категории, на которые приходится опираться при построении конъюнктуры, как на данности, придется вкладывать содержание, не всегда, быть может, нас удовлетворяющее, и вносить поправки в наше построение по мере того, как будет уточняться и углубляться наше познание основных предпосылок.

При построении теории переходного периода у теоретиков советской экономики есть одно весьма существенное преимущество по сравнению с теоретиками капиталистического хозяйства: они освобождаются от необходимости давать весьма сложный и трудный раздел общей теории воспроизводства, а именно, раздел, посвященный теории цикла и теории кризисов. Мы считаем одним из наиболее специфических моментов, отличающих конъюнктуру в наших условиях от конъюнктуры в капиталистических условиях—отсутствие предпосылок для циклического характера движения нашего хозяйственного процесса, циклического—в стиле капиталистического процесса со включением характернейшего момента цикла—кризиса.

Мы находимся на той ступени планового овладения хозяйством, когда, имея в своих руках командные высоты, мы можем, опираясь на конъюнктурные наблюдения, предотвращать вызревание в кризис назревающих время от времени и несомненно имеющих место в движении хозяйственного процесса противоречий. Тем самым устраняется в условиях нашего хозяйства неизбежная и необходимая циклическая форма движения, которая имманентна капиталистическому хозяйственному процессу, и вместе с ней выпадает и кризис, как необходимая фаза ее. Неправильно было бы истолковывать наш тезис о бескризисном и нециклическом характере хозяйственного процесса в наших условиях в том смысле, что мы представляем себе течение этого процесса совершенно плавным, без шероховатостей. Опыт истекшего периода недвусмысленно говорит о том, что в нашем хозяйственном процессе имеют место явления кризисного характера; но это именно—явления кризисного порядка, а не кризисы, и, во-вторых, у нас есть возможность не давать развиваться этим накапливающимся противоречиям и нарастать до такой степени, когда они могут получить свое разрешение лишь в форме кризиса. Двоякого рода моменты, тесно между собой связанные, создают эту возможность. Во-первых, владение командными высотами, которые позволяют нам властно вмешиваться в течение хозяйственного процесса; во-вторых, от потрясений кризиса нас гарантирует метод хозяйствования—планирование. В плане мы заранее намечаем течение хозяйственного процесса, ставя себе определенные задачи. Мы стремимся подчинить решению этих задач развитие

отдельных составных частей целого—экономики переходного периода. В этом—одна из специфических особенностей нашей экономики.

По существу дела, для того, чтобы говорить об особенностях конъюнктуры в наших условиях, нужно было бы развернуть целиком характеристику экономики переходного периода, дать развернутую теорию этой экономики, и лишь на фоне такого объяснения нашего хозяйства можно было бы получить развернутую постановку проблемы конъюнктуры. Поскольку этого пока нет, мы ограничиваемся небольшими предварительными замечаниями, которые все же указывают, в каком направлении следует повести теоретическую разработку проблемы конъюнктуры в условиях советского хозяйства.

По двоякого рода причинам конъюнктурные наблюдения и неразрывно связанная с ними теория конъюнктуры должны играть у нас совершенно исключительную роль. Первая причина—планирование в смысле воздействия на ход процесса воспроизводства—немыслимо без дополнения его конъюнктурными наблюдениями. В систему нашего хозяйства включены элементы стихийного характера—капиталистическая формация и простое товарное хозяйство. Поскольку народное хозяйство Союза находится в связи с капиталистической системой мирового хозяйства, постольку на нем не может не отражаться, хотя бы и в ослабленном виде, циклическое движение внешней среды. Логика развития экономики переходного периода в условиях капиталистического окружения и наличие стихийных элементов внутри самой системы приводит к некоторому разрыву между планами и их выполнением.

Возьмем последний отрезок нашего хозяйственного развития. Мы имеем дело с планами в масштабе народного хозяйства—контрольные цифры на 1925/26 г., 1926/27 г. и 1927/28 г. Если сравним контрольные предположения, которые в современных условиях по существу являются плановыми наметками, с выполнением, то придется констатировать, что между ними имеется разрыв, в отдельных случаях даже весьма значительный. Разрыв этот—результат наличия тех сил, о которых мы говорили, и которые пока медленно поддаются нашему воздействию. Мы на них воздействуем, заставляем развиваться в том направлении, которое нам нужно для реализации задач социалистического строительства, стоящих перед нами, но силы, о которых мы говорили, имеют и свою инерцию движения,—и получается разрыв между планом и действительностью.

Конъюнктурные наблюдения и должны в любой момент держать нас в курсе отклонений от намеченной линии для того, чтобы во-время можно было приостановить слишком сильное отклонение в сторону, дать другое направление течению хозяйственного процесса: Конъюнктурные наблюдения—вахта, которая сигнализирует вызревание нарастающих в процессе хозяйственного развития противоречий до степени, угрожающей равновесию системы. Конъюнктурные наблюдения подсказывают момент и характер маневра, которым дополняется в практике реализации плана плановое воздействие на течение

хозяйственного процесса. Отсюда, бесспорно действенная роль конъюнктурных наблюдений, как дополнения к необходимой составной части планового ведения хозяйства.

С другой стороны, для построения планов огромное значение имеет работа, связанная с конъюнктурными наблюдениями, особенно, если мы эту работу дополним теоретическим осознанием результатов конъюнктурных наблюдений. В планировании народного хозяйства одним из труднейших моментов является составление плана. До сих пор в области построения плана мы кустарничаем. Мы стремимся к тому, чтобы план строился на научном основании. Но, если проанализировать работу по построению планов за истекший период, то легко вскрыть, что пока нет еще никакой науки о том, как строить план. Эмпирически нащупываем мы те линии, которые об'ективируются затем в плане в виде директив и лимитов. Всякий народно-хозяйственный план должен включать, как необходимую составную часть, народно-хозяйственное целое, как систему элементов. Как минимум, во всяком плане, особенно на короткий отрезок времени—год, три года, пять лет—народное хозяйство, как система находящаяся в определенном сочетании элементов, должна быть дана на начальный и конечный момент периода, на который строится план. В плане должен быть отражен процесс воспроизводства—состояние народного хозяйства в исходный момент и та модификация в отношениях элементов, которая должна наступить в результате реализации намеченных в плане директив и реализации поставленных в плане заданий.

В плане мы даем директивы качественного характера. Но нельзя ограничиваться исключительно этими директивами; они должны получить и количественное, цифровое выражение. Мы не можем игнорировать цифровое выражение в плане, какой-то минимум цифр нам во всяком случае нужен. Нельзя ограничиться в контрольных цифрах или пятилетке указанием—«развивайте промышленность». Нужно указать темп, наметить об'ем продукции. Мало того, нужно, хотя бы в самых общих чертах, наметить распределение продукции: сколько и что именно пойдет на транспорт, в сельское хозяйство, останется в самой промышленности и т. д.

При построении плана мы оперируем конкретными элементами; конкретные элементы мы должны приводить в систему, когда строим план. Это роднит работу по построению планов с работой по конъюнктуре. И при теоретическом анализе конъюнктуры, и при построении плана мы оперируем экономическими элементами, после самой незначительной абстрактной их обработки. Разница между теоретическим анализом конъюнктуры и составлением плана сводится к тому, что в первом случае мы изучаем сложившуюся систему, анализируем выкристаллизовавшиеся изменения, производим исследования об'ективных данностей; во втором случае—наша задача творческого характера: исходя из определенной системы, как данности, наметить новое сочетание элементов в систему через определенный промежуток времени.

Совершенно ясно, что если будет сконструирована теория конъюнктуры, которая об'ясняет, хотя бы по отношению к прошлому и настоящему, сочетание элементов именно в такую, а не иную систему, об'ясняет природу связей, скрепляющих элементы в единую систему, то уже в этом мы получим весьма основательную точку опоры для построения планов. Наряду с работой над общей теорией экономики переходного периода одновременно должна вестись и работа над теорией конъюнктуры, ибо здесь заложена возможность подведения теоретического, научного фундамента под новый и в то же время основной метод хозяйствования пролетариата—планирование.

Задача планирования—задача весьма конкретная. Если мы наметим контрольные цифры на год, и ставим вопрос об эмиссии, как об одном из элементов плана, мы должны наметить размеры ее и обосновать, почему они должны быть такими именно, а не иными. Без теории денег нельзя и подойти к решению этой задачи. Но от общей теории денег к ответу на вопрос о конкретных размерах эмиссии в данных конкретных условиях—огромная дистанция. Первый приближением является ответ на этот вопрос, который должна дать теория конъюнктуры, оперирующая элементами хозяйственного процесса на самой низкой ступени абстракции.

До тех пор пока мы не получим точки опоры в теоретических выводах, касающихся области, наиболее близко соприкасающейся с планированием, построение наших планов и само планирование будет строиться на весьма зыбком основании. Разумеется, нельзя откладывать построение планов до того момента, когда будет создана теория, на которую можно будет опереться. Мы должны планировать и не можем не планировать в силу специфической природы хозяйственного процесса в условиях диктатуры пролетариата. Но одновременно должна вестись параллельно работа по осознанию законов развертывания хозяйственного процесса в условиях переходного периода; причем, исключительное значение для подведения теоретической базы под нашу работу по построению народно-хозяйственного плана приобретают теоретические изыскания в области конъюнктуры.

А. Мендельсон

отличают одну из этих форм от другой. Мы начнем свой анализ с рассмотрения товарного кредита для того, чтобы показать, как уже в этой форме обнаруживается ряд моментов, характерных вообще для кредита, хотя и получающих свое полное и всестороннее выражение лишь в форме денежного кредита. Затем уже мы перейдем к последнему, ставя здесь своей задачей выяснение тех особенностей денежного кредита, которые позволяют ему преодолеть границы, свойственные товарному кредиту, и делают его формой, наиболее соответствующей условиям и потребностям капиталистического хозяйства.

ФОРМЫ И ФУНКЦИИ КРЕДИТА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Если отвлечься от случаев непосредственной ссуды производительного капитала, т. е. передачи во временное пользование средств производства с последующим возвращением их в натуральной форме (аренда фабрик и заводов, машин и т. п.), то все кредитные отношения могут быть отнесены к двум формам кредита—товарному и денежному кредиту.

Сделка, имеющая место при товарном кредите, представляет собой, по существу, двойственное явление. Она включает в себя, с одной стороны, продажу товара—отчуждение его одним контрагентом другому, а с другой стороны—отсрочку уплаты *цены* этого товара, т. е. денежного эквивалента. Таким образом, эта сделка есть 1) купля-продажа товара, 2) с отсрочкой платежа денег. Кредитное отношение является здесь одним из элементов сделки, но не единственным ее элементом. Оно фактически неразрывно переплетено здесь с отношением товарного обмена, но при теоретическом анализе должно быть отлечаемо от последнего. Как при денежном, так и при товарном кредите ссужается меновая ценность в ее абсолютной—денежной—форме или, поскольку речь идет о капиталистическом кредите в тесном смысле слова, ссужается денежный капитал. Различие же заключается в том, что при денежном кредите кредитное отношение выступает в чистом виде, и денежный капитал кредитруется как таковой, как свободный капитал в денежной форме, в то время как при товарном кредите кредитный момент связан с моментом товарного метаморфоза и денежный капитал кредитруется в идеальной форме цены товара¹.

При рассмотрении функций кредита в капиталистическом хозяйстве следует иметь в виду, с одной стороны, то общее, что присуще обоим этим формам кредита, с другой же стороны, те особенности, которые

¹ «Прежде всего надо продать хлопок по его цене за наличный расчет... Допустим, цена—1 000 £. На этом кончается сделка между фабрикантом и хлопковым маклером, поскольку идет речь о купле-продаже. Но сюда присоединяется вторая сделка, сделка между заемщиком и кредитором. Стоимость в 1 000 £ дается фабриканту в ссуду хлопком, и он должен возратить ее деньгами, скажем, в три месяца... Сам хлопок превращается, таким образом, в денежный капитал». К. Маркс.—«Капитал», перевод В. Базарова и И. Степанова, М. 1907, т. III, ч. 1-я, стр. 394, (все дальнейшие ссылки относятся к этому изданию).

Глава I

Товарный кредит

Товарный кредит, как и кредит вообще, может иметь различный характер и приводить к различным последствиям, в зависимости от того, кто является участниками кредитной сделки и какие общественные отношения ею реализуются. Основным типом кредитных отношений в капиталистическом обществе является кредит внутри класса капиталистов. Если мы оставим в стороне кредитование капиталистов, как простых потребителей, а также подразделение класса капиталистов на группы промышленных и торговых капиталистов и кредитные отношения между ними, иначе говоря, если мы будем рассматривать отдельных капиталистов в качестве агентов капиталистического процесса воспроизводства в целом, то этот кредит сведется к отсрочке платежей по покупаемым средствам производства, с одной стороны, и по продаваемым товарам—с другой. Товарное кредитование означает здесь одностороннее получение должником производительного капитала, которому на стороне кредитора противостоит такое же одностороннее отчуждение своего товарного капитала. С этого основного типа кредитных отношений мы и начнем наш анализ с тем, чтобы впоследствии перейти к рассмотрению и таких кредитных сделок, в качестве одного из контрагентов которых выступают представители не класса капиталистов, но других классов общества (рабочих и самостоятельных товаропроизводителей).

Но и в пределах рассмотрения этого, собственно капиталистического, кредита мы должны пройти ряд последовательных стадий изучения. Эти стадии соответствуют тем различным элементам, которые включают в себя совокупность кредитных отношений в ее целом и которые представляют собою либо непосредственное содержание кредита, либо же явления, ближайшим образом из него вытекающие. В кредите вообще и в товарном кредите, в частности, следует различать следующие основные моменты: 1) самое кредитное отношение как таковое, 2) обстоятельства, возникающие на основе кредитных отношений и сопровождающие их. К последним относятся: а) взаимный зачет требований и обязательств, вырастающий на почве кредитных актов; б) циркуляция кредитных обязательств, также возникающая на основе и в результате кредитных сделок.

Мы рассмотрим все эти моменты в последовательном порядке, указанном выше, т. е. вначале абстрагируемся как от взаимного зачета, так и от циркуляции кредитных обязательств и подвергнем рассмотрению кредитную сделку в ее чистом виде, освобожденную от сопровождающих ее явлений. При этом, в свою очередь, возможны два случая, в каждом из которых кредит выполняет особую функцию и имеет различное значение. Товарное кредитование может происходить за счет функционирующего или же за счет высвобождающегося капитала. Мы начнем с рассмотрения первого из этих случаев, а затем уже перейдем ко второму.

I

Итак, в первую очередь нашему исследованию предстоит кредитное отношение между капиталистами, не связанное с высвобождением капитала у участвующих в этом отношении сторон. Начнем наш анализ этого вида кредита с разбора конкретного примера.

Допустим, что хлопчато-бумажный фабрикант должен затратить на один период оборота своего капитала, равный по продолжительности 3 месяцам, 10 000 р. на пряжу и другие материалы и 10 000 р. на заработную плату рабочим. Для упрощения отвлекаемся от снашивания основного капитала. Через 3 месяца готовый товар—ткань—реализуется, и издержки производства возвращаются к капиталисту вместе с прибылью на его капитал. Если мы предположим, что все закупки производятся нашим фабрикантом за наличные, то ему в течение рассматриваемого периода необходимо авансировать капитал в денежной форме на сумму в 20 000 р.

Положение существенно изменится в том случае, если часть своих закупок он производит в кредит. Пусть часть пряжи на сумму в 5 000 р. он приобретает у прядильщика в кредит, под трехмесячные векселя. В таком случае 5000 р. понадобятся ему лишь через 3 месяца, т. е. тогда, когда необходимая для уплаты долга сумма будет выручена в результате сбыта ткани. Следовательно, величина авансируемого им капитала может быть сокращена до 15 000 р. или, иначе говоря, из прежнего капитала в 20 000 р. часть, равная 5 000 р., высвобождается и может быть употреблена для расширения масштаба производства (закупки новой пряжи, найма добавочного количества рабочих и т. п.).

Рассмотрим теперь весь процесс с точки зрения не ткача, а прядильщика, продающего ткачу свою пряжу в кредит, предполагая, что он сам нужный ему хлопок и другие материалы приобретает за наличные¹. Если допустить, что издержки производства того количества пряжи, которое было продано прядильщиком ткачу за 5 000 р., составляли 4 000 р. (1 000 р. же приходится на прибыль), а период оборота капитала в производстве пряжи также равен 3 месяцам, то

¹ И при этом—в соответствии с нашим предположением о том, что никакое высвобождение капитала не имеет места—покупает новые элементы производства немедленно после продажи своих товаров.

дело будет обстоять следующим образом. В течение первого периода оборота прядильщик затрачивает 4 000 р. и полученную им пряжу продает в кредит за 5 000 р. В течение следующего периода он должен авансировать новые 4 000 р., так как затраченная им в первый период сумма такой же величины получена им при продаже готового товара в форме векселей, а не наличных денег, от возможности же учета или циркуляции векселей мы здесь отвлекаемся. Кроме того, 1 000 р. он должен затратить на свое потребление¹. Таким образом, прядильщик, поскольку он не привлекает новый капитал со стороны, вынужден сократить масштаб своего производства на ту сумму, которая увязана им в кредитовании ткача.

Обобщая те выводы, которые следуют из разбора приведенного примера, можно сказать, что *одностороннее товарное кредитование означает здесь такое перераспределение функционирующего капитала между различными капиталистами, при котором должник получает на определенный срок пользование добавочным капиталом, равным по сумме—ценности полученных им в кредит товаров, а кредитор лишается на такой же срок пользования капиталом той же величины*. Само собою разумеется, что это относится не только к отдельным капиталистам, но и к целым отраслям производства, поскольку капиталисты некоторых из этих отраслей выступают, главным образом, в качестве кредиторов, тогда как капиталисты других отраслей являются, преимущественно, должниками.

Итак, кредит в этой своей форме означает перераспределение действующего капитала между различными отраслями производства. Но перераспределение капиталов вообще является единственным методом поддержания равновесия хозяйственной системы в капиталистическом обществе. Каковы же особенности *кредитной* формы этого перераспределения?

Предположим, что в обществе имело место некоторое перепроизводство пряжи и недопроизводство тканей и что кредит отсутствует. В этом случае восстановление нарушенного равновесия можно было бы себе представить в виде следующего процесса. Прядильный фабрикант, реализуя пряжу, закупает новые элементы производства в меньшем размере, чем прежде; остаток же реализованной суммы он накапливает в денежной форме до тех пор, пока сумма эта не достигнет такой величины, при которой она может быть перенесена им в ткацкое производство, т. е. затрачена на основание *новой* ткацкой фабрики. Ткацкий же фабрикант, напротив, расширяет производство, накапливая большую часть прибавочной ценности, чем прежде. В зависимости от степени того нарушения равновесия, которое имело место, восстановление его либо окажется вскоре возможным путем одного лишь усиленного накопления в ткацкой промышленности и сокращения производства в прядильной, либо, кроме того, потребует также и перенесения высвобожденных капиталов из прядильной промышленности в ткацкую. Из обоих этих методов эластичностью обладает лишь первый, т. е.

¹ Мы предполагаем здесь простое воспроизводство.

изменение размеров производства каждой из рассматриваемых отраслей отдельно и *независимо друг от друга*; что же касается второго пути—расширения производства одной отрасли *за счет капиталов другой*, то он ограничен жесткими рамками—необходимостью накопления достаточно большой суммы денежного капитала, способной стать исходным пунктом движения нового промышленного капитала и необходимостью вложения его не только в оборотный, но и в основной капитал, т. е. *на длительный срок*.

Иначе обстоит дело при перераспределении капиталов, совершающимся в форме товарного кредита. В этом случае сокращение прядильного производства не должно непременно приводить к выделению свободного денежного капитала, а расширение ткацкого производства может принимать значительно большие размеры, чем то было бы возможно на основе накопления внутри одной ткацкой промышленности. Прядильщик, товаров которого произведено сверх необходимого, изменит условия расчета в пользу своих покупателей, т. е. большую сумму товаров продаст ткачу в кредит. Лишившись, таким образом, пользования частью своего капитала, прядильщик сократит производство, ткач же получит добавочный капитал за счет прядильщика и расширит свое производство (для чего он отнюдь не должен произвести крупные капитальные затраты на учреждение нового предприятия). Следовательно, здесь благодаря кредиту имеет место не простое расширение ткацкого и сокращение прядильного производства, но *расширение первого именно за счет последнего*, при чем это расширение не ограничено необходимостью предварительного накопления крупных сумм свободного денежного капитала.

Итак, особенность кредита как формы перераспределения капиталов между различными отраслями производства, заключается в том, что он *освобождает передвижение капитала от ограничительных условий* и, таким образом, облегчает и ускоряет восстановление нарушенного равновесия в хозяйстве, т. е. *увеличивает эластичность капиталистической системы*.

II

В приведенном выше примере мы предполагали совпадение момента реализации товаров с моментом закупки новых элементов производительного капитала, т. е. отвлеклись от высвобождения капитала. При этом условии товарное кредитование, раз оно носит односторонний характер, неизбежно означает увеличение капитала должника за счет сокращения *действующего* капитала кредитора, иначе говоря (поскольку кредитором и должником являются определенные отрасли производства), расширение одних отраслей производства происходит за счет абсолютного сжатия других ¹. В этом случае товарный

¹ Разумеется, это правильно лишь постольку, поскольку мы остаемся на базе простого воспроизводства, т. е. исключаем из поля зрения накопление прибавочной ценности, а тем самым и возможность передачи ее через посредство кредита из данной отрасли в другую.

кредит в основном служит *формой перераспределения действующих капиталов*.

Но в действительности как периоды оборота капитала в целом, так и отдельные фазы этих периодов в различных отраслях производства не совпадают друг с другом. Это несовпадение расширяет функции товарного кредита за пределы лишь *перераспределения наличного действующего капитала* и позволяет оказывать ему *непосредственное* влияние на *увеличение* последнего. Если приведенный в начале первого раздела пример изменить, предположивши, что прядильщик должен затратить капитал в 5 000 р. на производство лишь по истечении трех месяцев со времени реализации им пряжи ¹, то продажа им своей пряжи в кредит ткачу не будет уже означать сокращения его *действующего* капитала. При данных условиях продажа за наличные сопровождалась бы накоплением в руках прядильщика бездейственного денежного капитала, ждущего 3 месяца своего превращения в производительный капитал (напр., до сезона заготовки хлопка). Продажа в кредит устраняет эту бездействие части капитала, переносит использование высвобождающегося у прядильщика капитала в руки ткача, который действительно находит ему применение в данный период времени. Товарный кредит и здесь обслуживает *передвижение* капитала между отраслями производства, но уже *такое передвижение, которое означает увеличение действующего капитала одной отрасли за счет высвобождающегося капитала другой*, а не за счет *сокращения действующего* капитала этой другой отрасли. Иными словами, кредит непосредственно обуславливает здесь увеличение совокупного функционирующего капитала общества.

При этом нужно отметить, что эластичность кредитной формы передвижения капитала, указанная выше, приобретает здесь особое значение, в силу краткости периодов высвобождения капитала. Рассуждая абстрактно, можно было бы представить себе, что высвобождающийся капитал переносится в другую отрасль производства и без посредства кредита, т. е. что он вкладывается тем самым капиталистом, у которого он высвободился. Однако, это означало бы затрату его на учреждение *нового* предприятия, т. е. связывание его не только в качестве оборотного, но и в качестве *основного* капитала. Это требует не только наличия значительной суммы капитала, но и закрепления его на *длительный срок*, не соответствующий сроку его высвобождения. Перенесение капитала при посредстве *кредита* позволяет ограничивать вложение высвобождающегося капитала *оборотным* капиталом и достигать таким путем *соответствия* между сроками *высвобождения* капитала и сроками его *закрепления*, не говоря уже о том, что здесь отпадает граница в виде необходимости значительной величины капитала.

¹ Чтобы это соответствовало действительности, нужно допустить такое же, что 5 000 р. составляют лишь часть всего оборотного капитала прядильщика, так что, напр., продавая на 10 000 р. пряжи, он в состоянии продолжать свое производство, получив наличными всего 5 000 р.

Фазы и периоды оборота капиталов различных отраслей, а, следовательно, и моменты высвобождения их капиталов—не совпадают. Это несовпадение заключает в себе возможность использования высвобождающегося капитала одних отраслей для расширения занятого капитала других, а товарный кредит превращает эту возможность в действительность, перенося и перераспределяя этот капитал между соответствующими отраслями производства. При неизменности величины всего общественного капитала величина функционирующей его части возрастает за счет бездеятельной денежной, а вместе с тем увеличивается и эффективность всего капитала. С общественной точки зрения это означает рост производительных сил общества, с капиталистической точки зрения—рост массы и нормы прибыли.

В противоположность изложенной в общих чертах выше точке зрения, согласно которой кредит сам по себе, поскольку он предоставляется за счет периодически высвобождающегося капитала, приводит к экономии денежного капитала, можно нередко встретиться с иным мнением на этот счет. Мнение это сводится к тому, что товарный кредит сам по себе не в состоянии обусловить экономию денег и денежного капитала, и что единственной причиной такой экономии является взаимный зачет обязательств, возникающих из кредитных сделок. Разбор этой точки зрения даст нам возможность более конкретно выяснить рассматриваемую в этом разделе форму и функцию товарного кредита и, вместе с тем, послужит удобным переходом к следующему разделу, в котором мы специально остановимся на взаимном зачете кредитных обязательств.

Если бы все сделки в обществе совершались только за наличные, то количество необходимых для оборота денег должно было бы равняться: в каждый данный момент—сумме цен обращающихся товаров, а за известный период времени—сумме цен товаров, деленной на среднее число оборотов денег. Появление кредитных сделок, с одной стороны, сокращает количество необходимых денег на всю сумму продаж в кредит, платежей по которым отсрочен, а с другой стороны, увеличивает его на сумму платежей по старым кредитным сделкам, срок расчета по которым наступил.

Может показаться, что это обстоятельство (кредит сам по себе) не имеет здесь существенного значения и что изменение по существу вносится лишь благодаря взаимному зачету обязательств, возникших на основе кредита. В самом деле, за более или менее длительные периоды времени суммы отсроченных и наступивших платежей уравниваются, так что противоположные воздействия их на количество требующихся обороту денег взаимно погашаются. Иначе говоря, насколько меньше нужно денег для уплаты за товары, настолько же больше требуется их, благодаря платежу по векселям, срок которых истек. Следовательно, в масштабе всего общественного хозяйства никакой экономии денег не получится, и все изменение сведется к перераспределению данной суммы необходимых денег между отдельными контрагентами; те, кто в данный момент выступают в качестве покупателей товаров в кредит, могут иметь меньше денег, зато те, кто оплачивают

свои векселя, должны иметь их больше. С точки зрения всего общества, положение вещей изменится лишь при взаимном зачете обязательств; в этом случае при равенстве сумм отсроченных и наступивших платежей последняя сумма обслуживается меньшим количеством денег, так как часть наступивших платежей взаимно погашается.

Изложенная выше точка зрения кажется на первый взгляд вполне обоснованной. И, действительно, некоторые авторы придерживаются ее. Так, напр., Гильфердинг говорит по этому поводу следующее: «Если мы представим процесс (товарного кредита. Э. Б.) как обособленный и однократный акт, то он просто означает, что у капиталиста А имеется достаточно запасного капитала для того, чтобы ожидать обратного поступления от В, который в момент купли не располагает необходимой суммой платежных средств. При таком одностороннем кредитовании у А должна иметься как раз такая добавочная сумма денег, которая потребует В к сроку платежа. Здесь была бы не экономия, а просто перенесение денег. Иное дело в том случае, если требование платежа само функционирует как средство платежа, если А не просто дает кредит В, но и сам пользуется кредитом у С, если он уплачивает С векселем В. Если же и С в свое время должен произвести платеж В, и если он уплатит В собственным векселем последнего, то здесь между А и В, А и С, С и В совершились бы акты купли и продажи без всякого вмешательства денег. Значит, деньги здесь были бы сохранены, а так как эти деньги должны бы быть дополнительным денежным капиталом (для процесса обращения товарного капитала) в руках производительных капиталистов, то для последних тем самым сберегается денежный капитал»¹.

На той же точке зрения стоит и проф. З. С. Каценеленбаум, указывающий, что «кредит выполняет... зачетную функцию... и в пределах выполнения этой зачетной функции... приводит к экономии денег»². Эта мысль иллюстрируется им на примере циркуляции векселей. Если А покупает в кредит товары у В, В платит векселями А за товары С и т. д., по восходящей прямой линии, то никакой экономии денег не получится, так как в конце концов векселедатель А должен будет уплатить соответствующую сумму наличных денег последнему держателю, у которого будет находиться его вексель в момент наступления срока платежа по нему. Разница лишь в том, что при сделках за наличный расчет эта сумма денег сделала бы ряд оборотов, переходя последовательно от А к В, от В к С и т. д., тогда как при кредитных сделках ей пришлось бы совершить лишь один оборот. Следовательно, кредит сокращает не количество необходимых денег, но лишь число их оборотов, так что вся экономия сводится к уменьшению снашивания денег, обусловленному сокращением числа передач их из рук в руки. Напротив, если замкнуть нашу прямую в круг, заставив С или другого последнего держателя векселя расплатиться с А соб-

¹ Р. Гильфердинг.—«Финансовый капитал», ГИЗ, М., 1922, стр. 70—71.

² З. С. Каценеленбаум.—«Учение о деньгах и кредите», ч. 2-я, изд. 2-е, М., 1927, стр. 55—56 (первый курсив—автора, второй—мой. Э. Б.).

ственным векселем последнего, то деньги вообще выпадут из данной совокупности сделок, так что мы будем иметь дело с действительной экономией их ¹.

Все эти рассуждения представляются вначале весьма убедительными. Ближайший анализ показывает, однако, что они основаны на игнорировании того, что товарный кредит может служить, и в действительности служит, способом перенесения *высвобождающегося* капитала из одних предприятий и отраслей производства в другие, что, благодаря этому, он уравнивает величины денежного капитала, требующегося в различные периоды времени, а тем самым уменьшает вообще потребность в нем. Покажем это на примерах.

Вначале мы отвлечемся от наличия периодического высвобождения и связывания капитала, т. е. предположим, что реализация товаров немедленно сопровождается закупкой новых элементов производства, и, следовательно, суммы продаж и покупок распределяются равномерно в течение года. Предположим, что у нас имеются три контрагента—А, В и С ², между которыми через каждые 3 месяца совершается следующий оборот: А покупает у В на 10 000 р., В у С и С у А—на такие же суммы. Если принять, что все эти сделки происходят в один и тот же *момент* времени, т. е. скорость обращения денег равняется единице, то количество денег, необходимых для реализации этих сделок, должно составлять 30 000 р. Такова же должна быть и сумма всего денежного капитала, находящегося в их руках наряду с производительным капиталом: в течение 3 месяцев у каждого из наших контрагентов лежит по 10 000 р. в качестве сокровища, т. е. бездеятельного денежного капитала, служащего здесь фондом покупательных средств; в конце же этого периода они одновременно бросаются в обращение для того, чтобы обслужив его, вернуться к своему исходному положению и застрять на новые 3 месяца в кассах предприятий.

При *данных* условиях включение кредита само по себе, действительно, не изменит количества необходимых для оборота денег, а значит, и суммы непроизводительного, денежного капитала. Пусть, напр., А все время покупает у В в кредит на 3 месяца, а В у С и С у А—за наличные. В таком случае сумма необходимых денег в исходный момент времени уменьшится до 20 000 р., так как в этот момент деньги будут нужны только В и С, но не А. Однако, уже через 3 месяца—при новом обороте—сумма эта вновь составит 30 000 р., так как к тем 20 000 р., которые нужны в качестве *орудия обращения*, прибавляются 10 000 р., нужные в качестве *платежного средства* для уплаты по истекшему векселю ³. И так как такое положение вещей будет регулярно повто-

¹ Э. С. Каценеленбаум.—цит. соч., прим. на стр. 57—58.

² Под этими контрагентами можно подразумевать как отдельных капиталистов, так и целые отрасли производства.

³ Возможность же использования для этой цели денег, полученных от продажи товаров, исключается нашим предположением об *одновременности* всех актов передачи денег,

ряться через каждые 3 месяца, то очевидно, что сумма необходимых в течение года денег должна, по-прежнему, составлять 30 000 р. Иначе говоря, те же самые 10 000 р., которые сэкономил А, должны лежать 3 месяца в качестве сокровища у В ¹. В результате этого изменяется распределение денежного капитала между контрагентами (вместо того, чтобы у всех было по 10 000 р.,—у С оказывается 10 000 р., у В—20 000 р., у А же—ничего), но не общая сумма его.

При таком положении вещей кредит означает не возможность *увеличения* действующего (производительного) капитала за счет бездеятельного (денежного), но лишь *перераспределение* одной и той же суммы обоих видов капитала между различными контрагентами: тот, кто должен иметь больше праздного денежного капитала, вынужден сократить размеры своего производительного капитала, и наоборот ². Этот случай был нами проанализирован в первом разделе настоящей главы.

Дело, однако, коренным образом изменится, если мы отбросим ту предпосылку, из которой мы до сих пор исходили и которая сводится к предположению об отсутствии какого бы то ни было высвобождения капитала. Итак, допустим—в соответствии с действительностью—что сроки реализации товаров не совпадают со сроками расходования получаемых за эти товары денег. Пусть мы имеем две отрасли или сферы производства—А и В, взаимно обменивающиеся своими продуктами на сумму 10 000 р: в год, причем различные фазы оборота их капиталов не совпадают друг с другом. Пусть, напр., А в начале года производит на целый год вперед все свои закупки, у В, свои же товары продает В через каждые полгода, по окончании полугодового производственного периода; В же, напротив, в начале года продает свои товары А, закупки же товаров у А производит через каждые полгода ³. Оставим также в силе предположение предыдущего примера о том, что в каждый из этих отдельных сроков все

¹ Происходит это, напр., следующим образом. 1 января А заплатил В за товар 3-месячным векселем на 10 000 р., В же заплатил С и С—А наличными по 10 000 р. В результате всего оборота к С возвращаются авансированные им 10 000 р., у А появляются 10 000 р., им ранее не авансированные (след., являющиеся для него добавочным капиталом), у В же имеется налицо только вексель на А. 1 апреля, когда происходит новый оборот, С платит А теми 10 000 р., которые он получил от В 1 января. А покупает у В товар снова в кредит, по истекшему же векселю расплачивается с ним теми 10 000 р., которые он получил от С 1 января. Наконец, В платит С 10 000 р., но так как в результате происшедших 1 января сделок у него никаких наличных денег не осталось, то он должен иметь для этого добавочные 10 000 р. След., А лишь потому может покупать товары без денег, что В имеет добавочный денежный капитал на такую же сумму.

² В приведенном нами только что примере это не имеет места, потому что мы в нем не исходим из *данной* суммы всего капитала у *каждого* из контрагентов, но произвольно меняем ее.

³ Для того, чтобы наш пример приобрел более правдоподобный вид, можно предположить, что под А и В скрываются производство средств производства и производство предметов потребления. Вместе с тем годичный период можно—при сохранении только прежних соотношений—изменить на 6-месячный, месячный и т. п.

сделки протекают одновременно, так что скорость обращения денег *на каждый данный срок* равняется единице.

Если при наличии этих условий мы предположим, что весь оборот совершается за наличный расчет, то получим следующее положение вещей. 1 января А покупает у В на 10 000 р., в тот же момент В покупает у А на 5 000 р. Таким образом, оба они вместе бросают в обращение денег на 15 000 р., из которых в итоге совершенных сделок 10 000 р. перейдут к В, а 5 000 р.—к А, причем эти деньги останутся лежать у А и В до следующего момента оборота, наступающего 1 июля. 1 июля весь оборот исчерпывается сделкой в 5 000 р., по которой А выступает продавцом, а В—покупателем. В результате этого у А оказывается 10 000 р., а у В—5 000 р. Эти деньги остаются лежать у обоих контрагентов до 1 января следующего года, когда А снова покупает у В на 10 000, а В у А—на 5 000 р. Затем весь этот цикл движений повторяется снова.

Мы видим, что как у А, так и у В в течение года полгода лежит по 10 000 р. денег, а другие полгода—по 5 000 р., причем, однако, эти периоды не совпадают, так что, когда у В лежит 10 000 р. (между 1 января и 1 июля), у А лежит 5 000 р., а когда у А их находится 10 000 (между 1 июля и 1 января),—у В их всего 5 000. В общем итоге в течение круглого года у А и В, взятых вместе, находится 15 000 р. непроизводительного, денежного капитала, который вступает в обращение неравными порциями: один раз (1 января) в полной своей сумме, в другой же раз (1 июля) лишь в одной своей части—на сумму в 5 000 р.

Включим теперь в сферу нашего рассмотрения кредит и предположим, что А лишь за половину покупаемых у В товаров платит наличными, остальную же половину покупает в кредит сроком на 6 месяцев. В этом случае весь кругооборот будет протекать следующим образом. 1 января А платит В 5 000 р. и выдает вексель на 5 000 р., в тот же момент В платит А 5 000 р. След., оба они бросают в обращение денег на 10 000 р., при чем каждый получает в результате сделок по 5 000 р. 1 июля В платит А за товары 5 000 р., а А уплачивает В по истекшему векселю тоже 5 000 р. В итоге оба бросают в обращение 10 000 р. и извлекают из него снова по 5 000 р. каждый. Дальше та же самая картина повторяется вновь.

Здесь мы видим, что у обоих наших контрагентов лежит в течение круглого года по 5 000 р., причем два раза в году все эти 10 000 р. бросаются в оборот, обслуживая в одном случае только куплю-продажу товаров, а в другом—также и погашение ранее заключенных долгов.

Таким образом, в отличие от приведенного ранее примера (с тремя контрагентами—А, В и С) появление кредита в данном случае само по себе и независимо от какого бы то ни было взаимного зачета обязательств (который здесь отсутствует), приводит к экономии непроизводительного, денежного капитала. Нетрудно понять и причины этого явления. Раньше, когда мы предполагали совпадение сроков покупок и продаж у всех контрагентов, заключение сделки в кредит означало уменьшение потребности в деньгах для должника, но зато

такое же увеличение ее для кредитора, а потому не могло уменьшить совокупной потребности, в деньгах. Теперь же,—поскольку у кредитора момент покупки не совпадает с моментом продажи, но следует за ним через известный промежуток времени,—продажа им товаров в кредит на сумму, равную величине высвободившегося у него капитала¹, не требует наличия у него добавочного фонда покупательных средств. В итоге уменьшение потребности в деньгах и денежном капитале на одной стороне не компенсируется увеличением ее на другой, и, таким образом, общая сумма необходимых для оборота денег, а, след., и сумма непроизводительного, денежного капитала сокращается на величину, равную сумме кредитных сделок. Хотя кредит здесь односторонен (только В кредитует А), но действие его оказывается двусторонним: здесь не действующий капитал должника увеличивается за счет *действующего же* капитала кредитора, но и кредитор, и должник в равной мере могут увеличить свой действующий, производительный капитал за счет *бездействующего, денежного* капитала.

То же самое явление можно характеризовать и с другой стороны. Мы видели, что при обороте за наличный расчет в одни моменты требовалось бы денег на 15 000 р., а в другие—на 5 000 р. Ясно, что количество имеющихся налично денег должно соответствовать не минимальной или арифметической средней, но максимальной потребности в них, т. е. должно составлять в рассматриваемом случае 15 000 р. Кредит уравнивает минимальную и максимальную потребность в одну среднюю, которая из простой статистической превратится в реальную жизненную величину; благодаря этому, количество наличных денег может уменьшиться, достигая для нашего примера 10 000 р.²

Наконец, можно то же самое изложить еще иным образом, пользуясь категорией средней скорости обращения денег. При отсутствии кредита в нашем примере только 5 000 р. могли сделать два оборота в течение года, при наличии же кредита—10 000 р. Это увеличение скорости обращения денег компенсирует уменьшение наличного количества их.

Каким бы, однако, образом ни излагать указанное выше явление, ясно одно: товарный кредит, основанный на периодическом *высвобождении* капитала, *независимо от взаимного зачета обязательств*, создает экономию денег и денежного капитала, а тем самым и возможность *увеличения общей суммы функционирующего капитала за счет бездействующего*. Это означает *рост производительных сил общества и повышение массы и нормы прибыли*.

III

Теперь мы можем от исследования кредита самого по себе перейти к анализу возникающих на его почве и сопровождающих его мо-

¹ Т. е. разнице между суммой его продаж и суммой его покупок.

² Этот момент, равно как и связь товарного кредита с высвобождением капитала вообще, отмечен в интересной, но оставшейся, к сожалению, неоконченной статье В. Смирнова—«Вопросы кредита» (См. «Плановое хозяйство», 1926, № 6, стр. 105—106).

ментов. Это означает рассмотрение той роли, которую играют взаимный зачет основанных на кредитных сделках обязательств и циркуляция кредитных орудий обращения.

Если раньше мы показали, что мнение, согласно которому экономия денежного капитала представляет собою *исключительную* функцию взаимного зачета кредитных обязательств, является ошибочным, то нельзя отрицать и того, что взаимный зачет *увеличивает* эту экономию. Если кредитные сделки по истечении срока кредита погашаются наличными, то участники оборота должны держать у себя резервный фонд платежных средств, которыми они могли бы погасить к сроку свои долги. Уменьшение общей суммы денежного капитала при этом возможно лишь в той мере, в какой кредит уравнивает суммы денежного капитала, необходимые в различные моменты времени, т. е. в той мере, в какой он происходит за счет периодического высвобождения капитала. Но если кредит оказывается взаимным и погашается не наличными, а кредитом же, — иначе говоря, если возникшие из кредита обязательства взаимно погашают друг друга, — то в этом случае необходимость хранения резервного фонда платежных средств отпадает и сумма необходимого денежного капитала соответственно сокращается. Это сокращение уже не зависит от того, оказывается ли кредит за счет высвобождающегося, или же за счет действующего капитала¹.

Так, напр., можно, — пользуясь обозначениями и цифрами одного из разобранных раньше примеров, предположить, что в начале каждого 3 месяцев А покупает у В, В у С, а С — у А товары на 10 000 р. в кредит сроком на 3 месяца, в конце же каждого 3 месяцев их обязательства взаимно погашаются в *clearing*'е. В этом случае нашим контрагентам не понадобится ни одной копейки наличных денег, а, след., ни одной копейки бездеятельного в денежной форме капитала.

Итак, возникающий на основе и в дополнение к кредиту самому по себе взаимный зачет выросших из кредитных сделок требований и обязательств увеличивает экономию денежного капитала, которая при наличии кредита, основанного на периодическом высвобождении капитала, имеет место и помимо такого зачета. Не требуется вновь повторять, что это опять-таки означает расширение границ капи-

¹ В. Смирнов (см. цит. статью, стр. 98—99) оспаривает это, указывая, что, если отвлечься от периодического высвобождения капитала, то получение кредита капиталистом А неизбежно означает вложение дополнительного капитала кем-то другим. Он упускает, однако, из виду, что при замыкании кредитных отношений в *круг* это может быть применено к *каждому* из контрагентов, так что в конечном итоге дополнительный капитал не понадобится ни одному из них. Вместе с тем Смирнов впадает в противоречие, признавая, что взаимный зачет обязательств экономит деньги, и отрицая, наряду с этим, что он экономит денежный капитал. Как-будто бы денежный капитал (понимаемый не в смысле превращенной формы производительного капитала, а в смысле особого капитала, существующего *рядом* с производительным) представлял собою не что иное, чем совокупную сумму наличных в обществе денег (разумеется, денег не только в качестве средств обращения, но во всех их функциях, вместе взятых)!

талистического производства, увеличение производительного капитала за счет непроизводительного и рост прибыли.

В приведенном выше примере взаимное погашение возникших из кредита обязательств происходит независимо от циркуляции кредитных орудий обращения: А, В и С расплачиваются по своим сделкам соло-векселями, которые время от времени сравниваются и погашаются. Такое сравнение и погашение предполагает наличие некоторой «Zentralstelle», специально этим занимающейся. Однако, тот же результат может быть достигнут иным способом и без посредства такой Zentralstelle — при помощи циркуляции векселей. В этом случае В и С, вместо того, чтобы платить соло-векселями, будут передавать в уплату вексель, выданный А, причем в результате такой циркуляции этот вексель возвратится к своему исходному пункту — к А — и таким путем сам собою погасится.

В рассмотренном только что отношении циркуляция кредитных обязательств имеет значение не сама по себе, но лишь постольку, поскольку при ее посредстве происходит взаимный зачет этих обязательств. Но на-ряду с этим, в другом отношении кредитное обращение играет роль независимо от взаимного зачета обязательств. Более того: эта вторая его роль имеет место именно в той мере, в какой кредитные отношения не образуют замкнутый круг и, след., взаимного зачета обязательств в полной мере не происходит.

Товарный кредит — предоставляется ли он за счет функционирующего или же высвобождающегося капитала — есть ссуда, т. е. без эквивалентная передача на известный срок капитала. Поскольку мы исходим из случая одностороннего товарного кредитования и абстрагируемся от обращения векселей, постольку продажа в кредит означает лишение кредитора на известный срок пользования частью его капитала. Это лишение не сопровождается сокращением действующего капитала кредитора, если кредит предоставляется им за счет его высвобождающегося капитала, который и при получении наличными все равно бы не использовался в течение этого времени. Если же такое высвобождение не имеет места, то одностороннее предоставление кредита предполагает уменьшение функционирующего капитала у кредитора.

Во всех этих случаях товарное кредитование, рассматриваемое в качестве односторонней и однократной сделки, возможно лишь постольку, поскольку имеет место совпадение потребностей должника с возможностями кредитора: поскольку нужде в кредите А противостоит на стороне В возможность предоставления этого кредита¹. Однако, такое совпадение наталкивается на существенные препятствия притом не только на такие, которые вытекают из обстоятельств индивидуального порядка (вроде, напр., того, что нуждающийся в кредите А ведет дела с таким контрагентом В, который этого кредита дать ему не может, в то время как В, имеющий возможность предоставить та-

¹ В силу необходимости сокращения его производства, или же благодаря наличию у него высвобождающегося капитала.

кой кредит, связан торговыми отношениями не с А, но с не нуждающимся в кредите С).

Отвлечем от личных особенностей кредиторов и должников и будем рассматривать их лишь как олицетворение определенных отраслей производства. Ясно, что каждое единичное отношение *товарного* кредита¹ может иметь место лишь между такими отраслями, которые в общей цепной связи всех отраслей производства *непосредственно примыкают друг к другу*. Товарный кредит рассматривается здесь как отсрочка платежа по купленным *средствам производства*; но, ведь, эта покупка—а, след., и возможность кредита—ограничена теми отраслями, которые изготовляют средства производства для данной отрасли. Между тем, возможно такое положение, когда потребности в кредите отрасли А не противостоит возможность предоставления такого кредита со стороны поставляющей ей средства производства отрасли В, причем в то же самое время невозможно предоставления кредита со стороны отрасли С противостоит отсутствие нужды в кредите у отрасли В, покупающей у С средства своего производства. Таким образом, при наличии в обществе как отраслей, нуждающихся в кредите, так и отраслей, могущих предоставить его, кредит все же не мог бы иметь места, благодаря несовпадению взаимных потребностей и нужд у непосредственно связанных друг с другом отраслей производства.

Здесь на помощь приходит циркуляция кредитных обязательств. Если продавец использует полученные им векселя в качестве средств покупки новых элементов производительного капитала, то в этом случае он уже не лишается пользования частью своего капитала, равной сумме проданных им в кредит товаров. Но, благодаря этому, кредитное отношение, бывшее по своему происхождению и форме отношением между *непосредственными* продавцами и покупателями, превращается по существу в отношение между векселедателем и *конечным* держателем векселя, не бросившим его в обращение². Что же касается *непосредственного* контрагента векселедателя, продавшего последнему свои товары, то он, благодаря использованию полученных векселей в качестве покупательного средства, фактически³ выходит из кредитного отношения и играет во всем процессе лишь роль посредствующей и передаточной инстанции.

Это обстоятельство имеет большое значение с точки зрения расширения сферы кредитных отношений. В циркуляции векселей товарный кредит получает соответствующую техническую форму, при использовании которой происходящее в форме товарного кредита

¹ И в этом, как будет показано в дальнейшем, заключается одна из его особенностей, отличающих его от *денежного* кредита.

² Или же—поскольку вексель в промежутке от выдачи до погашения его совершает ряд оборотов, а не оседает сразу у кого-нибудь—кредиторами становятся все держатели векселя в той мере, в какой он ими удерживается вне обращения (т. е. в промежутке между получением и дальнейшей передачей его).

³ С юридической точки зрения векселедатель не выходит окончательно из кредитного отношения, поскольку он несет ответственность за векселедателя в случае неплатежа последнего.

перераспределение капитала (функционирующего или высвобождающегося) может распространяться на *многие* (а, теоретически, даже на все) последовательные звенья общей производственной цепи, хотя бы они непосредственно и не были друг с другом связаны. Применяя сказанное к нашему примеру, мы можем представить дело таким образом, что капиталисты отрасли А купят в кредит у капиталистов В, последние же заплатят векселями А за товары, купленные ими у С; в итоге будет иметь место перераспределение капитала между С и А¹.

Поскольку циркуляция кредитных обязательств расширяет область кредитных отношений, постольку она косвенно приводит ко всем тем последствиям, которые связаны с кредитом как таковым и рассмотрены нами в предыдущих разделах.

IV

В предыдущем мы ограничивались рассмотрением товарного кредита, оказываемого капиталистами различных отраслей производства друг другу. Но наряду с этой формой капиталистическое общество знает и другие, при которых лишь одна сторона в кредитной сделке представлена в лице капиталиста, на другой же стороне фигурируют рабочие или самостоятельные товаропроизводители. Здесь возможны четыре основных случая: 1) кредитование рабочими капиталистов, 2) кредитование самостоятельными товаропроизводителями капиталистов, 3) кредитование капиталистами рабочих, 4) кредитование капиталистами самостоятельных товаропроизводителей². Рассмотрим все эти случаи, хотя часть из них (именно те, где в качестве одного из контрагентов сделки выступают самостоятельные товаропроизводители) и выводит нас, собственно говоря, за пределы чистого капитализма.

Рабочие кредитуют капиталистов, поскольку продаваемый ими последним товар—рабочая сила—оплачивается после фактического отчуждения его³. Сделка между рабочим и капиталистом имеет та-

¹ Следует все же иметь в виду, что циркуляция векселей является лишь удобной *технической формой* для реализации того процесса, сущность которого состоит в *перенесении кредита* за пределы первоначального кредитного отношения. Рассуждая абстрактно, можно представить себе тот же процесс протекающим и иным образом. Если бы В платил С не векселями А, но соло-векселями, по окончании же срока их платил С деньгами, полученными по векселям от А,—результат был бы тем же.

² Те случаи кредита, в которых на обеих сторонах кредитной сделки стоят не-капиталистические классы, мы оставляем в стороне.

³ Любопытно отметить те «аргументы», при посредстве которых некоторые авторы отрицают наличие кредита в этих случаях. Вот, напр., соответствующее место из Лексиса («Кредит и банки», стр. 11): «Если служащий получает жалованье только в конце месяца, то никто не говорит, что он оказал *работодателю кредит*. Это было бы и неверно, ибо для него *обязательна работа в течение полного месяца и лишь по окончании этого срока наступает момент платежа*» (курсив мой. Э. Б.). Итак, здесь *нет* кредита потому, что... кредит (отчуждение рабочей силы до получения эквивалента) *обязателен*. Впрочем, кроме этой своеобразной «диалектики», у Лексиса есть еще один довод, а именно, что «плата за

кой же двойственный характер, как и всякая другая продажа товара в кредит: с одной стороны, это—продажа товара, с другой—кредитование цены этого товара. Но цена товара—рабочей силы отличается от цены всех остальных товаров тем, что она представляет доход рабочего класса—заработную плату. Отсюда проистекает и особое значение *этой* формы товарного кредита, в отличие от такого же кредита внутри класса капиталистов. Одностороннее товарное кредитование означает передачу пользования определенной суммой ценности кредитором должнику. Такую же передачу означает и кредитование рабочим классом класса капиталистов. Кредитованная сумма в руках купившего в кредит капиталиста функционирует как добавочный капитал. Но при товарном кредите внутри класса капиталистов добавочный капитал одними капиталистами получается за счет *капитала* других, так что общая сумма капитала не изменяется, и дело сводится к перераспределению наличного капитала между функционирующей и бездействующими частями его. При кредитовании же рабочими капиталистов добавочный капитал последних получается за счет *дохода* первых; таким образом, этот кредит приводит к *увеличению капитала за счет дохода* и означает возрастание общей суммы капитала в распоряжении класса капиталистов, а вместе с тем и увеличение действующего капитала.

Иллюстрируем это примером. Допустим, что сумма всей выплачиваемой за месяц заработной платы в обществе составляет 2 мил. р., время оборота оборотного капитала—2 месяца и заработная плата уплачивается раз в месяц. При этих условиях, в случае отсутствия кредитования капиталистов рабочими, капитал, авансируемый на оплату рабочей силы, в течение одного оборота, т. е. 2 месяца, должен составлять 4 мил. р. Если же заработная плата уплачивается через месяц после начала работы, т. е. если рабочие ссужают капиталистам ценность своей рабочей силы сроком на месяц, то в этом случае для оплаты того же количества рабочих понадобятся только 2 мил. р., так как остальные 2 мил. р. будут получены ко времени платежа (к началу третьего месяца) путем реализации произведенных товаров. Следовательно, эти 2 миллиона могут функционировать как добавочный капитал, т. е. могут быть превращены в новые элементы производительного капитала.

Второй случай, когда капиталисты выступают при товарном кредите только в качестве должников, имеет место при покупке ими товаров в кредит у самостоятельных товаропроизводителей. И здесь некоторая сумма ценности передается в пользование капиталистам, в руках которых она превращается в добавочный капитал. Но есть и существенное различие между обоими случаями, притом как в количественном, так и в качественном отношении. Если кредит, предо-

услуги... по точному смыслу германского гражданского кодекса (§ 614), производится *по истечении* каждого отдельного периода» (там же, курсив Лексиса). Параграф германского кодекса (который, конечно, сам объясняется выгодностью предоставляемого рабочими кредита для капиталистов) служит здесь *ultima ratio* немецкого профессора!

ставляемый рабочими капиталистам, ограничен суммой их дохода—заработной платы, то максимальным пределом кредитования капиталистов со стороны самостоятельных товаропроизводителей служит ценность продаваемых последними товаров; она же включает в себя не только доход этих производителей, но и ценность средств производства их продуктов (не говоря уже о том, что самый доход их соответствует не только ценности, создаваемой необходимым трудом, как это имеет место при заработной плате, но и ценности, создаваемой их прибавочным трудом). Таким образом, в этом смысле количественные границы кредита расширяются. Однако, не следует забывать об обстоятельстве, которое действует в противоположном направлении и заключается в том, что покупка капиталистами—промышленными и торговыми—продуктов самостоятельных производителей ограничивается лишь частью оборотов последних. Ремесленники и крестьяне лишь часть своих товаров сбывают капиталистам, другую же часть продают непосредственным потребителям; между тем продажа товара—рабочей силы по самой своей природе предполагает отношения между рабочим классом и классом капиталистов. В этом смысле кредитование капиталистов рабочими имеет значительно более общий характер, чем кредитование их самостоятельными товаропроизводителями.

Еще более существенно, однако, качественное различие между обоими случаями. Продажа в кредит рабочей силы означает расширение капиталистического производства за счет расширения эксплуатации рабочего класса, т. е. того класса, существование которого составляет самую основу капиталистического строя. Продажа же в кредит продуктов самостоятельных товаропроизводителей означает расширение капиталистического производства за счет простого товарного. В первом случае расширение капиталистической системы не выходит за пределы ее самой, во втором случае это расширение покупается за счет поглощения инородных хозяйственных форм.

Обратимся теперь к тем кредитным сделкам, в которых стороны занимают противоположное положение, по сравнению с рассмотренным выше, т. е. к сделкам, в которых кредиторами выступают капиталисты, а должниками—рабочие или самостоятельные товаропроизводители.

Товарное кредитование рабочих капиталистами, т. е. покупка рабочими предметов своего потребления в кредит, обусловлено уже тем кредитом, который рабочие сами предоставляют капиталистам: не получая заработной платы в момент найма, рабочие, естественно, не могут и оплачивать наличными покупаемых ими товаров. Но, кроме того, здесь действует еще целый ряд других причин, как-то: безработица, недостаточность заработной платы для производства единовременных крупных расходов и т. п. В известной мере еще более широкий характер носит товарное кредитование самостоятельных производителей, так как они заключают долги не только в качестве потребителей, но и в качестве производителей, т. е. при покупке не только предметов личного потребления, но и средств производства.

С точки зрения его влияния на величину капитала у класса капиталистов, рассматриваемый вид кредита как-будто совершенно противоположен кредиту, предоставляемому капиталистам со стороны не-капиталистических классов. Если там, благодаря кредиту, капиталисты получают во временное пользование добавочный капитал, то здесь они, повидимому, лишаются на время пользования частью своего капитала. В действительности, однако, дело обстоит не так просто и за видимым сходством скрываются весьма существенные различия. Если рабочие или ремесленники кредитуют капиталистов, то это означает получение последними известной суммы ценности, которую они могут использовать в качестве добавочного производительного капитала, т. е. для производства новой прибавочной ценности, присваиваемой ими полностью. Если капиталисты кредитуют рабочих или ремесленников, то они передают известную сумму ценности и лишаются использования ее в качестве производительного капитала. Однако, лишаясь части *производительного* капитала, они вместе с тем не лишаются части *капитала* вообще. Продавая свои товары в кредит, капиталисты по наступлении срока платежа получают не только эквивалент за свои товары, но и *процент* на кредитованный им капитал¹. Таким образом, на срок кредитования этот капитал превращается для них из *производительного в ссудный*, из приносящего среднюю прибыль в приносящий процент.

Но ссудный капитал *этого* рода представляет собою специфическую форму ссудного капитала вообще—*ростовщическую* форму его, т. е. такую, при которой ссужаемая сумма функционирует как капитал лишь на стороне кредитора, в руках же должника получает не-капиталистическое применение, а уплачиваемый за нее процент черпается не из прибавочной ценности. Поскольку источником процента служит здесь не прибыль на капитал, но доход рабочего или самостоятельного товаропроизводителя, постольку модифицируется и закон определения нормы процента в том смысле, что границей ее перестает уже служить величина средней прибыли. Поэтому процент, взимаемый капиталистом при товарном кредитовании этого типа, может превышать и фактически превышает нормальный (капиталистический) уровень, достигая или даже превосходя нормальную величину прибыли. Сумма действительного капитала уменьшается, так как действительным капиталом объективно можно считать лишь ценность, получающую применение в качестве производительного капитала. Наряду с этим, однако, будет иметь место перераспределение общественного дохода в пользу класса капиталистов, который в виде процента на ссуженный им в порядке товарного кредитования капитал получает часть доходов других классов. А в силу отмеченного ранее высокого уровня процента по такого рода кредиту, увели-

¹ Не приходится, конечно, говорить о том, чтобы рабочие получали какой-нибудь процент на ценность ссуженной ими рабочей силы. Но и мелкие производители не получают такого процента, поскольку являются слабейшей стороной при продаже своих товаров капиталистам и поскольку, таким образом, предоставление ими кредита является в значительной своей части вынужденным.

чение дохода капиталистов за счет полученного от этой вне-производительной эксплуатации рабочих и мелких производителей *процента* на капитал может перевесить обусловленное этим кредитом сокращение производства *прибавочной ценности*; таким образом, общая сумма дохода капиталистов может даже увеличиться. Таким образом, этот кредит означает расширение эксплуатации рабочего класса—поскольку к эксплуатации в процессе производства присоединяется еще эксплуатация тех же рабочих в сфере обращения—и усиление господства капиталистического способа производства над пережитками предшествующих хозяйственных формаций. В последнем отношении особое значение имеет продажа мелким производителям в кредит сырья и других средств производства, которая ставит их в полную зависимость от скупщиков и служит переходной ступенью к чисто-капиталистической домашней промышленности.

Мы анализировали лишь товарное кредитование капиталистами рабочих и самостоятельных производителей. Нетрудно, однако, убедиться в том, что многое из сказанного выше может быть *mutatis mutandis* применено и к случаям кредитования капиталистами землевладельцев, государства и других потребителей, доходы которых являются производными от прибавочной ценности,—с той существенной оговоркой, что в этом случае перераспределение доходов происходит лишь внутри прибавочной ценности между различными формами ее.

V

Подводя итоги всему изложенному выше, мы можем формулировать следующие основные выводы:

1. Товарный кредит представляет собою сложное явление, подлежащее анализу с различных сторон. Основными критериями для его деления на различные виды и моменты являются: а) отношения между классами, б) отношение кредита к движению капитала между отраслями и сферами производства, в) различие кредита в тесном смысле слова от производных от него явлений.

2. С точки зрения классов, связанных кредитными отношениями, нужно, в первую очередь, различать: а) кредит внутри класса капиталистов и б) кредитные отношения между классом капиталистов и другими классами, которые, в свою очередь, делятся на ряд разновидностей. С точки зрения отношения кредита к движению капитала нужно отличать друг от друга: а) кредит, независимый от периодического высвобождения капитала и б) кредит, связанный с таким высвобождением. Наконец, следует различать: а) кредитное отношение само по себе (кредит в тесном смысле слова) и б) моменты надстроечного характера, возникающие и развивающиеся на основе этого отношения—взаимный зачет и циркуляция кредитных обязательств.

3. Кредит между капиталистами, поскольку он не связан с периодическим высвобождением капитала, представляет собой метод перераспределения действующего капитала между различными отраслями производства. Освобождая передвижение капитала от необходимости

предварительного накопления значительных свободных масс его, этот кредит увеличивает эластичность капиталистической системы, хотя и не увеличивает непосредственно общей суммы функционирующего капитала.

4. Кредит между капиталистами, базирующийся на высвобождении капитала и представляющий собой передачу в пользование одних отраслей производства высвобождающегося капитала других, означает увеличение функционирующей в руках всего класса капиталистов производительной части капитала за счет непроизводительной, денежной части его и, как следствие этого, возрастание массы и нормы прибыли.

5. Кредит, предоставляемый капиталистам рабочими и самостоятельными товаропроизводителями, обуславливает увеличение общей суммы капитала в руках класса капиталистов за счет превращения части дохода не-капиталистических классов в капитал. Напротив, кредит, предоставляемый этим классам со стороны капиталистов, означает превращение части промышленного капитала в ростовщическую форму ссудного капитала. В то время, как кредит, получаемый капиталистами, непосредственно увеличивает массу и норму прибыли, кредит, предоставляемый ими другим классам, приводит к присвоению ими в форме процентов заработной платы и доходов самостоятельных товаропроизводителей при одновременном уменьшении той части их прибыли, которая является результатом эксплуатации наемных рабочих в сфере производства (т. е. прибавочной ценности в точном смысле этого слова). Поскольку, однако, уровень процента при этой форме кредита не ограничен пределами средней прибыли, постольку конечным результатом действия обоих этих противоположных тенденций может быть повышение общей суммы прибыли класса капиталистов.

6. Взаимный зачет возникающих на почве кредита требований и обязательств приводит к экономии непроизводительного, денежного капитала, увеличению за его счет производительного капитала, а, следовательно, и к увеличению прибыли. Циркуляция кредитных обязательств служит формой перенесения кредита и обслуживает расширение сферы действия товарного кредита за пределы отношений между теми лицами и отраслями производства, которые выступают в качестве непосредственных контрагентов в товарном обмене.

Обобщая отдельные стороны и функции кредита, обнаруживающиеся при анализе товарной формы его, можно свести его роль к следующим двум основным моментам: а) увеличение эластичности капиталистической системы, *облегчение ее воспроизводства*, б) *увеличение* суммы и дееспособности общественного капитала и возрастание массы и нормы прибыли, — т. е. *расширение воспроизводства* капиталистической системы¹.

¹ Этим, конечно, еще не исчерпывается роль кредита в целом. В рамках противоречивой экономической системы и роль кредита двойственна и противоречива. Однако, поскольку в настоящей статье мы не имеем возможности остано-

Денежный кредит и его особенности

Все те различные формы и элементы кредита, которые были указаны и проанализированы выше в связи с товарным кредитом, сохраняют свое значение и в применении к денежному кредиту. В самом деле, и денежный кредит может представлять собою отношение между капиталистами или же отношение между представителями различных классов капиталистического общества. И в денежном кредите, далее, следует отличать кредитное отношение само по себе от обстоятельств, возникающих на его основе; обстоятельства последнего рода при товарном кредите материализуются в вексельном, при денежном же кредите — в чековом обращении. Наконец, и в денежном кредите нужно различать кредит как метод перераспределения наличного функционирующего капитала между различными отраслями производства, и кредит, как метод увеличения всего действующего капитала общества за счет бездеятельного путем использования периодического высвобождения капитала. Первое имеет место, когда капиталист отдает в ссуду капитал, который был бы нужен ему для поддержания своего производства в прежних размерах, а потому должен сократить последнее; второе же имеет место, когда он ссужает временно высвобождающийся и в течение этого времени ненужный ему капитал.

Было бы, однако, излишне подвергать все эти явления подробному исследованию, так как это было уже сделано в предыдущей главе. Поскольку товарному и денежному кредиту присущ ряд одинаковых признаков и функций, постольку сказанное там пришлось бы попросту повторить и здесь. Вместо этого мы анализ денежного кредита будем вести под углом зрения тех моментов, которые *отличают* его от товарного, лишь бегло отмечая стороны, общие для них обоих.

I

Начнем с рассмотрения денежного кредита внутри класса капиталистов.

С точки зрения перераспределения капиталов, кредитная форма перемещения капитала (как это было установлено при анализе товарного кредита) отличается своей эластичностью, т. е. тем, что передвижение капитала не ограничено здесь необходимостью предварительного накопления значительных сумм его и вложения их на значительный срок. Но если это отличается как денежный, так и товарный кредит от других форм перелива капитала, то денежный кредит рассматриваемого типа, в свою очередь, отличается от товарного своей значительно большей эластичностью.

вливаться на вопросе о месте кредита в движении конъюнктуры, мы не можем проанализировать и то значение, которое имеет кредит в деле подготовки кризисов.

Товарный кредит представляет собою индивидуальное отношение между двумя *определенными* капиталистами или, поскольку эти капиталисты являются лишь агентами производства,—между двумя *определенными* отраслями производства. *Определенность* этих отраслей состоит в том, что в цепной связи всех отраслей производства кредитуемая и кредитуемая отрасли непосредственно примыкают друг к другу. Поэтому, если отвлечься от циркуляции векселей, то восстановление нарушенного равновесия или использование высвобождающегося капитала при помощи перераспределения капиталов в порядке *товарного* кредита может иметь место лишь постольку, поскольку недопроизводству или связыванию капитала в одной отрасли (напр., ткацкой) соответствует перепроизводство или высвобождение капитала в *непосредственно примыкающей* к ней отрасли, поставляющей средства производства для первой (напр., прядильной). Однако, нарушение пропорциональности общественного производства или периодическое высвобождение и связывание капитала может и не иметь такого именно характера, но захватывать отрасли, стоящие на различных концах всей производственной цепи. В последнем случае отрасль А может нуждаться в добавочном капитале, отрасль Z—иметь излишний капитал, но передача капитала в порядке *товарного* кредитования может оказаться невозможной в силу того, что отрасли В, С, D, непосредственно связанные с отраслью А и могущие предоставить ей товарный кредит, не имеют для этого лишнего капитала, отрасли же Z и А непосредственно друг с другом не связаны.

Положение несколько изменяется благодаря вмешательству циркуляции векселей: отрасли В, С, D могут выступать тут в качестве посредников в деле перераспределения капитала между Z и А, причем это посредничество будет осуществляться таким путем, что эти отрасли, продавая свои товары в кредит отрасли А, будут уплачивать векселями А за товары отрасли Z.

Однако, и это не решает окончательно вопроса. *Во-первых*, и отрасли В, С, D могут не быть связаны с Z так, как это было бы нужно в данном случае, т. е. могут не быть покупателями по отношению к ней. Так как цепная связь восходящего характера имеет место не между любыми двумя отраслями производства, то отрасль А может не быть ни прямо (непосредственно), ни косвенно (через посредство других отраслей) покупателем отрасли Z, а, следовательно, никак не может получить часть капитала последней в порядке *товарного* кредитования. Так, напр., каменноугольная промышленность ни прямо, ни косвенно не может получать *товарного* кредита от хлопчатобумажной или пищевой; *во-вторых*, даже при наличии объективной возможности перераспределения капиталов через посредство *товарного* кредита это перераспределение встречает препятствие в виде частного характера *товарно-кредитной* сделки и возникающего на ее основе обязательства. Вексель есть обязательство частного капиталиста и как таковое ограничен в своей циркуляции. Поэтому если даже, напр., отрасль А и соединена в конечном счете с отраслью Z восходящей цепной связью, то и в этом случае векселям капита-

листов А может быть закрыт доступ к капиталистам Z, а, следовательно, перераспределение капиталов путем *товарного* кредита может оказаться недостижимым.

При денежном кредите отпадают все указанные только что препятствия для перераспределения капиталов. Тут, прежде всего, отпадает ограничительное условие в виде необходимости *непосредственной* или *косвенной* производственной связи восходящего порядка между кредитуемой и кредитуемой отраслями. Капиталисты любой отрасли производства могут предоставить денежный кредит капиталистам *любой* другой отрасли. Так, напр., в противоположность тому, что было замечено раньше по поводу *товарного* кредита, каменноугольная промышленность *может* получить *денежный* кредит от пищевой или хлопчатобумажной. Далее, благодаря концентрации свободного денежного капитала в банках и посредничеству последних, денежный кредит вообще обезличивается и отношение между кредитором и должником теряет свой индивидуальный характер: вся совокупность дебиторов банка является по существу должником всей совокупности его вкладчиков, но ни один отдельный капиталист не выступает при этом в качестве кредитора другого *определенного* капиталиста. То обстоятельство, что банк является по существу гарантом кредитоспособности должников перед кредиторами и берет на себя функцию распределения ссудных капиталов, освобождает денежный кредит от другого ограничительного условия, присущего *товарному* кредиту и относящегося уже не к характеру кредитуемой отрасли производства, но к индивидуальным особенностям кредитуемого капиталиста. Следовательно, и с этой стороны денежный кредит отличается значительно большей эластичностью, чем *товарный*.

Наряду с этим, денежный кредит значительно расширяет возможность перераспределения капитала еще и в другом отношении.

При *товарном* кредите должно иметь место не только определенное соответствие между контрагентами *кредитной* сделки (отраслями производства и отдельными лицами), но, сверх того, еще и совпадение сумм и сроков предоставляемого одним контрагентом кредита с суммами и сроками кредита, требующегося другому. Это само собой вытекает из того факта, что *товарный* кредит представляет собою непосредственное отношение между определенными индивидуальными капиталистами.

Посредничество банков при денежном кредите и концентрация в них значительной части всех ссужаемых денежных капиталов приводит к тому, что и вопрос о суммах и сроках кредита перестает служить ограничением *кредитных* сделок, как и вопрос о кредитоспособности отдельных капиталистов. Капиталист А, желающий ссудить на 3 месяца капитал в 10 000 р., не наталкивается уже здесь на препятствия вроде того, что известные ему капиталисты В, С, D требуют больших сумм и на более длительный срок. Банки концентрируют свободные капиталы различных величин и ссужаемые на различные сроки и распределяют их таким образом, что отдельные не-

совпадения оказываются в общей сумме уравненными, т. е. перестают служить границей кредита.

Больше того. Уравнение, которое при этом имеет место, не ограничивается только данным моментом времени, т. е. приспособлением *средних сумм* и сроков ссуды отдаваемых капиталов к *средним суммам* и срокам ссуды получаемых банками капиталов. В виду того, что извлекаемым из банка капиталам в каждый данный момент противостоят вновь притекающие вклады, срок оказываемых банком ссуд может и в *среднем* несколько превышать срок вкладов. Если и оставить в стороне, что благодаря этому на базе краткосрочных вкладов может в известной мере оказываться долгосрочный кредит в собственном смысле слова, то это обстоятельство все же существенно расширяет сферу денежного кредита по сравнению с товарным. Капитал, необходимый предприятиям в качестве кассовой наличности и выражающий собою в высшей степени краткосрочное высвобождение части их капитала, не может служить—в силу этой своей краткосрочности—источником для товарного кредитования. Денежный же кредит при посредстве банков притягивает и эту часть временно свободного капитала и использует ее.

Итак, если возможность перераспределения капиталов в порядке товарного кредита наталкивается на ряд весьма существенных ограничений, то в форме денежного кредита все эти ограничения отпадают. Поэтому осуществление миграции капиталов в наиболее эластичной форме ее является специфической функцией денежного кредита.

Поэтому-то именно здесь представляется уместным остановиться на обстоятельстве крупнейшего значения, которое было умышленно упущено нами при анализе товарного кредита—на *необходимости* кредитной формы миграции капиталов для самого *существования* капиталистического хозяйства, основанного на высоком развитии техники. Развитое капиталистическое производство базируется на высоком уровне техники, с которым связано и высокое органическое строение капитала. Это означает необходимость крупных капитальных затрат для организации новых предприятий и расширения старых. При наличии же такого условия восстановление нарушенного равновесия не может происходить за счет одного лишь накопления у капиталистов оставшей отрасли производства, но требует прилива к ним капиталов из других отраслей. Однако, то же самое обстоятельство, которое делает этот перелив капитала необходимым, препятствует осуществлению его в ином порядке, чем при помощи кредита, так как непосредственное прекращение капиталистом предприятия в одной отрасли и организация, за счет этого, нового предприятия в другой отрасли связаны для него с большими убытками (вследствие потери ценности основного капитала). Поэтому возникает противоречие между необходимостью восстановления нарушенного равновесия и имеющимися (некредитными) методами восстановления его. Но и товарный кредит, как мы видели, не в состоянии изменить дело коренным образом, поскольку его функция распределителя капиталов ограничена целым рядом условий и поскольку

поэтому при его посредстве могут быть исправлены лишь незначительные нарушения равновесия, устранение которых не требует вложения капитала на длительный срок. Противоречие решается лишь при помощи денежного кредита, который, следовательно, выступает здесь в качестве *необходимого* метода поддержания *равновесия* капиталистической системы, а, тем самым, и самого *бытия* последней.

Мы говорили выше о перераспределении капитала как методе *восстановления* нарушенного равновесия. Но вместе с тем нужно иметь в виду также и необходимость его для *поддержания* уже установившегося равновесия. Если иметь в виду не простое воспроизводство, а расширенное, то при нем *изменение* тех пропорций, в которых капитал распределен между различными отраслями производства, само является *условием равновесия* хозяйственной системы. Ведь, расширенное воспроизводство происходит на основе повышения технического и органического состава капитала, что означает перераспределение производительных сил и капитала общества между производством средств потребления и производством средств производства, увеличение доли второго за счет первого. И это перераспределение не могло бы протекать в достаточно быстром темпе, если бы оно происходило исключительно за счет различного хода накопления внутри каждой из этих сфер общественного производства. Оно требует *перелива* капитала (точнее,—вновь накапливаемой прибавочной ценности) из одной сферы в другую. И здесь, след., необходим кредит, как единственный вполне эластичный метод миграции капиталов.

Все сказанное выше выясняет, насколько денежный кредит является более эластичной формой перераспределения капитала *между промышленными капиталистами*, чем товарный кредит. Но он является несравненно более эластичным и как метод *перехода к промышленным капиталистам капиталов рантье*.

Рассуждая абстрактно, превращение действующего капиталиста в рантье может произойти и без посредства денежного кредита при помощи той особой формы кредитования, которую мы не включили ни в денежный, ни в товарный кредит, но которая с экономической точки зрения стоит ближе к последнему. Эта форма, сводящаяся к отдаче во временное пользование промышленных предприятий и средств производства, позволяет промышленному капиталисту превратиться в рантье, минуя денежную ссуду. Но и эта арендная форма кредита¹

¹ Собственно говоря, эту форму кредита можно отнести к товарному кредиту, понимая в этом случае последний в более широком смысле, чем то имело место выше. Товарный кредит тогда следовало бы определять просто как ссуду денежного капитала, воплощенного в форме конкретных товаров. По признаку же того, отдаются ли эти товары окончательно с обязательством денежного возмещения или же только временно с обязательством возврата их в натуральной форме, можно было бы этот кредит делить на: а) «продажный» и б) «арендный». В настоящей работе мы вообще исключаем арендный кредит из сферы нашего рассмотрения, а товарный кредит понимаем в более узком смысле—в смысле «продажного» кредита.

значительно менее эластична, чем денежная, так как она ограничена всеми теми условиями, которые сужают сферу возможностей товарного кредита, по сравнению с денежным (требуя совпадения контрагентов, сумм и сроков кредитуемого капитала). Напротив, в форме денежного кредита вовлечение рантье-капиталов¹ в общую орбиту капиталистического воспроизводства совершается значительно легче.

Итак, при посредстве денежного кредита происходит мобилизация не только тех денежных капиталов, которые выделяются в процессе текущего кругооборота капитала у *промышленных* капиталистов, но и тех, которые являются плодом прошлых кругооборотов последнего и накапливаются в руках слоя *рантье*.

Кроме всех уже отмеченных особенностей денежного кредита, нужно остановиться еще на одной, в высшей степени для него характерной и важной. Речь идет о соотношении между движением ссудного и действительного (производительного) капитала. Товарный кредит есть ссуда капиталов, *занятых* в процессе воспроизводства, находясь на определенной стадии этого процесса—стадии товарного капитала для одного контрагента и производительного капитала—для другого. Поэтому и движение товарного кредита параллельно движению самого процесса воспроизводства: его сокращение и расширение соответствуют сокращению и расширению производства. Напротив, денежный кредит есть ссуда *свободных* капиталов, *могущих* только превратиться из потенциальных в действительные, а, следовательно, *могущих* и *не превратиться* в таковые. В этой форме кредита скрыта, таким образом, *возможность* несовпадения движения ссудного капитала с движением действительного капитала: росту ссуд может не соответствовать рост производства. И эта возможность в периоды кризисов превращается в *реальность*. Деньги ссужаются здесь не для того, чтобы начать новый цикл воспроизводства или движение нового капитала, но для завершения старого цикла, для платежа долгов по купленным в кредит и нереализованным товарам и по другим обязательствам. В этом случае расширение денежного кредита обуславливается не расширением, но, напротив, перерывом в процессе воспроизводства действительного капитала. При *таком* кредите сумма функционирующего капитала не увеличивается.

Что же здесь ссужается? Разберем это на примере. Если ткач купил в кредит пряжу на 10 000 р. и, благодаря кризису, оказывается не в состоянии реализовать свои ткани до истечения срока платежа за пряжу, то он принужден прибегать к денежному кредиту для оплаты векселя. Занимая 10 000 р. и уплачивая их прядильщику, он не получает добавочного капитала для расширения своего производства, но лишь предохраняет себя от банкротства². Но и

¹ Под рантье-капиталами здесь понимаются только капиталы промышленных капиталистов, превращающихся в рантье; что касается превращения на базе денежного кредита в рантье других групп, то об этом будет речь ниже.

² Искусственным, на наш взгляд, является рассмотрение этого кредита как получения добавочного капитала на том основании, что при его помощи в пред-

прядильщик не получает тут добавочного капитала, а лишь превращает вексель, полученный им за ранее отчужденный товар, в форму наличных денег, т. е. заканчивает метаморфоз своего товарного капитала, выразителем ценности которого был вексель. Мы видим на этом примере, что в рассматриваемом случае кредит и субъективно (для обеих сторон), и объективно (с точки зрения общественного воспроизводства) доставляет не дополнительный капитал в денежной форме, но лишь деньги в качестве абсолютной формы ценности и всеобщего платежного средства. Поэтому и ссуды такого рода можно сокращенно обозначать как ссуду *денег*, в отличие от ссуды *капитала*, имеющей место при нормальном течении воспроизводственного процесса¹. И, действительно, такое противопоставление, как будет показано в дальнейшем, имеет место у Маркса.

II

Данный выше анализ роли и особенностей денежного кредита не требовал от нас рассмотрения всех различных технических форм этого кредита в отдельности. Тем не менее, нам все же придется остановиться на вопросе об одной из таких форм—об учете векселей. Вопрос этот представляет для нас интерес как в силу тех споров, которые вокруг него имеют место, так и благодаря тому, что рассмотрение его даст более ясное представление о природе денежного кредита в целом, а именно о той его особенности, которая была указана в конце предыдущего раздела.

Следуя тому методу, который мы уже неоднократно применяли выше, начнем и здесь с разбора конкретного примера.

Допустим, что прядильщик продал ткачу пряжу на 10 000 р. в кредит под трехмесячные векселя. Таким образом, ткач получил возможность пользования добавочным капиталом в размере 10 000 р. сроком на 3 месяца; прядильщик же (поскольку он не компенсирует предоставляемый им кредит—кредитом, предоставляемым ему) лишается на тот же срок пользования этим своим капиталом. Так обстоит дело, поскольку отсутствуют циркуляция и учет векселей. Если вексель начинает циркулировать и прядильщик употребляет его, напр., в качестве покупательного средства при приобретении хлопка, то он уже не лишается пользования своим капиталом. Фактически он в этом случае выходит из кредитного отношения, а место кредитора в этом отношении занимает производитель хлопка, получивший за

приятии *удерживается* добавочный капитал, полученный при товарном кредите. Такова точка зрения проф. З. С. Каценеленбаума. См. «Учение о деньгах и кредите», ч. 2-я, стр. 48—52.

¹ Следует отметить, что эта терминология может быть применена исключительно в целях экономии слов, так как сама по себе она не является точной. «Деньги» как-будто вообще противопоставляются здесь «капиталу», тогда как на самом деле они и в данном случае являются формой капитала. Правильнее говорить о ссуде *денежной формы* капитала в отличие от ссуды *добавочного капитала* в денежной форме.

свой хлопок вексель ткача. Однако, вексель в своей циркуляции ограничен. Допустим поэтому, что хлопок прядильщик может купить только за наличный расчет. В таком случае ему остается либо сократить масштаб производства¹, либо искать наличных денег. В последнем отношении на помощь ему приходит учет векселей. Рассмотрим эту операцию прежде всего с точки зрения прядильщика, который учел вексель.

Учтя вексель, прядильщик по существу вышел из кредитного отношения: он передал банку право требования на ссуженный им в порядке товарного кредитования капитал, сам взамен этого получил капитал в реальной денежной форме; проценты же, уплаченные им за учет, компенсируются теми процентами, которые он получил от своего покупателя в виде вошедшей в вексельную сумму надбавки, представляющей собою разницу между ценою в кредит и ценою за наличные. Место кредитора занял теперь формально банк, фактически же, с народно-хозяйственной точки зрения, вкладчик банка, деньгами которого был произведен учет. Как бы то ни было, но прядильщик не получил, благодаря учету, добавочного капитала. Если рассматривать данную сделку в общей связи всех его хозяйственных действий, то учет векселей окажется не чем иным, как последним актом превращения его наличного капитала из товарной формы в денежную,—превращения, первым актом которого было получение прядильщиком векселя ткача. Таким образом, с точки зрения прядильщика вполне правильно рассматривать учет векселей в качестве простого акта обмена, а не кредитной сделки. Можно ли, однако, превращать точку зрения прядильщика в объективно правильную, как то делает в своих примечаниях к 3-му тому «Капитала»² Энгельс, а за ним и некоторые другие авторы³? Для ответа на этот вопрос рассмотрим весь процесс с точки зрения общественного воспроизводства, каковую только и можно считать объективно истинной.

Мы видели, что, уплатив векселями за пряжу, ткач получил в свое пользование добавочный капитал; прядильщик же, учтя векселя ткача, вернул себе ссуженный последнему капитал. Следовательно, прядильщик может продолжать свое производство в неизменном масштабе, ткач же получает возможность расширения своего производства. И поскольку последнее имеет место в действительности, постольку общественное производство в целом оказывается увеличившимся. Если мы опустим промежуточные звенья всего

¹ Мы предполагаем, что предоставление им кредита ткачу происходило не за счет высвобождающегося у него капитала.

² См. «Капитал», т. III, ч. I-я, стр. 403—405 и 430—431.

³ См., напр., статью А. Мендельсона.—«Средства обращения и капитал» в «Под знаменем марксизма» за 1923 г., № 8—9, стр. 258—260, а также в сборнике «Теория кредита» статьи Богданова (стр. 35—37) и Лаврентьева (прим. на стр. 228). Между прочим, у последнего имеется и другое понимание различия между ссудой денег и ссудой капитала, согласно которому учет векселей должен был бы попасть в рубрику ссуды капитала (см. там же, стр. 227—229). Однако, им не делается никакой попытки связать друг с другом эти различные определения.

процесса и возьмем лишь крайние его моменты, то мы увидим, что источником этого расширения было превращение бездеятельного капитала¹ вкладчика банка в функционирующий капитал в руках ткача. Действительным кредитором оказался вкладчик, действительным должником—ткач; что же касается двух других участников всего этого оборота—прядильщика и банка—то они явились посредниками, вмешательство которых только и дало возможность осуществления данного кредитного отношения: прядильщик явился посредником между ткачом и банком, банк—посредником между прядильщиком и вкладчиком.

Итак, мы приходим к выводу, что точка зрения общественного воспроизводства совпадает здесь с точкой зрения не номинального должника—векселепредъявителя (в приведенном примере—прядильщика), но действительного должника—векселедателя (в нашем примере—ткача). С точки зрения последнего, которая совпадает с точкой зрения общественного воспроизводства и потому является объективно правильной, учет векселей представляет собою ссуду добавочного капитала и в этом отношении вполне аналогичен бланковому кредиту. *Учет векселей есть ссуда капитала вкладчика векселедателя.*

Все сказанное нами выше, само собою разумеется, относится лишь к случаю нормального течения процесса воспроизводства, когда учет векселей служит средством расширения производства, т. е. ссуда денег под учет векселей обслуживает новый цикл кругооборота действительного капитала. Иначе обстоит дело в периоды кризисов. Расширенный учет векселей отнюдь не отражает в этом случае расширения процесса воспроизводства и не обслуживает роста действительного капитала. Если наш прядильщик при нормальных условиях предъявляет к учету только на 10 000 р. векселей, в момент же кризиса предъявляет их на 20 000 р., то в первом случае эти 10 000 р. начнут новый кругооборот капитала, в последнем же случае 20 000 р. или, во всяком случае, значительная часть их послужит лишь для покрытия обязательств, возникших на основе прежнего кругооборота и не могущих быть погашенными, вследствие невозможности реализации товаров. Хотя бы ткач, уплативший векселями прядильщику, и расширил свое производство за счет этого полученного им товарного кредита, увеличение производства и рост действительного капитала в общественном масштабе не будет иметь места. Расширение ткацкого производства будет компенсироваться сокращением прядильного, поскольку прядильщик не в состоянии использовать полученные в порядке учета векселей деньги для закупок новых элементов производительного капитала. Таким образом, с общественной точки зрения денежный кредит в форме учета векселей не обуславливает здесь расширения процесса воспроизводства. *Такой* учет векселей есть ссуда денежной формы капитала, а не добавочного капитала. Однако, в этом отнюдь нельзя усмотреть

¹ Или даже, как увидим в IV разделе, дохода.

особенности *вексельного* кредита. И *бланковый* кредит, поскольку он предоставляется (или предоставлялся бы) в моменты кризисов и служит (или служил бы) для уплаты старых долгов, должен быть рассматриваем, упрощенно говоря, как ссуда *денег*, а не *капитала*. Следовательно, дело здесь не в особенностях *той или иной технической формы* денежного кредита, но, во-первых, в особенностях *денежного кредита вообще*, который, в отличие от товарного, создает *возможность* расхождения между движением ссудного и действительного капитала, а, во-вторых, в особенностях *того момента промышленного цикла*, который превращает эту возможность в *действительность*¹.

Совершенно аналогичным должен быть подход и к ссудам под товары. Формально заемщик во всех случаях получает здесь известную сумму денег под залог своего товара. По существу эта ссуда в одних случаях будет ссудой капитала, в других же—ссудой денег. Первое имеет место, когда полученная взаймы сумма служит для расширения процесса воспроизводства, т. е. когда ссуженные деньги служат исходным пунктом движения нового капитала и совершают

акт $D \begin{matrix} \swarrow \text{Сп} \\ \searrow \text{Рс} \end{matrix}$ (обмениваются на элементы производительного капитала).

Второе имеет место, когда полученная сумма обслуживает простое перемещение *D*, платеж по прежним обязательствам. Когда же в действительности осуществляется та или другая возможность,—это зависит от объективных условий движения промышленной конъюнктуры.

III

Может показаться, что изложенное выше понимание вопроса не соответствует взглядам Маркса. Однако, внимательное рассмотрение различных мест, в которых Маркс высказывается об учете векселей, показывает обратное.

Прежде всего, взглянем на то общее условие, которое является по Марксу необходимым для того, чтобы денежная ссуда представляла вместе с тем и ссуду капитала. «Капитал, приносящий проценты, продолжает оставаться капиталом лишь постольку, поскольку данные в ссуду деньги действительно превращаются в капитал и постольку производится излишек, часть которого есть процент»². На основании этого критерия и учет векселей, и подтоварные ссуды представляют ссуду капитала, «поскольку данные в ссуду деньги действительно превращаются в капитал», т. е. поскольку они обслуживают новый цикл кругооборота капитала или превращаются в новый производительный капитал. Но пойдём дальше.

То, что марксово различие ссуды денег и ссуды капитала имеет в виду не различие одновременно существующих технических форм

¹ Само собой разумеется, что нам пришлось очень схематизировать действительные отношения и что ни одной фазе промышленного цикла не соответствует исключительно ссуда денег или же ссуда капитала. Мы имеем в виду лишь типичные для каждой из этих фаз явления.

² К. Маркс.—«Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 358.

кредита (вексельного, подтоварного, бланкового и т. п.), но различие последовательно сменяющих друг друга фазисов кредитного цикла—это видно из той формулировки проблемы, которая им в одном месте дается. Указав на случаи «потрясения кредита и сопровождающих его обстоятельств: переполнения рынков, обесценения товаров, перерыва в производстве и т. д.»¹, Маркс говорит следующее: «Можно было бы еще спросить: в чем же чувствуется недостаток в *такие трудные времена*, в капитале или в деньгах в их функциональной форме платежного средства? Как известно, в этом и заключается *спор*»². Из этих слов мы ясно видим, что вопрос о ссуде денег, в противоположность ссуде капитала, ставится Марксом не вообще, in abstracto, но в применении к определенным моментам промышленных циклов—*кризисам*. И решается он или в том смысле, что «при этом (речь идет о «моменте, когда иностранные рынки переполнены не находящим реализации английским товарным капиталом». Э. Б.) требуется (для экспорта. Э. Б.) капитал не как *капитал*, а капитал, как *деньги*, в форме, в которой деньги суть общий товар мирового рынка»³. В другом месте ту же самую мысль Маркс выражает в следующих словах: «в *такие периоды стесненности* в деньгах... кредитная сделка обслуживает платежи, расчет по которым является единственной целью дела», «*во времена кризисов* ссуда берется для того, чтобы платить, а не для того, чтобы покупать; чтобы заключить прежние сделки, а не начинать новые»⁴.

И когда Маркс говорит об учете векселей, как ссуде денег, а не капитала, то это часто является именно применением к конкретным случаям приведенных выше общих положений. Иначе говоря, Маркс имеет при этом в виду учет векселей *в моменты кризисов*. Так, напр., когда Оверстон в ответ на вопрос о том, что требуется в моменты кризисов—деньги или капитал—отвечает: «Трудность получить деньги и трудность получить капитал—одна и та же трудность, рассматриваемая в два различных момента ее развития»⁵, Маркс прерывает изложение следующей репликой: «Здесь рыба снова крепко попалась. Первая трудность—учесть вексель или получить ссуду под залог товара. Трудность состоит в том, чтобы превратить в деньги капитал или торговый знак стоимости капитала... Но раз деньги уже получены, в чем же тогда состоит вторая трудность? Если речь идет только о платеже, разве кто-нибудь найдет трудность в том, чтобы освободиться от своих денег? А если речь идет о купле, разве хоть когда встречал кто-нибудь *в эпоху кризиса* затруднение купить товар?»⁶.

¹ К. Маркс.—«Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 435.

² Там же, стр. 435 (курсив мой. Э. Б.).

³ Там же, стр. 427; курсив Маркса.

⁴ Там же, стр. 433—434 (курсив мой. Э. Б.).

⁵ К. Маркс.—«Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 407.

⁶ Там же, стр. 407—408 (курсив мой. Э. Б.). Между прочим, эту цитату, как и одну из приведенных выше тов. Мендельсон удивительным образом приводит в доказательство как раз противоположного тому, что они означают. См. цитир. статью, стр. 255—256.

Следует, далее, отметить, что весь смысл различения Марксом ссуды денег и ссуды капитала будет утрачен нами, если мы не будем иметь в виду тот контекст, в котором оно фигурирует. Этот контекст представляет собою полемику с Оверстоном и другими банкирами, стремившимися прикрыть свои специфические интересы ссудных капиталистов идеей тождества кредита и ссуды добавочного капитала, идеей соответствия между движением ссудного и движением действительного капитала. Маркс вскрывает их ошибку, указывая на то, что промышленный цикл необходимо включает в себя такие моменты, когда движения ссудного и действительного капитала оказываются противоположными, когда рост ссуд не выражает роста воспроизводства, и, поэтому, кредит представляет собою лишь ссуду *денежной формы* капитала, а не *добавочного* капитала. Если речь и идет при этом все время об учете векселей, то только потому, что рост спроса на кредит в моменты кризисов происходит по преимуществу в форме представления к учету добавочной массы векселей.

Наконец, мы имеем и совершенно бесспорное доказательство того, что при определенном условии Маркс и вексельный, и подтоварный кредит признает ссудой капитала, и что это условие имеет место (говоря словами Маркса, приведенными в начале этого раздела), «поскольку данные в ссуду деньги действительно превращаются в капитал». Таким доказательством служит следующая, не допускающая никаких кривотолков, цитата из «Теорий прибавочной ценности»:

«Здесь не говорится о тех случаях ... когда, напр., деньги даются займы «расточителю», т. е. для потребления. Тот же случай может, однако, случиться когда они одалживаются для *платежа*. В обоих случаях они отдаются займы, как деньги, а не как капитал; но для их собственника они становятся *капиталом* благодаря только акту отдачи займы. Во втором случае, при дисконтировании или ссуде на товары, непроданные в данный момент, они могут относиться к процессу обращения капитала, необходимому превращению товарного капитала как денежный капитал. *Поскольку* ускорение этого процесса превращения—как в настоящем кредите—ускоряет воспроизводство, следовательно, производство прибавочной ценности, *долженны деньги являться капиталом* (курсив в этой фразе—мой. Э. Б.). Поскольку они, наоборот, служат лишь для уплаты *долгов*, не ускоряют процесса воспроизводства, быть может, делают его невозможным или сокращают,—они представляют лишь *платежное средство* (только) деньги для заемщика, и для *заимодавца—капитал, на самом деле независимый от процесса капитала*»¹.

Против изложенного выше понимания точки зрения Маркса, основанного как на анализе общей постановки их проблемы и метода ее рассмотрения, так и на конкретных его высказываниях, можно выставить только пару разрозненных цитат².

¹ К. Маркс.—«Теории прибавочной ценности», т. III, стр. 380; курсив везде, за исключением оговоренного, принадлежит Марксу.

² Так, напр., в одном месте («Капитал», т. III, ч. 1-я, стр. 403) Маркс говорит следующее: «Спрос на деньги как таковые всегда сводится только к жела-

Из этих цитат как будто неоспоримо следует, что как самые понятия ссуды денег и ссуды денежного капитала, так и оценка вексельного кредита Марксом прямо противоположны тому, что было установлено нами раньше. Под ссудой денег здесь понимается кредит, покрытый эквивалентной ценностью (в виде товара или товарного векселя), под ссудой капитала—бланковый кредит или кредит под бронзовые векселя. Вместе с тем учет торговых векселей и подтоварный кредит вообще и всегда подпадают под рубрику ссуды денег, а не денежного капитала.

Таким именно пониманием вопроса и ограничиваются цитированные выше (на стр. 52) авторы. При этом, однако, упускаются из виду те соображения и цитаты, которые были приведены нами ранее (в частности, цитата из «Теорий») и которые нельзя просто игнорировать. Если же учесть и их, то получается, повидимому, безвыходное внутреннее противоречие во взглядах Маркса, согласно которому вексельный кредит с одной стороны, всегда есть ссуда денег и только денег, а с другой—является также и ссудой денежного капитала.

В действительности, однако, дело не обстоит так печально. Единственное «противоречие», которое здесь у Маркса имеется, это противоречие терминов: одни и те же слова употребляются им при рассмотрении различных вопросов и для обозначения различных сторон кредитных явлений, что подает повод к неправильным выводам и толкованиям. Что же касается самого существа высказываемых им взглядов, то здесь никакого противоречия не оказывается, и именно потому, что в обоих случаях речь идет о рассмотрении кредитных сделок под совершенно различными углами зрения.

Рассматривая денежный кредит вообще и отвлекаясь от специального анализа различных технических форм его, Маркс принимает в качестве критерия различения ссуды денег и ссуды капитала соотношение между кредитом и *общественным капиталом, об'ективные* результаты кредитной сделки, влияние ее на процесс воспроизводства в *общественном* масштабе. С этой точки зрения различия между техническими формами денежного кредита (напр., вексельной и бланковой) оказываются несущественными. Под ссудой капитала в этом случае понимается всякий кредит (в том числе и вексельный), раз только он обслуживает увеличение общей суммы функционирующего общественного капитала и расширение общественного воспроизводства, под ссудой же денег—простое передвижение последних, которому не соответствует никакое движение действительного капитала. При таком подходе к вопросу внимание сосредоточивается на *конечных* следствиях кредитных сделок и отвлекается от их *конкретного, непосредственного* характера. Так, напр., учет векселей оказывается здесь при нормальных условиях конъюнктуры ссудой

нию превратить стоимость их из формы товара или долговых требований в форму денег. Поэтому-то, даже оставая в стороне кризисы, существует крупное различие между займом капитала и учетом, который только осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги». Ср. также стр. 401 и т. III, ч. 2-я, стр. 53.

капитала вкладчика векселедателя, причем оставляется в стороне, какова его роль для непосредственного заемщика—векселепед'явителя. Понятие ссуды денег и ссуды капитала обобщают тут различие об'ективных функций кредита в различные фазы промышленного цикла.

Но, на-ряду с этим подходом, который является у него основным, мы находим у Маркса и некоторые замечания, исходящие из *иной постановки вопроса*. Иногда Маркс задается целью установить не особенности *самой денежной формы кредита* как таковой, но особенности различных *технических форм этого денежного кредита*. Приведенная в примечании и подобные ей цитаты и отражают именно этот второй подход к вопросу. Что же получается при рассмотрении кредитных явлений под *таким* углом зрения? Ясно, что в этом случае уже нельзя отвлекаться от конкретного характера тех или иных кредитных сделок и отношений, возникающих между непосредственными их участниками. Законным критерием различения форм кредита здесь служит уже соотношение кредита с *индивидуальным* капиталом непосредственных участников кредитной сделки и результаты последней для этих именно *суб'ектов*. Но в таком случае *вексельный* кредит, как таковой, отличается от *бланкового*; при последнем индивидуальный капитал заемщика *увеличивается* за счет полученного кредита, при первом же (если только учитываются не бронзовые векселя) капитал его меняется не по своей *величине*, но лишь по *форме*, превращаясь из вексельной формы (представлявшей, в свою очередь, отчужденный товарный капитал) в денежную. Нельзя, ведь, отрицать того, что *для векселепед'явителя* кредит не служит способом увеличения капитала¹, хотя бы по отношению ко всему *обществу* в целом и играл такую роль. Таким образом, *суб'ективно*, с точки зрения непосредственного заемщика, вексельный кредит всегда отличается от бланкового и представляет собою только ссуду денег, а не капитала, или, как выражается Маркс, отличается, *«даже оставляя в стороне кризис»*.

Итак, различие ссуды денег и ссуды капитала имеет у Маркса двойное значение. В одном случае оно характеризует об'ективное соотношение между ссудным и действительным капиталом вообще и чуждо различию технических форм денежного кредита и суб'ективной точке зрения его непосредственных участников. В другом случае оно характеризует именно и только соотношение между этими техническими формами и производится с точки зрения прямых участников кредитной сделки. В результате этого, различие ссуды денег и ссуды капитала оказывается в первом случае различием денежного кредита во всех его видах в разные моменты промышленного цикла, во втором же случае—различием особых видов денежного кредита—вексельного и бланкового, независимым от об'ективных, общественных результатов обоих.

¹ Хотя и служит средством его *мобилизации*.

После всего сказанного не приходится уже говорить ни о противоречии между этими взглядами, ни о неправильности какого-нибудь из них. Можно лишь говорить об удельном весе и значении обоих постановок вопроса и соответствующих им выводов. И едва ли есть надобность в специальных доказательствах того, что основное и принципиальное значение имеет именно первая постановка вопроса—подход к нему с точки зрения *общественного воспроизводства* в целом, а не *индивидуального капитала* непосредственного заемщика. Ясно, поэтому, что ошибаются те, кто упускают совершенно из виду эту важнейшую постановку проблемы, подменяя различие об'ективных функций кредита различием технических форм его.

IV

Кредитное отношение, рассматриваемое с точки зрения участвующих в нем сторон, при денежном кредите может носить такой же характер, как и при товарном. И здесь на-ряду с основной формой—кредитом, оказываемым производительными капиталистами друг другу, имеют место и сделки, при которых одной из сторон кредитного отношения являются не-капиталистические классы и группы. Подобные сделки по существу оказывают такое же действие, как и соответствующего типа сделки товарного кредитования, разобранные в первой главе. Если капиталисты выступают в качестве должников, то это означает увеличение всего капитала в распоряжении класса капиталистов за счет доходов не-капиталистических классов. Если же они являются кредиторами, то это равносильно отвлечению части капитала от производительного¹ назначения и превращению его в ростовщический капитал. Подробный анализ обоих случаев дан в предыдущей главе в связи с исследованием товарного кредита. Теперь же остановимся на некоторых моментах, отличающих денежный кредит этого типа от товарного.

В первую очередь здесь нужно отметить то обстоятельство, что с точки зрения увеличения капитала класса капиталистов, за счет доходов различных классов, денежный кредит имеет несравненно большее значение, чем товарный. Превращение доходов в капитал при посредстве товарного кредитования ограничивается, прежде всего тем, что оно может иметь место лишь за счет доходов тех классов и групп, которые могут выступать в качестве продавцов своих товаров капиталистам. Таковыми являются только рабочие и самостоятельные товаропроизводители. При денежном кредите это ограничение отпадает. Любой обладатель денежного дохода может здесь стать кредитором; и, действительно, банковая система привлекает и концентрирует доходы самых разнообразных слоев общества, передавая их в распоряжение класса капиталистов. Заработная плата, доходы мелких произ-

¹ В капиталистическом смысле этого слова, так как с другой точки зрения кредит, предоставляемый не-капиталистическим классам, может использоваться ими (напр., ремесленниками) и производительно.

водителей, земельная рента, налоги, равно как и все производные от этих доходы аккумулируются и служат источником нового производительного капитала.

Условия денежного кредита не только увеличивают число тех категорий лиц, которые могут выступить в качестве кредиторов и передать принадлежащие им ценности в пользование класса капиталистов, но и независимо от этого расширяют возможности подобного кредитования. Так, напр., ссужать капиталистов в порядке товарного кредита мелкие производители могут лишь в той мере, в какой они сбывают свои товары капиталистам, тогда как для денежного кредита такое ограничение отсутствует.

Наконец, и в вопросе о сроке кредитования денежный кредит представляет значительные преимущества в рассматриваемом отношении. Товарный кредит вообще краткосрочен, особенно же краткосрочен товарный кредит, предоставляемый капиталистам рабочими при продаже последними их рабочей силы. Денежный кредит, предоставляемый капиталистам другими классами и группами, может быть как краткосрочным, так и долгосрочным. В частности, источником долгосрочных вложений могут служить доходы землевладельцев, государства и т. п. Более того, на основе денежного кредита превращается в долгосрочные даже часть вкладов тех классов и слоев населения, которые, казалось бы, не в состоянии предоставить долгосрочный кредит. Это происходит потому, что при непрерывной текучести каждого из таких вложений противоположные движения в известной мере взаимно уравниваются, так что в общем итоге оказывается налицо известный неподвижный остаток, который и может быть использован для целей более или менее долгосрочного кредитования.

Все отмеченные выше моменты с достаточной ясностью характеризуют то огромное значение, которое имеет денежный кредит с точки зрения расширения капиталистической системы за пределы наличного (в руках класса капиталистов) капитала при помощи мобилизации всех свободных денежных доходов и превращения их в добавочный капитал¹.

Вместе с тем особенностью денежного кредита этого типа является влияние, оказываемое им на социальное положение должников. В то время, как товарный кредит, предоставляемый капиталистам со стороны не-капиталистических классов является как правило безвозмездным, денежный кредит этого рода обычно оплачивается процентами. С одной стороны, это означает относительное уменьшение дохода, получаемого капиталистами, благодаря использованию этого кредита: здесь они присваивают себе уже не всю прибыль, но лишь предпринимательский доход. Но, с другой стороны, это означает также частичное превра-

щение всех вкладчиков в капиталистов-рантье. Это обстоятельство, не меняя в основном об'ективной социально-экономической позиции этих вкладчиков, может существенно отразиться на их суб'ективной позиции. Квалифицированный рабочий, получающий пару сотен рублей годовых процентов на накопленный им доход, не перестает быть эксплуатируемым (поскольку создаваемая им прибавочная ценность значительно превышает присваиваемую им) и, следовательно, об'ективно заинтересованным в уничтожении условий этой эксплуатации. Суб'ективно, однако, дело может обстоять иначе, и рабочий может оказаться захваченным в плен капиталистической идеологией. Доказательством того, что это в известной мере и имеет место в действительности, может служить, напр., пропагандируемая рабочей бюрократией Соединенных штатов идея рабочих банков. Реформистская иллюзия превращения через систему кредита всех рабочих в капиталистов и уничтожения этим путем классового общества служит здесь хорошим прикрытием для действительного прикрепления рабочих к победоносной колеснице «самовозрастающего» капитала.

V

Подобно ряду других моментов, создание кредитных орудий обращения и развитие безденежных расчетов не являются специфической принадлежностью одного какого-нибудь вида кредита—товарного или денежного—но возникают на основе каждого из них. Если при товарном кредите эти явления связаны с векселем, то в случае денежного кредита его место занимает чек. Однако, и здесь денежный кредит обнаруживает некоторые существенные особенности, отличающие его от товарного.

На основе денежно-кредитной сделки—вклада—возникает особое кредитное орудие обращения—чек, который на ряду с деньгами и векселями выступает в качестве покупательного средства. Если продавец, получивший в обмен за свой товар чек, пред'явит его немедленно к уплате, т. е. потребует по нему наличные деньги, то никакая экономия денег на основе чекового обращения не будет иметь места. Правда, вообще эта экономия будет налицо уже постольку, поскольку выдаче чека предшествовал вклад денег в банк, который означал сокращение непроизводительного денежного капитала. Однако, в данном случае экономия обусловлена денежно-кредитной сделкой самой по себе (вкладом), а не возникающим на ее основе и в качестве производного явления чековым обращением. Последнее не дает здесь никакой добавочной экономии: уменьшается не количество необходимых денег, но лишь число перемещений или оборотов, совершаемых ими; одна и та же сумма денег вместо двух оборотов (от банка к вкладчику и от вкладчика к его контрагенту-продавцу) прodelывает только один (от банка к контрагенту вкладчика).

Но участники оборота занимают в нем по правилу не одностороннее, а двухстороннее положение, и являются как продавцами, так и покупателями. Поэтому они не только получают чужие чеки за

¹ Следует, вместе с тем, отметить, что этому действию денежного кредита на другой стороне противостоит отвлечение части наличного капитала от производительного назначения и направление его в ссуды на непроизводительные цели государству и землевладельцам.

продаваемые товары, но и платят своими чеками за покупаемые ими товары. В результате часть их требований уравнивается обязательствами, так что часть чековых оборотов заканчивается без расчета по ним наличными деньгами, а путем простого взаимного зачета. Если, напр., А заплатил В чеком на 1 000 р., а В—С своим чеком тоже на 1 000 р. и к концу дня все они пред'являют свои чеки в банк, то все операции сведутся к списыванию 1 000 р. со счета А и выплате их С, так что при обороте в 2000 р. денежные расчеты сведутся только к 1 000 р., остальная же 1000 р. будет сэкономлена благодаря взаимному зачету. Размер этой экономии зависит от того, насколько замкнутой оказалась цепь денежных отношений. Так, напр., если предположить, что и С платит А чеком в 1 000 р., то окажется, что оборот в 3 000 р. погасится без выплаты хотя бы одной копейки наличных денег, т. е. экономия последних увеличится.

В этом отношении, однако, нет никакой существенной разницы между чековым и вексельным обращением¹. И там, и здесь платежные отношения могут в большей или меньшей степени смыкаться в круг, что обуславливает взаимный зачет обязательств и экономию денег. Иначе обстоит дело, если мы перейдем к другим сторонам чекового обращения.

Продавец, получивший за свой товар чек, может не пред'являть последнего ни к немедленному погашению, ни к зачету. Он может использовать его, минуя вообще банк, т. е. бросив его вновь в обращение путем покупки на него товара у третьего лица. Таким путем один и тот же чек может обслужить ряд товарных сделок и совершить несколько переходов из рук в руки. Поскольку это его обращение предполагает *истечение некоторого промежутка времени* с момента выдачи чека (промежуток этот, правда, ограничен кратким сроком действия чека—5—10 днями), постольку чековое обращение само по себе оказывается фактором экономии денег и денежного капитала. Дело в том, что неполучение денег по выданному чеку, сопровождающее циркуляцию последнего, равносильно удлинению срока вклада. А из этого следует, что в той мере, в какой вклад вообще означает экономию непроизводительного денежного капитала, возникающее на основе вклада чековое обращение означает *добавочную экономию* этого капитала, так как оно удлиняет срок действия вклада.

Эта добавочная экономия денег является особенностью чекового обращения, в отличие от вексельного. При обращении векселей срок предоставленного первоначально (при выдаче векселя) кредита не удлиняется, но имеет место лишь простое перемещение кредитного знака. Раз, таким образом, циркуляция векселя не отодвигает срока

¹ Если не считать того, что чековое обращение имеет вообще преимущества над вексельным, вытекающие как из природы денежного кредита (возможность использования краткосрочных кассовых остатков), так и из большей обеспеченности платежа по чеку. Что касается такого ограничения чекового обращения, как необходимость доверия к чекодателю, то оно устраняется посредством применения т. н. сертифицированных чеков. См. J a f f e, «Das englische Bankwesen», Leipzig, 1905, стр. 121—122.

платежа по нему, то деньги все равно вступят в обращение в тот же самый момент времени, как и при отсутствии этой циркуляции. Экономия денег при этом может обуславливаться лишь самой первоначальной кредитной сделкой (если она так передвигает срок вступления денег в обращение, что при этом увеличивается скорость их обращения и уменьшается масса бездеятельного в форме сокровища денежного капитала), либо же взаимным зачетом обязательств. Что же касается вексельного обращения, рассматриваемого самого по себе, т. е. независимо от обоих этих моментов, то оно сокращает не количество необходимых денег, но лишь число их передач⁴. Напротив, чековое обращение *удлиняет* кредит, увеличивая время пребывания вклада в банке, а тем самым оно увеличивает ту экономию денег, которая на основе этого кредита получается.

Но если здесь значение чекового обращения ограничено краткостью того срока, в течение которого каждый чек может функционировать в качестве средства обращения, то зато на его основе развивается еще один метод экономии денег, имеющий огромное значение. Лицо, получившее за свой товар чек, может использовать его одним из следующих трех способов: 1) пред'явить его к немедленной оплате наличными деньгами, 2) бросить его непосредственно в обращение в качестве покупательного или платежного средства, 3) сделать им вклад в банк. Первые два случая мы рассмотрели выше. В третьем же случае оказывается налицо расширение сферы денежно-кредитных отношений и более или менее значительное удлинение срока пребывания вклада в банке. В самом деле—если А, получивший чек от В, не пред'являет его к уплате, но делает им вклад, то это представляет собою расширение круга кредитных отношений (вовлечение в них нового лица) и вместе с тем удлинение кредита, постольку внесенный первоначально В вклад просто переписывается на А и продолжает в течение некоторого времени находиться в распоряжении банка. Это удлинение срока вклада можно рассматривать, как получение нового вклада: подобно тому, как первоначальный вклад означает использование бездеятельного денежного капитала вкладчика и тем самым сокращение всего бездеятельного капитала общества, так перенесение суммы вклада на другое лицо означает использование того капитала, который был бы бездеятельным у этого последнего. В результате, на основе чекового обращения и мобилизации всех кассовых остатков, получается значительная экономия непроизводительного денежного капитала.

VI

Подведем некоторые итоги сделанному в этой главе разбору особенностей денежного кредита.

⁴ Если, напр., А покупает у В товар за вексель в 1 000 р., то при известных условиях эта кредитная сделка означает экономию 1000 р. денежного капитала (см. выше, стр. 34—35). Если, кроме того, В платит тем же векселем С, С—Д, Д—Е и т. д., то без замыкания всей этой цепи в круг и без взаимного зачета обязательств никакой добавочной экономии не будет. Ведь при отсутствии векселя и его обращения все эти обороты обслуживались бы одной и той же 1 000 р. денег.

1. Качественно и товарный, и денежный кредит скрывают в себе одни и те же возможности—перераспределения суммы функционирующего капитала между различными отраслями производства и увеличения общей суммы функционирующего капитала за счет высвобождающегося и бездеятельного денежного.

2. Более конкретное рассмотрение показывает, однако, что количественные границы этих возможностей не одинаковы для обеих форм кредита. Сфера товарного кредита сужается благодаря ряду ограничительных условий, вытекающих из самой его природы. Эти условия сводятся к необходимости: а) об'ективной возможности кредита (определенное положение различных отраслей производства в общей производственной цепи), б) суб'ективной возможности его (соответствие между конкретными контрагентами с точки зрения сумм и сроков кредита, а также личной кредитоспособности).

3. Сфера денежного кредита оказывается несравненно более широкой, благодаря отпадению этих ограничительных условий. Что касается определенного положения различных отраслей производства, то это условие отпадает, в силу самой природы денежного кредита, так как об'екты, в которых он непосредственно овеществляется,—деньги—допускают передачу капитала в любом направлении и между любыми отраслями. Что касается определенного положения конкретных суб'ектов кредитной сделки друг по отношению к другу, то это условие отпадает благодаря посредничеству банков, которое приводит к расщеплению кредитного отношения между различными капиталистами на два самостоятельных акта (вклад в банк и кредитование банком) и, таким образом, нивелирует индивидуальные обстоятельства.

4. Исключительная эластичность денежного кредита приводит к тому, что более значительные и долгосрочные передачи капитала обслуживаются с помощью именно его, благодаря чему он становится необходимым условием поддержания равновесия в капиталистическом хозяйстве, основанном на высоком уровне техники, след., условием существования и развития капиталистической системы.

5. Денежный кредит отличается от товарного не только по степени своей эластичности и с точки зрения количественных его границ, но также по характеру того соотношения, которое существует между его движением и движением действительного капитала в ходе промышленного цикла. В то время как движение товарного кредита параллельно движению процесса воспроизводства, так что увеличение его означает и рост действительного капитала, денежный кредит в своем движении расходится с движением действительного капитала и процесса воспроизводства. Денежная форма кредита сама по себе допускает возможность ссуд, не обслуживающих воспроизводство реального капитала, в моменты же кризисов эта возможность превращается в действительность. Денежные ссуды обслуживают здесь простое передвижение платежных средств для погашения старых обязательств и представляют собою только ссуду денежной формы капитала, а не ссуду добавочного капитала в денежной форме.

6. С точки зрения общественного процесса воспроизводства в целом вексельный кредит также относится к ссуде денег или капитала, как и бланковый, т. е. может быть как тем, так и другим, в зависимости от его об'ективных функций в данных конкретных условиях. В условиях нормальной кон'юнктуры, напр., учет векселей обслуживает получение векселедателем через посредство векселепред'явителя и банка дополнительного капитала за счет средств вкладчика банка. С суб'ективной же точки зрения векселепред'явителя, учет торговых векселей всегда является ссудой денег, т. е. простым превращением форм его капитала без увеличения общей суммы последнего. Подход к вексельному кредиту с этой точки зрения имеет значение лишь при отграничении различных технических форм денежного кредита друг от друга и занимает у Маркса второстепенное место.

7. Подобно товарному кредиту, и денежный обслуживает не только перераспределение капитала внутри класса капиталистов, но и превращение дохода других классов и групп в капитал, т. е. увеличение общей суммы капитала класса капиталистов. Особенности этого вида денежного кредита, в отличие от соответствующей формы товарного кредита, сводятся, во-первых, к расширению круга и значения кредитных отношений данного типа (благодаря вовлечению новых групп кредиторов и увеличению об'ема и сроков кредита), а, во-вторых, к тому влиянию, которое получение процентов по такому кредиту оказывает на социальное положение и идеологию кредиторов.

8. Развивающееся на основе денежного кредита чековое обращение приводит к экономии непроизводительного, денежного капитала не только через посредство взаимного зачета выраженных в чеках обязательств различных контрагентов, но и благодаря удлинению срока вкладов, обусловливаемому циркуляцией чеков и перенесением при посредстве этих чеков части сумм вкладов с одних лиц на другие без истребования их наличными.

Э. Брегель

СВЕТ МАРКСОВОЙ ТЕОРИИ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ

Ответ тов. Кона на нашу критическую статью¹ принадлежит к выступлениям, которые не так уж редки в истории полемической борьбы. Основные приемы тов. Кона незамысловаты. Это, во-первых, стремление отступить не просто, а под прикрытием артиллерийского огня. Во-вторых, склонность втихомолку подменить свою старую точку зрения, оспариваемую нами, новой, отчасти примыкающей к нашим же возражениям. В-третьих, это стремление прикрыть свою теоретическую слабость обвинением противников в том, в чем они, как прекрасно известно тов. Кону, совершенно неповинны и в чем часто повинен сам тов. Кон.

Мы не намерены останавливаться на его полемической манере, и предпочитаем заняться исправлением тех повреждений, которые нанесены т. Коном теории стоимости и денег К. Маркса.

I.

Начнем с вопроса об определении политической экономии. Тут т. Кон, несомненно, отступил. Он признает, что можно внести в определение политической экономии «указание на динамичность ее объекта».—Это отступление, но отступление недостаточное. Мы видим по приведенной фразе, насколько плоско понимает наш автор закон движения капитализма. Выставляя нашу формулировку («ВКА», 25(1), стр. 216), мы стремились подчеркнуть не только динамичность объекта, но и внутреннюю закономерность этой динамики; не только то, что мы изучаем не мертвые факты, а живые процессы, но что эти процессы закономерно развиваются, т. е. на известной ступени необходимо переходят друг в друга. Что здесь имеет место различие, это ясно для всякого, кто знаком с механистическим и диалектическим пониманием движения².

¹ См. «Вестн. Ком. Ак.», 1928 (кн. 25 (1)). Г. Абезгауз, Г. Дукор, А. Ноткин. «Некоторые вопросы политич. экономии в освещении т. Кона» (стр. 214); А. Кон. «Некоторые замечания моих критиков в свете марксовой теории» (стр. 256).

² По поводу ссылки т. Кона на его высказывания насчет динамичности капитализма в «Курсе» и «Лекциях» мы могли бы напомнить т. Кону о существовании различных пониманий движения. Отметим движение капитализма—это еще не значит правильно понять это движение.

Вдобавок ко всему т. Кон старается прикрыть свое отступление, забыв, что он должен был дать—и дал—определение науки политической экономии¹, а всякому ясно, что любая наука есть единство своих предмета и метода, содержания и формы, научной цели и средств ее достижения². Тов. Кон пытается подменить спор об определении науки в целом спором об узком определении предмета науки, взятого в ограниченном, застывшем смысле, оторванно от ее метода. «Критики,—жалуется он читателю,—предлагают мне определять предмет политической экономии, исходя из ее метода» (стр. 260). И т. Кон пытается доказать, что наша «поправка не является принципиальной», существенной, что можно определять политическую экономию, оставляя в стороне ее метод и т. п. Во всей этой истории интереснее всего то, что сам т. Кон, давая свое определение политической экономии, бессознательно исходит из определенных методологических предпосылок и эти методологические предпосылки включает в свое определение. Ибо каким образом, не опираясь на известный метод, можно утверждать, что политическая экономия изучает «производственные отношения капиталистического общества... в их вещной форме». Мы, конечно, не хотим сказать, что метод дан до предмета. Наша мысль сводится к тому, что всякое определение науки должно исходить из единства ее предмета и метода. Предмет,—писали мы—определяет метод, при помощи которого он может быть научно познан. С другой стороны, «само определение предмета... должно выявить своеобразие методологического подхода...» (стр. 215). И мы указывали т. Кону, что он недостаточно выявил своеобразие методологического подхода Маркса к изучению экономических явлений, что он ввел в определение политической экономии как раз те моменты Марксовой теории, защитным цветом которых прикрываются идеалистические интерпретаторы Маркса, искусственно изолировав эти моменты от других основных моментов, и тем самым преподнес Маркса в выхолощенном виде. Тов. Кон должен был или вовсе отказаться дать общее определение политической экономии, или включить в него основные моменты, характеризующие ее как науку, т. е. дать определение адекватное ее понятию. Вместо того, чтобы открыто признать односторонность (а след., неправильность) своего определения, т. Кон предпочитает поставить себя в комичное положение тем, что он, во-первых, занимает позицию: «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой, нельзя не признаться», что он, во-вторых, не разобравшись толком в нашем указании, спе-

¹ Глава, в которой т. Кон дает свое определение политической экономии, носит заголовок: «Что такое политическая экономия» («Курс», стр. 5). Самое определение начинается словами: «Политическая экономия представляет собою теоретическую науку, изучающую»... и т. д. Ясно, что наш автор желает дать определение науки. Что касается нашего определения, то, беря предмет в связи с методом, мы тем самым даем определение науки политической экономии.

² Тов. Кон упрекает нас в том, что приведенные нами определения Ленина, Розы Люксембург и Маркса говорят «не о предмете политической экономии, а об ее содержании и задачах». Наш автор, очевидно, полагает, что можно определять науку вне ее содержания задач, цели, метода. Это ново и оригинально, но, к сожалению, сплошь неверно.

шит защищать явно безнадежное с точки зрения диалектического материализма положение о том, что можно дать определение политической экономии, игнорируя ее метод.

Против нас наш т. Кон выдвигает изолированные определения предмета политической экономии, данные Марксом и Бухариным. Вот они: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена»¹ (Маркс). «Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве» (Бухарин). Посмотрим, против кого эти определения направлены. Достаточно сравнить это определение предмета науки с определениями науки у нас и у т. Кона, чтобы убедиться:

1) что и у Маркса и у Бухарина речь идет о хозяйстве, о способе производства, т. е. об единстве производственных отношений и производительных сил;

2) что Маркс изучает производственные отношения лишь как форму целого, способа производства, т. е. указывает на зависимость их от движения производительных сил;

3) что Бухарин говорит о меновом хозяйстве вообще, как об единой формации, изучаемой политической экономией;

4) что мы, как материалисты, учитываем высказывание Маркса, предлагая т. Кону включить в его определение нашей науки указание на противоречие между производственными силами и производственными отношениями;

5) что мы учитываем и высказывание Бухарина, говоря о противоречии производительных сил и производственных отношений товарного хозяйства и критикуем т. Кона за обособление товарного хозяйства от капитализма;

6) что т. Кон не учел сказанного выше в своем определении, разойдясь, таким образом, с им же цитируемыми Марксом и Бухариным.

Тов. Кон, занимая половинчатую позицию в вопросе о динамичности производственных отношений, решительно отказывается включить в свое определение политической экономии момент противоречия между производственными отношениями и производительными силами. Мотив прост: «Эта поправка не может быть внесена в определение предмета политической экономии без предварительного изложения методологии этой науки» (260). Мы уже указали, что если статья на эту точку зрения, то вообще нельзя давать никакого определения политической экономии. Это—во-первых. Во-вторых, когда т. Кон писал свое

¹ Мы не хотим распространяться о том, что в предисловии к I т. «Капитала» Маркс говорит о науке в целом, ибо наша цитата взята из того же предисловия, откуда так скупо черпает т. Кон. Напомним лишь, что в этом предисловии Маркс говорит: «Существенно здесь не более или менее высокая ступень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железно необходимой» (стр. XVII). Для т. Кона, очевидно, указание на закон движения «не существенно», «не принципиально».

предисловие (введение), то он должен был помнить, что «всякое предисловие, как говорят некоторые неглупые люди, есть послесловие, т. е. некоторый чистый итог того труда, к которому предисловие пишется»; что определение политической экономии должно резюмировать всю работу в целом.

Или, быть может, наш автор считает цитируемое им положение тов. Бухарина правильным тогда, когда оно может быть, хотя бы с весьма сомнительным успехом, обращено против противников, и неправильным, когда оно обращается против него самого?

А пока т. Кон предается полемическим страстям, читатель «Курса» дезориентирован определением политической экономии, в котором отсутствует указание на существеннейшие диалектико-материалистические элементы марксовой политической экономии. И после этого у т. Кона хватает печального мужества делать заявления, подобные следующему: «...подчеркивание диалектичности нашего метода и оставление в тени материалистичности его (курсив наш) чрезвычайно характерно для того течения в марксистской политической экономии, представителями которого являются товарищи Абезгауз, Дукор и Ноткин»¹. Это звучит просто комично, если принять во внимание, что под «течением» т. Кон понимает, как это следует из его дальнейших рассуждений, И. И. Рубина и его последователей. Во-первых, И. И. Рубин не диалектик, и его эволюция от второго издания «Очерков по теории стоимости» свидетельствует лишь о желании пробить себе путь к пониманию диалектического метода Маркса. И наша критика И. И. Рубина, начатая свыше двух лет назад в Институте экономики РАНИОН, направлялась в значительной мере против отрицательного отношения И. И. Рубина к диалектике. В частности, т. Кону, как участнику прошлогоднего диспута по докладу И. И. Рубина об абстрактном труде², известно, что тт. Абезгауз и Дукор выступали против Рубина, как не-диалектика и не-материалиста, тогда как т. Кон в своем выступлении, сосредоточась на материализме, ни словом о диалектике не обмолвился. Отсюда видна вся искусственность причисления нас к сторонникам И. И. Рубина на почве присущего будто бы ему выпячивания диалектического метода Маркса на первый план³. Во-вторых, последовательная диа-

¹ Было бы желательно, чтобы т. Кон об'яснил нам, с каких времен стало зазорным для марксиста-ленинца подчеркивание диалектичности нашего метода. Укажем ему, что Маркс открыто признавал себя учеником Гегеля в противоположность всем тем, кто третировал последнего, как «мертвую собаку» (К. I, XV), а Плеханов в предисловии к «Людвигу Фейербаху» писал: «Без диалектики неполна, односторонняя, скажем больше, невозможна материалистическая теория познания». Наоборот, Эд. Бернштейн заявил: «То, что Маркс и Энгельс дали нам великого, — они дали нам не при помощи Гегелевской диалектики, а вопреки ей».

² В Институте экономики РАНИОН весной 1927

³ Кстати отметим, что для западно-европейских «социологов» характерны как раз попытки соединить Маркса с Кантом и с Гегелем-идеалистом, а не с Гегелем—творцом диалектики. А как известно, Гегель-диалектик, в силу логики вещей, должен был подчас становиться на почву материализма.

лектика есть *материалистическая* диалектика, а последовательный материализм есть *диалектический* материализм¹. Поэтому мы критикуем как Кона, так и Рубина с точки зрения *диалектического материализма*, с точки зрения *диалектического* метода Маркса, — метода, который включает в себя как свой составной элемент — *материализм*. Но мы выступаем против такого рода материализма, который, будучи недиалектическим, является чистой метафизикой. Ведь недаром Ленин говорил про такой материализм: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм». Мы боремся против грубого, механистического материализма, потому что грубый материализм есть лишь обратная сторона идеализма и постоянно прокладывает дорогу последнему.

И напрасно т. Кон думает, что ему удастся кого-либо убедить, будто мы отгораживаемся от буржуазных экономистов веревочкой диалектики, а он — стеной материализма. Ведь недаром же мы заявили в нашей статье недвусмысленно, что наше определение стоит в связи с «попытками при посредстве так наз. «социологической точки зрения» открыть доступ в марксизм философскому идеализму в его современных формах» (См. «Вестник Ком. Академии» №25(1), стр. 216). Ведь недаром же мы критикуем в той же статье Рубина за *выхолащивание* материалистических элементов из учения Маркса (стр. 237). Поэтому обвинение нас в том, что мы оставляем в тени *материалистический* характер марксова метода, может вызвать только удивление.

Все дело, *во-первых*, в том, что мы, в противоположность тов. Кону, не отрываем материализма от диалектики. *Во-вторых*, мы видим материализм метода Маркса в политической экономии в том, что развитие производственных отношений рассматривается как форма развития материальных производительных сил; а потому, в противоположность тов. Кону, включаяем в наше определение политической экономии соответствующее указание, направленное как против «социологической» школы, так и против суб'ективистов всякого толка².

Этим способом мы и достигаем — без всяких специальных выпадов и раз'яснений — того отмежевания от *буржуазной* политической экономии, на невозможность которого в самом определении политической

¹ Это недомек нашему антикритику, рассматривающему в своих «Лекциях по методологии» диалектику независимо от материализма и материализм независимо от диалектики.

² Что мы не сбрасываем со счетов «австрийцев» и «англо-американцев», а ставим их в ряд с Штольцманом, Амонном, Шпанном, Петри и др., видно из следующего места нашей статьи: «...в противоположность индивидуализму психологической школы, исходящей из частного труда и «общественной точки зрения», «социально-органической школы», исходящей в анализе товарного хозяйства из непосредственного общественного труда, Маркс исходит из единства этих противоположных определений буржуазного труда» (ВКА, 25 (1), стр. 221). А вот т. Кон, действительно сбрасывает со счетов опаснейшего врага марксизма, социально-органическую школу опасную именно маскировкой под марксизм, идеалистическим его толкованием, проникающим также и в марксистскую литературу. Кстати: не потому ли т. Кон дает в своем «Курсе» столь бледную «критику» англо-американцев, что он считает их главными врагами марксизма?

экономии так горько жалуется т. Кон, понимая под отмежеванием *раз'яснение* различия, а не указание его путем *выставления положительного тезиса*. Пусть т. Кон укажет нам, какая из школ *буржуазной* политической экономии может подписаться под *нашим* определением. Этим и решится вопрос о *выполнимости* выставленного нами требования относительно размежевания с буржуазной экономией. А что под определением т. Кона может подписаться, напр., проф. Амонн, — ясно хотя бы из того, что сам т. Кон считает ответ проф. Амонна на вопрос о предмете политической экономии «более или менее вразумительным» (см. его «Лекции по методологии», стр. 13).

Перейдем теперь к вопросу о простом товарном хозяйстве. И здесь т. Кон отступает. Он признает свой разговор о «специальных науках» для товарного хозяйства, с одной стороны, и для капитализма, с другой, — *непозволительной обмолвкой*. Он пишет, что во избежание сделанных нами выводов его формулировку «придется уточнить». Он признает, что об особой науке, изучающей меновое хозяйство вообще и при этом не изучающей капитализм, не может быть и речи. Но наш антикритик не был бы самим собой, если бы отступил до конца. Поэтому он, с одной стороны, защищает положение, что простое товарное хозяйство есть *особый исторический тип хозяйства*, а, с другой стороны, признает, что товарное хозяйство *логически* есть просто абстракция капитализма. Он, видимо, не понимает, что именно за такой *эклетицизм*, за непоследовательность мы и критиковали его. Он изображает дело так, будто мы *скрываем* часть его высказываний и искажаем его, тогда как мы берем его неправильную *линию* и указываем, что благодаря своей *непоследовательности* он говорит и разумные сами по себе вещи¹.

И ответ т. Кона полностью подтверждает *правильность* нашей критики. Одно из двух: *или* исторически существовавшее хозяйство было особым типом, особой структурой, проще говоря, особой *формацией* общества²; тогда оно не только *исторически*, но и *логически* своеобразно, ибо логическое своеобразие есть только отражение в человеческом мозгу своеобразия действительной структуры, а раз простое товарное хозяйство логически своеобразно, то оно не только допускает, но и требует специальной науки для своего понимания; *или* простое товарное хозяйство *логически* несамостоятельно, а есть лишь абстракция капитализма; тогда оно *исторически* выступить перед нами не как особый тип хозяйства, а как *начальный этап* развития капиталистического *типа* хозяйства. Это не значит, что простое товарное хозяйство *есть уже капитализм*, но это предполагает, что капитали-

¹ См. нашу статью, стр. 217, где видно, что, вопреки утверждениям т. Кона, мы приводим ту самую цитату, которую он выставляет в качестве щита в своей статье на стр. 263. Почему наш антикритик счел допустимым подобный прием, судить затрудняемся.

² Напрасно наш антикритик пытается спастись мнимым различием между *типом* и *формацией*: *формация* всегда *типична*, а тип всегда обусловлен *структурно*, т. е. характеризуется структурой, строением; своеобразие *формации* немалозначимо вне различия *формы*, своеобразие типа — вне *особого содержания*.

стический тип хозяйства является лишь развертыванием богатого содержанием многообразия форм — потенциально скрытого в производственных отношениях независимых товаропроизводителей. Это — капиталистический тип хозяйства в *нераскрытом состоянии*. Раскрытие его внутренней сущности и есть развитие капитализма. Таким образом, т. Кон непозволительно смешивает различие этапов развития хозяйственного типа с различием хозяйственных типов¹.

А так как наш антикритик апеллирует к истории, то посмотрим, насколько городское хозяйство средних веков соответствует определению простого товарного хозяйства, данному им и включающему следующие три признака: 1) производство только товаров, 2) постоянная связь хозяйств через обмен и 3) отсутствие эксплуатации. Ни для кого не секрет, во-первых, что сравнительно ничтожная часть продуктов производилась в то время как товары, ибо большая часть горожан не отрывалась полностью от земледелия, а крестьяне изготовляли громадную часть потребляемых продуктов в своем хозяйстве; во-вторых, что натуральное хозяйство преобладало над разделением труда, и производители сравнительно легко могли замкнуться в нем; в-третьих, что, несмотря на все это, развертывание товарности прокладывало уже тогда дорогу эксплуатации наемного труда не только в горном промысле, судоходстве, экспортной промышленности, но и в недрах самого ремесла. Стоит только вспомнить *антирабочее* законодательство XIV века, вызванное эпидемией чумы. Словом, в применении к тому товарному хозяйству, на которое ссылается т. Кон, его признаки просто отказываются служить. Как плохо представляет себе наш автор суть отношения товарного хозяйства к феодализму, показывает его авто-цитата («ВКА», 25(1), стр. 262).

Совершенно очевидно, что никакое меновое хозяйство не может не только слиться с не меновым хозяйством, но даже связаться с ним, ибо единственно-мыслимая форма связи для менового хозяйства — обмен. Поэтому связь менового хозяйства с неменовым означает, что последнее стало меновым. Спор идет не об этом. Спор идет о том: 1) существовали ли средневековые города изолированно или были в тесной внутренней связи со всей системой тогдашнего хозяйства,

¹ Если, таким образом, простое товарное хозяйство является только первой ступенью капитализма, то следует ли отсюда, что при определенных условиях мелкотоварное производство не может стать исходным пунктом развития принципиально новой социально-экономической формации минуя капиталистический путь? Отнюдь нет. Это только значит, что мелкотоварное производство в условиях свободной конкуренции предоставленное имманентным законам своего развития будет ежедневно, ежечасно выделять из своей среды капитализм. Но еще Маркс указал на возможность не-капиталистической эволюции мелкого производства в земледелии при определенных социально-экономических условиях (см. Архив, кн. I, ст. 274). В нашей стране эти условия созданы в результате Октябрьской революции в виде: диктатуры пролетариата, социалистической индустрии, пролетарской национализации транспорта, кредита, внешней торговли и т. д. Опираясь на эти основные рычаги нашей экономики, пролетарское государство направляет: развитие хозяйства простых товаропроизводителей — крестьян через кооперирование, колхозное строительство и т. д. на социалистический путь.

а также были ли средневековые города чистым типом менового хозяйства, и 2) как совершилось превращение хозяйства средневековых городов в современный капитализм и что при этом происходило с законом стоимости. Тов. Кон представляет себе дело механистически: рядом существует «чистый» феодализм и «чистое» товарное хозяйство, где полностью господствует закон стоимости; весь процесс развития сводится к пожиранию феодализма готовеньким товарным хозяйством, ну, совсем как у... Преображенского, сводящего процесс социалистического развития к «пожиранию» чисто частного мелкого хозяйства готовеньким социализмом¹. На самом деле, как мы уже показали, средневековые города не были чистым типом товарного хозяйства, а в начале их истории производство на рынок даже не было преобладающим во всем городском хозяйстве, ибо подавляющая часть продуктов ремесла (а кроме ремесла в городах сохранялось долгое время и земледелие) производилась первоначально по заказу. Мы, конечно, не собираемся отрицать, что торговля была нервом жизни средневековых городов; но эта торговля отнюдь не покоилась целиком на производстве товаров в этих городах. Она связывала не в меньшей мере соседние округа и страны, чем город с деревней, и только в небольшой, сравнительно, степени горожан между собою. Дифференциация всего феодального хозяйства в целом, развитие связи между отдельными областями, географическое разделение труда на этой почве, усиленное отделение ремесла от земледелия и домашнего хозяйства во всем хозяйстве — вот что выражалось в росте городов. Города были узлами обмена, но нити, сплетавшиеся в этом узле, опутывали все тогдашнее хозяйство. Хозяйство средневековых городов в целом было капитализмом *in statu nascendi*, товарным хозяйством, начинающим раскрывать свою капиталистическую сущность, именно вследствие обобщения обмена.

Чем больше разлагалось старое феодальное поместье, тем более концентрировалась торговля в городах, тем быстрее городское хозяйство становилось целиком товарным и вместе с тем капиталистическим. Наоборот, чем более торговый капитал, вследствие разложения натурального и ремесленного хозяйства в городе на основе роста межрайонных связей, вращался в городскую почву и превращался в зачаток промышленного капитализма, тем быстрее перебарщивался этот торговый капитал в деревню, ускоряя разложение поместья и крестьянского хозяйства. Вот почему Маркс и пишет (Маркс, а не мы, т. Кон!): «... нужно подчеркнуть, что лишь на основе капитала товарное про-

¹ То обстоятельство, что строки т. Кона направлены им против Преображенского, как всякому ясно, само по себе не гарантирует их правильности, ибо не всякий выстрел по врагу попадает в цель. Тов. Кон думает, очевидно, иначе, потому что заявляет сейчас же после цитаты: «Таким образом (?) соображение моих критиков о том, что «простое товарное хозяйство никогда не существовало самостоятельно», отпадает само собой» (!!!). Кстати, почему тов. Кон, цитируя нас, выпустил слово «вообщем», намеренно поставленное нами в кавычках после слова «хозяйство», чтобы подчеркнуть, что речь идет о простом товарном хозяйстве, в *чистом виде*, т. е. об его историческом существовании соответственно его логическому определению (ср. «ВКА» № 25 (1) стр. 217 и 262).

изводство или производство продукта в виде товара достигает больших размеров и касается даже сущности продукта» («Теории приб. ст.», т. III, «Прибой», 1924, стр. 258), «...закон стоимости (который) достигает свободного развития как раз на основе капиталистического производства» («Капитал», т. I, гл. XVII, изд. 1909, стр. 496) и, наконец, «... что не исчезает—это иллюзия, что вначале люди противостоят друг другу только как товаровладельцы, и потому каждый является собственником лишь постольку, поскольку он является рабочим. Это «вначале» вытекает, как сказано, только из видимости капиталистического производства; это обман, которого никогда не было в истории» («Теории», т. III, ук. изд., стр. 304).

Сказанное несколько не противоречит известному положению Маркса, что стоимость товаров «безусловно правильно рассматривать не только как теоретическое, но как и историческое... «*gricus*» по отношению к ценам производства» (К., III, 1, стр. 152). Тенденция к свободному проявлению закона стоимости свойственна всякому докапиталистическому хозяйству, вовлеченному в сферу обмена. В виду того, что действие этого закона в таких случаях *всегда стеснено* рамками натурального хозяйства, закон стоимости не может свободно осуществляться¹. Развитие производительных сил тормозится, таким образом, докапиталистическими формами производства, и действие закона стоимости сказывается в том, что, прокладывая себе дорогу, он устраняет этот тормоз.

Ломая докапиталистические отношения, стоимость вместе с тем завершается и, свободно развиваясь, уходит одновременно вглубь, превращаясь на поверхности в цену производства. То обстоятельство, что закон стоимости действует в «простом товарном хозяйстве» частично на поверхности, а в капиталистическом полно, но в глубине, создает различие и связь этих двух разновидностей единого хозяйственного типа. Количественное развитие обмена завершает и *качественно* модифицирует его. Точно также промышленный капитализм и империализм суть *разные ступени* капитализма, *качественно различные*, и в то же время империализм не есть особый от капитализма тип хозяйства. Наш антикритик пытается нам приписать *отрицание* качественного различия между мелкотоварным и капиталистическим производством. Напрасно он указывает нам на то, что Ленин проводил такое различие. Это нам было известно и без него. Пусть он лучше *докажет* хоть одной цитатой приписываемую им нам ошибку. А вот, что т. Кон пытается отделить стеной эти уклады друг от друга в своем «Промышленном капитализме» и «Курсе», создавая особые «регуляторы» для простого товарного хозяйства и для капитализма, это всем известный и *доказанный* нами факт.

¹ В этом смысле прав был Энгельс, утверждая, что закон стоимостей действовал за тысячелетия до капитализма, и напрасно И. И. Рубин в 18 главе своих «Очерков» (2 изд.) уклоняется от высказывания по поводу статьи Энгельса. Однако, это действие как небо от земли отличается от действия того же закона в капиталистическом хозяйстве.

Пусть теперь читатель судит, придирались ли мы к т. Кону в нашей первой статье, показывая, как он не в состоянии разделаться с раз совершенной ошибкой. А мы перейдем тем временем к новым открытиям т. Кона по вопросу об абстрактном труде и стоимости.

II

Свою полемику с нами по вопросу об абстрактном труде тов. Кон начинает с того, что одним росчерком пера зачеркивает все написанное им в «Курсе» об отношении труда к стоимости и стоимости к меновой стоимости, *не оговаривая этого ни единым словом*. В самом деле, не пытаясь защищать ни одну из своих формулировок, тов. Кон дарует миру следующую истину: «Явление (категория. *Авт.*) стоимости включает в себя три чрезвычайно тесно связанные стороны, представляющие собой три стороны единства. Маркс различает в нем:

1. *Форму стоимости или меновую стоимость*, которая на первый взгляд является лишь формой проявления стоимости в пропорциях между товарами-вещами.

2. *Стоимость*, которую Маркс определяет, как предметную форму, затраченного на его (товара, *А. К.*) производство общественного труда.

3. *Субстанцию стоимости*—общественный (и общественно-необходимый) абстрактный простой труд в его специфически меновой форме» (см. «ВКА», № 25(1), стр. 264). Так, по признанию тов. Кона, различает понятия Маркс.

Но позвольте! Почему же тов. Кон не следует за Марксом? Почему он в своем «Курсе» написал «Меновая стоимость является формой проявления *стоимости, как основы (субстанции)*, меновой стоимости» (стр. 38). И еще: «Труд затраченный на производство товара, называется *стоимостью товара*. Он является основой меновой стоимости и образует ее субстанцию» (стр. 37, курсив всюду наш. *Авт.*)¹. Как видим, прежде стоимость *или* труд являлись субстанцией меновой стоимости, чего теперь и в помине нет. Почему же тов. Кон поворачивает молча? Замалчивать такие «повороты» непозволительно. А еще более непозволительно сваливать вину за собственную путаницу на... Маркса. А именно таков смысл заявлений т. Кона, что будто бы сам Маркс не различает строго меновой стоимости, стоимости и субстанции стоимости.

Тов. Кон ссылается при этом на употребление Марксом термина «форма стоимости» для обозначения и меновой стоимости и стоимостной формы товара, т. е. стоимости» («ВКА», № 25, стр. 264).

Ниже мы рассмотрим вопрос о связи между формой стоимости и меновой стоимостью. А покамест обратимся к мнимым доказательствам тождества стоимости и формы стоимости. На самом деле Маркс в цитируемых т. Коном местах говорит: *товарная форма продукта* (а

¹ Что это не случайные *описки*, доказывается отсутствием в «Курсе» иной трактовки вопроса.

вовсе не стоимость) есть в то же время *форма стоимости товара*¹. Это и понятно: продукт имеет форму товара лишь тогда, когда он имеет форму стоимости, отличную от его натуральной формы, от его потребительной стоимости. Стоимость товара должна найти свою форму и свое внешнее проявление, чтобы товар можно было отличить от обыкновенного продукта. На ощупь нельзя определить, есть ли данная вещь *товар* или просто *продукт*. Но если наш продукт имеет форму стоимости (например, денежную форму стоимости и, значит, цену), то его товарная сущность неоспоримо проявляется. Он должен быть продан, и всякий может его купить. Это, однако, не основание для смешения формы стоимости, в данном случае *цены*, со стоимостью даже в случае их количественного совпадения. Такое смешение не только не свойственно Марксу, но вообще свойственно лишь вульгарным экономистам².

А когда Маркс пишет, что «простая форма стоимости товара есть в то же время простая товарная форма продукта труда, что поэтому развитие товарной формы совпадает с развитием формы стоимости» (К. I. 1909 г., стр. 28), то он хочет лишь сказать, что «в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги» (там же, стр. 53).

Суть в том, что лишь в денежной форме стоимости двойственная форма продукта, накладывающая на него штемпель «товар», окончательно созревает, ибо отличие относительной и эквивалентной формы окостеневает.

Товар резко отличается от денег, т.-е. от своей собственной формы стоимости и является *повидимому* лишь потребительной стоимостью. Поскольку в основном мы критиковали т. Кона, за смешение труда со стоимостью, нас очень, так сказать, ободряет внешнее признание нашего автора, что различие труда от стоимости проводится Марксом «гораздо строже, чем стоимости от меновой стоимости» («ВКА» № 25, стр. 266)³.

¹ Вот они: «Но товарная форма продукта труда или форма стоимости товара является формой экономической клеточки буржуазного общества» (К. I, изд. 1909, стр. XVI). «Товары являются товарами или имеют товарную форму лишь постольку, поскольку они обладают этой двойной формой,—натуральной формой и формой стоимости» (там же, стр. 14). Совершенно напрасны попытки т. Кона убедить кого-либо, что эти места «Капитала» содержат какое бы то ни было отождествление стоимости и меновой стоимости.

² Так, Маркс в примечании к стр. 16 К. I, писал: «Те немногие экономисты, которые, как S. Bailey, занимались анализом формы стоимости, не могли притти ни к какому результату потому, что они смешивали форму стоимости с самой стоимостью».

³ Тов. Кон, пытается уверить кой-кого из читателей, будто марксисты, в отличие от буржуазных экономистов, принципиально отказываются от строгого различия диалектически связанных между собою понятий. Он смешивает здесь различие с прочным, раз навсегда данным *определением*. Именно последнего требовали буржуазные критики от марксистов. Это требование критиков

Итог таков: тов. Кон своим ответом уничтожает написанное им в «Курсе».

Правильна-ли, однако, его новая точка зрения по существу? К сожалению, неправильна.

Начнем с субстанции стоимости. Как известно, Маркс под субстанцией стоимости понимает абстрактный человеческий труд. Так, например, в «Zug Kritik» он пишет: «Как меновые стоимости разной величины, они (товары. Авт.) представляют большие или меньшие количества простого, однородного, абстрактно-всегообщего труда, который составляет субстанцию меновой стоимости». Тов. Кон в своей ответной статье проводит различие между трудом, как субстанцией стоимости, и стоимостью. Он включает в определение субстанции стоимости абстрактный труд. Но «абстрактный труд в меновом обществе имеет двойное существование. В качестве живого процесса он существует только в конкретных видах труда, *только в них, но никак не наряду с ними*¹. В качестве же труда овеществленного он приобретает (в стоимости) самостоятельное существование, «об'ективируется» («ВКА» кн. 25, стр. 270). Невольно возникает вопрос, в каком же качестве абстрактный труд является субстанцией стоимости. Напрасно мы будем искать ясности по этому вопросу у т. Кона. Субстанцией стоимости у него является то труд овеществленный, то труд живой, при чем преобладает овеществленный труд. Проследим эту последнюю, преобладающую линию мысли т. Кона. На стр. 264 он пишет: «Субстанция стоимости—общественный (и общественно-необходимый) абстрактный труд в его специфически меновой форме». Заметим, что в тех местах I главы «Капитала», где упоминается о субстанции стоимости (стр. 4, 5, 10, 11, 26 нем. оригинала, изд. 4-е), под этим термином разумеется человеческий труд вообще или абстрактно-человеческий труд без всяких добавлений. Таким образом, вышеприведенное определение субстанции стоимости принадлежит исключительно Кону. Позволительно поэтому задаться вопросом, что ра-

опирается на непонимание того, что когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их умственные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и «преобразованию»; что их «не втискивают в окостенелое определение, а рассматривают в их историческом или логическом процессе образования» (Предисловие Энгельса к К. III, стр. XVI). Мы же лишь предлагаем дружески т. Кону *не смешивать* связанных друг с другом неразрывно категорий, не отождествлять диалектику с неразберихой. Не наша вина, что т. Кон рассматривает связанные понятия, как тождественные, которые поэтому можно употреблять друг вместо друга, как угодно, и, наоборот, различие отождествляет с полным разграничением путем точных определений, так что, по его мнению, различные явления не могут быть неразрывно связаны. Все дело в том, что т. Кон совершенно погряз в формальной логике и свойственным последней понимании взаимоотношения тождества и различия. К чему это ведет, доказал «Курс» т. Кона.

¹ Если т. Кон подчеркивает эту фразу для нас, которых он на той же странице упрекает в забвении живого труда, который является и конкретным и абстрактным, то он бьет нам челом нашим же добром. Это написано и подчеркнуто нами в нашей статье: См. «ВКА» № 25, стр. 223, конец 2-го и начало 3-го абзаца и первый абзац 224 страницы.

зумеет т. Кон под абстрактным трудом в его «специфически меновой форме», и какой смысл в этом дополнительном определении абстрактного труда? Очевидно, что оно необходимо для того, чтобы отличить абстрактный труд, создающий стоимость, от абстрактного труда, не создающего стоимости, экономическую категорию—«субстанцию стоимости»—от логической, не исторической категории живого абстрактного труда.

«Понятие абстрактного живого труда,—говорит тов. Кон,—может быть получено только в результате мысленного абстрагирования от конкретных свойств труда и представляет собой лишь логическую, а не экономическую категорию. Это категория *не* историческая. Почему же абстрактный труд, не создающий стоимостей в других общественных формациях, создает их в меновом обществе? Потому, что труд менового общества является не только простым абстрактным трудом, но и трудом специфически общественным и общественно-необходимым» (там же). Чем же отличается этот последний от живого абстрактного труда? Только тем, что он выступает как овеществленный труд. Наш вывод, что субстанцией стоимости и ее образователем является по логике мысли т. Кона *овеществленный* труд, а не живой труд в своем качестве абстрактно-человеческого труда, подтверждается его последующим изложением. Он пишет: «Если сведение конкретного труда к абстрактному труду, как процессу, может быть достигнуто только как *мысленное* сведение, то сведение конкретного труда к абстрактному овеществленному труду совершается не только в голове исследователя, но и объективно, в процессе приравнивания продуктов различных конкретных видов труда друг другу. Это объективное сведение конкретного труда к абстрактному совершается только в меновом обществе. Такой абстрактный труд есть действительно специфически меновая категория¹ (там же). Итак, «абстрактный труд в его специфически меновой форме» есть просто овеществленный труд; а овеществленный труд, как признал т. Кон, есть не что иное, как стоимость. Таким образом, логика т. Кона неизбежно приводит к утверждению, что субстанцией стоимости является *овеществленный* труд, а овеществленный труд есть стоимость; следовательно, *субстанция стоимости есть стоимость*.

Что тут не описка, а незаметная для автора вращение в логическом кругу, показывает следующая за сим фраза: «Такой абстрактный труд есть действительно специфически меновая категория. Однако, каждому, кто отличает субстанцию стоимости (труд) от стоимости (овеществленного труда), а критики мои, как мы видели, специалисты по этой части, ясно, что *эта категория есть не что иное, как стоимость*». Здесь, след., об'является во всеуслышание, что субстанцией стоимости, т. е. труда овеществленного, является «труд живой». Но позвольте! Раз вы утверждаете, что субстанция стоимости есть

1 Мы оставляем в стороне смешение т. Коном категории менового общества с меновой категорией, с категорией обмена, что сильно напоминает 2-е издание «Очерков» И. И. Рубина. Т. Кон не видит, что у него субстанция стоимости создается обменом, как и у Рубина.

«живой» абстрактный труд, а не овеществленный, то как понимать ваше утверждение, что «живой» абстрактный труд не есть экономическая категория (см. выше)? Как совместить, далее, прежнее утверждение, что субстанция стоимости есть «абстрактный труд в его специфически меновой форме», с новоявленной истиной, что эта «меновая» форма есть овеществление труда? Наконец, как после этого совместить прежнее определение субстанции стоимости с нынешним утверждением, что таковой (субстанцией) является все-таки живой труд? И если т. Кон спрашивает нас: «Ну, можно ли, дорогие товарищи, смешивать труд со стоимостью» (там же), то нам остается согласиться, что нельзя делать этого, да еще забывать на 270 стр. нечто с апломбом написанное на стр. 264, да еще к тому же вертеться в порочном кругу, выводя стоимость из стоимости, считая субстанцией стоимости овеществленный труд¹.

Что это не так, что по Марксу именно *живой* труд создает стоимость, ясно хотя бы из следующей цитаты: «Человеческая рабочая сила в текущем состоянии или человеческий труд образует (bildet) стоимость, но сам труд не есть стоимость» («Капитал», т. I, изд. 1909, стр. 18). Этот живой труд, рассматриваемый *под углом зрения стоимости, то-есть* буржуазной формы продукта, является абстрактным трудом или субстанцией стоимости, вопреки мнению т. Кона. И если бы т. Кон пожелал мыслить логически, то он не выступал бы против нашей точки зрения на субстанцию стоимости. Тов. Кон ведь утвер-

¹ Комизм положения усугубляется тем, что т. Кон, исходя в своем объяснении стоимости из специфически меновой формы труда, из общественного труда буржуазного общества, из его вещной формы, упрекает в этом нас. Кто хоть бегло читал нашу статью, должен помнить следующее ее место: «Специфическая особенность товарного хозяйства состоит в том, что в нем нет непосредственно распределенного труда, т.-е. *непосредственно общественного* труда. Поэтому было бы неправильно исходить при обосновании теории стоимости из представления о товарном обществе, как организованном целом с уже распределенным трудом, при том распределенном в определенных пропорциях. В политической экономии мы должны постоянно помнить, что «мы не исходим здесь из труда индивидуумов, как из общественного труда, но, наоборот, отправляемся от особенностей индивидуального труда, который только в меновом процессе, *через уничтожение его первоначального характера*, обнаруживается, как всеобщий общественный труд» («ВКА» № 25, стр. 220). Не понимая той простой истины, что «раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму» («Капитал» т. I, изд. 1909 стр. 38), что следовательно общественный труд может быть и не буржуазным трудом, наш антикритик изливает потоки слов по поводу нашего отступления от порядка изложения Маркса, обвиняя нас в стремлении начинать теорию стоимости с учения о товарном фетишизме. На самом деле на упомянутом выше диспуте мы заявили раньше т. Кона и в его присутствии, что этот метод изложения ложен. Мы считаем, однако, допустимым развить общие понятия общества и общественного труда перед теорией стоимости для облегчения усвоения слушателями этой последней. Вот почему мы и не возражали против того, что т. Кон в своем «Курсе», отступив от хода изложения 1-ой главы «Капитала», начинает не с товара, а с письма Маркса к Кугельману— с распределения труда в обществе. Но другие вопиющие отступления от изложения Маркса, какие допустил в нем т. Кон (развивая, например, общественно-необходимый труд до абстрактного труда, распределение и равновесие труда в меновом обществе до стоимости) мы признавали и признаем недопустимыми.

ждает, что абстрактный труд, поскольку он не имеет самостоятельной формы выражения, не существует вне конкретного труда, что следовательно, если не принимать во внимание стоимости, абстрактный труд «представляет собой лишь логическую, а не экономическую категорию». Но он напрасно не делает из этого правильного вывода. В самом деле: если абстрактный труд, взятый отдельно от стоимости, не есть экономическая категория, а просто наше представление, то значит, Маркс, говоря в «Капитале» об абстрактном труде, имеет в виду не эту логическую категорию, а нечто другое, ибо в «Капитале» речь идет об экономических категориях и о труде, как об экономической категории. Поэтому мы вправе считать понятие общечеловеческого труда абстрактным трудом лишь в определенной связи, лишь в определенных исторических условиях, когда это мысленное понятие становится той экономической категорией, о которой идет речь у Маркса.

Основное правило диалектики в отличие от эклектизма, как учил Ленин, состоит в том, чтобы рассматривать явления в конкретной связи и учесть все эти связи, все «опосредствования», а не рассматривать их «вообще» — «с одной стороны» и «с другой стороны». Диалектично ли сказать, что стакан есть, с одной стороны, предмет для бросания, с другой стороны, прибор для питья, с третьей стороны, продукт стекольной промышленности? Можно ли сказать, что абстрактный труд, с одной стороны, логическая, а с другой стороны, — историческая категория? Ленин учил на такие вопросы отвечать отрицательно. Ибо конкретно стакан нужен либо для одной цели, либо для другой, либо для третьей. Если он нужен, как прибор для питья, то он должен быть обязательно с целым дном, но зато может быть не стеклянным, а, например, металлическим. Если же он нужен, как предмет для бросания, то он может быть совсем без дна, но должен быть увесистым и т. д. Точно так же, как нельзя рассуждать о стакане «вообще», безотносительно к действительности, об его логическом понятии, точно так же речь идет не о человеческом труде «вообще», как об абстрактном понятии, а об абстрактном труде, как об экономической категории, о субстанции стоимости. Поэтому хотя абстрактный труд есть затрата человеческой рабочей силы, но затрата человеческой рабочей силы не есть еще абстрактный труд, ибо как таковая, как безразличный труд она не находит себе никакого особого от конкретного труда выражения в неменовых обществах. И, следовательно, существует лишь, как абстракция нашего мышления, но не практически, не в действительности. Эта абстракция не может занять места экономической категории, абстрактного труда, ибо экономические категории Маркса, как и все научные категории марксизма, должны быть практически истинными. Практика есть критерий теории. Поэтому неверно утверждение т. Кона будто первоначально понятие абстрактного труда образовано Марксом независимо от конкретного общественного строя. Конечно, понятие абстрактного труда есть продукт абстракции, мысленного акта. Но эта абстракция имеет твердое основание. Она со-

знательно исходит из свойств товара, как *стоимости*. Безразличный характер труда, как субстанции стоимости, выводится из безразличия стоимости товара к его потребительной стоимости¹. Результат анализа (абстрактный труд) есть в то же время исходный пункт синтеза (развертывания форм стоимости). Это известно каждому, кто хоть раз читал «Капитал», и напрасно тов. Кон утверждает, будто Маркс искусственным осложнением превращает первый во второй (см. его рассуждения на стр. 270, конец 3-го абзаца, стр. 268, начало 2-го абзаца и др.)². Принимая во внимание все изложенное, мы и писали в нашей статье: «Абстрактный труд обозначает *формально логически*, то есть со стороны содержания своих определений, просто затрату человеческой рабочей силы в отвлеченном виде, то есть нечто приложимое ко всем обществам, ко всякому явлению труда, но диалектически оно берется лишь в определенном соотношении, в противоречии с конкретным трудом, то есть как категория «современнейшего общества». Только в этом соотношении эта затрата образует *стоимость* продуктов труда, овеществляется в товаре. Только абстрактный труд, а не труд вообще, есть субстанция стоимости товаров и образует эту стоимость как свойство товара. Двойственное определение труда может быть выражено лишь в бытии продуктов труда в качестве товаров. Лишь таким образом находит свое выражение противоречие между частным и общественным характером буржуазного труда» («ВКА» № 25, стр. 224).

Корень всех злоключений т. Кона в том, что он, поняв необходимость поставить в связь абстрактный труд со специфической общественной формой труда в товарном хозяйстве, не нашел путей, по которым развивается Марксом эта связь. Отсюда чисто механическое, эклектическое об'единение определений труда, создающего стоимость (абстрактный и общественный труд)³. Но ведь механическое соединение

¹ А так как категории науки суть лишь отражение действительных отношений в голове мыслителя, категория абстрактного труда может возникнуть лишь вместе с действительными отношениями буржуазного общества. Поэтому Маркс пишет (в «Капитале», а не в «Критике», т. Кон!): «Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть разгадана лишь в таком обществе, где товарная форма есть общая форма продукта труда, а следовательно, отношение людей друг к другу, как товарладельцев является господствующим общественным отношением». (К. I, 1909, стр. 26—27). Никакого разрыва между анализом и синтезом у Маркса поэтому нет.

² Мы обходим в тексте молчалим несуразное обвинение т. Кона по нашему адресу будто для нас абстрактный труд есть «хаотическое представление о целом». Таковым является как раз понятие субстанции стоимости у т. Кона, ибо отдельные ее определения никак не связаны у него друг с другом, тогда как для нас абстрактный труд заключает в себе потенциально все свои дальнейшие определения в том смысле, что они неизбежно логически вытекают, как следствия из самого понятия абстрактного труда, что нами доказано и т. Коном не опровергнуто.

³ Мы не будем более останавливаться на той неясности и непоследовательности, которую т. Кон проявляет, смешивая (или неясно различая) в «Курсе» общественно-необходимый труд, общественный труд вообще и специфическую общественную форму буржуазного труда.

не есть установление внутренней связи¹. Почему в «пределах этого (товарного) мира общечеловеческий характер труда есть его специфически общественный характер» (Маркс),—т. Кон нам не показал. А в этом гвоздь теории стоимости Маркса. Читатели нашей первой статьи помнят, как мы доказывали, что частный и лишь скрыто общественный труд товаропроизводителя может превратиться в общественный, лишь приняв форму абстрактно-всеобщего труда. Отсюда мы делали вывод, что «в обществе товаропроизводителей общечеловеческий характер труда, всеобщность труда есть *общественная форма труда*» и указывали, что лишь в товаре возможно такое превращение труда, следовательно, подчеркивали специфически буржуазный характер такой общественной формы труда (см. «ВКА» № 25, стр. 224)². Мы утверждали и утверждаем, что Маркс, говоря об абстрактном труде, ни на минуту не упускал из виду, *зачем, с какой целью в каком соотношении* он употребляет это понятие.

Маркс, говоря об абстрактном труде, всегда имел в виду, что это понятие должно выражать не просто человеческий характер всякого труда, не только наличие общих свойств у каждого конкретного вида труда, а *фактическое существование такого труда или сторону действительности*. Маркс ни на минуту не предполагал, что абстрактный труд существует только в голове исследователя, как логическая категория. Он не упускал из виду определенности этой абстракции и того строя, для которого она становится *практически истинной*. Грех т. Кона в том, что он здесь порывает с Марксом, который очень часто подчеркивает эту особенность своего метода. Маркс указывает, что существование абстрактного труда тесно связано с превращением *частного* труда в *общественный* труд: «*частный труд*» должен, следовательно, быть представлен непосредственно, как его противоположность, как *общественный труд*; определенным образом примененный труд, как его непосредственная противоположность, *абстрактно-всеобщий* труд, который поэтому выражается также в общем эквиваленте» («Теории приб. стоимости», т. III, стр. 115). Отсюда видно, что непосредственно общественный труд совпадает в товарном хозяйстве

¹ «Логика формальная, которой ограничиваются в школах..., берет формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно..., то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета— и только». (Ленин, т. XVIII, стр. 59).

² Опять-таки т. Кон обнаруживает свою похвальную способность усваивать до известной степени мысли противника, поскольку он заявляет в своем ответе: «Труд в меновом обществе организован как труд индивидуальный, частный. Для того, чтобы проявилось общественное существо труда, его общественное содержание, необходимо, чтобы продукты различных видов труда были приравнены друг другу в процессе обмена» («ВКА», стр. 264).

Как жаль, что это положение нельзя совместить с утверждением т. Кона, будто труд товаропроизводителя есть непосредственно, а не скрыто общественный—в самом процессе производства.

с самостоятельным существованием абстрактного труда в виде денег. Одно дело—специфическая общественная форма буржуазного труда другое дело—его действительное превращение в общественный труд.

Тов. Кон полагает, будто труд товаропроизводителя есть прямо и просто общественный, а не частный труд, именно потому, что не различает общественный труд и общественную *определенность* труда. К этому выводу влечет т. Кона логика его концепции, поскольку субстанцией стоимости у него является, с одной стороны, абстрактный живой труд, а с другой—общественный труд вместо абстрактного труда в качестве общественной формы труда. Поясним сказанное примером: назначить товару цену еще не значит превратить его в деньги; одно дело—дать товару денежную форму стоимости, т.-е. выразить, что труд, затраченный на его производство, есть абстрактный труд, т.-е. труд *товаропроизводителя*, рассматриваемый под углом зрения его общественной формы, общественной определенности труда, труд частный, заключающий в себе *определенную* возможность *определенным* образом стать действительно общественным трудом. Другое дело—продать товар, превратить его в действительные деньги, практически доказать, что труд, затраченный на производство товара, вошел в общественный обмен веществ, как потребительная стоимость, и *потому* этот труд в форме денег есть общественный труд, способный превратиться в любой общественный продукт—«труд, который создает единство стоимостей, не есть только одинаковый, простой, средний труд. Труд есть труд отдельного индивидуума, представленный в определенном продукте».

Как стоимость, однако, продукт должен быть воплощением *общественного* труда, и, как таковой, он может непосредственно превращаться из одной потребительной стоимости в любую другую» («Теории приб. стоимости», III, стр. 115).

Итак, Маркс строго проводил правило диалектики, растолкованное нам Лениным, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку» (Ленин, т. XVIII, стр. 60). И когда т. Кон дает абстрактному труду определение: «абстрактный труд есть не что иное, как совокупность общих свойств всех конкретных видов труда», он именно упускает из виду как человеческую практику буржуазного хозяйства, так и то, что нам *практически нужно* для понимания теории стоимости Маркса, для борьбы с механическим материализмом в политической экономии. Когда же т. Кон пытается, чтобы не остаться в об'ятнях Богданова, сохранить исторический характер труда, создающего стоимость, и говорить об абстрактном труде в специфически меновой форме, то он впадает в «мертвый и бессодержательный эклектизм» и препятствует *творческому определению* уклонов И. И. Рубина в сторону идеализма, ибо он укрепляет *дуалистический* подход к теории стоимости Маркса, утверждая, что у Маркса есть по существу *два* определения труда, создающего стоимость: одно—*аналитическое* и физиологическое (абстрактный труд), другое—*синтетическое* и общественное

(специфически общественный труд)¹. Мы не считаем случайным то обстоятельство, что в марксистской литературе, усиленно занимавшейся теорией стоимости, до вступления в эту область т. Кона никогда не проводилось различия между абстрактным трудом и трудом, создающим стоимость. Так, напр., Татьяна Григоровичи говорит: «Труд, создающий меновые стоимости, т. е. абстрактно-всеобщий труд, является продуктом такого хозяйственного строя, при котором производят не для своего, а для чужого потребления и при котором производятся не только потребительные, но и меновые стоимости»².

И если т. Кон желает, чтобы его считали последователем марксовой теории стоимости, то он должен стать на нашу точку зрения. Ибо только в этом случае он, не уклоняясь в сторону Рубина, сможет придать субстанции стоимости исторически обусловленный характер, не смешивая в то же время эту субстанцию со стоимостью.

Перейдем теперь к форме стоимости. Т. Кон отмечает, что стоимость есть предметная форма затраченного на производство товара общественного труда³, но обходит молчанием наше указание на существенность понимания вещественного бытия стоимости, предметности стоимости (Wertgegenständlichkeit)⁴. Именно поэтому он так спокойно отождествляет форму стоимости с меновой стоимостью. Тождество этих двух категорий т. Кон напрасно пытается подтвердить, в противовес нам, цитатой из французского перевода «Капитала». Ведь и французский перевод говорит о форме стоимости, в которой стоимость превращается в меновую стоимость и, следовательно, различает форму стоимости и меновую стоимость. Привлечение т. Коном французского перевода совершенно непонятно, ибо в данном случае он по существу ничем не отличается от немецкого оригинала. В самом

¹ С полным правом И. И. Рубин заявляет, что здесь т. Кон соглашается с ним: «Тов. Кон в сущности признал то, о чем я говорил несколько раз в своих выступлениях и статьях. К простому понятию труда, лишенному данной общественной формы, мы можем притти лишь в том случае, когда наша задача ограничивается аналитическим сведением стоимости к труду. Когда же мы ставим себе целью показать, как простейшие явления превращаются в сложные явления, тогда мы должны притти к понятию труда, как сложного и общественного явления, отличающего товарное хозяйство, мы должны притти к понятию общественного труда в той форме, которую он имеет в товарном хозяйстве, т. е. к понятию абстрактного труда, из которого вытекает стоимость» (И. И. Рубин. Стенограмма доклада в Институте народного хозяйства им. Плеханова, 9/IV—1928 г., стр. 17).

² Т. Григоровичи, «Теория ценности Маркса и Лассалья», стр. 77. Как известно, Ф. Меринг дал весьма положительный отзыв об этой книжке в «Neue Zeit», и вообще ей был оказан среди марксистов хороший прием.

³ Разъясняя т. Кону, что раз стоимость есть внешне проявление труда и производственных отношений, то она не есть производственное отношение, а лишь его выражение, или точнее—отражение. Поэтому мы ставим знак вопроса, когда тов. Кон или Рубин (см. «Очерки», изд. 2) пишут, что стоимость есть производственное отношение. Производственное отношение находит свое полное выражение лишь в денежной форме стоимости, которая выражает отношение обособленного индивида к производственной коллективности.

⁴ Замена этого термина словами «субстанция стоимости» в переводе Базарова и Степанова совершенно искажает, как мы указали, смысл слов Маркса. Особенно это заметно при сличении страниц 4, 14, 18, 38, 39, 41 немецкого текста в 4-м издании с русским переводом. Это одна из причин ошибок т. Кона.

деле французский перевод гласит: «Классической политической экономии никогда не удавалось из анализа товара и специальных стоимостей товара вывести форму, в которой (под которой) она (стоимость) превращается в меновую стоимость, и это один из ее основных недостатков». Приведя эту цитату, т. Кон делает такой вывод: «Здесь ясно, насколько отождествляет Маркс форму стоимости с меновой стоимостью». Между тем ясно как раз обратное, а именно, что для Маркса форма стоимости есть посредствующее звено между стоимостью (в смысле Wertgegenständlichkeit) и меновой стоимостью. Меновая стоимость, как говорит неоднократно Маркс, представляется на первый взгляд как количественное отношение двух вещей. Для того, чтобы стоимость товара могла проявиться в меновом отношении, она должна найти об'ективную форму выражения. Ибо, когда мы говорим, что «как стоимости, товары суть только кристаллизованный человеческий труд, то мы своим анализом сводим их к абстрактному понятию стоимости (Wertabstraktion), но не придаем им никакой другой формы стоимости, отличной от их естественной формы полезных предметов» (Маркс). Следовательно, для того, чтобы в меновом вещном отношении товары выражали свою стоимость, сама стоимость должна приобрести об'ективно-вещную форму. Поэтому Маркс пишет, анализируя форму стоимости: «Только выражение эквивалентности разнородных товаров обнаруживает специфический характер труда, создающего стоимость, так как оно разнородные виды труда, заключающиеся в разнородных товарах, действительно сводит к их общей основе, к человеческому труду вообще» и, что для нас здесь существенно, продолжает (мы исправляем перевод Базарова и Степанова по подлиннику): «Недостаточно, однако, выразить специфический характер того труда, из которого состоит стоимость холста. Человеческая рабочая сила в текущем состоянии или человеческий труд образуют стоимость, но сам труд не есть стоимость. Он становится стоимостью в застывшем виде в об'ективированной (в подлиннике gegenständlicher—предметной, вещественной. Авт.) форме. Для того, чтобы выразить стоимость холста, как сгусток человеческого труда, необходимо выразить ее, как особую предметность («Wertgegenständlichkeit», а не «Wertsustanz»,—субстанция, как передали переводчики. Авт.), которая существенно отлична от холста и в то же время обща ему с другими товарами» (К. 1, 1909. 17—18, оригин. IV изд., стр. 17—18).

Мы видим, насколько решительно Маркс утверждает, что до тех пор, пока абстрактный труд не выражен предметно, как вещь, стоимости товара не придано еще соответственной формы, и обратно: нельзя выразить стоимость предметно, если эта предметность выражения не обнаруживает вместе с тем равенства труда, абстрактный характер заключенного в стоимости труда. Под формой стоимости Маркс понимает, как мы указали в нашей статье, это чувственное, об'ективное бытие стоимости в отличие от абстрактной, мысленной формы бытия стоимости в смысле «Wertgegenständlichkeit». Только через этот процесс об'ективизации стоимость товаров находит себе форму проявления в меновой стоимости.

Таким образом, меновая стоимость есть готовый продукт выражения стоимости. Элементы этого выражения—относительная и эквивалентная формы стоимости—выступают как единое целое в меновой стоимости. Именно это обстоятельство дает Марксу полное основание говорить: «Wertform oder Tauschwert». О том, каким способом в конечном счете проявляется стоимость ясно говорит сам Маркс, подводя итог анализу простой формы стоимости. Стоимость товара А качественно выражается в способности товара Б непосредственно обмениваться на товар А. Количественно она выражается в способности определенного количества товара Б обмениваться на данное количество товара А. Другими словами: стоимость товара получает самостоятельное выражение, когда товар представляется, как «меновая стоимость» («Капитал», I, изд. 1909, стр. 27). Стоимость товара А является как меновая стоимость, как некоторое количество товара Б. Меновая стоимость имеет качественную сторону (стоимость товара А есть Б, то есть нечто отличное от его потребительной стоимости) и количественную сторону (стоимость А-х товара Б).

Таким образом, меновая стоимость, представляет собою отношение товаров, концентрируется на *одном* из его полюсов. Вот почему Маркс пишет, что в отношении стоимости двух товаров «один товар—тот, стоимость которого выражается—непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар—тот, в котором стоимость выражается—непосредственно играет роль *меновый стоимости*» («Капитал», том I, изд. 1909, стр. 28 последний курсив наш). В меновой стоимости сливаются воедино: а) первая особенность эквивалентной формы стоимости: «потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости» (К., I, 23); б) количественная определенность, свойственная относительной форме стоимости (напомним, что «эквивалентная форма товара не содержит никакого количественного определения стоимости» (К. а I, 23); стоимость товара А=определенному количеству потребительных стоимостей. А отсюда вывод, что если обратить все свое внимание на явление, на меновую стоимость, то есть упустить из виду выражение стоимости, обязательно смешиваются воедино особенности эквивалентной и относительной формы стоимости, и доступ к пониманию стоимости оказывается наглухо закрытым. Хотя меновая стоимость есть лишь готовый продукт формы стоимости, тем не менее она превращается в завесу, скрывающую выражение стоимости от взоров вульгарного и вообще буржуазного экономиста. Последний берет категории в их готовом виде, то-есть на поверхности явлений и потому не может никак поставить в связь и уравновесить качественную и количественную стороны меновой стоимости. Либо он, как меркантилист сосредоточивает свое внимание на качественной стороне меновой стоимости и заключает отсюда, что стоимость (богатство) есть просто и только золото и серебро, либо как Бэйли утверждает, что все дело в определении количества и отрицает самое наличие качества стоимости, целиком обращая свое внимание на количественную сторону меновой стоимости (см. К., I, стр. 23 и 27—28, изд. 1909, о Бэйли и меркантилистах).

Как видим, хотя форма стоимости и меновая стоимость не разные вещи, но это в изложении Маркса все же два этапа по пути от труда к цене, из которых последний есть готовый продукт, законченная внешность первого. Наглядно *разница* формы стоимости и меновой стоимости проявляется в том, что меновая стоимость может изменяться, а форма стоимости оставаться неизменной и наоборот. Так, например, в двух выражениях стоимости: 1 пуд железа = 10 арш. ситца и 1 пуд железа = 2 стульям *меновая стоимость* меняется (в одном случае ситец, в другом—стулья), а *форма стоимости*—здесь простая—остается неизменной. И наоборот, с точки зрения меновой стоимости выражения: 1 пуд железа=17 424 доли чистого золота; 1 пуд железа, 2 фун. сахара, 1 фунт чаю и т. д. = 17 424 доли чистого золота и 1 пуд железа=1 рублю *равнозначны*, хотя они представляют из себя *разные* формы стоимости (простую, всеобщую и денежную). Думается, что в предыдущем изложении достаточно ясно сквозит наше глубокое убеждение, что нельзя считать «талмудизмом» внимание к тонкости теории стоимости, ибо всякое пренебрежение ими ведет к *грехопадению в теории денег*. Потому-то Маркс и писал: «товарная форма продукта труда или форма стоимости товара есть форма экономической клеточки буржуазного общества. Для *непосвященного анализ ее покажется просто рядом хитросплетений и мелочей*. И это действительно мелочи, но мелочи *такого рода*, с какими имеет дело, например, микроскопическая анатомия». (К. I, XVI). Посмотрим, куда зашел, пренебрегая этими «мелочами», тов. Кон в теории денег¹.

III.

Читатель, вероятно, помнит выдвинутый автором в «Курсе» тезис, что «покупательная способность денег» и «что *то же*», (см. «Курс», стр. 166) товарные цены изменяются под влиянием количества денег в обращении. Вот это отклонение «покупательной способности» денег от их стоимости и рассматривается автором «Курса» как основная пружина *механизма приспособления количества денег в обращении к размерам товарооборота*.

В противовес этому явно-антимарксистскому, не критически перенятому от буржуазной политической экономии положению, мы защищали в своей статье тезис Маркса, что количество средств обращения (конечно, полноценных) не влияет на цены товаров, что коли-

¹ Мы не хотим утомлять читателя анализом того, что отвечает нам тов. Кон по вопросу о сложном и простом труде. Нам нечего добавить к критике его «Курса», который он не защитил ни единым словом по вопросу о примере с профессором и т. д. Не наша вина, если т. Кон не понимает, что вся суть вопроса о редукции в сведениях *всех видов труда к простому труду*, а количественная редукция есть лишь *последующее измерение* и не составляет научной проблемы, почему Маркс и опустил его, сославшись на практику повседневной жизни. Т. Кон не понимает, что выражение абстрактного труда плотника=3 часам абстрактного труда углекопа столь же логично, как раскаленный лед, твердая жидкость и светлая тьма.

чество денег в непосредственном обращении *всегда* соответствует ¹ потребностям товарооборота и *никогда* не переполняет каналов обращения.

Понимая, что *открыто* спорить против этих основных положений марксовой теории обращения—дело безнадежное, наш автор пытается «примирить» свою точку зрения со взглядами Маркса. Ход его аргументации в статье таков:

1. Маркс установил, что «количество средств обращения определяется суммой цен находящихся в обращении товаров и средней скоростью обращения денег».

2. Но противоречие между общественным характером производств и индивидуальной формой его организации в меновом обществе делает невозможным регулирование сферы денежного обращения «сознательным усмотрением единого суб'екта» (стр. 273). Это регулирование здесь происходит стихийно. «Поэтому вопрос о том, почему в результате этих стихийных переливов металла достигается соответствие количества средств обращения норме, встает во всю свою величину» (стр. 274). Но так как наш автор «серьезно относится к вопросу, а не механически повторяет выхваченные из «Капитала» цитаты», а решение задачи, данное Марксом, его, по видимому, не удовлетворяет, то он ищет «самостоятельного» ответа на поставленный вопрос. Но странное дело!—ответ этот оказывается отнюдь не новым и отнюдь не «самостоятельным». В «новизне» тов. Кона слышится «старина» количественной теории денег. Ибо, по его мысли, формой, в которой единственно возможным способом регулирования денежного обращения оказывается реакция товаровладельца на отклонение покупательной способности денег от их стоимости ².

Однако, роль, которую наш автор отводит *на словах* этому отклонению в ответе на нашу критику, несколько иная, чем та, которую то же самое отклонение играло в «Курсе».

Если в «Курсе» покупательная способность денег *временно* ³ от-

¹ Само собой разумеется, что мы, вместе с Марксом, предполагаем: во 1-х, производство денежного металла в достаточно широких, с точки зрения удовлетворения нужд воспроизводства в деньгах, размерах и, во 2-х, открытую чеканку монеты.

² Достаточно самого поверхностного знакомства с Марксом, чтобы убедиться, что развиваемая автором «Курса» точка зрения не имеет ничего общего с марксизмом. Для составителей «Курсов» политической экономии было бы не лишним также знакомство с историей экономической мысли и, в частности, с количественной теорией денег. Такое знакомство, быть может, помогло бы им избежать ряда неверных шагов. Ибо многие положения Маркса раскрывают свое богатое содержание лишь в свете отношения Маркса к его предшественникам, которых он постоянно критикует, часто не говоря об этом открыто. В частности, Маркс критиковал старых количественников (Рикардо, Милль) в основном за теорию регулирования количества денег в обращении на основе отклонения ценности денег в обращении от их внутренней стоимости, как товара, т.-е. за злосчастный «механизм» т. Кона. В русской литературе теория денег Рикардо была подвергнута подробному рассмотрению в 1871 г. Патлаевским, в общем примыкающим к взглядам banking school (Тук, Фулартон, Ньюмарг).

³ Как мы показали в нашей статье, это «временное» отклонение покупательной способности денег от их стоимости есть лишь псевдоним постоянного отклонения.

клоняется от их стоимости, а вместе с тем поднимаются или падают цены (стр. 166),—то в статье «покупательная способность денег практически *всегда* совпадает с их стоимостью» (стр. 276).

Если в «Курсе» отклонение покупательной способности денег от их стоимости декретируется как механизм обращения, то в статье в качестве такого механизма провозглашается «*малейшая тенденция к отклонению*», а не самое отклонение (стр. 276).

Если в «Курсе» в качестве основного случая рассматривается падение покупательной способности денег и повышение товарных цен (или наоборот), происходящее *вследствие изменения количества средств обращения* (стр. 153, 166 и др.), то в статье прямо об 'является, что «на деле такой случай невозможен» (стр. 278) ¹.

Вот после этого попробуй полемизировать с автором «Курса»!

Однако, не будем «придираться» к т. Кону, ибо его «новая» концепция сама по себе дает достаточную пищу для критики.

Первый вопрос, который мы вправе поставить, это—вопрос о правильности положения, что «покупательная способность денег практически всегда совпадает с их стоимостью» (стр. 276). Мы уже указывали, что «категория» покупательной способности денег, основанная на фикции *среднего* уровня цен, с *теоретической* точки зрения не может иметь никакого значения ².

Фактически мы имеем столько «покупательных способностей» денег (т. е. выражений стоимости денег в товарах), сколько имеется товарных цен. И только в том случае, если *цена* товара не отклоняется от его стоимости, след., если стоимость полученных за товар денег совпадает со стоимостью товара,—покупательная способность денег совпадает с их стоимостью. Во всех же случаях отклонения цены от стоимости (а это и есть *типический* случай) покупательная способность денег *не совпадает* с их стоимостью. Следовательно, практическое отклонение «покупательной способности» денег от их стоимости имеет место сплошь и рядом. Это очевидно. Мы этого никогда не отрицали. Но мы отрицали и отрицаем: *во-первых*, что эти колебания покупательной способности денег, т. е. цен товаров происходят под влиянием *количества денег* в обращении, и *во-вторых*, что отклонение покупательной способности денег от их стоимости есть регулятор обращения. Таким образом, резкий поворот автора «Курса» в вопросе об отклоне-

¹ Какова цена этому заявлению, читатель может заключить из того, что в ряде мест своей статьи т. Кон вынужден говорить о «принципиальном» наличии «излишка» или «недостатка» денег, под влиянием которых покупательная сила денег отклоняется от их стоимости, а цены изменяются. Что это и есть принципиальное признание влияния количества денег на товарные цены, это Кону невдомек.

² Если даже стать на ложную точку зрения, рассматривающую отклонение покупательной способности денег от их стоимости как регулятор обращения, то и в этом случае «категория» «покупательной способности» денег, определяемой средним уровнем цен, окажется теоретически непригодной. Ибо действия товаропроизводителя, обуславливаемые, согласно этой точке зрения, движением покупательной способности денег, определяются не фиктивным средним уровнем цен всех товаров, а покупательной способностью денег по отношению к ценам товаров, *потребных* ему с точки зрения воспроизводства.

нии «покупательной способности» денег от их стоимости можно об'яснить только сильной паникой перед собственными выводами, которая, как известно, не содействует последовательно-логическому ходу мысли¹.

Однако, если автор «Курса» считает, что отклонение покупательной способности денег от их стоимости практически не имеет места, то перед ним, естественно, должен встать «во всю свою величину» другой вопрос: каким образом это не *имеющее практически места* отклонение может *регулировать* обращение. Ведь это обращение происходит «практически», а не только в сознании теоретика. Ведь под регулятором следует разуметь нечто действительно «регулирующее», а не только *представление* об этом регулировании. Вот тут-то наш антикритик и начинает изворачиваться. Он пространно раз'ясняет, что «отклонение», хотя и имеет место, но оно такое ничтожное, что его даже не заметишь; что, собственно, имеет место не отклонение, а лишь «малейшая тенденция к отклонению»². В итоге, чтобы хотя бы для види-

¹ Маркс никогда не отрицал этого отклонения, но он довольно «невежливо честил» те выводы, которые делались из факта этого отклонения. См. об этом ниже.

² Чтобы укрепить свою позицию, наш антикритик прибегает к следующей операции. Он пишет в сноске настр. 275 «ВКА» 25 (1): «Из следующей цитаты видно, что Маркс вовсе не склонен был, подобно моим критикам, отрицать воздействия на сферу денежного обращения указанных двух противоположных тенденций» (речь идет об образовании излишка и недостатка средств обращения и их устранении. *Авт.*). Непосредственно после этого следует цитата из Маркса: «Если опыт показывает, что уровень металлического обращения или масса находящегося в обращении золота или серебра в данной стране, хотя и подвержены временным, иногда очень сильным приливам и отливам, но на протяжении более долгих периодов сохраняет постоянство, и что отклонения от среднего уровня составляют только слабые колебания, то это явление об'ясняется просто противоположной природой условий, которые определяют массу находящихся в обращении денег. Одновременно их изменение парализует их влияние и оставляет все по старому» («К критике», стр. 91). Эту цитату т. Кон приводит в подтверждение того, что будто бы *по Марксу* всегда имеется тенденция к образованию излишка или недостатка денег в обращении. Приходится только удивляться наивности нашего антикритика. Ведь Маркс в приведенной цитате *ни единым словом не обмолвился об излишке или недостатке денег в обращении*. Маркс вовсе не утверждает, что количество денег в обращении отклоняется от потребного товарооборота количества средств обращения. Он только констатирует здесь тот факт, что *самая потребность товарооборота в деньгах есть величина, колеблющаяся вокруг определенного среднего уровня*. Что это так, легко убедится всякий, кто прочтет непосредственно предшествующие вышеуказанной цитате обстоятельные рассуждения Маркса о том, что *противоположные условия*, определяющие уровень металлического обращения, суть, с одной стороны, *сумма цен товаров*, а с другой, *скорость товарных метаморфоз* (быстрота оборота денег); что *причины, вызывающие возрастание цен и одновременное, еще более значительное, возрастание скорости товарных метаморфоз (быстрота оборота денег)*, лежат *вне сферы простого денежного обращения и в ней только отражаются*. Но «приняв за данное быстроту обращения, мы найдем, что количество орудий обращения определяется непосредственно ценами товаров. Поэтому цены товаров высоки или низки не потому, что в обращении находится больше или меньше количество денег, а наоборот, в обращении находится больше или меньше денег потому, что цены выше или ниже. Это один из важнейших экономических законов, полное подтвер-

мости, свести концы с концами, т. Кон провозглашает «... *малейшая тенденция к отклонению покупательной способности денег от их стоимости* вызывает немедленные передвижки золота из сферы денежного обращения в сферу накопления или обратно и, таким образом, *погашает самое себя при самом зарождении*» (стр. 276. Курсив наш). Но подобный аргумент может вызвать только улыбку. Ведь прилив и отлив денег может происходить лишь посредством действий товаропроизводителей. И если только регулирование обращения нуждается в особом «механизме», отличном от механизма, обуславливающего движение товаров, то этот «механизм» должен действовать именно так, как это описал на страницах своего «Курса» наш автор. «В самом деле,—пишет он на стр. 166,—увеличение количества средств обращения или сокращение суммы товарных цен приводит к сокращению покупательной способности каждой монеты или (что то же) к повышению товарных цен. *Для держателя денег оказывается невыгодным производить покупку в этот момент. Поэтому при малейшей возможности он откладывает покупку и бережет деньги «до лучшего времени».* Деньги переходят таким образом из сферы обращения в сферу накопления» (Курсив наш).

Однако, если в «механизме» замешан держатель денег, живой человек, то как быть с тезисом, что «покупательная способность денег практически всегда совпадает с их стоимостью»? Или наоборот, если «покупательная способность» денег практически всегда совпадает с их стоимостью, то как быть с держателем денег? Ведь по т. Кону, действия держателя денег обуславливаются движением покупательной способности денег. А если эта покупательная способность *практически неподвижна*, то каким чудесным образом она может обуславливать действия товаропроизводителя?

И, наконец, какое отношение к политической экономии, изучающей реальные отношения, может иметь «регулятор», действие которого протекает в голове его автора?

Раз «малейшая тенденция к отклонению покупательной способности денег от их стоимости» не может погашать самое себя *без вмешательства* держателя денег, то с точки зрения развиваемой автором «Курса» теории, должно иметь место самое *подлинное*, всамделишное отклонение покупательной способности денег от их стоимости. Только в этом случае на него будет реагировать товаровладелец. Далее. Раз отклонение или, употребляя новейшую *терминологию* т. Кона,

ждение которого историей товарных цен составляет, быть может, единственную заслугу английской Экономии Рикардо. После этих слов следует то самое место, которое цитирует т. Кон. Похоже ли все это на рассуждения нашего антикритика о самих себя погашающих тенденциях к отклонению покупательной способности денег от их стоимости под влиянием излишка или недостатка денег в обращении, пусть судит сам читатель.

Мы же не можем скрыть своего недоумения по поводу того, что наш автор, выступающий против механического выхватывания цитат, не потрудился прочитать приведенную им цитату в контексте.

«малейшая тенденция к отклонению» есть регулятор обращения, то следует также допустить возможность *излишка* или *недостатка* денег в обращении. Ибо, с точки зрения нашего антикритика, только в случае излишка или недостатка денег в обращении может иметь место отклонение покупательной способности денег от их стоимости (или «тенденция к отклонению»), а вслед за ним *прилив* или *отлив* денег. Это признает и сам автор «Курса» в своей антикритике. Он пишет: «Всякая тенденция к образованию излишка денежного обращения есть тенденция к отклонению покупательной способности денег от их стоимости. Именно поэтому она стимулирует сокращение (или прекращение) притока золота в сферу денежного обращения и усиление отлива золота из сферы обращения» («В К А», 25(1), стр. 275). Но отклонение покупательной способности денег от их стоимости (или т. н. «тенденция») выражается, как признает опять-таки сам т. Кон, в *цене* товара (там же, стр. 277). Следовательно, от излишка или недостатка денег зависит высота цен, т. е. *количество денег в обращении определяет цены*. Следовательно, поскольку т. Кон. пытается объяснить действительные отношения, он *остается на почве своих взглядов, высказанных им в «Курсе» т. е. по существу на почве количественной теории денег*. Итак, не только «отклонение», но и «малейшая тенденция к отклонению» (от теории Маркса), бросает т. Кона прямехонько в крепкие объятия количественной теории денег.

Однако опустим на момент занавес и, оставив нашего антикритика наедине с количественной теорией денег, используем этот момент для дополнительного разъяснения наших взглядов или, вернее, теории обращения Маркса, так и оставшейся непонятной т. Кону.

Мы в своей первой статье (ВКА, 25 (1) в основном дали ответ на вопрос о количестве денег в обращении, но т. Кон этим ответом не удовлетворен. Он упрекает нас в том, что мы, перейдя к рассмотрению теории денег, забыли о противоречии между частным и общественным трудом. Это сплошное недоразумение. Ибо как раз из этого противоречия мы выводили необходимость денег, как всеобщего эквивалента, как превращенной формы товара. Мы постоянно подчеркивали, что противоречие товара, выражающее вышеуказанное противоречие между частным и общественным трудом, в форме противоречия между конкретным и абстрактным трудом ищет и находит форму своего движения в раздвоении товара на товар и деньги. Неизбежность превращения конкретного труда в абстрактный, как условие обобществления частного труда, приводит к выделению из мира товаров действительного воплощения этого абстрактного труда особого всеобщего товара или денег. Роль денежного товара в том и состоит, что созданный совместным действием всех других товаров, он дает последним возможность оставаться представителями непосредственно частного труда и при этом превращаться в воплощение абстрактного и в этой форме общественного труда, превращаться в деньги. Деньги существуют лишь благодаря воздействию на них всех других товаров, вытекающему из самой природы товара. Все рядовые представители товарного мира, исключая особый, исторгнутый из этого мира

товар, пребывают всегда в относительной форме стоимости, т. е. постоянно играют *активную* роль, в то время как этот *особый* товар по постоянно выполняет роль *всеобщего эквивалента*, т. е. постоянно играет *пассивную* роль, давая возможность другим товарам совершить свой метаморфоз. Лишь на основе необходимости этих метаморфоз товар, постоянно выполняющий роль всеобщего эквивалента, является вместе с тем *формой*, в которой частный труд может выступить как *труд общественный*. Превращение товара в деньги есть пресуществление труда непосредственно частного (и лишь скрыто общественного) в труд непосредственно общественный. Вот в чем по Марксу заключается связь между противоречием частного и общественного труда, с одной стороны, и сущностью денег, с другой¹.

Далее из того обстоятельства, что все товары играют активную роль, а деньги — пассивную, следует, что *только изменения на стороне товаров обуславливают — при данной, конечно, стоимости денег — изменения на стороне денег*. Движение денег, их количество в обращении обуславливается движением товарных цен и скоростью метаморфоз товаров, а эти последние условия зависят от хода общественного воспроизводства. Если товара А произведено с точки зрения процесса воспроизводства слишком много, а товара В — слишком мало, то форма цены, заключающая в себе *возможность отклонения цены от стоимости*, покажет, что в отрасли А затрачено слишком много труда и что не весь затраченный и овеществленный здесь труд может быть включен в систему общественного разделения труда. Наоборот, высокая по сравнению со стоимостью цена на товары отрасли В показы-

¹ Так как для т. Кона все это осталось тайною за семью печатями, то он ищет эту связь на путях смешения денег с простым товаром. Он *серьезно* думает, что он провел *качественное* различие между товаром и деньгами путем следующего рассуждения: «Обозначает ли все сказанное, что покупательная способность денег колеблется вокруг их стоимости наподобие того, как цены товаров колеблются вокруг товарной стоимости, и, что, таким образом, она лишь в *среднем* совпадает со стоимостью денег, отклоняясь от нее в ту или другую сторону, в каждый данный момент? Конечно, нет... Цена товара, поднявшись над стоимостью, может к ней вернуться только после того, как новое производство заполнит образовавшийся на рынке недостаток товаров... отклонения цены товара от его стоимости являются отклонениями длительными и явно ощутимыми. С деньгами же дело обстоит совсем иначе. Здесь малейшая тенденция к отклонению покупательной способности денег от их стоимости вызывает немедленные передвижки» и т. д. (ВКА 25 1, стр. 276). Читатель видит, что весь вопрос о различии между товаром и деньгами сводится нашим антикритиком к вопросу о *скорости* реакции на сигналы рынка. Далее т. Кон забывает свой собственный тезис, что покупательная способность денег выражается в *цене товара*. А так как цены постоянно колеблется, то, очевидно, *постоянно* колеблется и его стоимость, покупательная способность денег. Ведь до тех пор, пока цена товара не совпадает с его стоимостью, покупательная способность денег не совпадает с их стоимостью. Ибо *совпадение* покупательной способности денег с их стоимостью есть не что иное как возмещение в стоимости полученных денег всей товарной стоимости. Следовательно, отклонения покупательной способности денег от их стоимости должны быть столь же «длительными и явно ощутимыми», как и отклонения товарных цен от стоимости. Мы смеем уверить т. Кона, что на *этих* путях он не найдет *качественного* различия между товаром и деньгами.

ваает, что здесь прилагается слишком мало живого и мертвого труда. Таким образом, относительно высокая и низкая цена обуславливается не количеством денег в обращении, а распределением производительных сил между различными отраслями производства и соответствием этого распределения пропорциям, диктуемым воспроизводственным процессом, что и выражается в платежеспособном спросе на товары. Деньги при этом играют только *пассивную* роль. Они, выполняя свою функцию меры стоимости и давая овеществленному в товарах общественному труду денежное имя¹, лишь отражают процессы, в которых они сами не участвуют². «Денежная форма есть только *отражение* в одном товаре отношения между всеми другими» (К. I, 42). (Курсив наш).

Деньги вступают в непосредственное обращение только в том случае, если это необходимо с точки зрения процесса воспроизводства. В самом деле, деньги лишь реализуют те цены, которые являются *закономерными, объективно необходимыми*³. Закономерной же, объективной ценой Маркс считает только ту цену товаров, которая есть не что иное, как «наименование овеществленного в нем количества *общественного труда*», т.е. труда, могущего быть включенным через его продукт в систему общественного разделения труда. Всякие же иные цены, произвольно устанавливаемые товаропроизводителями, рассматриваются Марксом как «*субъективные ошибки в расчетах товаропроизводителей*» (К., I, 54), ошибки, которые немедленно подвергаются объективному исправлению. Объективная цена вскрывается в товарном хозяйстве единственно возможным здесь способом, а именно в результате конкуренции товаропроизводителей. При этом следует иметь в виду, что размеры спроса, как и размеры предложения, определяются условиями, лежащими вне сферы простого обращения, и не зависят от количества денег в стране, как думают представители количественной теории. В спросе и предложении лишь проявляются те силы, которые действуют в процессе общественного воспроизводства. Только после того, как нашла свое выявление объективная цена, начинается собственно товарное обращение, т.е. метаморфоз товара, превращение его в *действительные, реальные* деньги (Т-Д). Здесь

¹ К. I, 50: «Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда». К. I, 54: «Цена товара есть только денежное наименование овеществленного в нем количества *общественного труда*... Если желудок рынка не может поглотить всего количества холста по нормальной цене в 2 шилл. за арш., то это доказывает, что в форме труда ткачей холста потрачена слишком большая часть общей суммы общественного рабочего времени».

² К. I, 51: «Возможность количественного несовпадения между ценой и величиной стоимости, или уклонение цены от величины стоимости, лежит... в самой форме цены. Это не составляет недостатка этой формы, а, *напротив*, делает ее вполне подходящей (адекватной) формой для способа производства, в котором правило может обнаружиться только в виде слепо действующего среднего закона, выражающего отсутствие всякой правильности»...

³ Здесь, как и во всем изложении теории денег, имеется в виду *количественно* определенная цена. «Денежное обращение предполагает обращение товаров и, действительно, деньги приводят в движение товары, имеющие цены, т.е. товары, которые в идее уже приравнены к *определенным количествам золота*» («К критике», стр. 90).

вступает в свои права функция денег, как средства обращения. Но как только товар превратился в деньги, эти последние становятся для продавца «внешней сброшенной формой» («*entäussetre Gestalt*») его отчужденного товара и если только в зависимости от хода воспроизводства не затвердевают у него в виде сокровища, то сейчас же пускаются дальше по волнам рыночной стихии в качестве превращенной формы других товаров, сцепляя встречные метаморфозы, выпадая и появляясь в различных пунктах товарного мира. Таким образом, *объективные*, очищенные процессом конкуренции от субъективных заблуждений товаропроизводителей, цены в *сумме своей определяют количество средств обращения*: «...деньги представляют собой лишь реальное выражение той суммы золота, которая идеально уже выражена в сумме товарных цен. Поэтому *равенство* этих сумм само собой подразумевается». (К., I, 62)¹.

¹ Т. Кон задает нам такого рода вопросы: «Как в самом деле, об'ясняют наши критики тот факт, что старые (неполноценные) монеты обращаются наряду с полноценными и покупают (каждая) столько же стоимостей, сколько полноценные монеты. Как об'яснят они слова Маркса о том, что денежный оборот отделяет функциональную сущность монет от их металлической сущности, что в обращении неполноценных монет проявляется обособление функции средства обращения. Как вообще они раз'яснят понятие «знак стоимости» (стр. 276). Напрасно наш критик думает, что задача для нас неразрешима. Именно потому, что в процессе обращения не происходит, вопреки т. Кону, количественного приравнивания товаров к деньгам, к средствам обращения; именно потому, что товары получают свое денежное имя до обращения; именно потому, что средство обращения в действительности представляет только соединительное звено метаморфоз товаров, только их *преходящую денежную форму*», — «реальное существование денег в обращении» представляется лишь *существованием электрической искры*. Хотя оно и действительное золото, однако, функционирует только как кажущееся и потому может в этой функции заменяться *знаком самого себя*» («К критике», стр. 98). Ведь Маркс недвусмысленно раз'яснил, что знак стоимости есть *знак стоимости золота, знак золота*; что «знак стоимости представляет *реальность цен* (товаров), является *signum pretii* и знаком их стоимости только потому, что эта стоимость выражена в их ценах» («К критике», стр. 98). Если количество неполноценных денег превышает количество потребных для обращения полноценных монет, то в процессе обращения цены удваиваются и т. п. Изменяется *масштаб цен*. «Возрастание цен было бы только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки стоимости тому количеству золота, вместо которого они обращаются» (Маркс). Но т. Кон продолжает свою интерпелляцию. Он пишет «Кстати, предлагаем нашим критикам, отрицающим возможность отклонения покупательной способности от стоимости денег, об'яснить следующую фразу Маркса:—каждая монета, хотя бы и полноценная, стала бы в своей монетной форме стоить меньше, чем в естественной форме» («к критике», 1918 г., стр. 100). Прежде всего устраним недоразумение. Из нашего изложения было совсем нетрудно понять, что мы не отрицаем отклонения, т. н. покупательной силы денег от их стоимости. Но мы отрицали и отрицаем, во-1-х, что это отклонение происходит *под влиянием количества денег в обращении* и, во-2-х, что это отклонение служит механизмом, регулирующим обращение. Далее, если бы наш антикритик не имел привычки выдергивать цитаты, то он мог бы усмотреть, что в контексте Маркса речь идет о случае стирания большей части монет; в результате этого стирания или искусственных хирургических операций, «рыночная цена золота в слитках поднялась бы над его монетной «ценой». А так как полноценная монета, как *монета*, выполняет ту же функцию, что и неполноценная монета, которая довлеет, то эта монета разделила бы судьбу своей похудевшей сестры, если бы не предпочла расплавиться в золотой слиток. Вот и все,

Пример, приведенный нами в первой статье в качестве *иллюстрации*, может содействовать уяснению нашей мысли. Как раз в периоды процветания, когда воспроизведенный процесс пульсирует сильно, когда растут количество и размеры сделок, а, след., растет и сумма цен, количество денег в обращении обнаруживает соответственный рост¹. Правда, здесь необходимо внести поправку на скорость метаморфозы товара, которая (скорость) в периоды процветания, конечно, более велика. Наоборот, в периоды депрессии, когда сделки редки и когда сумма цен падает, те же самые полноценные монеты временно затвердевают как сокровище, превращаются из монеты в «*остановившуюся монету*», в *деньги*, как выражение абстрактного богатства товарного общества. Следовательно, количество средств обращения выступает как величина *производная*. Следовательно, деньги приливают в обращение или выпадают из последнего не в зависимости от величины их покупательной силы (в период под'ема их «покупательная сила» как раз *низка*, в период депрессии—*высока*), а в зависимости от движения товарных метаморфоз, обусловливаемого в свою очередь движением процесса общественного воспроизводства. К этому выводу пришли, по существу, Тук и Ньюмарч, и Маркс считал их величайшей заслугой подтверждение вышеуказанной зависимости между движением товаров и движением денег, анализом истории цен.

Но вот на сцене снова появляется т. Кон. Он пытается оспорить выдвинутые нами положения, при чем, желая «и невинность соблюсти и капиталы приобрести», ищет точку опоры в теории *двух цен*. Оказывается, имеется две цены: одна цена—*идеальная*—устанавливается (совсем как у Маркса!) *до* обращения, другая же—реальная цена—в обращении реализует эту цену; «от *количественного соотношения товаров и денег на рынке зависит, сможет ли состояться превращение товара в деньги и будет ли полностью реализована его идеальная цена*» (Sic! «ВКА» 25 (1), стр. 277. Курсив наш). Как известно, в своем «Курсе» тов. Кон открыто не выдвигал теории двух цен. Однако мы предвидели такой оборот дела и дали сжатую критику этой теории. Но мы не вправе ставить себе это предвидение в заслугу, ибо логика вещей толкала автора «Курса» на путь теории двух цен. Вследствие этого было не так уж трудно указать «куда растет» т. Кон.

Теория Маркса есть об'ективная теория стоимости и цены. Закон стоимости, это—закон движения товарно-капиталистической хозяйственной системы, а обмен по стоимостям (по цехам производства) соответствует моменту *пропорционального* распределения труда между различными отраслями². Что же касается цены, то, как, мы уже

что хотел сказать Маркс. При чем в перечисленных выше случаях механизм отклонения покупательной способности денег от их стоимости одному Д. С. Миллю ведом. Быть может, т. Кон, раз'яснит нам сию тайну.

¹ Конечно, мы отвлекаемся здесь, вместе с Марксом, от роли кредита, считая такое отвлечение методологически правильным.

² Не лишне отметить, что цену количественно совпадающую со стоимостью т.-е. соответствующую пропорциональному распределению труда между различными отраслями производства Маркс называет «Нормальной ценой» (см. К. т. I, ст. 55).

показали выше, она есть об'ективная величина, соответствующая *данному* состоянию распределения труда между различными отраслями, состоянию, которое только *случайно* может совпасть с пропорциональным распределением труда. Для об'ективной теории Маркса существует только эта *об'ективная цена*, колеблющаяся вокруг стоимости в соответствии с отклонениями фактического распределения производительных сил от распределения пропорционального. Между тем, у т. Кона дело принимает несколько иной оборот. У него идеальная цена (а не стоимость) есть центр колебаний действительной цены. Чтобы спасти хотя бы для видимости свое марксистское лицо, он, приводит следующую цитату из Маркса: «Разделение труда превращает продукт труда в товар и этим делает необходимым его превращение в деньги. Вместе с тем оно делает успех этого пресуществления делом чисто случайным. Здесь, однако, мы должны рассмотреть это явление в его чистом виде, т.-е. предположить, что оно совершается нормально. Впрочем, если оно вообще совершается, т.-е. если товар не совсем лишний на рынке, то всегда происходит перемена его формы, хотя в ненормальных условиях, *при этом превращении субстанция—величина стоимости, может уменьшаться или увеличиваться*». Нам совершенно непонятно, как может т. Кон приводить эту цитату в подтверждение своих взглядов. Ведь каждый грамотный человек может сделать из этой цитаты только *один вывод*, что цены по Марксу отклоняются от *стоимости*. Но никому, за исключением т. Кона, даже в голову не придет мысль делать из приведенных слов Маркса заключение, во-первых, что Маркс стоял на точке зрения двух цен, одна из которых колеблется вокруг другой, и, во-вторых, что колеблющаяся цена зависит от количества денег в обращении. Но, быть может, «идеальная цена» т. Кона, это—«стоимость» Маркса? Однако зачем в таком случае называть стоимость «идеальной ценой»? Не проще ли сказать на общепринятом марксистском языке, что цена отклоняется от *стоимости*? Впрочем, дело вовсе не в названиях. Мы покажем ниже, что «идеальная цена» нашего антикритика принципиально не то же самое, что *стоимость* Маркса. Это—во-первых. Во-вторых, можно указать теперь же, что даже отождествление т. н. «идеальной цены» со стоимостью ни в коей мере не может спасти нашего автора из об'ятий количественной теории денег, поскольку *действительная* цена у него определяется в процессе обращения, в зависимости «от количественного соотношения товаров и денег».

Став на точку зрения двух цен¹, т. Кон дал весьма солидный крен в сторону вульгарной теории Ирвинга Фишера, который пишет в своей книге «Element Principles of Economics» «действительно назначенная цена есть только «asking price», это—цена, по которой он (продавец) пытается продать. Она обычно выше цены, которая действительно

¹ У Маркса проводится различие между идеальным и реальным золотом, но нет различия между идеальной и реальной ценой. В функции меры стоимости золото выступает *идеально*, в функции же средства обращения—*реально*.

установится в момент продажи позже. Таким образом, имеет место часто «*bidding price*», которая обычно ниже цены, по которой совершится продажа. Цена действительной продажи обыкновенно лежит между ценой сперва предлагаемой и ценой—сперва запрашиваемой» (р. 15).

С точки зрения суб'ективной теории цен такой взгляд имеет смысл. Но пусть объяснит нам т. Кон, какую роль у него может играть идеальная цена, не тождественная со стоимостью? Ведь не станет он, в самом деле, утверждать, что цены действительные суть равнодействующие идеальных цен и сумм денег в обращении. Не станет потому, что это означало бы объяснение цены спросом и предложением под влиянием *индивидуальных оценок*, т.-е. шаг в сторону психологической школы.

Отрицая на деле марксову теорию *единой, объективной цены*, устанавливаемой до непосредственного обращения, т. Кон однако, имеет смелость утверждать, что у него, *совсем как у Маркса*, в периоды под'ема «покупательная способность» денег не падает, как это утверждали мы, а подымается. Следовательно, «по Кону», как и Марксу, деньги устремятся в обращение. Наоборот, в периоды депрессии покупательная способность денег упадет и деньги устремятся в сферу накопления.

Для доказательства этого положения и начинается настоящая эквилибристика с идеальными и реальными ценами.

Мы оставим при ее разборе совершенно в стороне «имманентное» нашему автору противоречие вновь выставляемых им в статье положений старым его взглядам. Напомним только, что в «Курсе» держатель денег приберегал деньги в периоды высоких товарных цен и бросал их в обращение в периоды низких цен, а засим остановимся на следующих двух моментах новейшей концепции тов. Кона.

Во-первых, сопоставим определения покупательной способности денег, которые даются т. Коном на протяжении *двух последних страниц* его статьи, и покажем всю их несовместимость.

Определение первое: «... покупательная способность денег является не в результате *измерения* стоимости денег, а в результате реализации ее в товарах. Она представляет собою не идеальное выражение стоимости денег, а *фактический* результат обмена денег на товар¹. При этом *покупательная способность денег, естественно, выражается не непосредственно в стоимости товаров, но в их цене*» (стр. 277). (Курсив наш). Таким образом здесь покупательная способность денег выражается в «*реальной цене*».

Определение второе: В случае повышения цен всех (или главнейших) товаров вследствие повышения их стоимости, «возросшая масса товарных стоимостей найдет себе выражение, при измерении, в большей массе идеального золота. Поэтому, если бы количество средств

в обращении осталось неизменным, каждый реальный рубль фактически покупал бы не меньше, чем раньше, количество стоимости, а большее (стр. 278). Здесь покупательная способность денег выражается *непосредственно в стоимости*.

Определение третье: В случае повышения цен всех (или главнейших) товаров вследствие отклонения цен от стоимости «стоимость всей товарной кучи при измерении, предшествующем обращению, выразится не в меньшем, а в большем количестве идеального золота. Поэтому, если бы количество средств обращения осталось прежним, каждый реальный рубль обменивался бы не на меньшее, а на большее количество идеальных рублей» (стр. 270). Так как здесь в идеальном золоте выражается цена, отклоняющаяся от стоимости, то покупательная способность денег в данном случае находит свое выражение, как видит читатель, в *идеальной цене, не совпадающей со стоимостью*. Все это понадобилось т. Кону потому, что «покупательная способность» денег, будучи выражена в стоимостях или в «реальных ценах», должна в данном случае *падать*, а след., деньги по т. Кону, *вопреки* Марксу, должны будут в периоды под'ема цен *уходить* из обращения. Отсюда также следует, что «*идеальная цена*» т. Кона *принципиально не тождественна со стоимостью*, на что мы указывали выше.

Итак для того, чтобы доказать, что покупательная способность денег высока во время под'ема и низка во время депрессии и что, в соответствии с этим, деньги будут приливать в обращение как по Марксу, так и «по Кону» в соответствующие периоды,—т. Кон решается на своеобразное *qui pro quo* и применяет *подмену* одного понятия покупательной способности денег другим, в зависимости от нужд полемики. Но иного выхода т. Кон не имел, ибо при едином и при том правильном понимании покупательной способности денег он не мог бы объяснить движения денег в ходе промышленного цикла.

Во-вторых, укажем т. Кону, что вся его «аргументация» находится в явном противоречии с Марксом. Ведь никто иной, как Маркс писал: «В период кризиса в промышленном цикле *общее падение товарных цен выражается* (слушайте, т. Кон!) как *повышение относительной стоимости денег, а в периоды процветания общее повышение товарных цен выражается* (слушайте, т. Кон!) как *падение относительной стоимости денег*. Так называемая *Currency School*... *заключает из этого, что при высоких ценах в обращении находится слишком мало денег, а при низких—слишком много. Ее невсество и совершенное непочитание фактов находят достойную себе параллель в экономистах, объясняющих явления накопления тем, что в одном случае имеется слишком мало, а в другом слишком много наемных рабочих*. (К., I, изд. 1907 г., стр. 444. Курсив наш). Эта цитата заключает в себе два положения: 1) что относительная стоимость денег (т.-е. «покупательная способность» денег) *высока* во время кризисов и *низка* во время под'ема (что утверждали мы в своей статье и что отрицает т. Кон); 2) что вульгарный вывод об «излишке» или «недостатке» денег, который делала отсюда одна из разновидностей количественной теории

¹ В статью т. Кона вкралась очевидная опечатка: в ней напечатано «обмена денег на золото», что лишено в данном контексте смысла.

денег, Currency School (возглавлявшаяся последователем Рикардо, банкиром Лойдом-Оверстоном, столь осмеянным Марксом в III томе «Капитала») есть плод «невежества и совершенного непонимания фактов».

Таким образом, концепция т. Кона в теории обращения совершенно чужда марксизму, а его аргументация, падает при первом прикосновении.

Г. Абезгауз, Г. Дукор, А. Ноткин.

(Ответ на помещаемую статью будет дан в одном из ближайших номеров).

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛАХ И ДИАЛЕКТИКЕ ИХ РАЗВИТИЯ

Вопрос о категории производительных сил является центральным вопросом в историческом материализме. Он имеет крупнейшее методологическое значение в деле познания общества в целом, ибо в понимании закона производительных сил сосредоточивается понимание общественной жизни как особенной специфически-качественной области в развитии природы, области, необходимо управляющейся в своей жизни и движении своими имманентными законами.

Правильно поставить вопрос о производительных силах и их развитии и правильно разрешить его,—это значит понять общество как единое-целостный объект в многообразии и сложности его сторон и моментов, понять его в его самодвижении и саморазвитии, т.-е. соответственно его внутренним закономерностям движения, значит понять его развитие как *необходимое развитие*.

Под этим методологическим углом зрения, а не под углом зрения терминологическим, к которому у некоторых товарищей имеется иногда излишне большое пристрастие, мы и стараемся подойти к проблеме производительных сил.

I

Общественная жизнь, как определенный объект изучения, дается нам первоначально, в качестве многообразия явлений, событий и становления. Обыденный рассудок почти таким образом и воспринимает его. Для него исторические события представляются более или менее случайными фактами, происходящими при таких-то условиях, при таком-то стечении обстоятельств. Но такое представление, являющееся, может быть, достаточным иногда для обыденщины—чрезвычайно далеко от научного представления. Конечно, для познания на первой ступени, непосредственного познания, общественная жизнь именно и дается, как некоторое сплетение событий и фактов, но истина заключается в законе и необходимости, которые мы вскрываем познанием и общественной практикой в этом многообразии.

Исторический материализм считает, что такой внутренней закономерностью, единой основой или сущностью общественно-исторического процесса во всей его сложности является развитие материальных

производительных сил человечества. Каково содержание этой категории и почему именно эта категория является исходным пунктом нашего анализа общественных явлений?

Ответ на последний вопрос дает Энгельс в следующих простых и ясных словах, в своей речи на могиле Маркса: «Как Дарвин,—говорит он,—открыл законы развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот простой, скрытый до последнего времени идеологическими наслоениями факт, что люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д. и что, следовательно, производство непосредственных материальных средств жизни, а вместе с этим ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они должны быть об'яснены, а не наоборот, как прodelывалось до сих пор». Отсюда ясно, что для нас, как в познании, так и в самой реальной жизни, только процесс производства может быть исходным пунктом в понимании общественных явлений, ибо он есть непрерывная и необходимая основа в развитии и жизни общества, в которой создается материальное богатство и обеспеченность общества, без чего оно просто не может существовать. Мало этого, процесс общественного труда, производства, как активный процесс воздействия человека на природу по существу выковал самого человека. Производство, труд, как более или менее систематически повторяющийся процесс, является определяющим существо и понятие самого человека.

В процессе труда, начиная с его элементарно животных форм и доходя до его более или менее человеческой формы, т.-е. до формы человеческого труда или производства в собственном смысле слова—создался общественный человек в отличие от животных. И этой гранью (конечно, относительной) между человеком и животным мы признаем такой уровень трудового воздействия на природу, регулярность которого, как активного воздействия на нее, закрепились в создании орудий труда. Человек есть сам продукт труда. «Людей можно отличать,—говорят Маркс и Энгельс,—от животных по сознанию, религии, вообще по чему угодно. Сами они начинают отличаться от животных, лишь только начинают *производить* необходимые для своей жизни средства». И самым существенным из этих создаваемых человеком средств и самым характерным, основным для него является орудие труда.

Именно потому, что общественный трудовой процесс, производство, является источником жизненных средств общества, его жизни и развития,—мы исходим из него в понимании исторического процесса. Иначе быть не может, ибо здесь дается реальный смысл общественной жизни. И вот поскольку мы в познании общества исходим из трудового процесса и его развития и совершенствования, то тут совершенно необходимо понять самый трудовой процесс в его элементах. Элементами же его и является как раз то, что мы называем производительными

силами, сам живой конкретный человек, как рабочая сила производства и средства производства. В производительных силах трудовой процесс дан в его материальном единстве, он воплощается в материальных производительных силах и его высота и сложность определяются, конечно, их соответствующим укладом, как и наоборот, само совершенство уклада производительных сил находится под определяющим влиянием идущего трудового процесса.

Трудовой процесс в своей необходимой характеристике дан в укладе производительных сил. Но само собой разумеется, что производительные силы уже не являются таковыми вне процесса производства. Машина перестает быть машиной, по выражению Маркса, поскольку она не находится в производстве.

Повторяем, Маркс в понятии материальных производительных сил хочет взять, ухватить процесс производства в его материальном единстве. Поэтому нам представляется необходимым, поскольку мы рассматриваем производственный процесс первоначально в его абстрактной, простой форме, как процесс взаимодействия человека и природы, брать его в единстве всех трех элементов, которые в нем участвуют. Рабочая сила, орудие труда и материал труда являются таковыми. Ни того, ни другого, ни третьего из состава материальных производительных сил, как необходимых составных частей производства, на основе которых слагается та или иная степень производительности человеческого труда—не выбросишь. Но совершенно ясно при этом, что среди этих элементов производства приходится различать, сообразно той действительно различной роли, какую каждый из них играет в деле определения последнего.

Безусловным является то, конечно, что примат в понимании общественного производства и формации в целом и в действительном определении их принадлежит технике, орудиям труда, ибо в них принципиально воплощается то, как, каким образом человек производит, а не что он производит. Эта же точка зрения является важнейшей для учета степени развития производства, не только количественной, но—что еще более важно с точки зрения исторического материализма и качественной высоты его. Техника, орудия труда представляют в этом смысле основной момент в производительных силах. «Такую же важность»—говорит Маркс—«как строение останков костей, имеет для изучения организации исчезнувших видов, останки средств труда имеют для изучения общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» («Капитал», т. I, стр. 151). Техника, следовательно, является показателем развития других элементов производительных сил. Она есть «мерило развития человеческой рабочей силы», она тем более определяет характер того материала труда, который входит в производство в качестве такового в тот или другой момент, определяет его дифференциацию, жизнь и значение в производстве. Наконец, среди самых средств

труда мы можем различать более пассивные элементы и элементы более активные в отношении их роли в определении материального производства и его составных частей, а в конечном счете и всей общественной системы. Непосредственные орудия труда, производительного воздействия человека на природу имеют в этом смысле решающее значение в сравнении с такими средствами труда, как здания, склады, сосуды и пр. В непосредственных рабочих орудиях воплощается прежде всего отношение человека к природе, его активное воздействие на нее, возможность победы над ней и подчинения ее сил. Те механические, физические и химические силы природы, которые действуют в процессе человеческого труда, и являются производительными силами в этом своем действии, значения для трудового процесса, определяются также наличным уровнем, степенью развитости орудий, которые дают возможность в определенный момент переключать силы природы в материальное производство и делать их необходимыми элементами последнего. Но отсюда, с нашей точки зрения, отнюдь нельзя сделать вывода, что состав производительных сил можно свести к одному элементу производства—технике, или к двум—технике и рабочей силе. Процесс общественного труда, эту основу человеческого существования, надо брать в целом, следовательно, надо брать в целом и участвующие в нем элементы или материальные производительные силы, ибо каждый из них, включая и наличный в данное время состав материала труда, играет роль, хотя и неодинаковую, но необходимую в деле определения *производительности* человеческого труда, что является экономическим выражением воплощающегося в материальных производительных силах трудового взаимодействия человека с природой¹.

Так по нашему разрешает вопрос о производительных силах Маркс в V гл. I тома «Капитала».

Исходя из такого понимания производительных сил, как необходимых элементов материального производства—средств производства и рабочей силы, мы считаем грубо ошибочной попытку (см. ст. т. Ефимова о производительных силах в 13 номере жур. «ВКА») сведения их к рабочей силе, к человеку, мотивируемую в конце концов тем, что только человек есть, собственно, активная сила производства, что так как сами средства труда *производить* не могут и поэтому являются придатками к рабочей силе, то говорить о них, как о производительных силах не приходится. Эта попытка по существу лишает человеческого труд его качественного характера, который дается и во-

¹ О том, что средства производства в качестве необходимого элемента производительных сил надо брать в целом, не исключая и материал труда, мы читаем, напр., в следующих словах Плеханова: «Процесс производительного воздействия человека на природу предполагает не одни только орудия труда. Орудия труда составляют только часть средств, необходимых для производства. Вот почему точнее будем говорить не о развитии *орудий труда*, а вообще о развитии *средств производства, производительных сил*, хотя совершенно несомненно, что самая важная роль в этом развитии принадлежит или, по крайней мере, принадлежит до сих пор (до появления важных *химических* производств) именно орудиям труда» (Плеханов.—К вопросу о развитии монистического взгляда на историю).

площается в орудиях труда прежде всего. Орудия труда ведь характеризуют человеческий труд, как активное приспособление к природе в отличие от пассивного приспособления к природе у животных. Что человек есть активная сила производства и даже в известном смысле является творцом всей своей истории—это совершенно неоспоримо. Дело только в том, что когда мы говорим о материальных производительных силах, то мы никоим образом не можем забыть тот факт, что техника, являясь показателем типа трудовых действий, определенности их, высоты человеческого производительного воздействия на природу, установки в данный момент его общественно-исторического развития, играет настолько важную и очевидную роль как для понимания, так и в существе действительного способа производства, что попытка ограничить производительные силы рабочей силой не может иметь под собой никакой более или менее солидной аргументации. Маркс именно об этом действительном значении техники говорит, когда он пишет: «Дарвин направил интерес на историю естественной технологии, т.-е. на образование растительных и животных органов, которые играют роль орудий производства в жизни растений и животных... Технология (общественного человека. Ф. Г.) раскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а следовательно, и общественных отношений его жизни и вытекающих из них духовных представлений. («Капитал» I. гл. XIII). Если мы тщательно учтем это значение орудий труда для определения общественно-трудового воздействия человека на природу, то можем ли мы после этого считать сколь-нибудь серьезной попытку, исходящую в конце концов в значительной степени из терминологических ухищрений, сведения производительных сил к рабочей силе.

Частенько мы сталкиваемся с излишне абстрактным подходом к вопросу о производительных силах. Такой подход имеется с нашей точки зрения у тех товарищей, которые настойчиво стремятся дать представление о рабочей силе, как составной части производительных сил, таким образом, что она у них лишается ее психических, духовных свойств, превращается, так сказать, в чистую материальность. Мы должны сказать, что такое представление является искажающей действительность абстракцией от одной из конкретных производительных сил.

Что марксизм говорит о *материальных* производительных силах (единство мира в целом в конце концов для марксизма заключается в его материальности, единство общественного мира в его общественной материальности, в материальном производстве)—это не дает никакого основания к тому, чтобы игнорировать определенные конкретные свойства той или другой из них, в данном случае психические свойства рабочей силы, ибо при признании и констатировании этих свойств наличными материальность явления вовсе не умаляется—она дается только наделенной своим истинным богатством. Маркс ведь в V главе «Капитала», где занимается анализом производительных сил, определяет рабочую силу, как совокупность мускуль-

ных, нервных и духовных сил. В такой целостности входит человек и в процесс производства, с той разницей, что только в определенном круге его духовных способностей и богатства он участвует в самом производстве, в том круге, который необходим для его деятельности, как активной силы в процессе производительного воздействия на природу.

Ведь следует только вчитаться внимательно в V гл. марксова «Капитала», как становится очевидным, что для Маркса, несмотря на то, что он процесс труда и производства рассматривает здесь в их абстрактной форме, в той простой форме, в которой они присущи всем общественно-экономическим формациям без различия, несмотря на это, Маркс не игнорирует того конкретного облика производительных сил, который присущ им и на этой ступени рассмотрения. Как раз здесь Маркс и дает понятие человеческого труда как сознательно планомерного процесса в отличие от инстинктивно бессознательной формы его у животных. И носителем этой сознательности и планомерности в процессе труда является рабочая сила—человек. Поэтому игнорирование, отбрасывание одного из существенных свойств человека, его сознания, психики из трудового процесса, стремление изобразить дело таким образом, что рабочая сила как материальная производительная сила может быть понимаема только в ее как бы чистой материальности, без ее духовных свойств,—все это может повести только к механическому пониманию производительных сил и процесса труда, к вульгарному пониманию последнего. Маркс, повторяем, рассматривает рабочую силу всегда как конкретное единство мускульной, нервной и духовной энергии человека. Рассмотрение процесса производства не может игнорировать ни одной из этих сторон в рабочей силе. Классовым способам производства вообще, капиталистическому способу производства в особенности, свойственна тенденция к обособлению духовных и физических сторон рабочей силы. Об этой тенденции в капиталистической форме производства говорит Маркс в «Капитале» (т. I, 352—3). «Все те познания, понимание и воля, которые развивает в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник, хотя бы и в малом масштабе—подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости,—все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Духовные потенции (движущие силы) производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и порабащая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собою единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку, как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее

служить капиталу». Но с другой стороны капиталистическое производство создает известные кадры рабочих, которые могут выполнять более сложные функции управления машинами и т. д., и это же производство самым механизмом своим (в тесной связи с классовой борьбой пролетариата с буржуазией) создает вышколаенность, объединенность, организованность и классовую сознательность больших масс рабочего класса, и эта рабочая масса входит в капиталистический процесс производства в наличии указанных развивающихся в ней капиталистическим производством качеств. В связи с этими своими качествами рабочая сила и является самой революционной из всех производительных сил в капиталистическом производстве. Из этого понимания рабочей силы как производительной силы во всех ее существенных для производства функциях нельзя, конечно, сделать такого вывода, что в производительные силы должна быть внесена общественная психика вообще, в частности и та форма ее, которую мы называем наукой. Это было бы превратным пониманием. При таком представлении мы потеряли бы всякую, хотя и относительную, границу между материальным производством и областями надстроечной жизни общества, а в результате этого от сути материалистического понимания истории ничего бы не осталось. Если Маркс, как об этом можно заключить из только что приведенной цитаты, и рассматривает науку неразрывной от рабочей силы, как производительной силы, то это не значит, что наука вообще, как система знаний, предстаний, всяческих организаций и пр. в целом входит в качестве особой производительной силы в производство. Производительной силой является рабочая сила в единстве и различии своих свойств, и необходимым моментом в этой производительной силе являются элементы познания и понимания (Маркс еще говорит о воле), те элементы, которые фиксируются, с другой стороны, в одной из надстроек, в науке. Поэтому последняя и является столь важным в ряду других условий условием производства, что она воплощает в себе и включает в себя непосредственные, органически связанные с производством опыт, знание, понимание, как неотъемлемые стороны человеческого общественно-целесообразного труда. (Речь может идти, конечно, в этом смысле об определенном круге наук, наиболее тесно связанных с производством и техникой.)

В других местах Маркс называет науку производительной силой, но он при этом проводит в терминологии различие между производительными силами общественного труда и всеобщими общественными производительными силами, каковой, с его точки зрения, является наука. Капитал в ряду своих общественных функций имеет также и ту, что он есть «воплощение производительных сил общественного труда и общественных сил вообще (не точно, в немецком яз. имеется слово *allgemein*, всеобщий. Ф. Г.), как, например, наука». («Капитал», т. III, ч. I, стр. 80). Так что мы не имеем опять-таки никаких оснований, исходя из этого применения Марксом термина производительной силы к науке, притти к выводу, как это делает т. Ефимов (ВКА. № 22, стр. 160), приводя на помощь еще одну цитату из Маркса, ко-

торая ничего абсолютно не говорит в пользу его точки зрения и вообще по этому вопросу,—что наука вообще входит, так же, как рабочая сила и средства производства в состав производительных сил. Стоит проделать еще такую же операцию с одной-двумя надстройками (например, с политической организацией общества, которая представляет из себя «концентрированное выражение экономики», т. е. самым органическим образом связана с общественным производством) и тогда мы с удивлением будем взирать, что же осталось от марксовской концепции общественной жизни, в которой материальное производство и его элементы в связи с определенным типом производственных отношений является основой общества, тогда как государство, право, общественное сознание и его формы, одной из которых является и наука, представляют из себя надстройки, вырастающие на этой реальной основе и определяемые ею в конечном счете по содержанию, а частично и по форме.

Эти наши замечания, касающиеся вопроса о составе, о понимании производительных сил в историческом материализме необходимо завершить указанием на то, что производительные силы должны нами всегда рассматриваться в их динамической связи, в их опосредовании друг другом, характер которого всегда является качественно-определенным в зависимости в конце концов от качества орудий труда. Следовательно, если технические отношения, технические способы и приемы производства (кооперация, разделение труда и пр.), граничащие самым непосредственным образом с общественными производственными отношениями и иногда органически переходящие в последние и нельзя вводить в производительные силы как какой-то особенный элемент, ибо это может вызвать представление, что рабочая сила и средства производства как бы являются производительными силами вне их динамической связи и взаимодействия в трудовом процессе, то, с другой стороны, нужно помнить, что понятие технических отношений, способов и приемов производства фиксирует нам необходимый жизненный момент в функционировании производительных сил, в котором производительные силы только и являются таковыми. В этом смысле технические приемы производства могут быть отнесены к производительным силам. Только тот подход к производительным силам, который их берет, как определенную систему взаимодействующих элементов, спаянных в органическое единство трудовым процессом человека, следовательно, как динамическую систему, конечно с подчеркиванием характера и большего или меньшего значения каждого из этих элементов в деле определения действительного типа и высоты общественного способа производства в целом и через него всей общественной жизни, только такой подход является правильным для определения существа материальных производительных сил.

В материальных производительных силах, особенно в технической системе общества, в орудиях—этих органах человека, позволяющих ему подчинить себе природу,—вплочается активное воздействие человека на последнюю, поэтому отсюда и приходится идти к пониманию общественной жизни. Здесь коренится специфическая внутренняя за-

кономерность общественной жизни. Только эта точка зрения, точка зрения сущности, основы общественной жизни—дает нам общество, как цельную, единую, специфическую область в развитии мира.

II

Теперь уместно задаться вопросом о развитии и причинах развития самой этой основы общественно-исторического процесса, чтоб далее развернуть и конкретизировать понятие единства и специфичности общественной жизни. Общая точка зрения диалектики на развитие, как известно, заключается в том, что развитие понимается, как саморазвитие, самодвижение, т. е. как развитие по внутренним законам самого развивающегося предмета. Оправдывается ли это понимание эволюции на обществе? Поскольку же мы находим самую основу общественной жизни и ее движения в развитии материальных производительных сил, то спрашивается: оправдывается ли понятие саморазвития, движения по внутренним законам на производительных силах и в чем заключается диалектика их развития?

Мы по вопросу о развитии производительных сил, его причинах и источниках имеем чрезвычайную разногласию в ряде книг, называемых учебниками, учебными пособиями и т. п., хотя надо сказать определенно, что точка зрения основоположников марксизма здесь очень ясна. У нас по обыкновению разрешается вопрос таким образом: производительные силы и соответствующая данному их уровню экономическая структура является основой общественной формы в целом и, развиваясь, движет вперед все общество. Но почему развиваются производительные силы? Тут зачастую отвечают таким образом, что они движутся благодаря классовой борьбе, действию надстроек (науки и т. д.). Но дальше когда уяснят, что сама классовая борьба, наука и проч. есть продукт известной ступени развития производительных сил, т. е. в конце концов, исторически возьмут тот более ранний период существования общества, когда история общественного человека, как особой области, качества в развитии мира была уже налицо, но сколь-нибудь оформленных, дифференцированных надстроек классов и т. д. не было, когда, следовательно, развитие производительных сил могло быть менее всего определяемо взаимодействием с иными общественными моментами и, тем не менее, человечество шло вперед, тогда зачастую разрешают вопросы таким образом, что развитие производительных сил ставят в зависимость от природных условий, борьбы за существование, внешнего толчка, данного природой, и т. д. Так, например, в учебнике по историческому материализму Трахтенберга, развитие производительных сил в ранних обществах имеет своим источником борьбу за существование, этот общий факт для всего живого мира. В книжке Вишневого, посвященной то же историческому материализму, ход общественного развития в доклассовом обществе изображается как опричиненный природными условиями, борьбой за существование и т. д. (Вишневский, «И. М.», 119). В другом месте этой книжки мы читаем буквально следующее:

«Первый период (развития общества, доклассовый. Ф. Г.)—так наз. первобытное состояние человечества, когда производительные силы развивались в зависимости от географических и биологических условий (климат, почва, моря, реки, горы, флора, фауна, увеличение народонаселения, голод и т. д.» стр. 141). В иных книжках по историческому материализму мы видим чрезвычайно абстрактное разрешение вопроса о первых причинах развития производительных сил: после того как докажут, что закон производительных сил есть первооснова общественной жизни, что общественная форма, народонаселение, наука и т. д. являются производными от этого закона—после этого говорят, что развитие производительных сил определяется тем, что они являются выражением соотношения общества и природы, борьбы человека с природой, а по существу за этим абстрактным положением опять-таки можно понимать борьбу за существование, которая обща в конце концов всему органическому миру. Наконец, в «Основных вопросах марксизма» Плеханова мы встречаемся с таким решением вопроса, что производительные силы, будучи основой общественного развития, сами в своем развитии обуславливаются географической средой, при чем в этом понятии «обуславливаются» ударение таково, что географические условия выступают в качестве причины развития производительных сил. Правда, в других местах у Плеханова, например, в «Монистическом взгляде на историю» имеется другое, диалектическое разрешение вопроса, о котором мы позже скажем, приведенное же разрешение явно неудовлетворительно. Можно было бы привести еще ряд подобных в той или иной степени ошибочных мест из других работ. Примером неправильного, немарксистского разрешения вопроса об источниках-причинах развития производительных сил с нашей точки зрения служат мысли т. Ефимова, которыми он делится с читателем на страницах «ВКА» в своей последней статье (см. № 22, стр. 183). Мы читаем здесь следующее: «Теперь еще сделаем попытку ответить на вопрос о том, почему развитие производительной способности общества идет по линии расширения, роста ее, а не по линии ее уменьшения, свертывания. Ведь нет такого предустановленного закона. Могло бы быть и наоборот. Здесь ответ, по-нашему, лежит в такой плоскости. Рост населения определяется в конечном счете состоянием общественного производства, производительностью общественного труда. Но в основе роста самой производительности труда лежит рост населения. Человеческое производство есть прежде всего производство себе подобных и притом, в силу биологических законов, воспроизводство распринное. Рост населения регулируется в первую очередь детской смертностью. Если нет объективных возможностей, рост замедляется, прекращается, но в каждом случае это встречает сопротивление в биологической природе человека. Появление детей, напротив, заставляет его, поскольку это возможно, повысить производительность труда. Итак, рост населения все время импульсирует к увеличению производительности труда и в то же время довольно болезненным путем регулируется, определяется этой производительностью... Я хочу только сказать, что в основе увеличения и улучшения производи-

тельной способности общества лежит *рост населения*» (183—184). Вслед за этим т. Ефимов приводит маленькую цитату из «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса (архив Маркса и Энгельса, т. 1, стр. 221), в которой говорится, что в основе роста производительности труда и роста потребностей лежит рост населения, и на этом ограничивается в своей аргументации. Почему т. Ефимов не обратился к более поздним произведениям Маркса и Энгельса, в которых материалистическое понимание истории основоположников марксизма является уже полностью развернутым, разработанным, иногда вплоть до деталей в том или ином вопросе, в которых даются законченные формулировки по тем или другим вопросам, в частности по такому вопросу, как вопрос о взаимосвязи народонаселения и производства. Ведь если взять работу Энгельса «От обезьяны к человеку», то мы здесь обнаружим, что Энгельс находит в качестве причины развития самой сложной производительной силы—человека—*труд* и тщательно анализирует его решающее значение в этом смысле. На этом мы позже остановимся еще. В «Капитале» Маркса мы находим следующую общетеоретическую формулировку: «... всякому особенному историческому способу производства свойственны свои особенные, имеющие историческое значение, законы населения. Абстрактный закон населения существует только для растений и животных, пока в эту область не вмешивается человек» (т. I, 649). Тов. Ефимову, видимо, нет дела до этих мыслей Маркса и Энгельса, а ведь они у нас теперь приобрели право гражданства, так сказать, в ряде наших довольно популярных учебников. Но займемся несколько ближе формулировками самого т. Ефимова.

Прежде всего два слова о росте и расширении производительной способности общества. Этот рост,—говорит Ефимов,—не есть предустановленный закон. Совершенно ясно. Предустановленных законов не существует. Но есть просто закон, исторический закон, непредустановленный, но существующий реально, констатируемый историческим материализмом и изучаемый им. Закон развития производительных сил и роста и усложнения на основе этого развития общественной организации человека—вот этот реальный закон в его действии и проявлении, в его жизни мы и изучаем. «Могло бы быть наоборот»,—говорит т. Ефимов, т.-е. производительная способность могла бы идти по линии сокращения, уменьшения, а не увеличения и усложнения. Но это может быть, т. Ефимов, только временным явлением, когда в человеческом обществе наблюдается падение и разрушение производительных сил, в противном случае мы с вами и не ставили бы вопроса о причинах развития производительных сил и человеческого общества. Но что дальше получается у т. Ефимова, когда он приступает к ответу на этот вопрос? С одной стороны, «в основе роста самой производительности труда лежит рост населения», рост производительности импульсируется ростом населения, с другой стороны—самый рост населения «довольно болезненным путем регулируется, определяется этой производительностью». Мы были бы, конечно, неправы, если бы остановились на этой геувязке в мыслях т. Ефимова. Тов. Ефимов в конечном счете мыслит монистически, он не оста-

вливается на взаимодействии развития производительности труда и роста населения. Он дает все-таки конечную формулировку такого рода, что рост населения есть основа роста и увеличения производительной способности общества, или, что то же в конце концов, материальных производительных сил, ибо в росте и развитии последних воплощается рост производительной способности общества. Попробуйте после этого, т. Ефимов, раз'яснить аудитории или читателю, если он постарается глубоко вдуматься в ваши рассуждения, что производительные силы являются исходным пунктом анализа общественной жизни, что они определяют в последнем счете структуру и тип общественной формации. Вам скажут после этого: «Да ведь производительные силы в своем ходе и изменении определяются ростом населения, следовательно, возрастающими потребностями людей; может ли вследствие этого исторический материализм, научная теория общества, стремящаяся вскрыть корни его, внутреннюю определяющую и формирующую общество закономерность, остановиться на законе производительных сил, как сущности общественно-исторического процесса, если сам этот закон является в своем действии функцией роста населения и потребностей, т.-е. является производным моментом». Ничего тогда путного из центрального закона материалистического понимания истории не останется. Ничего не сохранится от того глубочайшего теоретического положения Маркса, в котором он фиксирует взаимоотношение производства, распределения, обмена и потребления, показывая, что последние три указанных стороны общественного производства в целом определяются первым моментом, моментом непосредственного материального производства, его структурой, его типом.

Желаете—не желаете, но здесь имеется только такой выбор. Или материальные производительные силы, особенно техническая система общества, являются той жизненной основой, на которой вырастает определенная система общества и которая является в конечном счете определяющей для общественного строения со всеми его конкретно-историческими закономерностями, или этот закон недействителен, тогда извольте опровергнуть развернутой аргументацией закон производительных сил и доказать, как рост народонаселения определяет ход развития общества, каким образом он является определяющей первоосновой общественной жизни. Если быть логически последовательным—то этот вывод надо сделать, а не запутывать вопроса и под видом доказательства закона исторического материализма и развития его вести дело к тому, чтобы обкарнать значение и смысл этого закона, лишить его смысла и содержания.

Получается так, что общество есть специфическая область в развитии природы. Она управляется ей присущими внутренними законами. Исторический материализм изучает эти законы, раскрывает их действие, их имманентность обществу, их особенность и иную качественность в сравнении с законами, действующими в животном мире. Но затем оказывается, что в определении жизни общества мы возвращаемся к общим законам для всего живого мира и эти-то законы,

оказывается, и представляют движущее начало человеческой истории. К чему же тогда говорить о том, что общество есть новое качество в жизни природы, с иными, с иными имманентными законами, к чему говорить тогда, что в обществе действует не закон борьбы за существование, роста населения, но что эти законы в общественной жизни человека специфически преломлены и превращены в закономерность развития производительных сил, которая и является имманентной закономерностью общества. Тов. Ефимов, как и некоторые другие товарищи, в своих работах, таким образом, теряют понятие всякой грани между общественным человеком и животным миром и конкретно-историческое понимание общества уходит у них неизвестно куда, теряется за абстрактными, всеобщими законами, управляющими всем органическим миром в целом.

Разрешение вопроса о причинах развития производительных сил, следовательно, в статье Ефимова является совершенно неправильным и поэтому должно привести логически к такому заблуждению.

Всем этим ошибочным, с нашей точки зрения, ответам на вопрос о развитии производительных сил и причинах этого развития свойственна в той или другой степени одна общая отрицательная черта. Она заключается в том, что, несмотря на признание материальных производительных сил в качестве первой и конечной основы общества, самое-то развитие этой основы ставится под действие внешних для общественного механизма сил, в качестве причины и исходного пункта для развития производительных сил берутся инородные в отношении к обществу, как таковому, элементы, большей частью условия природы и ее законы. Но что происходит при подобном разрешении вопроса? Основное следствие в этих случаях—утрача понятия специфичности человеческого общества, утрача той грани, которая дает нам общество как особенную закономерность перед закономерностями природными, биологическими, например, и другими.

Раз движущей причиной производительных сил, об'ясняющей их развитие в доклассовом обществе (как, наприм., рассуждает Вишневский), является природа, то мы даже и не в праве говорить о производительных силах, как основе общественного развития. Но, рассуждая так, мы естественно приходим к выводу, что и происхождение надстроек, также классов и классово-борьбы, нужно искать в природе и ее условиях, которые в конечном счете через развитие производительных сил привели к образованию классов и всей дифференциации общества.

Говорить о природе и ее условиях как о причине хода общественного развития, хотя бы на одном этапе его—такая постановка вопроса не может служить истинному пониманию и разрешению интересующей нас проблемы.

На самом деле до того, как начал действовать закон классовой борьбы, и тогда, когда надстройки еще недостаточно дифференцировались и развились, чтобы сколько-нибудь значительно влиять на ход производительных сил—в этот период *действительным и единственным источником и причиной развития производительных сил*

был самый процесс человеческого общественного труда¹. В нем человек постепенно наталкивался на необходимость совершенствования орудий, а затем на необходимость производства их. Первоначально изменение орудий может быть не давало значительных результатов, но накопление этих изменений делало свое дело: логика процесса труда преобразовывала орудия и производительные силы в целом. Неразрывно с этим шло и развитие самой активной производительной силы — рабочей силы человека. Энгельс прекрасно проследил в своей книге «От обезьяны к человеку» формирующее и созидательное значение процесса труда в развитии сложнейшей из производительных сил — человека, вскрыл, так сказать, внутреннюю логику этого процесса. Труд, как процесс систематически повторяющегося воздействия человека на природу, активного приспособления к ней, развивал животное в человека, меняя его физиологическое строение, способности, духовный склад. В этом смысле работа Энгельса является блестящей по ясности разрешения рассматриваемого вопроса и по смелости мысли. То же действие внутренней логики процесса труда в еще более доказательной степени относится и к средствам производства, в частности, к орудиям труда. Если человек формировался под определяющим воздействием трудового процесса, если мы считаем одним из основных положений марксизма, что человек изменяет свою природу в процессе воздействия на окружающую природу, то в отношении того элемента, который стоит в качестве опосредствующей силы между человеком и материалом его труда, в отношении орудия труда — это применимо еще в большей степени. В большей степени применимо потому, что в орудии труда и на орудии труда прежде всего отпечатлевается, фиксируется действительность трудового процесса, что на нем прежде всего отражается изменение условий труда, хотя бы и самое элементарное изменение. Регулярность повторяющихся друг за другом отдельных процессов труда, регулярность, которая во первых из более или менее *случайного* применения орудия, взятого непосредственно из окружающей внешней обстановки (камень, палка и пр.), создает орудие в качестве *необходимого* элемента труда, и которая, во вторых, наряду с простым изнашиванием орудия приводит неизбежно к его улучшению, совершенствованию и наталкивает человека к тому, чтобы вначале вероятно большей частью бессознательно, стихийно, производить в орудии ряд мельчайших изменений и усложнений — эта регулярность труда делает свое творческое дело. Но же

¹ «Живой труд должен охватить эти вещи (средства производства. Ф. Г.). пробудить их из мертвых и превратить их из потенциальных потребительных стоимостей в действительные и действующие потребительные стоимости. Пламя труда лижет их со всех сторон своим огненным языком, труд превращает их в свои собственные органы, и непрерывно понуждает их к выполнению функций, соответствующих их назначению и скрытой в них идее; хотя они и пожираются трудом в этом процессе, но пожираются целесообразно, как элементы образования новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые могут войти в виде средств существования в личное потребление или в виде средств производства в какой-нибудь новый процесс труда» («Капитал», т. I, гл. 5-ая, § 1).

изобретается как таковой, он в трудовом воздействии человека на природу создается из более или менее простого острого осколка камня, здесь он полируется, заостряется, меняет форму и только на протяжении долгих исторических периодов камень принимает форму ножа чтобы затем, опять-таки в ходе и дифференциации трудового процесса дальше совершенствоваться, усложняться, дифференцироваться. То же самое происходит в конечном счете со всеми орудиями, которые берутся из природы и затем формируются и преобразовываются в процессе человеческого труда. Изменения орудий, которые получают при этом, носят первоначально зачастую случайный характер, но сквозь все случайные моменты и отклонения в том или другом его облике пробивается логика трудового процесса, как регулярно повторяющегося и создает из орудия все более дифференцированное и богатое воплощение трудового процесса. На основании того материала, который нам дает история культуры, можно проследить на примерах отдельных орудий, на оружии и т. д., как происходит постепенное превращение орудий, их совершенствование, как совершенствуются технические способы производства под определяющим влиянием идущего трудового процесса в его наличной определенности и оформленности. При чем конечно все эти изменения на первых ступенях идут чрезвычайно медленно, развитие орудий идет очень постепенно, элементарно. Эта медленность обуславливается конечно слабым уровнем техники, на основе которой, как уже имеющейся налицо, происходит дальнейшее превращение. Совершенно ясно, что самое постепенность этого развития мы понимаем относительно. Постепенное накопление изменений может вести к быстрому, более или менее скачкообразному возникновению нового, но наша задача собственно сводится к тому, чтобы обратить внимание на внутренние стороны процесса этого развития, на саморазвитие элементов производства в самом производительном воздействии человека на природу и показать, что не внешний для общественной закономерности фактор, не внешнее условие и закономерность являются причиной становления общественного производства, качественного роста его и его элементов — производительных сил. Трудовой процесс есть формирующая и развивающая сила для самого человека. Этот же трудовой процесс общественного человека движет и развитие техники, орудий. (Вопрос о диалектике общественной формы и производительных сил в тесной связи с ролью процесса труда в развитии последних мы разберем в дальнейшем). При этом, конечно, никто из нас не вздумает отрицать значения природных условий для развития материальных производительных сил человечества. Значение «географической подкладки всемирной истории» (Гегель) чрезвычайно велико. Но каким образом оно должно пониматься, в чем существенные черты этого значения?

Тут уместно будет сказать несколько слов о том, как марксистская диалектика разрешает вопрос о значении, роли условий вообще для хода того или другого определенного, качественно-закономерного процесса.

Если для диалектического мышления характерно рассматривать вещи в их самодвижении и саморазвитии, то это отнюдь не значит, что конкретные условия и их влияние на развивающуюся вещь отбрасываются. Развитие всегда происходит в конкретных условиях и под их существенным влиянием. Но было бы ошибочно сводить развитие под *определяющее, причиняющее* влияние только именно внешней для вещи или процесса среды: это повело бы к тому, что развитие было бы поставлено в зависимость от внешне-случайного, от случайного стечения тех или иных обстоятельств и событий, которые окружают вещь, т. е. необходимый характер эволюции был бы снят. При этом для нас, марксистов, является совершенно несомненным, что эволюция всякого процесса может идти при тех или других определенных условиях, но необходимость, качественная определенность процесса в целом, наконец, становление его с одного этапа на другой в основном не может вытекать из внешних условий, определяться и создаваться ими. В каждый данный момент существующая специфическая форма природы, будь это общество или организм и т. д., специфицирует, преломляет более или менее активно действия и влияния внешней среды соответственно своей оформленности, сложности, тем накопленным силам и закономерностям, которые сложились в них исторически в своеобразный узел и самое влияющее и роль внешних условий могут быть и должны быть рассматриваемы уже в плоскости *определенной*, внутренней закономерности развития. Только в этом случае условия могут обрести в понимании адекватное их реальному значению место.

Было бы, конечно, методологически ошибочно исходить из внутренней необходимости вещи в ее становлении и игнорировать при этом роль условий, роль непосредственно данного, в окружении которого развертывается процесс. Диалектический материализм далек от этой извращающей действительность крайности. Всякая вещь из наличного, создавшегося мира их, может вообще рассматриваться, во-первых, как в себе определенное к изменению, и во-вторых, как данная непосредственно для другого развивающегося; в последнем случае она имеет свойство снимать свое безразличие к развивающейся вещи и входить в последнюю в качестве необходимого момента ее саморазвития. В этом случае оно выступает условием и в этом смысле процесса обусловливания. Следовательно, взаимодействие развития с условиями отнюдь не снимает его в его существенной характеристике саморазвития. Это обще-теоретическое соображение о роли условий в развитии форм природы равным образом относится и к учению о развитии человеческого общества. Когда мы говорим о значении географической среды, биологических условий и пр., для развития материальных производительных сил, то мы подходим к разрешению этого вопроса таким образом, что для нас исходным пунктом в понимании общественной жизни является закон производительных сил, в котором мы находим качественную характеристику общественного человека и в котором обнаруживаем имманентный обществу механизм его развития. Географическая среда с ее влияниями не только не мо-

жет быть рассматриваема в качестве источника, причины общественного развития (развития материальных производительных сил, как основы его), но, наоборот, сама степень значения и влияния природных условий находится в зависимости от развития производительных сил. Являясь неизменными более или менее (относительно общественных изменений, конечно) природные условия в их влиянии на общественного человека прежде всего изменяются вместе с развитием общественного производства. Общество, воспринимая природные влияния, преломляет их сквозь призму своей внутренней закономерности и таким образом переключает их в эту свою закономерность. Условия географической среды входят в общественный труд человека, в развитие материальных производительных сил, обуславливают его, делая, так сказать, возможным их ход и придавая ту или другую конкретную характеристику общественному труду, поскольку они уже вошли в него и начали гореть в его пламени, но необходимость рассматриваемого развития дается в самом труде, который, вбирая, вработывая в себя содержание внешней среды и формируя его сообразно своей собственной природе, сгущает все больше свой конкретный, исторический облик, как *человеческий общественный труд* и накапливает все большие тенденции своеобразного, ему присущего, поступательного хода.

Когда Маркс писал о колоссальной роли географической среды в развитии материального производства, то он исходил уже из того, что закон производительных сил является определяющей основой общественной жизни, он исходил из той важнейшей мысли материалистического понимания истории, что человек есть общественное животное, делающее орудие. И поэтому в тесной связи и в плоскости установленного Марксом закона производительных сил необходимо понимать такие места в его трудах, как, наприим., следующее: «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда и смена тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда. *Необходимость общественно контролировать какую-нибудь силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности*» («Капитал» т. I, стр. 494—95). (Курсив наш. Ф. Г.)

Совершенно очевидно, что и использование дифференцированности почвы, как естественной основы общественного разделения труда, и использование той или другой силы природы и пр. может происходить в каждый данный исторический момент уже на основе известных технических и производственных ресурсов человека, а с другой стороны—надо отметить тут еще раз, что поскольку сила природы может быть использована и используется, то естественно, что включение ее в процесс общественного хозяйства существенным образом

ведет к изменению, обогащению, усложнению последнего. Так, будучи первоначально внешним для трудового процесса, пока последний не настолько совершенен, чтобы это условие переключить в себя, условие затем входит в самый процесс труда и становится его необходимым элементом, входит иногда прямо в состав производительных сил.

Итак, следовательно, нам представляется необходимым брать в качестве первой причины, основного истока развития производительных сил, процесс человеческого труда, его внутреннюю логику. Понимая дело таким образом мы вовсе не отрываем человека от окружающей его среды, не вырываем его из-ирп действия тех всеобщих законов, которые действуют в живом мире, но просто исходим из той специфической основы человеческого общества, которая исторически создалась и которая раз исторически сформировавшись, является определяющей и в его реальной жизни и для понимания его. Плеханов подчеркивает как раз значение внутренней логики развития производительных сил в процессе труда в следующих своих словах: «Действуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу. Он развивает все свои способности, а между ними и способность к «деланию орудий». Но в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил» (курсив Плеханова). (Смотри также об этом и в статьях против Струве).

Эта логика процесса труда в развитии материальных производительных сил сохраняется в своем действии на всем протяжении истории, хотя необходимо тут же отметить, что ее действие на более высоких ступенях жизни общества, где есть сложная, дифференцированная общественная форма, проходит через посредство и в тесной связи с этой общественной формой, осуществляется через посредство взаимодействия общественной формы, включая сюда и надстройки общественной материи—материальных производительных сил. Но это отнюдь не мешает Марксу в его анализе становления технической системы от ремесла к мануфактуре и фабрике—подходить именно со стороны внутренней закономерности развертывающегося трудового процесса. Если мы внимательно всмотримся в этот марксов анализ, то увидим, что Маркс берет внутреннее развитие технической системы, ее самодвижение, так сказать, такое превращение ее из одной стадии в другую, когда одна стадия рассматривается, как необходимо по своему собственному содержанию определенная к переходу в иное свое, органически по развитию, с ней связанное. Техника ремесла необходимо подготавливает технику мануфактуры, элементы последней заложены в первой, в свою очередь принцип детального разделения труда в мануфактуре, превращение работы в однородную, простую в результате его операцию, содержит уже в себе будущее свое, машину, вобравшую в себя непосредственную работу человеческих рук над материалом труда. То обстоятельство, что «промышленная революция в XVIII веке исходит как раз... от исполнительного механизма» и что «и теперь он снова и снова является исходным пунктом переворотов во всех случаях, когда ремесленное или мануфак-

турное производство превращается в машинное» («Капитал», т. I, 363)—это обстоятельство говорит очень много за то, что внутренняя закономерность трудового процесса является первостепенным фактором в деле развития и преемственности различных технических систем.

Мануфактура является непосредственной технической основой машинной промышленности. По линии развития мануфактурного труда создается историческая необходимость возникновения машинной техники. До этого времени о применении машин приходится говорить только как о случайном применении. В мануфактуре создаются все технические возможности и условия к осуществлению машины, она, можно сказать, носила машину в своих недрах и в этом смысле являлась живым противоречием, единством противоположностей. И это противоречие раскрывается и разрешается тогда, когда мануфактура развилась до известной степени, когда она сделала свое дело в отношении развития общественных потребностей, их роста и дифференциации, главным же образом потребностей самого производства. Тогда и вскрылось то, что «мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Как экономический кунштюк, возвышалась она на широком основании ремесла и сельской домашней промышленности. Ее собственный узкий технический базис вступил в противоречие на известной ступени развития с ею же самою созданными потребностями производства» («Капитал», т. I, стр. 360). В результате этого развития мануфактуры и присущих ей противоречий исторически создалась и возможность появления машинного производства и необходимость в нем. И Маркс далее прослеживает как технический переворот, происходящий в одной отрасли производства, с необходимостью обуславливает переворот в других отраслях производства, как одна сфера производства за другой подвергаются действию технической революции, пока, наконец, весь хозяйственный механизм общества не оказывается революционизированным в своей основе. Следовательно, через посредство целого ряда переходных форм и звеньев преобразование в орудиях производства приводит к коренному преобразованию общественного способа производства, а затем и всего общественного строения.

Но тут перед нами возникает существенное затруднение. В самом деле. Мы постарались указать на развитие орудий труда в период перехода мануфактуры в машинное производство, следуя за Марксом в его мыслях о внутренней закономерности самого трудового процесса, и пришли к выводу, что возможность и необходимость в новом орудии, в машине возникает в ходе развития мануфактурного труда. Но не является ли такое изображение процесса возникновения машины чрезвычайно абстрактным, не является ли необходимость в машине, понимаемая только под этим углом зрения чрезвычайно абстрактной необходимостью. И вообще, достаточно ли конкретным, полным будет понятие развития производительных сил, если мы остановимся только на внутренней логике трудового процесса?

Такое понимание будет сугубо недостаточным и абстрактным, ибо мы упустим из виду в этом случае значение общественной формы,

оставим вне поля зрения диалектику производительных сил и экономической структуры общества, через механизм которой происходит и осуществляется движение и развитие производительных сил и человеческого общества в целом. В конкретном разобранном нами примере превращения техники мануфактуры в технику машинную мы не можем ограничиться точно также указанием на самое непосредственное производительное воздействие человека на природу, как на вполне исчерпывающую и полную причину этого превращения. Существенно важными факторами выступают здесь элементы общественно-экономической структуры, без посредства которых мануфактурный труд не мог бы стать машинным трудом. Само собою, что эти элементы в конечном счете сами базируются и вырастают на известном уровне общественного хозяйства и техники, что они исторически являются производными в конце концов, но поскольку они образовались, то они становятся одним из средств и условий, причин и поводов, при помощи которых реализуется ход производительных сил, и понимание роли которых ведет к истинно-конкретному пониманию этого хода. Такими факторами в разбираемом нами примере выступают два главным образом. О них в нескольких словах говорит Маркс в «Нищете философии». «Когда английская торговля приняла такие размеры, что ручной труд не мог уже удовлетворять существующему рыночному спросу, почувствовалась потребность в машинах. Тогда стали думать о приложении механических знаний, уже вполне развившихся в восемнадцатом веке». Дальше следует мысль Маркса о значении классовой борьбы для появления машин. «Наконец, начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом столкновений между рабочими и предпринимателем, который всеми силами стремился обесценить труд работника-специалиста. После каждой сколько-нибудь значительной стачки появляется новая машина». В «Капитале» (т. I, стр. 360) Маркс говорит об этом же. «Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен объективного скелета, независимого от рабочих, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих». Капитал требует порядка и подчинения со стороны рабочих. Машина и была той силой, которая ввела этот порядок, подчинив рабочего целиком и полностью производственному объективному скелету предприятия, сделав его придатком машины. «Аркрайт создал порядок». Таким образом классовая борьба была существеннейшим стимулом к изобретению машин.

Оба указанных фактора (возросший спрос на товары, классовая борьба) представляют из себя не что иное, как элементы определенного конкретно-исторического типа производственных отношений. Следовательно, мы видим здесь, как движение процесса человеческого труда осуществляется при посредстве общественной формы.

Значение общественной формы выступает применительно к разбираемому нами примеру о мануфактуре не только в момент ее превращения в машинное производство, но в исторический момент воз-

никновения ее самой из ремесла. Если развитие ремесл, их обособление и дифференциация и составляют необходимое материальное условие мануфактурного производства, тем не менее этого было недостаточно для возникновения мануфактуры. Последняя предполагает, кроме этого, отделение средств производства от работника, и когда это происходит, то крупное мануфактурное производство получает полную почву для своего осуществления. То-есть опять-таки мы и здесь сталкиваемся с необходимостью рассмотреть диалектическую связь между материальным производством и общественной формой, выяснить теоретически точнее значение и место экономической структуры общества, производственных отношений для развития производительных сил.

III

Остановимся прежде всего на общем учении диалектического материализма по вопросу о диалектике формы и содержания, конечно, в тесной связи с проблемой, которой мы занимаемся.

Точка зрения марксизма характеризуется прежде всего тем, что мы, марксисты, подходим к объекту под углом зрения необходимого, закономерного развития его, иными словами, всякое особенное, поскольку оно налицо, стремимся познать сообразно его собственному внутреннему содержанию, не впадая в односторонний абстрактный уклон подчеркивания только всеобщего, связующего его с другим и памятуя все время, что всеобщее само действительно только в плоскости конкретного, исторически обусловленного. Оно (всеобщее) только таким образом существует и вне этого невысказано.

Понятие развития всегда связано с понятием того или иного нового, возникающего, не существовавшего до сих пор. Нами просто изменение в вещах всегда понимается и должно пониматься в связи и в свете категории развития. Всякое изменение и движение, которое мы наблюдаем в вещах и наблюдаем, как простое изменение, перемещение и т. д., не ведущее ни к чему существенно для рассматриваемой вещи, новому,—даже такое изменение и движение при тщательном научном изучении говорит нам о развитии, как о законе реального мира, ибо изменение, движение,—существует всегда в определенных формах и нет изменения какого-то вообще, как нет подобной же материи. А раз есть только определенные формы движения и изменения, конкретные формы, то это связано с развитием природы, с определенными этапами этого развития, иначе говоря—развитие, взятое на определенной ступени, дает ту или иную характеристику или облик данной формы движения. Именно такой подход, т.-е. точка зрения эволюции, обеспечивает нам познание всеобщего в особенном и единичном, не стирая, не уничтожая последних, а наоборот, давая их в органическом сплетении со всеобщим. Отсюда задача науки—вскрывать всеобщую связь через познание конкретно-исторических законов и правил в облике которых она проявляет свое действительное значение.

Эта сторона диалектического метода Маркса очень рельефно оттеняется им в предисловии ко II изд. I тома «Капитала», когда он

приводит отрывок из рецензии на «Капитал», появившейся в «Вестнике Европы» (1872 г.), отрывок, по словам Маркса, совершенно правильно характеризующий его диалектику. «Для Маркса,—говорится здесь,—важно только одно: найти закон явлений, исследованием которых он занимается. И при этом для него важен не только закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменчивости, их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, из одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Иному читателю может при этом прийти на мысль такой вопрос: ведь общие законы экономической жизни одни и те же, все равно, применяются ли они к современной или к прошлой жизни. Но именно этого Маркс не признает. Таких общих законов для него не существует. По его мнению, напротив, каждый исторический период имеет свои законы... но как только жизнь пережила данный период развития, вышла из данной стадии и вступила в другую, она начинает управляться уже другими законами... Его (Маркса) научная цель заключается в выяснении тех частных законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и замена его другим, высшим».

Следовательно, категория развития является краеугольным камнем диалектического и исторического материализма. Именно она прежде всего дает определенное освещение и характеристику господствующему в мире закону всеобщей связи. Когда мы рассматриваем явления изменяющимися и развивающимися, то мы хотя и берем их как определенным образом сложившиеся, специфические и в этой специфичности тождественные себе, но тут же, совершенно ясно, отдаем примат изменению и развитию, процессу превращения явления в его наличной данности в другое. При чем из понимания того или другого явления или формы природы и общества, как *определенной, специфической* ступени в развитии их вытекает с необходимостью то, что она в этой своей определенности является ограниченной, относительной, противоречивой, таящей в себе свое противоположное, в которое она превратится, разовьется. Иными словами, в определенности и специфичности вещи или формы содержится ее историческая ограниченность, содержится необходимость ее отрицания и становления другой. В этом смысле всякая форма, ступень развития природы и общества представляется исторически переходящей, в ней, в ее внутренней закономерности содержится то новое, ступенью к которому она является. В смене форм природы и общества действует закон всеобщей связи развития. И поэтому познание существенно определяется как познание этого закона не в его какой-то абстрактной чистоте, а в проявлении его в различных формах, изменении и превращении этих форм, в том конкретном виде, как закон развития и всеобщей связи действует и преломляется в конкретных, качественно различных этапах жизни предмета.

Этот принцип диалектического материализма Маркс проводит в своем учении об общественном производстве (об общественной материи) и его формах,—определенных конкретно-исторических способах производства. «Таким образом,—говорит Маркс,—если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития, о производстве индивидов, живущих в обществе... *Производство вообще*—это абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений» («Введение к крит. полит. экономии»). Но для Маркса важно, чтобы за этим общим единством, законом не были потеряны существенные различия и особенные закономерности определенных форм общественного производства, в частности капиталистического способа производства. Общее, единое существует и проявляется для него только в тех или иных исторически-конкретных условиях и формах, оно раскрывается необходимо в этих последних. Область общественной, следовательно, жизни не является исключением из этой диалектической характеристики развития. Подходя к анализу общественной жизни, мы не должны ни на минуту упустить из виду значение только что подчеркнутого общетеоретического положения диалектического материализма в деле познания общества.

Человеческое общество в целом представляет из себя особую качественную ступень в развитии природы, ей присущи в сравнении с другими областями жизни мира (животный мир, органический мир вообще, химизм и т. д.) специфические законы, которыми она управляется. Эти специфические законы, характеризующие собственно общественную жизнь человека, и изучает исторический материализм. Отсюда никоим образом, конечно, нельзя сделать вывода, что мы отделяем общество человека от животного мира, например, какой-то абсолютной границей. Для диалектического материализма всякие грани в природе условны, относительны, в том числе и та грань, которая лежит между общественным человеком и животным миром, является исторически создавшейся и исторически обусловленной.

И вот, когда мы применяем закон формы и содержания к общественной жизни, то у нас прежде всего получается следующее. Общество обладает некоторыми общими законами, которыми оно управляется в своем ходе, начиная с первобытного и вплоть до современного общественного строя. Закон производительных сил и является одним из таких законов. Но поскольку мы уже изучаем общественную жизнь, как таковую, изучаем ее сообразно ее собственному содержанию, и поскольку одновременно мы изучаем общественную жизнь развивающейся, изучение же в развитии есть первое требование диалектики, постольку мы не можем останавливаться на констатировании и вычленивании только общих для ряда ступеней общественного развития категорий и законов. Задача заключается в том, чтобы всякую отдельную ступень общественного движения понять в ее своеобразии, схватить и понять под углом зрения ее конкретности и особенности те всеобщие законы, которые общи для многих или всех ступеней общественного движения. Всеобщие законы, которых вообще

немного в жизни общества, опустошаются и становятся безжизненными, коль скоро они отрываются от тех конкретных форм, в которых они осуществляются и проявляются в определенных исторических условиях. Повторяем, что марксизм признает громадную познавательную важность и реальный смысл за такими категориями, как производство *вообще*, материя *вообще* и т. д., но никогда с точки зрения марксизма дело не представляется так метафизически, что существует якобы какое-то производство *вообще* в действительной жизни или материя *вообще*, вне конкретных, органически им присущих форм проявления и развития. Когда мы изучаем общественную жизнь, то мы имеем перед собой прежде всего реально конкретные общества, точнее, конкретные общественно-исторические формации, в которых общие законы общественной жизни получают всегда определенный облик в связи с конкретной сущностью данной исторической формации.

Понятие общественно-исторической формации является важнейшим для исторического материализма, ибо последнему свойственно изучать не тощие всеобщие законы общества, как таковые, превращая их в некоторую системку, но конкретное проявление, жизнь и действие этих законов на различных ступенях общественного развития. Да, собственно, вне этих определенных проявлений, которые, конечно, в отдельности и обособленности никогда не могут исчерпать сущности, закономерности исторического процесса,—самая суть исторического процесса была бы пустой и безжизненной. Всеобщее без особенного бездейственно, особенное и конкретное без всеобщего является многообразным без единства и связи. В этом выступает как раз особенно рельефно методологическая установка исторического материализма. Он есть прежде всего диалектический материализм, примененный к исследованию общественно-исторических явлений. Когда мы говорим, что сущностью или содержанием (проводить различие между этими терминами в данном контексте нет никакой необходимости) общественно-исторического процесса является развитие материальных производительных сил, первоначальный источник которого есть непосредственный процесс человеческого труда, производительного воздействия на природу, то это не значит, что движение производительных сил происходит вне и помимо общественной формы, помимо производственных отношений людей, и что общественные формы представляют как бы некий внешний нарост на различных стадиях этого движения. Такое представление будет нелепым, вульгарным, грубо извращающим марксистское учение о форме и ее роли и месте в развитии предмета. Если с нашей точки зрения в развитии того или иного предмета основную роль играет сущность его, внутреннее содержание, оно имеет примат в этом смысле, то отсюда отнюдь не следует, что форма есть только внешность в развитии, что она безразлична к ходу содержания и механически возникает или отбрасывается, коль скоро содержание двинулось вперед. Форма и содержание существенно едины. Форма, полагаясь самой сущностью, определяясь ей в ходе развития предмета, становится неразрывной с внутренним содержанием его, с закономерностью, создающей из предмета целостность. Но форма

и сущность существенно различны—эту другую сторону их связи никак нельзя упускать. Истина заключается в их единстве, как различных сторон единого предмета, вне этого их единства они не даны реально и они немислимы одна без другой. И единство это осуществляется в то же время в их существенном различии, в противном случае это было недейственное единство. Гегель, по-нашему, великолепно говорит об этом в «Феноменологии духа»... «Приравнивая форму сущности,—говорит он,—делают ошибку, если думают, что познание может удовлетвориться бытием в себе или сущностью и сохранить при этом и форму, что будто абсолютный основной закон или абсолютное созерцание делают излишним раскрытие первого или развитие второй. Именно потому, что форма также существенна для сущности, как и она сама, сущность иужно понимать и выражать не просто как сущность, т.-е. как непосредственную субстанцию, но так же, как и форму, со всем богатством *развернутой* формы: только благодаря этому, сущность становится действительностью. Истинное есть целое. Но целое представляет собою сущность, осуществившуюся путем своего развития» (стр. 8). Следовательно, сущность раскрывается в своем ходе в форме, тем самым развивая и определяя свое содержание. Форма же входит в сущность предмета, будучи полагаема сущностью, сама определяет, формирует сущность или содержание и действует таким образом в направлении создания определенных существенных или материальных форм, качеств. Но сущность постоянно развертывается, содержание изменяется, то, что было скреплено формой, как определенный этап развития сущности,—становится путями для дальнейшего развития сущности (конкретнее выражаясь—материи или содержания), и на смену старой формы, превратившейся в закон существования определенного отрезка в развитии сущности, развивающаяся сущность предмета требует и полагает новую форму, которая будет иметь определяюще-закономерный характер для нового момента развития.

Но именно потому, что форма входит в сущность законом всегда в определенном качестве, и поэтому она является всегда исторически ограниченной в этой своей определенности—она может служить развитию сущности только на определенном конкретно-историческом отрезке времени, за пределами которой ею развиваемое содержание не мирится с ней, ставит вопрос о ее существовании, отрицает ее. Но это не голое отрицание существующей формы, не уничтожение ее, идущее непосредственно от сущности, от всеобщего закона. Нет. Раз форма входила в определение самой сущности и ее развития, как некоторая закономерность на определенный период, то этот момент органического сплетения содержания и формы, а не внешности и равнодушия их связи, приводит необходимо к тому, что содержание в своем дальнейшем развитии не выталкивает новую форму как-то непосредственно из себя, как всеобщего закона, но поскольку оно существует всегда в определенной форме, оно полагает новую форму своего движения возникающей в старой и через старую форму.

Единство формы и содержания и только оно дает нам предмет, как качественно-определенную, сложившуюся наличную вещь. Но так как это единство всегда относительно, форма всегда является только определенным способом для развития содержания, то естественно, что другая форма должна выступить хотя бы сначала в лице своих элементов, как новый способ этого развития. И поскольку развитие, включая и развитие общественной жизни, идет через посредство этой диалектики формы и содержания, постольку и познавать вещь всегда необходимо как конкретное единство и одновременно различие и противоречие формы и содержания, познавать под углом зрения диалектики формы и содержания и генезиса новых форм.

Таким образом сущность необходимо разворачивается в целом ряде форм и проявлений, из которых ни одна не может исчерпать всего движения сущности, и только в целом порядке их раскрывается богатство ее жизни и движения. Сущность может являться общим законом для целого ряда форм, которые возникают в ее движении. Так процесс материального производства с участвующими в нем элементами, производительными силами является основой целого ряда общественных форм, закон борьбы за существование является общим законом для органического мира и т. д. Но в этом случае сущность рассматривается именно как абстрактный, всеобщий закон для всех тех конкретно-исторических проявлений, в которых он живет. Так она может рассматриваться, ибо при этом рассмотрении мы особенно ухватываем момент связи и единства между различными формами. Но при этом важно не забывать о том, это уже подчеркивалось выше, что сущность во всякий данный момент свою связующую, объединяющую роль в ряде вещей реализует через определенно-исторические формы своего бытия. Закон борьбы за существование в органическом мире имеет различные формы: в животном мире, например, он существует в форме пассивного приспособления к природе через изменения органов животного сравнительно с формой активного приспособления через орудия труда у человека. Закон производительных сил в человеческом обществе всегда реализуется в формах общественных способов производства (античный, феодальный, капиталистический, социалистический), из которых каждый, как совокупность определенных производственных отношений, в тот или другой исторический момент развития производительных сил входит в материальное производство в качестве его, ему необходимо присущей, имманентной определенной закономерной характеристики.

Процесс производства является двусторонним изначально. В нем дано, с одной стороны, отношение человека к природе, в нем человек борется с природой, выкачивая из нее необходимые ему материальные богатства. И материальные производительные силы есть тот элемент, в котором воплощается, персонифицируется, так сказать, это отношение между человеком и природой. Другой стороной этого же процесса всегда являются межлюдские отношения, вне которых процесс производства немислим и не существует. Трудовой процесс человека всегда является тем или иным образом *общественным* трудовым про-

цессом, он всегда живет и движется в системе определенных исторических производственных отношений. Движение общественных производственных отношений является обратной стороной движения и развития материального производства и производительных сил, общественная форма является хотя и производным моментом от развития производительных сил, но необходимым, ибо никакого производства вне общественной формы не существует. Примат в развитии имеется за производительными силами, за их ростом в процессе материального производства, ибо всякая общественная форма возникает только на известной ступени роста производительных сил. Маркс об этом прекрасно говорит в десятках мест. Мы приведем здесь только одно из них: «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свои способы производства, а изменяя свои способы производства, способы обеспечения своей жизни,—они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница—промышленно-капиталистическое. Те же самые люди, которые строят социальные отношения соответственно своему способу материального производства, производят также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям. Таким образом, эти идеи и категории столь же мало вечны, как и выраженные ими отношения. Они представляют собой исторические и преходящие продукты. Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей, неподвижной остается лишь абстракция движения—*mors immortalis* (бессмертная смерть)» («Нищета философии»).

Но коль скоро вследствие развития производительных сил возникает данная совокупность экономических отношений, *общественная форма*—она сама входит как определяющий фактор в сущность, в данный уровень развития производства, придавая последнему специфическую общественную характеристику, характеристику *определенного общественного способа производства*, она входит в производство и в своей наличной определенности и относительной завершенности становится *законом производства*. Мы получаем, таким образом, ту или другую конкретную общественно-историческую форму производства. Следовательно, возникшая общественная форма кристаллизует исторически-определенным образом трудовой процесс человека, входит как существенно-определяющий и развивающий момент в него и даже как закон его на известный исторический отрезок времени. Общественная форма, таким образом, будучи порождена движением производительных сил, становится средством, способом, специфически особым способом их дальнейшего движения до определенного времени, сквозь нее и через нее, как необходимый опосредствующий механизм идет и может идти развитие производительных сил. У Маркса мы находим целый ряд формулировок по этому вопросу. Возьмем для примера следующие места из «Теории прибавочной стоимости» (т. IV), где речь идет о причинах кризисов. «Форма распределения есть лишь форма производства—*subclia specia*. *Differentia spezi-*

fica—следовательно, также специфическая ограниченность, которая составляет предел буржуазного распределения, *входит в само производство, определяет его, господствует над ним*. Но оно вынуждено в силу своих собственных имманентных законов, с одной стороны, так развить свои производительные силы, как-будто оно не является производством на ограниченной общественной основе; с другой стороны, оно может их опять-таки развить лишь в пределах этой ограниченности; и в этом состоит самая глубокая внутренняя таинственная причина кризисов, выступающих в нем противоречий, внутри которых оно движется и благодаря которым даже грубому наблюдателю оно представляется лишь исторической, преходящей формой». (Курсив наш. Ф*Г., стр. 72). То же самое значение общественной формы, как конкретно исторического закона производства, Маркс подчеркивает, когда он говорит о формах распределения ¹ «...научный анализ капиталистического способа производства показывает, что последний представляет способ производства особого рода, специфически историческую определенность: что он, как и всякий другой способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и данные формы их развития, как свое историческое условие, — условие, которое само является исторически сложившимся результатом и продуктом предшествующего процесса и из которого, как из своей основы, исходит новый способ производства; что соответствующие этому специфическому, исторически-определенному способу производства производственные отношения, — т.-е. отношения, в которые становятся люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве общественной жизни, имеют также специфический исторический, преходящий характер; что, наконец, отношения распределения существенно тождественны с отношениями производства, представляют лишь оборотную сторону последних, так что те и другие носят один и тот же исторически-преходящий характер». И дальше Маркс говорит, что формы распределения «являются базисом особых общественных функций, выпадающих в пределах самого производственного отношения на долю определенных его деятелей в противоположность непосредственным производителям. Они придают самим условиям производства и их представителям специфически общественное качество. Они определяют весь характер и все движение производства». («Капитал», III, ч. II, 417—418).

Таким образом, материальное производство с участвующими в нем элементами—производительными силами—становится конкретно понятным, когда мы его берем в связи с общественно-экономической формой, т.-е. в связи с исторически-конкретной характеризующей его движение закономерностью. *Общественный способ производства*—вот понятие, которое откristаллизовывается у нас теперь. В этом поня-

¹ А по Марксу, «прежде чем распределение становится распределением продуктов, оно есть: 1) распределение орудий производства и 2) что представляет дальнейшее определение того же самого отношения,—распределение членов общества по различным родам производства (подведение индивидов под определенные производственные отношения)» («Введ. к крит. полит. экономии»).

тии даются в единстве и технический способ производства, воплощающийся в определенном типе производительных сил, и совокупность ему соответствующих производственных отношений. Определенный общественный способ производства есть единство известного типа производительных сил, производительного воздействия человека на природу и определенной экономической структуры общества. Но само это единство является всегда относительным, а не абсолютным. Оно всегда конкретно. Оно никогда не может быть исчерпывающим полностью содержание производительных сил и трудового процесса в их развитии. В этом органическом единстве всегда заложено различие, противоположность и противоречие между двумя его сторонами, между укладом материальных производительных сил и производственными отношениями. В ходе развития происходит раздвоение этого единства, расщепление определенного общественного способа производства, суть которого сводится к тому, что производительные силы, в определенный момент нашедшие в том или ином типе производственных отношений необходимую форму и историческую закономерность своего движения, развиваются через посредство этой формы до такой степени, до такой высоты, что общественная форма становится препятствием для дальнейшего их развития и тут вскрывается ограниченность этой формы и тех специфических способов, которыми она служит развитию производительных сил. Она сама, служа этому развитию, с необходимостью, следовательно, ведет дело к отрицанию самой себя элементам и новой формы. Но ограниченность и историческая обусловленность всякой общественной формы имманентно присуща ей при самом ее возникновении, эта ограниченность в дальнейшем, с ходом развития производительных сил только развертывается, раскрывается. Так, если мы присмотримся к капиталистической форме производства, то мы увидим, что она была исторически необходима, как та общественная форма, механизм которой мог действовать в направлении развития производительных сил, сдавленных в своем ходе феодальной системой. Капитализм действительно явился прогрессивной формой, которая органически срослась с процессом производства, вошла в него как определяющая его общественная закономерность. Маркс не раз проводит мысль, что мануфактура и крупная промышленность в условиях исторического возникновения могли быть только капиталистическими формами производства. И капитализм выполнил свою историческую миссию: он пробудил и создал гигантские силы общественного труда за самый короткий срок своего существования в сравнении с другими общественными формами. Но развивает он производительные силы имманентными ему специфическими способами, которые характеризуют его с самого начала как ограниченную, могущую действовать в направлении развития общественного труда только до известного момента, общественную форму, за которым ее ограниченность и историческая специфичность рельефно раскрывается в том, что она начинает задерживать развитие производительных сил, ею же самой вызванных к жизни. Ведь основной, характеризующий капитализм как таковой, закон есть закон прибавочной стоимости, закон эксплуатации

наемного труда. Закон прибавочной стоимости и прибыли через сложный экономический передаточный механизм является главной силой, которая гонит буржуазию к тому, чтобы развивать производительные силы. Но это развитие производительных сил, что выражается при капитализме в росте органического строения капитала, приводит одновременно к понижению нормы прибыли, являющейся непосредственным стимулом для ведения капиталистом его предприятия. Здесь мы уже имеем столкновение развития производительных сил с тем специфическим способом этого развития, которые дает капитализм, которыми последний движет производительные силы. Вместе с этим в самом процессе капиталистического производства, в процессе эксплуатации наемного труда, создающем материальные основы могущества капитализма, развертывается борьба двух классов—буржуазии и пролетариата, борьба, которая на первых ступенях, наряду с потрясениями капиталистической системы, является одним из главных движущих начал ее производительных сил и совершенствования в целом, а затем, когда указанное выше противоречие (между материальными производительными силами и капиталистическим способом их развития) созревает, эта же борьба уничтожает точнее—снимает самую капиталистическую систему в новой общественной формации.

Так, все до сих пор существовавшие формы общественного производства были исторически ограниченными в своей специфичности методами развития производительных сил, и движение последних шло через нарастание и разрешение противоречия между этим движением и общественно-историческими формами его, определенными общественными способами производства. В этом смысле мы и рассматриваем диалектику производительных сил и производственных отношений в качестве движущей силы общественно-исторического процесса. «Поскольку процесс труда,—говорит Маркс,—...является простым процессом между человеком и природой, постольку его простые элементы остаются одинаковыми при всех общественных формах его развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее его материальные основы и его общественные формы. Дойдя до известной ступени зрелости, данная историческая форма устраняется и уступает место высшей форме. Что момент такого кризиса наступил, это обнаруживается тогда, когда противоречие и противоположность между отношениями распределения, а, следовательно, также и между определенным историческим видом соответствующих им отношений производства, с одной стороны, и производительными силами, с другой, достигает известной ширины и глубины. Тогда возникает столкновение между материальным развитием производства и его общественной формой». («Капитал», т. I, ч. II).

Таким образом, на место одной общественной формы производства, выступает новая, и в каждой из них, как в своих ступенях развития самоопределяется и развертывается единое содержание, основа общественной жизни—человеческий труд и его элементы. Так имманентный общественной жизни человека закон производительных сил осуществляет свое действительное значение, так общественно-трудовой

процесс, раскрываясь необходимо в целом ряде своих исторических форм, создает из истории человечества единое конкретное целое.

Еще раз подчеркиваем при этом, что когда мы изображаем вслед за Марксом общественную форму производства всегда как конкретно-историческую закономерность самого производства, то отсюда нельзя сделать никоим образом вывода, что источник и причина движения производительных сил переносится целиком и полностью в общественную форму, что в ней заключается принцип движения производительных сил. Такое понимание может привести к тому, что общественная форма будет началом развития, что у ней будет примат движения. Тогда по существу закон производительных сил будет также уничтожен в том его значении, которое придает ему исторический материализм. Внутренним содержанием, сущностью всякого общественного способа производства является активное отношение человека к природе, производство необходимого человеку для его жизни, и это активное отношение к природе есть первичный и всегда сохраняющийся под всякой общественной оболочкой элемент, движущий производительные силы. В процессе этого активного отношения к природе и на его основе люди создают соответственно его типу и высоте определенные производственные отношения. Так что примат остается за процессом материального производства, за развитием производительных сил, а не переносится в общественную форму, которая всегда является производной, хотя и необходимой для хода производительных сил. В противном случае мы дальше взаимодействия не пойдем, монизм нашего учения исчезнет, и его место займет дуализм, простое взаимодействие формы и содержания, как совершенно одинаковых в своем значении и действии категорий.

Всякая общественная форма, исторически возникая в качестве необходимой для развития своего содержания, производительных сил, вследствие этого же развития содержания становится традиционной и консервативной и «так как необходимо прежде всего сохранить добытые производительные силы,—эти плоды цивилизации,—то приходится разбить традиционные формы, в которых они были произведены» (Маркс, «Нищета философии»). Человек должен бороться с природой, трудиться при всех возможных общественных формах и общественных способах производства—это есть «вечная» развертывающаяся основа общественной жизни и естественно, что формы и способы этой борьбы обладают в конечном счете приматом в определении хода общественной жизни.

Отметим еще следующие существенные обстоятельства в учении об общественной форме. Нельзя представлять себе, это не плохо выясняется и в наших учебниках по историческому материализму, что противоречие диалектики производительных сил и экономической структуры происходит как-то помимо людей. Это было бы нелепым представлением. История общества есть история людей. В экономической структуре, в производственных отношениях самым непосредственным образом фиксируется роль и место людей в производстве, их отношение к средствам производства, что определяет их классовое

положение и т. д. Здесь люди получают их жизненное положение и расстановку, отсюда проистекают их жизненные интересы и устремления, которые на определенной ступени развития общества персонифицируются в колоссальных классовых коллективах, как противоположные, противоречивые интересы. Естественно, что смена общественных форм может идти только через деятельность людей, в классовом обществе через классовую борьбу. Революционный класс является всегда органическим продуктом старой общественной формы, ее необходимым элементом, и поскольку он выступает поборником новой общественной формы, расширяющей рамки для развития производительных сил, постольку он представляет «изо всех орудий производства наибольшую производительную силу». (Маркс—«Ницета философии»). Живые люди, классы и их борьба разрешают возникшее противоречие между материальным производством и общественной формой. Нельзя при этом представлять себе, что новая общественная форма как бы целостной в зародыше заложена в старой общественной форме, а потом, как таковая, только эволюционирует. Такое представление противоречит диалектическому учению о развитии, ибо оно уничтожает понятие революции, разрешение противоречия, как необходимого этапа в становлении общественных форм. Новая форма, как целая, как качественно иная, закономерность общественного производства возникает в результате победы элемента—носителя ее, революционного общественного класса, связанного с новыми, зародившимися в недрах старой общественной формы условиями производства. Противоречие между производительными силами и общественно-экономической формой, конечно, не всегда может быть разрешено и разрешается. Это зависит от конкретных исторических условий, важнейшим из которых является наличие революционного и всем ходом развития подготавливаемого к разрешению противоречия класса. Но это важнейшее условие в ряду других не всегда создается в истории, и поэтому общественное движение заходит в тупик. Но мы здесь не можем заниматься анализом подобных исторических фактов, нас занимает здесь общая теория Маркса о развитии производительных сил.

Монистический характер движения общественной жизни сохраняется полностью и целиком и тогда, когда мы переходим к учету роли надстроек, как факторов этого движения. Общественные надстройки (политический строй, наука, право и т. д.) не являются чуждыми, внешними для основной общественной закономерности, вскрываемой историческим материализмом в динамике производительных сил и экономической структуры. Они не развиваются по своей собственной внутренней логике, независимой от указанной закономерности. Внутренняя логика их развития, а они ей обладают всегда в той или иной степени, является в конечном результате производной и зависимой от центральной закономерности общественного развития. Надстройки возникают в рамках последней, изменяются и развиваются вместе с разрыванием ее, определяются в основном этой закономерностью и по существу являются ее функциями, дифференцированными орудиями ее *противоречивого* движения. Отсюда вытека-

возможность и необходимость обратного действия надстроек, поскольку они возникают из основы общественной жизни, на самую эту основу, в направлении ли ее дальнейшего развития или иногда задерживающего для ее хода. Двойкий характер этого влияния надстроек определяется отмеченной противоречивостью хода основной закономерности общества. Единство определенного уровня производительных сил и конкретной экономической структуры и различие их, противоположность и противоречие между ними в определенный исторический момент, которые приходится разрешать живым людям и классам, отражается и в области надстроек в форме их раздвоения и борьбы враждебных течений, из которых одни являются революционными и действуют в направлении дальнейшего развития базиса, в направлении разрешения противоречия, в нем назревавшего, другие являются консервативными и традиционными и действуют в направлении застоя, иногда попятного движения.

Но всегда обратное действие надстроек и стимулирующее или задерживающее значение их для хода производительных сил имеет под собой тот или иной уровень экономического развития, определяющего их содержание, отчасти форму, и даже более или менее предел обратного влияния на базис. Общество остается единством многих своих сторон и моментов и развитие общества не есть развитие той, другой, третьей стороны его, но есть прежде всего развитие общества в его целостности, последнее же дано в развитии общественной сущности, общественного производства и материальных производительных сил.

Развитие же отдельных сторон общества является в конце концов через сложный передаточный механизм выражением этого развития общества в целом, в его существе, и так происходит потому, что различные моменты общественной жизни являются в основном функциями единой организации, точнее, функциями общественного способа производства. Именно отсюда проистекает важность их роли, их действительное значение на свой базис, ибо последний необходимо разветвляется в ряд функций своих и придает им силу и способность действовать, обратно влиять на самого себя. Но в то же время действие и содержание этих функций определяется общественным целым и его сущностью, никогда не отрывается от последней: как бы оно ни было сложно и дифференцировано, как бы ни была сильна внутренняя логика развития той или иной надстройки,—определяющая, в конце концов, остается за трудовой организацией, за базисом. В этом смысле попытки некоторых товарищей изобразить дело, например, таким образом, что надстройки могут *логикой исключительно своего собственного внутреннего развития* в действии на базис произвести в нем качественно-принципиальное изменение в смысле образования нового общественного способа производства—надо считать совершенно превратно представляющей суть отношения общественного базиса с другими частями общественной жизни.

Нельзя представлять вообще ход развития отдельных сторон в развитии предмета, точно так же и надстроек в обществе настолько оторванными от общества и его основы в целом и самодавлеющим,

чтобы говорить, что они, внутренне развиваясь, делаются способными коренным образом в основе преобразовать ту или иную общественную формацию, моментами коей они являются. Так ставить вообще вопрос нельзя, ибо нельзя разрывать единый общественный процесс развития, имеющий основу в развитии материальных производительных сил от развития и хода надстроек, разных сторон—функций общественной жизни, в которых единый процесс только более или менее своеобразно преломляется. Это положение исторического материализма никоим образом, конечно, нельзя истолковывать в духе фатализма. Надо быть очень осторожным и помнить, что схематически изображая дело, в частности, разбирая основное понятие материалистического понимания истории, определяющее значение экономического базиса для всего общественного целого,—можно иногда перегнуть палку и перейти к просто грубому механическому изображению его. В этом отношении Маркс и Энгельс были чрезвычайно щепетильны. Они говорили почти всегда о «в конечном счете» решающем значении базиса.

Общественно-исторический процесс чрезвычайно сложен. В нем переплетается и действует множество отдельных моментов (политических, научных и т. д.). Экономическое положение—это основа, но на протекающий из этой основы ход исторического движения оказывают влияние и, как говорит Энгельс, даже во многих случаях, определяют форму его различные моменты надстроечной жизни. Во взаимодействии всех этих моментов экономическое положение, основа «прокладывает себе дорогу... как необходимое сквозь бесконечную толпу случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена, или настолько трудно отделима, что мы можем забыть о ней, считая, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени» (Энгельс—Письмо от 21/IX—90 г. «Письма Маркса и Энгельса»).

Учение исторического материализма таким образом является стройной, гибкой монистической теорией общественно-исторической жизни, в которой последняя находит целостное изображение, как единый и одновременно многообразный в своей качественной определенности процесс, процесс, развертывающийся по своим внутренним законам.

Ф. Горохов

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ КАУТСКОГО НА РЕВОЛЮЦИЮ

Отнюдь не случайно между центризмом и каутскианством очень долго ставился знак равенства. Это соответствует действительному положению, которое Каутский занимал в рядах идеологов II Интернационала. В течение десятилетий Каутский безусловно являлся крупнейшим идеологом централизма, в свою очередь игравшего руководящую роль во II Интернационале.

Именно поэтому, говоря о точке зрения социал-демократии на какой-либо вопрос, мы почти не можем обойти Каутского; именно поэтому его взгляды подвергаются постоянно критике со стороны марксистов; именно поэтому столько внимания уделил Каутскому Ленин, а вслед за ним и другие представители Коминтерна (в своих докладах по программному вопросу на IV конгрессе Коминтерна т. т. Бухарин и Тальгеймер, например, прежде всего считали необходимым подвергнуть анализу соответственные взгляды Каутского).

Нужно к тому же иметь в виду, что Каутский не только наибольший авторитет II Интернационала, но и самый иезуитский, лицемерный, а потому и вредный толкователь Маркса. Больше, чем кто-либо другой, Каутский знает искусство признавать Маркса на словах, чтобы изменить ему на деле.

Сказывается это искусство Каутского, однако, неравномерно в различных областях учения Маркса. Пожалуй больше всего называется это искусство в трактовке учения Маркса о революции (которому, кстати сказать, Каутский уделил и больше всего внимания), или, если угодно, чем ближе к проблеме революции, тем сильнее. Причины этого явления вполне понятны. Проблема революции—самая актуальная из проблем современности. Здесь острее всего перекрещиваются материальные интересы борющихся классов. Здесь буржуазия и ее агентура в рабочем классе больше всего заинтересованы поэтому в искажении Маркса. В ряде других же проблем нет этой острой необходимости ревизии марксова учения. Поскольку дело касается таких вопросов, как вопрос о происхождении христианства или перекрещенцах, Каутский может поэтому блеснуть подлинным марксистским анализом, хотя он и на это все менее оказывается способным.

Теория пролетарской революции Каутского в основном вполне определилась задолго до империалистической войны. Она, однако, далеко еще не была законченной во всех своих частях. По некоторым вопросам пролетарской революции Каутский еще не успел к этому времени высказаться (например, о красном терроре), по другим он высказался довольно бегло (например, о социализации промышленности), по третьим ему предстояло видоизменить свои взгляды в соответствии с общим характером своей теории (например, в вопросе о коалиции).

Доработка в этих частях теории пролетарской революции Каутского оставалась задачей следующего периода его деятельности. В условиях, выявившихся к концу войны, эта доработка становилась особенно необходимой. Ибо, по мере развития пролетарской революции, все более дрожал в лице Каутского немецкий бюргер, все ниже натягивал он на уши филистерский колпак, все больше оговорок и оговорок должен был делать Каутский, чтобы подалеже уйти от перспективы революции, все больше убеждал он себя и других, что еще пугаться нечего, что на наш век еще хватит спокойствия и буржуазного порядка.

Теория Каутского о невозможности и ненужности пролетарской революции к концу империалистической войны поэтому расцветает и все резче противостоит борющемуся пролетариату. В оправдание нового легиона оговорок, которые придумывает Каутский, приводится при этом довод, что «проблемы социализма представляются тем более трудными и сложными, чем ближе их практическое осуществление. Дело не так просто, как оно казалось многим из нас еще четыре года тому назад»¹.

Для Каутского трудности не столько в проблемах, которые ему приходится разрабатывать, сколько в задачах, которые он себе при этом ставит. Ибо нужно, с одной стороны, целиком отбросить теорию революции Маркса-Энгельса, с другой стороны, убедить рабочих, что Маркс остается в своих правах, что развитие теории пролетарской революции проводится в пределах марксизма, что она остается по-прежнему революционной теорией.

Разумеется, задача ревизионистов типа Бернштейна была значительно проще. Те, по крайней мере, — и это единственная положительная черта в их политической деятельности, — откровенно, не пытаясь этого отнюдь скрыть, ревизовали Маркса. «Я ревизионист», заявляет например, Бернштейн с печальным мужеством на Дрезденском партийном съезде².

Каутский в такой мере не может рубить с плеча. Перед ним стоит задача удержать в рядах социал-демократии левых рабочих, а откровенной ревизией Маркса этого, разумеется, не достичь. Каутский поэтому упорно держится за фалды Маркса, пуская в ход все свои таланты в области крючкотворства.

¹ Карл Каутский — «Пролетарская революция и ее программа». Книгоиздательство «Волга», Берлин, стр. 6.

² Одну из своих работ Бернштейн не стесняется назвать «Der Revisionismus in d. Sozialdemokratie» (Amsterdam, 1909).

Но указанная выше задача оказывается непосильной и для Каутского, поистине мастера в области маскировки своих взглядов. Из-под этой маскировки оппортунизм Каутского бьет наружу грязнейшим ключом. Не теория Маркса, а теория Бернштейна оказывается тогда перед нами.

Предпосылки пролетарской революции

а) Маркс-Энгельс о предпосылках революции

Самую общую, но вместе с тем классическую постановку вопроса о пролетарской революции Маркс дает в конце I тома «Капитала». «Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, — читаем мы там, — которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота (в области экономики. М. М.), растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства»¹. В результате развития этого противоречия происходит революция.

Наступление революции, иначе говоря, обуславливается не только развитием производительных сил рабочего класса — «могильщика капитализма», но и ростом нищеты и возмущения последнего. Именно этот *рост* нищеты, гнета, порабощения и т. д. обуславливает все большее *обострение* классовых взаимоотношений рабочего класса и буржуазии, все большее возмущение, все большую решимость отчаяния (нечего терять, кроме цепей), все большую готовность к борьбе пролетариата, готовность биться до конца, без чего невозможна революция, без чего нельзя доказать *неизбежность* ее возникновения. Если отказаться от этой установки, именуемой часто «теорией обнищания», тогда остается утверждать, что классовые противоречия все более сглаживаются, уменьшаются, что устанавливается все большая гармония между пролетариатом и буржуазией. Тогда естественно недоумевать: не улучшение ли положения пролетарских масс при капитализме должно их толкнуть на путь революции? Иными словами, отказ от «теории обнищания» ведет к отказу и от перспективы революции. Не удивительно поэтому, что всякий «ревизор» наследия Маркса прежде всего начинает с критики его «теории обнищания», с отказа от нее.

Теория обнищания, однако, намечает только общую линию развития капитализма, устанавливая *неизбежность* наступления момента революции. Между тем необходимо определить *самый момент* ее наступления. Об этом мы у Маркса находим следующее указание.

«Возможность этого освобождения является лишь на той ступени развития, когда приобретенные уже производительные силы и суще-

¹ «Капитал», т. I, Г. И. 1920 г., стр. 788.

ствующие общественные учреждения не могут *далее ужиться рядом*. Из всех (же) орудий производства *наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс* ¹ (Курсив наш).

Момент революции наступает тогда, когда нищета и возмущение пролетариата достигают высшего напряжения, когда пролетариат не может дольше ужиться с существующим общественным строем. Совершенно очевидно, что таким моментом высочайшего роста нищеты и возмущения рабочего класса является момент кризиса. «В кризисах— пишет Энгельс— бурно прорывается наружу противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением... Экономическая коллизия достигает своего апогея: способ производства восстает против способа обмена, производительные силы— против способа производства, который они переросли» ². Кризис к толпам безработных, уже очутившихся на улице, прибавляет новые, более громадные толпы: «счастливых» рабочих, остающихся на фабрике, кризис заставляет работать за голодную плату. В такой момент рабочим действительно нечего терять, кроме цепей.

Вот почему Маркс и Энгельс участие рабочих в революции 1848 г. прежде всего *объясняли кризисом*. Вот почему М. и Э. все свои надежды на близость социалистической революции связывали после 1848 г. с наступлением *кризисов*. «Новая революция, передает Энгельс вывод, к которому он и Маркс пришли в 1850 г., может наступить только после нового кризиса. Но она так же неизбежна, как и этот кризис» ³. (Курсив наш). «Мы,— повторяет Энгельс ниже,— уже осенью 1850 года заявили, что по крайней мере первый отдел революционного периода закончен и что ничего нельзя ждать до той поры, пока не разразится новый экономический *мировой кризис*» ⁴.

В 1853 г. он же пишет: «Австрийцы делают все возможное, чтобы вызвать в Италии новое движение. Если все в целом будет идти таким образом еще месяца два, то Европа отлично будет подготовлена и понадобится лишь толчок, который и будет дан кризисом» ⁵.

Наконец, в 1882 г. Энгельс пишет Бернштейну, «что кризисы являются одним из сильнейших рычагов политических переворотов, уже было указано в «Коммунистическом манифесте» и развито в Обзоре Н. Рейнской газеты по 1848 г. вкл., но, вместе с тем, там же указано, что вновь наступающее благоденствие разбивает также революции и влечет за собой победу реакции» ⁶.

Итак, наступление революции приурочивается к моменту кризиса, революция будет результатом «нового кризиса».

Конечно, не всякий кризис приводит к революции. Капиталистический строй в прошлом пережил ряд кризисов, который он относи-

тельно легко преодолел. Но это не лишает нас необходимости ожидать революции в связи с кризисом по причинам, уже указанным выше.

Разумеется еще, кризис не единственное условие для наступления революции. Мало недовольства рабочего класса, требуется еще, чтобы его сила была достаточна для того, чтобы его удар мог бы иметь успех. Но опять эта сила может десятилетиями существовать (пример: Англия), но если у рабочего класса отсутствует отчаянная решимость, которую способен вызвать *кризис*, эта сила не будет применена.

Следовательно, и это условие не уменьшает значение кризиса при определении момента революции.

Однако как мы уже указывали, кризис не единственная предпосылка революции. Необходимо этот кризис использовать, а для этого должны быть налицо соответственные силы.

В «Немецкой идеологии» М. и Э. по этому поводу пишут: «Сумма производительных сил, капиталов и форм социальных сношений, которую каждый индивид и каждое поколение застают... эти условия жизни различных поколений имеют решающее значение для того, *хватит ли сил или нет, для уничтожения основы существующего строя* у периодически повторяющихся в истории революционных потрясений; если налицо нет этих материальных элементов полного переворота (рукой Маркса: именно, с одной стороны различных производительных сил, образования революционной массы, революционно настроенной не только против отдельных сторон существующего общества, но и против самого существующего «производства жизни», против всей деятельности, на которой основываются эти стороны), если этих материальных элементов нет налицо, то для практического развития совершенно безразлично (как доказывает теория коммунизма), что уже сотни раз высказывали идею о необходимости этого переворота» ¹

Основным при решении проблемы о предпосылках революции, иначе говоря, является вопрос: «хватит ли сил или нет для уничтожения существующего строя». Если налицо имеются эти силы, проблема в том только, чтобы побудить их действовать (на что, как мы видели, *влияет кризис*).

Решающее значение этой предпосылки Маркс подчеркивает и позже. В 1875 г., например, критикуя Готскую программу, Маркс пишет: «По мере того, как труд развивается общественно и через то становится источником богатства и культуры, развивается бедность и обездоленность на стороне рабочего, богатство и культура на стороне рабочего».

Это закон всей истории до настоящего времени. Надо было, следовательно, вместо того, чтобы приводить общие места о «труде» и «обществе», определенно показать здесь, как в современном капиталистическом обществе создались (заметьте, кстати, создались!—М. М.), наконец, материальные и прочие условия, *которые создают рабочим*

¹ «Нищета философии», стр. 140.

² «Анти-Дюринг». 1924 г., стр. 311.

³ Маркс и Энгельс. Собр. сочинений, т. III, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 10.

⁵ Письма М. и Э., стр. 45.

⁶ Архив М. и Э., стр. 305

¹ Архив М. и Э., т. I, стр. 227—8.

возможность и заставляют их разрушить это общественное предприятие»¹. (Курсив наш).

Предпосылками пролетарской революции, таким образом, с точки зрения Маркса и Энгельса, являются: 1) образование силы, способной разрушить капиталистический строй, 2) создание условий, заставляющих рабочих его разрушать. Что же касается развития промышленности, то достаточно высокое ее развитие уже предполагается наличием организации революционных сил в классе.

Ибо в этом месте Маркс особенно ясно ставит вопрос. «Организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества»². Если у пролетариата хватает сил достигнуть власти, следовательно, имеется и необходимая для революции степень развития производительных сил. Нет надобности о последней ставить специально вопрос.

Сам Маркс поэтому никогда не спускался к такому филистерству, чтобы предлагать рабочему классу, *буде он способен разрушить капитализм, ждать момента, когда промышленность и количество рабочих, доберутся до каких-либо процентов.*

В этом случае он, так же как и Энгельс, не мог бы рассчитывать на революцию при своей жизни. Ибо промышленное развитие, например, Германии, было тогда *ниже* современного развития России. В 1848 году, например, когда Маркс и Энгельс впервые предсказали близость социалистического переворота, в Пруссии было всего... 1139 паровых машин с числом лошадиных сил, не достигавших 25000.

Если Маркс и Энгельс это все же делали, то потому, что наличие кризиса, т.-е. тупика, в который уперся капитализм при своем развитии, и рабочего класса, способного использовать этот кризис, были для них условиями, достаточными для наступления социалистической революции.

б) Отказ от теории Маркса

Это учение Маркса-Энгельса о предпосылках революции Каутский целиком отбрасывает.

Этой судьбе прежде всего подвергается теория обнищания Маркса. Каутский заканчивает здесь приспособление Маркса к Бернштейну, начатое им еще в период борьбы с бернштейнианством. По мнению Каутского следует пересмотреть пункт Эрфуртской программы, в котором констатируется «усиление роста необеспеченности существования, нищеты, угнетения, рабства, унижения, эксплуатации» рабочего класса. Это положение не удовлетворяет Каутского. Он признает необходимым дополнить его поправкой следующего содержания (она подчеркнута автором: «Капитализм означает для рабочих масс неминуемое и все более глубокое обнищание, *если не встречает*

*сопротивления с их стороны»¹. В связи с этим весь пункт, касающийся этого вопроса, должен быть сформулирован по-новому: «Капитализм несет им с собой необеспеченность существования, нищету, угнетение, рабство, унижение, эксплуатацию. Безостановочно стремится он ухудшить положение всех слоев рабочего класса. Только неослабной борьбой могут они предохранить себя от растущего унижения»². Иначе говоря, *в пределах капитализма* можно избежать обнищания и т. д. рабочего класса, если налицо соответственная практика социал-демократии и профсоюзов.*

Основанием к внесению этой поправки для Каутского является непрерывное улучшение положения рабочего класса, которое ему, якобы, приходится наблюдать. Как правильно, однако, указывает тов. Бухарин, здесь обнаруживается обычная ограниченность и высокомерие господ из II Интернационала, для которых не существует миллионов колониальных и полуколониальных рабов, для которых рабочий класс приравнивается к аристократической верхушке европейских и американских рабочих.

Важнейший вывод из приведенного положения Каутского мы уже указали выше: при его принятии неизбежность развертывания борьбы пролетариата за свое освобождение, а постольку и неизбежность перехода к социализму становится недоказуемой, ставится под сомнение. А если учесть те условия, которые должны, по мнению Каутского, вызвать такого рода борьбу пролетариата, этот вывод станет еще более очевидным. В них столько цинизма, филистерства и самодовольствия, что решительно необходимо привести их целиком. Борьба пролетариата, утверждает Каутский, «становится все в меньшей степени борьбой против голода, бесконечной муки, труда, разорения и т. д. и все в большей мере превращается в борьбу за самоутверждение личности, за равенство и, наконец, за власть, за власть не только в государстве, но и на фабрике.

«Не из борьбы против нищеты, но из борьбы за свободу и власть появится социализм. Где пролетариату приходится все силы свои отдавать на борьбу с нищетой, там не созрели еще условия для социализма»³.

Здесь Каутский говорит о свободе в области экономики, поскольку политическая свобода по Каутскому является предпосылкой социализма, которую можно и должно достигнуть *при капитализме*. И вот, оказывается, переход к социализму возможен только при исчезновении нищеты в рядах пролетариата. Пока пролетариат нищенствует, он не может еще ставить вопрос о социализме. Это право он получает только, если предварительно покончит с нищетой. Но тогда, позволено спросить, зачем пролетариату социализм? Откуда явствует неизбежность борьбы пролетариата за социализм, если ему и при капитализме удается устроиться недурно? Зачем уходить из такого рая,

¹ «Критика Готской программы». 1906 г., стр. 10.

² «Нищета философии», стр. 140.

¹ К. Каутский.—«Пролет. рев. и ее пр...», стр. 60.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 70—71.

в котором нет нищеты, и добиваться рискованных перемен? ¹. На все эти вопросы Каутский не дает и не может, разумеется, дать ответа.

Зато такого рода постановка вопроса дает Каутскому возможность сделать необходимый ему очень любопытный вывод: бороться за социализм не способен класс, «все глубже погружающийся в нищету»². Поскольку же в таком положении не находится в настоящее время только рабочая аристократия, ясно практическое значение этого вывода. Он приводит к пересмотру и положения Маркса о том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса». Это положение, оказывается, требуется теперь заменить другим: «освобождение рабочего класса должно быть делом рабочей аристократии». Рабочая аристократия, не знающая нужды и нищеты— вот истинная база социализма, а Каутский и II Интернационал—ее пророки.

Отказ от марксовой теории обнищания, следовательно, приводит Каутского не только к пересмотру учения Маркса о предпосылках революции и неизбежности социализма, но и к ревизии его учения о роли пролетариата в борьбе за социализм.

Ревизией марксовой теории обнищания обуславливается, наконец, и пересмотр учения Маркса о роли и значении кризисов. В самом деле. Коль скоро не нищета и т. д. в первую очередь стимулируют пролетариат к выступлениям, к борьбе, тогда нет надобности связывать с появлением кризиса момент пролетарской революции. Тогда прав Каутский, предлагающий и в данном вопросе пересмотреть Эрфуртскую программу. Тогда «мы должны ограничиться в этом пункте констатированием факта, что время от времени неизбежно наступление кризисов в капиталистическом производстве, и что сопровождающая их массовая безработица доводит до высшей степени нестерпимость капитализма для рабочего класса»³. И только.

Тогда пункт о кризисах должен быть включен в программу только «как иллюстрация необеспеченности существования, постоянно угрожающая пролетариату в условиях капиталистического производства»⁴. Как предпосылку же, как условие для наступления революции его более не приходится считать.

Тогда получается законченность позиции. Не обнищание рабочего класса, достигающее своего высочайшего напряжения при кризисах, обуславливает в первую очередь его борьбу за социализм, а нечто иное. Тогда остается только туманная формула в стиле утопистов: «потребность рабочих в свободном развитии своей личности». Тогда остается только делать расплывчатыми и самую идею социализма и пути его достижения.

¹ «Откуда этот категоричекый императив? Разве это закон природы, что индивидуум должен быть свободным?». Так допрашивал когда-то Каутский Бернштейна. Как он сейчас сам ответит на эти вопросы?

² Там же, стр. 60.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 83.

в) Демократия — предпосылка революции

Каковы же с точки зрения Каутского предпосылки, необходимые для наступления пролетарской революции?

Таковой прежде всего является демократия. «В каждой стране, где пролетариат с некоторой надеждой на успех может рассчитывать на овладение государственной властью и, следовательно, на завершение пролетарской политической революции, уже достигнута высокая степень демократии. Она является одновременно и признаком, и предварительным условием зрелости государства и пролетариата для социализма.

Демократия является не только барометром, измеряющим высоту развития сил и политического разума пролетариата, но и составляет столь же необходимое условие для развития пролетарских сил, как и капиталистический способ производства»¹. «Там, где пролетариат, в большинстве,—пишет Каутский в другом месте,—демократия—инструмент его господства, там где он меньшинство, она—лучшая почва для борьбы»².

Здесь приводятся, собственно, три довода в пользу зачисления демократии в состав предпосылок революции:

1. Вне демократии пролетариат не может достигнуть *организации и воспитания*, необходимых ему для овладения властью.
2. При наличии демократии можно безошибочно определить *момент*, благоприятный для революции (демократия—«барометр»).
3. На почве демократии пролетариат может *мирным* путем достигнуть власти, и иначе ее достигнуть нельзя.

Последние два положения, определяющие по Каутскому значение демократии, мы разберем позднее. Здесь же ограничимся пока разбором первого.

Конечно, отрицать значение буржуазной демократии для развития классовой борьбы пролетариата не приходится. Всякому понятно, какое огромное значение имеют для организации и воспитания пролетариата такие завоевания как свобода печати, слова, коалиций и т. д., хотя необходимо осознать всю их *ограниченность* для пролетариата при капитализме. И наличие парламента с всеобщим и т. д. избирательным правом, разумеется, *благоприятствует* борьбе пролетариата, создает новые возможности для его сплочения, воспитания и т. д. Пролетарские партии получают возможность, в тех или иных, однако, ограниченных рамках, с парламентской трибуны разоблачать классовую сущность буржуазного государства, излагать свою программу и т. д., от чего отказываться, конечно, было бы бессмысленно. Постольку пролетариату выгоднее власть буржуазии с «демократией», нежели власть буржуазии без нее. Поэтому мы боролись за достижение «буржуазных свобод», поэтому мы—за использование парламентской

¹ Там же, стр. 98.

² Kautsky. «Die Diktatur des Proletariats». Wien, S—57.

трибуны. В этой мере у нас, следовательно, не существует разногласий с Каутским.

Оно начинается дальше, когда Каутский пытается утверждать, что буржуазная демократия является предпосылкой, не осуществив которой пролетариат не должен и *приступать* к решению вопроса о власти. Иными словами, демократия должна быть введена обязательно при власти *буржуазии, только при ней*.

Вот с этим мы не можем никак согласиться. Ну, а если буржуазная демократия не достигнута вплоть до момента, когда пролетариат получает возможность добиться *власти*? Почему он не может использовать эту возможность, чтобы уже затем самому осуществить демократию, но зато последовательно, до конца, как это может сделать *только* пролетариат? Почему пролетариату непременно нужно пройти школу парламентаризма и там, где он этой школы не имеет, где зато «экстерным» путем удалось добиться необходимого для захвата власти развития пролетарских сил. «Если (же) для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать—каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти»¹ этот уровень повышать, воспитывать дальше пролетариат? Все это решительно непонятно. Поэтому следовать календарю Каутского,—сначала демократия, как школьная скамья для пролетариата, а потом пролетарская революция,—нет отнюдь необходимости. Только смех могло бы вызвать, например, предложение китайскому пролетариату в том случае, если бы у него оказалась сила для свержения буржуазии, этого не делать, а предварительно дать *буржуазии* время для создания институтов буржуазной демократии, на ее основе некоторое время потоптаться в целях «организации и воспитания», а потом только приступить к пролетарской революции.

Такого рода политика, политика отказа от использования своей силы, была бы на руку только буржуазии.

А между тем таков именно урок, который Каутский в данном случае хочет преподать мировому пролетариату.

г) Парламентское большинство

Наличие буржуазной демократии по Каутскому только одна из предпосылок, которые требуются для осуществления пролетарской революции.

Необходимо далее получить в ее рамках парламентское большинство. Ибо «социализм лишь тогда получит государственную власть, когда он будет достаточно сильным, чтобы в рамках демократии взять перевес над другими партиями»².

По мнению Каутского это вполне выполнимая задача. Выполнимая потому, что при демократии достигается полное политическое равенство угнетенных и угнетателей. «В первый раз с образования государства, таким образом, впервые в истории государства приносит новейшая демократия полное равенство прав для всех взрослых членов государства, всех взрослых членов общества»¹.

В этом утверждении Каутского, пожалуй, исходный пункт всей его позиции по вопросу о демократии. Если оно оправдывается, тогда действительно имеются серьезные основания для расчета на мирный путь достижения пролетарской власти, тогда большинство, которое пролетариат со своими союзниками составляет в современных государствах, может быть реализовано на путях демократии. С другой стороны, ошибочность этого положения определяет собой ошибочность всей позиции Каутского, на этом положении построенной. Необходимо поэтому прежде всего определить, действительно ли в распоряжении буржуазии такие же права, голоса, возможности, как и у всех остальных смертных, или в ее распоряжении имеется еще кое-что, меняющее нарисованную Каутским картину.

Приведенное положение Каутского неоднократно опровергалось противниками ревизионизма, в первую очередь Лениным. Основные возражения, которые при этом выдвигались, сводятся к следующему:

1. Буржуазия имеет при капитализме возможность подкупать известные слои пролетариата и их вождей, или под угрозой расчета заставлять рабочих подавать голоса за желаемого кандидата.

Каутский пытается, однако, это оспаривать. «Утверждение, будто для социалистов исключена возможность получить большинство даже при самом свободном и тайном избирательном праве и при перевесе наемных рабочих среди населения, в виду денежного влияния капиталистов на пролетариев—по его мнению—означает признание пролетариев безграмотной бандой продажных и трусливых людей, означает об'явление пролетарского дела обанкротившимся»².

Разумеется, здесь у Каутского резкое преувеличение. Никто не говорит о подкупе всего рабочего класса. Речь идет о некоторых слоях его, некоторых вождях, некоторых идеологах. И здесь Каутский выбирает наиболее легкий путь подхода к вопросу. Он совершенно отрицает наличие фактов подкупа, зажима и т. д. со стороны буржуазии.

Однако уже Маркс говорил о подкупе целых слоев рабочего класса, в частности, английского пролетариата со стороны буржуазии. Мы имеем основание говорить не только о фактах такого рода, косвенного подкупа рабочих. Широко известны и факты прямого подкупа профсоюзных и партийных бюрократов, случаи представления этим бюрократам доходных должностей и т. п. прелестей со стороны благодарной буржуазии. Известна, с другой стороны, практика покупки голосов в ряде «демократических» стран (напр., Америке).

¹ Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 119.

² Карл Каутский.—«Терроризм и коммунизм». Берлин. Изд. Ладьяженко.

¹ Kautsky.«Die Materialistische Geschichtsauffassung—Berlin, 1927, II B., S. 428.

² «Терр. и комм.», стр. 229.

А разве Каутскому неизвестны факты экономического террора со стороны буржуазии к своим противникам, разве не увольняются последние с заводов, разве не существует черных списков, разве не существует в связи с этим громадной безработицы среди коммунистов западно-европейских стран?

Попытка Каутского, таким образом, воздвигнуть китайскую стену между вопросами об экономическом и политическом равенстве, доказать, что неравенство существует только в области экономики, а в области политической исчезло, испарилось,—сводит его на уровень самых похабных и лживых славопевцев буржуазного строя. Так выгодно утверждать буржуазии, но такое явление совершенно невысказано. Экономическая мощь любого класса неизбежно реализуется в политической области. Так же реализуется в ней экономическая мощь буржуазии, делая формальной божественную симфонию Каутского—демократию.

2. Буржуазия имеет в своем распоряжении подавляющее большинство газет, типографий, зал для собраний, школ, кино и т. д. Это обуславливает в свою очередь резкую разницу в положении буржуазных и пролетарских партий. В то время как последние не имеют возможности открывать достаточное количество газет, выпускать достаточное количество книг, листовок и т. д., не имеют часто зала для своих собраний, буржуазия имеет в своем распоряжении богатейший аппарат для распространения своих воззрений. Всем этим аппаратом буржуазия имеет широкую возможность сеять обман в рядах рабочих и крестьян, их ряды разлагать и т. д.

Это столь очевидные факты, что даже Каутский не осмеливается их отрицать. И по его мнению, с этим связано сильное затруднение для пролетарских партий. «Однако, успех показывает, что это препятствие преодолимо»¹.

Мы склонны сомневаться в том, что это обстоятельство имеет мало важное значение. Однако нас интересует сейчас другой вопрос. Как же с равенством? Оно и Каутским не может быть в данной области констатировано.

3. Буржуазия имеет, наконец, в своем распоряжении орудия государственного насилия, при помощи которых оно терроризирует пролетарские организации, не дает им развернуть свою деятельность.

Эта азбучная истина, известная каждому политическому младенцу, каждому полицейскому, от времени до времени опускающему свою дубинку на затылки рабочих, каждому судье, посылающему все новые группы их в тюремные камеры, эта истина, однако, также оспаривается нашим надемократизированным старцем.

Оказывается, видите ли, что мы являемся свидетелями чудесного перевоплощения характера государств капиталистических стран. Они больше не являются орудиями угнетения одного класса другим, а витают над классами, как некие воздушные, ангельски-мирные создания.

¹ К. К. «D. Material Geschichtsauffassung», III B., S. 473.

«В демократическом государстве,—пишет в последней своей работе Каутский,—функции угнетения нижних классов все более исчезают»¹. «Если оно (государство—М. М.) было с основания до нового времени преимущественно военной организацией (?), то такого рода значение государства отступает все больше назад против других, хозяйственных и культурных задач»². Государство перестает быть орудием угнетающего класса. Более того, «государственный аппарат начинает теперь в известных условиях обращаться *против него*, действовать, таким образом, как раз обратно тому, что было раньше. Он начинает становиться из орудия подавления орудием освобождения угнетенных»³. (Курсив наш).

Но если современное государство, действительно столь дивная штука, почему же сидят тысячи коммунистов в капиталистических тюрьмах, почему арестовываются коммунистические депутаты, почему казнены Сакко и Ванцетти, почему конфискуются и закрываются коммунистические газеты, почему загоняются сами партии в подполье, почему разгоняются рабочие демонстрации и собрания, почему занимается государство организацией штрейкбрехеров? Видно, поспешил Каутский причислить «демократическое» государство к лику святых»⁴.

Конечно, буржуазное государство не всегда в одинаковой мере применяет средства насилия. В «нормальное время» его режим несколько смягчается. Но иначе было бы со стороны буржуазии глупо поступать. Достаточно, если она нажимает на все клавиши государственного аппарата в самые критические моменты, несколько ослабляя эту «работу» после разгрома рабочего движения, в периоды спада революционной волны.

Мы приходим, следовательно, к выводу, что демократия не обеспечивает политического равенства пролетариата и буржуазии, не создает условий для обнаружения действительной воли народа и образования пролетарского большинства в парламенте. В связи с этим отпадает надобность об'яснять Каутскому, почему мы именуем современную демократию формальной.

Для Каутского это совершенно непонятно. «Можно ли,—недоумевает он,—говорить о формальном или буржуазном всеобщем, тайном избирательном праве? Или о формальном или буржуазном праве коалиций, союзов, собраний, печати и т. д.»⁵.

Какая трогательная наивность! Какой глубокий марксистский анализ! А существует ли это право в одинаковой мере для *всех* классов,—этот вопрос Каутский не считает нужным и ставить. Здесь Каутскому можно рекомендовать познакомиться с тем признанием,

¹ К. К. «D. Material Geschichtsauffassung», стр. 431—2.

² Там же, стр. 458.

³ Там же, стр. 598—9.

⁴ Любопытно, что Каутский, написавший множество работ на тему о демократии, *ни разу* не пробовал остановиться на фактической стороне демократического режима, показать демократию, как она есть. Видимо выгоднее говорить о демократии вообще, нежели заниматься ее практикой.

⁵ К. К. «D. Material Geschichtsauffassung», S. 429.

которое сделал в минуту откровенности его друг и единомышленник Отто Бауэр. «Рабочий класс,—пишет он в «Истории австрийской революции»,—повсюду уже убедился на опыте в том..., что власть буржуазии над прессой, церковной кафедрой, избирательным аппаратом позволяет ей так определить исход выборов, что получившееся в результате общенародных выборов правительство превращается в классовое правительство буржуазии, в правительство меньшинства народа»¹. На этот раз устами Бауэра глаголет сама истина.

Из этого, разумеется, не следует, что вопрос о завоевании большинства для нас совершенно не существует. И Ленин, например, не считал возможной пролетарскую революцию в России, пока большинство народа не убедится в необходимости свергнуть власть буржуазии. Но о каком большинстве говорил Ленин? О формальном, парламентском большинстве? Об авторитетности этого большинства для буржуазии? Разумеется, нет. Один вопрос интересовал Ленина: хватит ли у пролетариата сил для захвата и удержания власти в тех решающих схватках, которые ему предстоят?

С этой точки зрения необходим был прежде всего переход большинства рабочего класса на точку зрения большевиков. Особенно важно было при этом иметь большинство в решающих центрах страны и в важнейших частях армии, т.-е. там, где должны были произойти основные бои двух лагерей. Ибо в «решающий момент» в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил—этот «закон военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией»².

Мы видим, что Ленин говорит постольку о большинстве, поскольку большинство пролетариата, большинство в важнейших частях армии и т. д. необходимо для того, чтобы быть сильнее противника, его разбить, чтобы быть сильнее на улице, а не в парламенте.

Но, разумеется, и отношение остальной массы населения к развертывавшейся борьбе ему не было безразлично. Если бы, например, крестьянство стояло плотной стеной вокруг буржуазного правительства, диктатура пролетариата неизбежно была бы преходящей. Именно то обстоятельство, что пролетариат не изолирован, что и крестьянство, например, недовольно существующим правительством, делает перспективы его борьбы особенно благоприятными. Но Ленин великодушно при этом учитывал, что в крестьянстве может до пролетарской революции говорить только недовольство политикой правительства, но что оно еще не готово в основной своей массе поддерживать власть пролетариата и не может быть к этому готово, пока ему не показаны выгоды этой власти, т.-е. пока она не достигнута, что ждать уже поэтому (не говоря о вышеуказанных основаниях) формального большинства не приходится.

Ставить иначе вопрос о завоевании большинства, нежели его ставил Ленин, значит тешить и себя и пролетариат детскими иллюзиями.

¹ Отто Бауэр.—«История австр. револ.». Изд. «Пролетарий», 1925, стр. 293.

² Ленин, т. XVI, стр. 443.

д) Каким должен быть пролетариат?

Различие ленинской постановки вопроса от каутскианской заключается, как мы видим, не только в том, что Ленин отбрасывает перспективы завоевания парламентского большинства, но и в том, что в большинство, которое необходимо завоевать, им включаются и некоторые слои крестьянства.

Между тем Каутский совершенно отвергает возможность совместных шагов пролетариата и крестьянства по пути пролетарской революции. В промышленных странах, находит Каутский, «между крестьянством и наемными рабочими в большинстве случаев легла уже резкая грань и сильные противоречия разделяют их»¹. Следовательно, рассчитывать на помощь крестьянства больше не приходится. Пролетариат будет одинок в пролетарской революции².

Отсюда вывод: пролетариат только тогда получит парламентское большинство, когда он станет большинством в стране. 51% пролетариата в составе населения, таким образом, третья предпосылка, требующаяся для наступления пролетарской революции. «Наступление пролетарской революции», говорит по этому поводу Каутский,—предполагает численное превосходство пролетариата по сравнению со всеми прочими классами общества, вместе взятыми, так что противники революции могут получить перевес лишь в том случае, если пролетариат ослаблен, благодаря расколу в его рядах»³.

Но и этого мало. И наличие пролетарского большинства в составе населения еще не обеспечивает парламентского большинства. Ибо часть пролетариата по своей некультурности может голосовать за враждебные пролетариату партии. Зрелость пролетарской революции, следовательно, обуславливается и культурным состоянием пролетариата. Тем более это верно, что пролетариату на другой день после революции придется править государством, известными элементами хозяйства, а этого он, по мнению Каутского, не сумеет сделать, если не приобретет до того соответствующую культуру. Поэтому, «если хотят устранить капитализм, то нужно создать организм, который в состоянии функционировать и без капиталистического мозга так же хорошо, даже лучше. Это не так просто, как действия Филиппа IV или Стеньки Разина, это требует ряда предпосылок материального и морального свойства, высокого развития капиталистической организации не только производства, но и сбыта и доставки сырья; требует также наличия пролетариата, сознающего свои обязанности не только по отношению к ближайшим товарищам, а и ко всему обществу; выработавшего в себе привычки добровольной дисциплины и самоуправления долглетним пребыванием в массовых организациях; доста-

¹ К. К. «Прол. рев. и ее прогр.», стр. 287.

² Поэтому Каутский называет буржуазными революции, в которых еще участвует крестьянство, (например, Октябрьскую революцию). Поэтому он пишет о периоде Парижской Коммуны: «Против захвата политической власти рабочими говорило также то обстоятельство, что большинство населения состояло еще из крестьян» («Терр. и комм.», стр. 99).

³ «Прол. рев. и ее прогр.», стр. 128.

точно интеллигентного, наконец, для того, чтобы отличать возможное от невозможного, научно-образованного, стойкого характера вождя—от бессостыжного, невежественного демагога. Там, где этих условий нет, капитализм не может надолго и с успехом быть заменен социализмом¹.

Поздно обучаться управлению государством и хозяйством после того, как пролетариат станет у власти. Соответственные навыки нужно усвоить раньше, при капитализме. А посему, пролетарии всех стран, прежде чем ставить вопрос о революции, покажите свое умение управлять фабриками, которые не находятся в ваших руках, учитесь управлять государственным аппаратом, который оборачивается к вам лицом жандарма и шпиона, учитесь вообще, находясь на грани голодного существования, под вечной угрозой безработицы².

Каутский не ограничивается этими требованиями по отношению к пролетариату, претендующему на власть. Он собирает его экзаменовывать не только по арифметике и соответствующему языку. Требуется кроме этого сдача экзамена и по морали. Ибо «наряду с высоким уровнем народного образования предпосылкой для социализма является высокая мораль масс»³.

Мещанин Каутский будет определять, достаточно ли морален пролетариат, чтобы не напугать буржуазию, а не пропадет ли в результате революции его филистерский колпак. До большего падения в отходе от марксизма трудно дойти. А если, видите ли, будет признано (кем?), что мораль пролетариата еще недостаточна, ему придется держать переэкзаменовку.

Но и этого мало Каутскому. Он ставит революцию в зависимость от того, согласится ли ее принять интеллигенция. «Отсутствие сомнений у интеллигенции в осуществимости социализма и готовность ее работать над его проведением с момента, когда ему принадлежит власть, являются предпосылками социалистического производства, условиями, до которых общество должно дорасти, если оно хочет быть зрелым для социализма»⁴.

Итак, интеллигенция, в большей своей части, связанная при капитализме с буржуазией, интеллигенция, начавшая в России с саботажа, будет решать вопрос о революции. Не захочет она, и пролетариату ничего не останется как ждать, пока интеллигенция изменит свой вердикт.

¹ К. «Терр. и комм.», стр. 164.

² Здесь любопытно следующее. Когда речь идет о борьбе за власть, Каутский не жалеет красок, чтобы представить всю сложность дела управления хозяйством, необходимость поэтому высоко-развитой культуры у пролетариата, чтобы он оказался способным с ней справиться. Получается впечатление, что Каутский всерьез собирает на другой день после пролетарской революции социализировать промышленность. Как только, однако, действительно станет вопрос о социализации, Каутский выдвинет новые трудности, новые отговорки, чтобы в результате предложить жалкую до смешного программу социализации. И «культура» таким образом необходима Каутскому только, как отговорка от революции. Никакого хозяйства он не собирается передать в руки культурного пролетариата.

³ К. «Терр. и комм.», стр. 176.

⁴ К. «Терр. и комм.», стр. 188.

В общем получается довольно длинный список документов, которые должен предъявить пролетариат, коль скоро он ставит вопрос о социалистической революции. Он должен предъявить документ, что составляет 51% населения, о своем образовательном цензе, о своей моральной благонадежности и, наконец, удостоверение от интеллигенции в том, что она ничего против пролетарской революции не имеет. Пока этих документов у него не имеется, пролетариат должен терпеть власть буржуазии, какие бы страдания не приходилось ему переносить, как велико ни было бы его недовольство капиталистическим строем, как широки ни были бы возможности свержения последнего.

Путь пролетарской революции

«Революция—самая авторитарная вещь на свете, революция— историческое событие, которое заключается в том, что одна часть населения с помощью штыков, пушек и ружей навязывает свою волю другой части». Эти слова Энгельса, как показал в свое время Ленин, в основном характеризуют взгляды, которых придерживались Маркс и Энгельс до последних дней в вопросе о путях проведения революции. Пролетарская революция при этом может быть проведена мирным путем только в исключительных случаях, только тогда, когда буржуазией, благодаря тем или иным причинам, не подготовлены силы для сопротивления пролетариату. А это примерно приходилось наблюдать еще в Англии и Америке времен Маркса.

С этой постановкой вопроса о путях проведения пролетарской революции Каутский, однако, не соглашается давно, пожалуй, все время. Правда, раньше он считал нужным приукрашивать свой курс на мирный путь достижения пролетариатом власти оговоркой в роде: не исключена возможность использования пути вооруженного восстания, оговоркой, действовавшей успокоительно на сторонников марксовой точки зрения. Теперь он и это не считает нужным делать. Теперь *urbi et orbe*—демократия, которую Каутский, как деревенский лекарь, рекомендует в качестве единственного рецепта во всех случаях жизни. Правда, теперь—все помимо демократии откровенно отброшено, отброшена даже массовая стачка, которой Каутский одно время, также не всерьез, пробовал щеголять. «В демократическом государстве,—пишет он,—при обеспеченной демократии не имеет больше места борьба оружием, как способ разрешения классовых конфликтов. Они разрешаются мирным путем через пропаганду и голосование. Даже массовая стачка, как способ давления рабочего класса, мало может быть принята во внимание (*kommt da wenig in Betracht*)»¹.

Доводы, которыми это положение обосновывается, сводятся к следующему.

1. Восстание в наши дни невозможно. Против современной армии, пользующейся новейшими пушками, танками и т. д., восстающий народ ничего не может поделывать. При этом обычно следует ссылка на

¹ К. «D. Material Geschichtsauff.» II B. S. 431—2.

предисловие Энгельса к «Классовой борьбе», в которой он, якобы, выражает такого же рода взгляды.

Нечего доказывать здесь, что этот довод Каутского целиком опровергается фактами послевоенного периода. Не говоря уже о России, мы имеем и на западе, хотя бы в той же Германии, ряд *победоносных* восстаний. При этом вполне оправдались расчеты революционеров на переход значительной части, если не всей армии, на сторону народа, что обычно и решало судьбы восстания.

После опубликования т. Рязановым тех мест, которые в свое время были вычеркнуты из предисловия Энгельса, выяснилось, что и в нем ориентировка делается на такой же ход событий. Возможность иного толкования предисловия Энгельса (которое, кстати сказать, стало среди ревизионистов самым популярным из документов Маркса и Энгельса), обуславливалось тем, что из предисловия были выброшены места, не отвечавшие точке зрения Каутского и его единомышленников. Прием, переносащий нас из области политики в область уголовного!

Опубликование Рязановым опущенных в свое время мест из предисловия Энгельса отбило у Каутского охоту на него ссылаться. Однако, наивно было бы от него ожидать признания своей ошибки. Наоборот, Каутский решается утверждать, что и в новом виде предисловие является обоснованием и оправданием политики современной социал-демократии¹. Эта смелость утверждений Каутского, впрочем, по-человечески понятна: иначе пришлось бы признать, что игра десятилетиями велась крапленными картами.

2. Мирный переход власти к пролетариату *возможен* в любой демократической стране. В эпоху, мол, буржуазной революции не было иной формы для выражения воли народа, как вооруженное восстание; это была единственная форма и организации народных масс.

В наше же время положение в корне иное. Имеется парламент; выборы в парламент и являются формой организации народных масс и их воли. Вернуться к старым формам борьбы, соответствующим эпохе слабого развития культуры, нет поэтому оснований. Это означало бы возвращение от знания к невежеству.

Разумеется, если б эти утверждения имели под собой хотя бы какое-нибудь основание, и большевики охотно высказались бы *против* вооруженного восстания. Мы отнюдь не сторонники вооруженного восстания во чтобы то ни стало. Если бы *от нас* зависел выбор между мирным и вооруженным путем достижения власти, мы бы даже выбрали первый. Ибо кому же не хочется избежать тех жертв и издержек, которые связаны с восстанием?

Весь вопрос именно в том, *возможен* ли мирный путь завоевания власти пролетариата. Ленин, как и Маркс, допускал эту возможность, да и то не на путях демократии, при одном условии: если у буржуазии не будет сил для сопротивления. Так было, например, в России до июля 1917 г. Поэтому в период от февраля до июля 1917 г. Ленин

¹ «Der Kampf», 1926, К. Kautsky «Engels politisches Testament».

считал возможным мирный переход власти к советам. Но это совершенно исключительный случай, который, чем дальше, все меньше возможен. Поскольку буржуазия отлично готовится к предстоящим ей боям, постольку вооруженный путь борьбы за власть должен быть признан неизбежным.

Мы уже указывали выше на *непреодолимые* трудности, которые стоят на пути к достижению пролетариатом парламентского большинства. Допустим, однако, что этот идеальный случай имеет место. Исключается ли тем самым путь вооруженного восстания пролетариата? Весь опыт «демократических» государств говорит о том, что и в этом случае без вооруженного восстания ничего не достигнуть. И в этом идеальном случае буржуазия, имеющая в своих руках государственный аппарат, может: а) разогнать парламент, б) урезать его права, в) урезать избирательные права трудящихся, г) глубже загнать в подполье пролетарские партии.

Правда, мы еще не знаем случая разгона парламента с пролетарским большинством. Но связан этот «пробел» в нашем опыте с тем, что буржуазия имеет великолепную возможность не допустить такого критического положения вещей, не допустить образования пролетарского большинства в парламенте. Зато случаев разгона парламента, оппозиционного правительству, сколько угодно. Случаев урезки избирательных прав трудящихся или прав парламента после роспуска негодных органов «демократии» тоже немало. А как великолепно умеет правительство «делать» выборы, особенно после такого рода *coup d'état*, известно любому министру внутренних дел¹.

Конечно, буржуазии нет настоящей надобности пересматривать права парламента, сужать круг обладающих избирательным правом до тех пор, пока сомнения в том только, какая из *буржуазных* партий окажется у власти. Но Каутский может не сомневаться: как только выяснится непосредственная угроза завоевания пролетарского большинства, буржуазия станет менее «демократичной», спустит в ход все приводные ремни государственного аппарата.

Но в том-то и дело, что Каутский отрицает сам факт нахождения этого аппарата в руках буржуазии. Поэтому он и не видит возможности его использования буржуазией, хотя само сопротивление с ее стороны считает неизбежным. «Мы должны, пишет он, быть готовы к тому, что капиталисты окажут сильнейшее противодействие социалистическому режиму. Демократия в этом отношении ничего изменить не может. Ее влияние сказывается лишь в том, что капиталисты

¹ Вот что, например, пишет бывший имперский канцлер Бюлов. «Увеличение числа голосов, подаваемых за социал-демократов, есть очень серьезное явление. Но, так как избирательные бюллетени не имеют иной непосредственной цели, как приобретение мест...—то первым долгом правительства является умение свести на-нет то влияние, которое оказывает на выборы социал-демократический список избирателей... Вся суть в том, разумеется, чтобы направить избирательную кампанию» (Бюлов. «Державная Германия», П.-М., 1915). Мы великолепно понимаем, что это означает.

лишены достаточных средств или даже вообще возможностей для военного сопротивления. Они смогут, следовательно, вести борьбу только «мирным оружием: ложью и клеветой в печати или хозяйственным противодействием»¹. Эти радужные надежды, однако, не могут оправдаться уже благодаря тому, что неверна характеристика современного государства, как внеклассового.

3. Мирный путь борьбы за власть *необходим* в интересах нормального развития производительных сил. «Война,—в том числе и гражданская война,—как раз неблагоприятна для проведения в жизнь нового способа производства. При определенных социальных условиях войны, внешняя или гражданская, могут оказаться весьма пригодным или даже необходимым средством для завоевания политической власти. Таким средством они могут оказаться и для устранения препятствий к политическому творчеству. (Пока иезуитское предисловие, пускание пыли в глаза, на что мастер Каутский.—М. М.) Но войны очень мало способствуют планомерному социальному творчеству. В большинстве случаев они делают его совершенно невозможным. Ибо войны подчиняют всю жизнь общества своим собственным задачам, а задачи эти состоят только в разрушении.

На время переходного периода от капитализма к социализму мы самым настоятельным образом нуждаемся в мире не только внешнем, но и внутреннем. Не в смысле примирения классов, но в том смысле, что свою борьбу классы ведут средствами демократии, а не силою оружия»².

«Пролетарская революция может осуществиться без применения насилия, самым законным путем, и *экономическая* пролетарская революция окажется тем успешнее и плоды ее тем долговечнее, чем более мирной будет обстановка, в которой она происходит. Ибо *объект* у нее совсем не тот, что у буржуазной революции. Это уже не простой, малочувствительный организм, покоющийся на основе мелкого производства, совпадающего с семейным хозяйством натурального типа. Объектом экономической революции пролетариата является чрезвычайно сложный организм, с крайней чувствительностью, подобно всем высоко развитым организмам, и с бесконечно разветвленным разделением труда между его органами»³.

«Но если к тем трудностям, которые заложены в самом существе задачи, присоединяются затруднения политического характера, подобные тем, какие неизбежны в пролетарских революциях, то можно

¹ К. «Прол. рев. и ее прогр.», стр. 403—4.

² Там же, стр. 161. После того как социал-демократы стали у власти, Каутский поэтому пишет (ноябрь 1918 г.): «В чем мы нуждаемся, это в спокойствии, непрерываемом развитии процесса производства, без чего рабочий класс не может жить». Выходит, не в Красной армии нуждался пролетариат в революционные ноябрьские дни, не в подавлении буржуазии и т. д., не в такого рода углублении революции, а в том, чтобы рабочие спокойно работали на предприятиях, представляя своим «пролетарским» депутатам заботиться о своей судьбе.

Известны замечательные результаты такого рода углубления революции.

³ Там же, стр. 220—II.

сказать наперед, что разрешение задачи невозможно... При таких условиях мелкое предприятие еще может держаться кое-как. Его средства производства, по большей части, могут быть восстановлены с сегодня на завтра. Но современное крупное предприятие, оборудование которого соответствующими средствами производства и обращения зачастую требует многих лет, обречено при этих условиях на верную гибель»¹.

Разберем выдвинутые здесь Каутским положения.

Прежде всего любопытно, что Каутский не ставит вопроса: а можно ли избежать при пролетарской революции известного нарушения хода производства. Хотя оно вызывается не только гражданской войной, но и переходом той или иной части производства в руки пролетариата. Во чтобы то ни стало не нарушить нормальный ход производства!

Каутский расписывает при этом все минусы в области производства, связанные с гражданской войной. Как-будто это для кого-либо составляет секрет! Как-будто кто-либо считает гражданскую войну благоприятным условием для производственной жизни!

Каутский уверяет нас, что момент расцвета, а не кризиса благоприятен для постановки вопроса о власти. Нам не следует, мол, брать власть в такой момент, когда имеет место некоторое снижение производства, когда страна переживает кризис. Ибо в этих условиях новая власть сразу будет поставлена в тяжелое положение, и нельзя будет показать все преимущество нового строя.

Все это великолепно! Почему, однако, Каутский не называет хотя бы одну революцию в новейшей истории, которая имела бы место в период расцвета? А ведь революции, которые он сам именует пролетарскими, немецкая и австрийская, имели место в период кризиса! Каутский не хочет видеть весьма простое объяснение этой «несуразности» в истории революции: что широкие массы-то способны вступать на путь революции только в моменты кризиса, что в иных условиях революция и невозможна! Лозунг «во что бы то ни стало нормальный ход производства» оказывается поэтому псевдонимом отказа от пути революции.

К сожалению, рассмотренный довод Каутского не в малой степени способствует сохранению иллюзий парламентаризма в рядах рабочего класса. Нет, однако, ничего более ошибочного, нежели представление о том, что отказ от вооруженного восстания находится в интересах развития производительных сил. Он в интересах *буржуазного* пути развития производительных сил, но сами производственные отношения современного общества уже стоят на пути развития производительных сил как препятствие. Только вооруженное восстание, единственный путь к ликвидации этих отношений, правда, связанный с временным нарушением хода производства, ведет к их подлинному расцвету, оправдывается с широкой точки зрения.

¹ К. «Прол. рев. и ее прогр.», стр. 223.

Опыт германской революции

Чего можно достигнуть на путях парламентаризма, если отвлечься от значения парламента, как трибуны, показывает опыт любой «демократической» страны. Даже Бебель, который уже в 1903 году основательно поддался влиянию парламентского кретинизма, должен был на Дрезденском партийтаге все же признаться: «Я часто спрашивал себя, стоит ли при таких условиях затрачивать на парламентскую деятельность столько усилий, труда, времени и денег? В рейхстаге мы без конца выполняем работу ступальной мельницы?» Иными словами, от «реальной» политики ничего не получалось.

Ничего не получалось от «реальной» политики и после Дрезденского партийтага. Картина, нарисованная Бебелем, поэтому вплоть до германской революции почти не изменилась. Основные лозунги, намеченные к осуществлению через парламент, оставались нереализованными. Вплоть до германской революции осталась, например, трехклассная система выборов в Прусский ландтаг, против которой непрерывно выступала германская социал-демократия. По-прежнему канцлер не подчинялся парламенту, по-прежнему последний оставался неполновластным. Так что если социал-демократы чем могли похвалиться, так разве жалкими успехами в области фабричного законодательства. Да и то не на счет одной парламентской деятельности приходится отнести этот успех.

А революция все упомянутые задачи, выдвигавшиеся социал-демократией, разрешила в один день. Революция не в том жалком виде, какой ее себе представлял Каутский, а революция подлинная, народная революция. Единым взмахом она разрубила все узлы, над которыми бились десятилетиями социал-демократические парламентарии. Разрешила помимо парламента, вопреки ему, вопреки и социал-демократам, всячески старавшимся ее потушить, дабы не нарушился принцип: рейхстаг *uber alles!*¹ Народное восстание— вот что дало пролетариату те завоевания, которых ему удалось в первые дни революции достигнуть. Оказалось при этом, что восстание отнюдь не явление характерное только для буржуазной революции. Оно почти неизбежное звено любой *победоносной* революции, в том числе и пролетарской.

Правда, пролетарская революция не оказалась в Германии победоносной. Однако это произошло не потому, что применялись методы вооруженного восстания, а потому, что революционные методы

¹ Как трудились над угроблением революции социал-демократы, весьма ярко повествует депутат Готгейн: «Кто, как я, в те тяжелые времена, в качестве члена комиссии партий большинства, день за днем проводил с вождями этих партий, тот может засвидетельствовать, какие неопишемые усилия прилагали Эберт и Шейдеман, Ландсберг и Давид, Зюдекум и Носке, чтобы избежать революции. Как они ночи напролет заседали с доверенными людьми своей партии, чтобы удерживать их от революции. Как они после того как об императоре и кронпринце говорить уже не приходилось, стремились осуществить регенство принца Макса Баденского» (Цит. по кн. «10 лет германской и австрийской с.-д. партии» изд. ом. У-та им. Свердлова, 1925 г. стр. 34.)

не применялись в достаточной мере, потому что ничего не было сделано социал-демократией для организации сил пролетариата и подавления буржуазии, потому что все еще сильно было влияние парламентского кретинизма. «Демократия», «законность»— вот что убило великолепную германскую революцию.

Все попытки Каутского иначе об'яснить поражение германской революции явно несостоятельны. Ибо так об'яснить поражение германской революции, как это пытается делать Каутский, об'яснить ее тем, что не было единой социалистической партии, значит по существу обойти вопрос.

Смехотворность этого довода раскусит любой комсомолец. Он напомним, что и в России, ведь, не было единой социалистической партии. И все же там революция победила; победила потому, что был предварительно разгромлен оппортунизм, были выбиты из своих позиций меньшевики и эсеры. Не слабость, а сила германской социал-демократии, таким образом, явилась причиной поражения германской революции. Не распыленность сил пролетариата, а то обстоятельство, что большинство их оставалось на стороне оппортунистов— вот что решило судьбу германской революции.

Революция по Каутскому

Выше мы отметили, что установление демократии знаменует собою для Каутского ликвидацию государства, как орудия насилия в руках буржуазии. При этой постановке вопроса естественно не приходится больше ставить себе целью *разбить* аппарат «демократического» государства и заменить его *новым*, пролетарским государственным аппаратом. Следовательно, эта задача, поставленная Марксом перед пролетарской революцией, должна отпасть.

Каково же тогда ее содержание? Ее содержанием является отныне *завоевание* этого государства. «Не всякий государственный аппарат достаточно пригоден для того, чтобы пролетариат мог *просто-напросто овладеть им и пустить в ход для собственных целей*. Бюрократический милитаристский аппарат для этого не годится. Единственно пригодна для этого демократическая республика». (Курсив наш. М. М.).

Это понимание задачи пролетарской революции, как мы видели, всегда было присуще Каутскому. Правда, в период германской революции Каутский пробовал еще щегольнуть марксовым пониманием содержания революции. Приведа в одной из своих работ положение Маркса о необходимости разрушения буржуазного государства, Каутский на его основе пытается выяснить задачи в этой области германской революции. Они согласно Каутскому таковы: 1) заменить армию милицией, 2) подчинить бюрократию парламенту и ограничить ее права, 3) передать полицию коммуна и округам.

Совершенно, однако, очевидно, что Каутский здесь пытается только отговориться от марксовой постановки вопроса. Никакого разрушения буржуазного государства у Каутского не получается. Никакого пролетарского государства, которым бы подлинны массы

руководили, он не предлагает строить. *Тот же* аппарат, который осуществлял до сих пор волю Вильгельма, остается строить социализм! ¹ Та же замкнутость государственного аппарата, оторванность от народных масс продолжает и в дальнейшем процветать.

На его вершине только появляются теперь новые десятки полтора лиц, олицетворяющих пролетарскую революцию.

Легко представить себе в этих условиях картину самой революции, которой Каутский собирается осчастливить пролетариат.

Поручит рейхстаг г-ну Шейдеману образовать министерство—вот и будет пролетарская революция. Она происходит, иначе говоря, в четырех стенах парламента. Ее проводят одеты в фракки депутаты, поднимая руку за новый состав министров. Если доходит при этом дело до острых «революционных» боев, то крайним их орудием являются не бомбы и пулеметы, а более безобидные стаканы и графины. Поэтому издержки «революции» крайне ничтожны. Им подводит итог служитель парламента, подбирая остатки разбитой посуды.

Впрочем Каутский уверяет, что и масса участвует в этакое рода «пролетарской революции». Это происходит тогда, когда обыватель одевает свой праздничный костюм, идет на выборный участок и опускает в ящик выборный бюллетень. Легко, просто и общедоступно. Здесь, впрочем, прибавляются новые издержки революции—бумага для бюллетеней.

На улице долго не сказываются следы решающих «революционных схваток». Спокойно гуляют по бульварам буржуа, раз'езжают дамы в шикарных автомобилях, оживленно торгуют магазины, надвывается над станком рабочий,—как-будто в одном из зданий города не совершается величайшее событие, не происходит революция. И вдруг бегут газетчики и разносят по стране ошеломляющую новость: радуйтесь, граждане, вас осчастливили депутаты... Революция совершилась!

Коалиция и хозяйственная демократия—все, цель—ничто

Впрочем и неожиданности здесь не будет для обывателя. Ибо революция ведь уже давно началась. Началась тогда, когда была введен в состав министерства первый социал-демократ. Пролетарская революция началась к общему удовольствию: и буржуазия приложила к ней свою руку, и она участвовала в ней, допуская в министерство одного социал-демократа за другим.

Ничего иного, как такого рода революцию в рассрочку, по существу не означает каутскианская постановка вопроса о коалиции².

¹ В какой мере этот аппарат способен был проводить не то что социалистические мероприятия, а даже те жалкие реформы, которые нашли нужным ввести социал-демократы, показывает «сам» Шейдеман: «Хотя мы имели новые законы, говорит он в одной из своих речей, но мы имели все еще старых крючкотворцев. Хотя мы имели новую конституцию, однако у нас остались старые тайные советники, которые все саботировали». (Курсив наш.—М. М.).

² Единомышленник Каутского Bondin поэтому говорит, что Каутский дал «эволюционное представление о предстоящей социальной революции», что у него

Не даром Каутский называет осуществление коалиции с буржуазией вступительной, т.-е. одной из стадий *пролетарской революции*. «Мы встречаемся,—пишет он,—во *вступительной стадии пролетарской революции* с тем состоянием равновесия классов, которым завершается революция буржуазная. Это состояние наступает в тот именно период, когда пролетариат не в силах еще завоевать для себя политическую власть целиком, но уже достаточно силен, чтобы помешать любой из буржуазных партий удержаться у власти вопреки воле рабочего класса. В этой стадии борьба за чисто классовое правительство совершенно парализовала бы нормальную государственную деятельность и тем самым экономическую жизнь... При таких условиях возможны лишь две формы правительства: или одна из партий образует правительство при молчаливом согласии или при поддержке, по крайней мере, одной из наиболее значительных партий противной стороны, или же социалисты образуют коалиционное правительство с одной или несколькими партиями из буржуазного лагеря»¹.

Иными словами, наступает период, когда власть начинает переливаться через коалицию из рук буржуазии в руки пролетариата. Так постепенно будет разворачиваться мировая революция, робким зигзагом, тише вперед, пока в 3001 году большинство министерских кресел не окажется в руках потомков Каутского и Шейдеманов.

Первый шаг в направлении этой теории Каутским был сделан еще в резолюции, предложенной им Парижскому конгрессу Интернационала, где коалиция признавалась вопросом тактики, а не принципа и допускалась в случаях «Zwangslage». Правда, после этого Каутский было колебнулся, попытавшись в «Пути к власти» занять правильную позицию в этом вопросе. Однако отрицательное отношение к коалиции, изложенное в этой книжке, не укладывалось в общую установку Каутского по вопросу о революции. Оно было чуждым, диким элементом в его теории революции и рано или поздно должно было быть оттуда удалено.

Интересно в этой связи, как сам Каутский отзывается о старых своих взглядах на коалицию. По этому поводу он весьма подробно высказывается в новом предисловии к «Пути к власти», в котором ему пришлось об'яснить развитие на страницах этой книги взгляды.

По мнению Каутского, нет противоречия между его взглядами на коалицию в разное время. «В действительности я уже приблизительно два десятилетия тому назад, в моей Парижской резолюции проложил мост к теперешним своим взглядам. Тогда, в 1900 г., как в 1909 г. в моем «Пути к власти» и теперь в моей статье в венской «Рабочей газете» о «Классовой борьбе и коалиции» (18 июня 1920 г.) я отклонил всякое коалиционное правительство, как нормальный и длительный путь осуществления политической власти пролетариата. Однако уже в 1900 г. я предвидел такие положения, которые сделают необходимой коалицию, как меньшее зло в целях избежания большего»².

«Эволюционная теория революции». («Die Gesellschaft» №, посвященный 70-летию Каутского, В. Bondin. «Теория Революции»).

¹ Каутский.—«Прол. рев. и ее прогр.», стр. 128—9.

² Kautsky.—«Der Weg zur Macht» 1920, Vorrede zur dritten Auflage, S. 15.

Буржуазно-социалистические коалиции теперь, пишет Каутский, ниже, «совсем иного рода чем те, которые я имел перед собой в 1909 г. в «Пути к власти». Тогда коалиционные правительства возникали из критического положения господствующей буржуазной партии, которой угрожали реакционные элементы и которая поэтому нуждалась для своего спасения в пролетарской помощи. Для этой цели вводился социалист в правительство. Министр-президент принадлежит к буржуазной партии. Именно он избирал своих министров. Когда он вводил в министерство одного социалиста, последний не получал никакой власти, оставался без всякого влияния на общую политику правительства. На него перекладывалось вместе с тенью власти ответственность. Он не служил к тому, чтобы держать правительство в зависимости от пролетариата, а, наоборот, к тому, чтобы обеспечить правительству его покорность. Он служил орудием буржуазного правительства в пролетариате, но не орудием пролетариата в составе буржуазного правительства».

Какие великолепные мазки! Слово Каутский рисует картины, которые мы так часто наблюдаем в настоящее время. Однако он продолжает: «Совсем иначе (?) образуются буржуазно-социалистические коалиционные министерства теперь. Они возникают не из потребности господствующей буржуазной партии удержаться у власти, но благодаря полному крушению правящих, таким образом, — из революции, которая приводит к власти пролетариат»¹. «Руководство в коалициях революционного времени принадлежит социалистам. Они представлены в правительстве не единственным членом, который находится на второстепенном посту, а многими членами, которым попадают важнейшие позиции: министр-президент, иностранных дел, внутренних дел, военный»².

Здесь прежде всего верно замечание Каутского, что его Парижская резолюция была мостом к теперешним его взглядам.

Однако, Каутский виляет, как и тогда вилял, когда пытается скрыться за словечком «Zwangslage». Какое уже там «Zwangslage», когда социал-демократы на брюхе ползают, вымаливая себе министерские кресла, когда нет отбоя от предложения коалиции. Можно ли говорить о «Zwangslage», когда социал-демократы готовы в любое время ночи в одном нижнем белье побежать в уютные министерские кабинеты. Только предложите!

Здесь верно также, что социал-демократы оказываются в составе министерства, когда наступает «Zwangslage»... для буржуазии.

Верно при этом, что такое «Zwangslage», или иначе пиковое положение, наступает в период революции, когда напор масс особенно велик, когда для буржуазии нет другого пути подавить ее, спасти свою власть, как укравшись за спинами социал-демократов. Тогда буржуазия говорит социал-демократам: возьмите важнейшие портфели, создайте пролетариату как можно более полную иллюзию, что в его

¹ Kautsky. — «Der Weg zur Macht» 1920, стр. 18.

² Там же, стр. 19.

руках власть, и сделайте свое дело. Каутский, иначе говоря, здесь обосновывает, подводит «теоретический» базис под практику, которую установила сама буржуазия, разумеется, в своих целях. А он еще хвалится: какая, мол, честь — нам поручают такое ответственное дело!

Каутский хочет представить коалицию, как путь к чисто-социалистическому министерству. Однако, Каутский не может назвать ни одного примера, когда коалиция переросла бы во власть пролетариата. Опыт всех коалиций с буржуазией говорит о другом: что коалиция для буржуазии трамплин к устойчивому чисто-буржуазному министерству. Это в свое время великолепно понимал Дитман, изложивший свою точку зрения на коалицию на партийном собрании независимых (январь 1922 г.): «Для капиталистических партий Германии, — сказал он, — коалиция постепенно выполнит свое назначение: передать под шумок государственную власть в Германии снова в руки капиталистов, восстановить снова во всех областях реакцию... Так приближается время, когда право-социалистическая партия услышит: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

Разумеется, и в вопросе о коалиции дело не обходится без попытки уцепиться за фалды Маркса и Энгельса. Последние, мол, были противниками оценки буржуазии, как сплошной реакционной массы¹. «Им никогда и в голову не приходило утверждать, будто наиболее действительный способ защиты своих классовых интересов состоит в полнейшей изоляции своего класса. Как! Неужели, ища себе союзников, чтобы быть сильнее в борьбе, я тем самым отказываюсь от борьбы... Никто энергичнее Маркса не боролся с таким пониманием, которое больше способствует классовой ограниченности, нежели развитию классового сознания»².

Выходит, что буржуазия должна и может быть союзником пролетариата в пролетарской революции (вспомним: коалиция в революционное время!) должна помочь пролетариату победить противника. Что этим противником является буржуазия же, что речь идет о свержении буржуазии, о пролетарской революции против нее, об этом молчит Каутский, как будто это второстепенная деталь. И подобную чушь, в которой отсутствует не только диалектика (этого уже не приходится спрашивать с Каутского), а элементарная логика, преподносит нам патриарх II Интернационала в качестве новейшей мудрости, да еще пытается подделывать под него подписи Маркса и Энгельса.

¹ Каутский, разумеется, напрасно здесь ссылается на Маркса. Ибо Маркс, критикуя положение — по отношению к рабочему классу «все другие классы составляют одну реакционную массу» — требовал различения буржуазии от средних классов: крестьян, ремесленников и т. д., говоря о последних, а не о буржуазии, как о возможных союзниках в пролетарской революции. «Нелепо, писал он причислять их (средние классы — М. М.) вместе с буржуазией, да еще вдобавок и феодалами, к одной реакционной массе, враждебной рабочему классу» (Карл Маркс. «Критика Готской программы», Петр., 1919 г., стр. 21). Это остается верным и сейчас. Мы поэтому и боремся за союз пролетариата и большинства крестьян. А с кем вступают в коалицию социал-демократы?

² Каутский. — «Пролетарская революция и ее программа», стр. 130—1.

На этом, однако, не заканчиваются опыты с Марксом. Дальше следует еще более пикантный номер. Видители, в своей знаменитой статье: «К критике социал-демократической партийной программы» Маркс пишет:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования первого во второе. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого государство является ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата».

Это положение, прибавляет Каутский, в применении его к вопросу о правительстве мы можем на основании опыта последних лет варьировать следующим образом:

«Чисто-буржуазная власть в демократическом государстве отделена от чисто-пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого правительство, как общее правило, имеет форму коалиционного правительства»¹.

Чем не чудотворец Каутский? После этого не остается сомнений, что у Каутского призвание не книги писать, а перерабатывать воду в вино или по крайней мере в цирке шпаги глотать.

Подумайте, читатель! Маркс говорит о переходном периоде, начинающемся *после* пролетарской революции, *после* образования диктатуры пролетариата, говорит о *диктатуре пролетариата*. А Каутский фокусничает: момент! Эп-ля! И переходный период начинается до захвата власти, до пролетарской революции, а вместо диктатуры пролетариата подсовывается коалиция.

И подобными фальшивками надеются кого-либо обмануть?!

Революция, таким образом, расплывается у Каутского по коалиционным закулисным махинациям.

Такова же, примерно, и судьба социализма у Каутского. Он также расплывается по отдельным реформам, начинающимся *при капитализме*.

Под социализмом мы привыкли понимать нечто вполне определенное. Мы говорим в этом случае об уничтожении частной собственности на средства производства, их обобществлении, об отсутствии классов и т. д.

Напрасно искать этой ясности в понимании содержания социализма у Каутского. Наоборот, Каутский пускает в ход ряд приемов, чтобы это понятие как можно более затемнить.

Начинает Каутский с того, что социализм вообще для нас не является целью. Для нас цель—уничтожение всякого гнета. Социализм такое же средство для достижения цели, как и демократия.

Смысл такого рода постановки вопроса вполне понятен. Она приводит, прежде всего, к выводу, что наша конечная цель *уже* начала осуществляться, поскольку достигнута демократия.

¹ Каутский.—«Пролетарская революция и ее программа», стр. 135.

Этим, однако, не ограничиваются «успехи» Каутского в этой области: Мы убедимся, что и другое «средство» к достижению конечной цели начало с его точки зрения осуществляться. Для этого достаточно привести пару определений социализма, которые даются Каутским.

1. Социализм можно популярно выразить в следующих словах: «свобода и хлеб для всех»¹.

Свобода! Но это есть опять пресловутая демократия, которая Каутским *уже* завоевана. Не случайно поэтому Каутский пишет: «с появлением современного капитализма возрождается вновь демократия, но теперь она несет *уже* (!) в себе элементы социализма».

«Хлеб для всех». Ведь если так понимать социализм, тогда каждое мероприятие, способствующее улучшению положения рабочего класса, является кусочком социализма. Тогда прав Бернштейн, утверждающий, что хороший фабричный закон есть частичное осуществление социализма.

2. «Социализм означает демократическую организацию экономической жизни»² (или, как Каутский выражается в другом месте: «перенести демократию из политики в экономику»³).

Вы узнаете, чем запахло здесь, читатель? Здесь запахло последним словом техники надувательства рабочего класса, запахло хозяйственной демократией. Эта хитрая механика, которую начали осуществлять, с разрешения господ капиталистов, американские, а вслед за ними социал-демократические прожулики, оказывается, видите ли, строительством социализма.

Не в бровь, а в глаз всем этим новейшим мудрствованиям Каутского по поводу социализма бьют замечания, сделанные *им же* в период борьбы с Бернштейном, когда он в этом вопросе еще занимал правильную позицию. «Социалистическая борьба,—писал тогда Каутский,—означает... борьбу *не только* за «демократию в производстве», но за обобществление производства»⁴. Если социализм, как говорит Бернштейн, «движение к товарищескому общественному порядку, или такого рода состояние, тогда можно каждое «социальное продвижение называть социализмом. Но разве Шульце-Делич и Евгений Рихтер не предлагали такого же рода социализм?»⁵. «Определение Бернштейна... открывает дверь и ворота всем сортам «социализма», также упомянутому буржуазному социализму. Бернштейновский социализм *ночь*, в которой красное и синее становятся одного цвета»⁶. Как видим, хорошо пташечка пела, а где села?

¹ К. Kautsky.—«Die Diktatur des Proletariats» S. 39.

² Kautsky.—«Richtlinien für ein socialistisches aktions-programm, 1919. S. 10.

³ «Die Dikt. d. Prolet.», S. 12.

⁴ Vorwärts, от 11 апреля 1899 г., ст. Каутского «Еще раз о полемической работе Бернштейна».

⁵ Vorwärts, от 11 апр. 1899 г., цит. ст.

⁶ Vorwärts, от 17 марта 1899 г., ст. К. «Полемическая работа Бернштейна».

Красный террор

Положение Каутского о том, что можно и нужно обойтись без гражданской войны на всех ступенях пролетарской революции, целиком определяет отношение его к красному террору. В самом деле. Коль скоро можно обойтись без гражданской войны, коль скоро буржуазия добровольно подчинится новому режиму, для чего же красный террор вводить? От него, разумеется, нужно отказаться.

Однако, не только эти причины побуждают Каутского восставать против красного террора. Каутский вообще против террора, в каких бы условиях, по отношению к какому бы классу он ни проводился. Это не «гуманно», это бесчеловечно. А трусливый мелкий буржуа, как чорт ладана, боится крови, даже крови курицы.

С великой мудростью доказывает он в обоснование своей позиции, что человек по природе своей гуманен, не жесток. Сию прекрасную черту он заимствовал у своего предка, обезьяны, которая, как известно, ведет почти вегетарианский образ жизни. Вот с этого-то высокоэтического существа должен пролетариат и в дальнейшем брать пример, разрешая под этим углом зрения также вопрос о терроре.

А буржуазия? Каутский склонен молчать о ней. Мельком, стыдливо касается он одного-двух случаев беспощадного подавления буржуазией революционного движения. Но зато обильно смакует он всякий террористический акт народных масс, отзываясь о нем в подлинно черносотенных выражениях (вроде «мерзостей великой революции»). Он подхватывает всякую буржуазную сплетню о жестокости «черни», говорит о двух генералах, убитых борцами Парижской Коммуны, о терроре большевиков, но молчит о терроре буржуазии в метрополиях и колониях, о Колчаке, Деникине и иже с ними. Когда Каутский обращается к пролетариату, он сбивается почти на библейский тон. Он зовет к всепрощению. Подставь, мол, другую щеку, коль буржуазия тебя ударила по одной.

Что Каутскому до того, что Маркс неоднократно прямо приветствовал красный террор по отношению к угнетателям. Каутский апеллирует против Маркса к... Берне, идя в этом отношении по следам Мартова, апеллировавшего в этом случае к... Толстому¹.

При этой установке Каутский, естественно, объясняет вступление на путь террора либо отчаянием народных масс, либо кознями большевиков.

1. Террор возникает тогда, когда делаются попытки провести те или иные мероприятия при отсутствии для них почвы в экономике. Террор, разумеется, не помогает ни в какой мере, но это последнее средство отчаявшихся безумцев.

¹ Мартов писал: «Не могу молчать! Воскликнул великий старец Лев Толстой при вестях об ежедневных казнях по приговорам Столыпинских судов.

Рабочие России! и вам не велел молчать Лев Николаевич в эту минуту, когда палач стал центральной фигурой русской жизни» (Мартов. «Долой смертную казнь», стр. 11).

2. Террор вводится, «чтобы воспламенить массы..., увлекать, опьянять массы, чтобы скрыть от них отсутствие социальных и экономических побед»¹.

3. Террор есть результат невежества, ибо сможет ли культурный пролетариат позволить увлечь себя на подобный путь?

4. «Главную причину превращения развития человечества в развитие зверства надо искать в мировой войне»². Как будто до того буржуазия обходилась без террора.

Для объяснения красного террора Каутский выкапывает разные благоглупости, забывая об одном: что *имеет место сопротивление эксплуататоров*, что для преодоления этого сопротивления и укрепления завоеваний революции необходим путь террора.

Но подавление сопротивления противника, террор—привилегия, которую Каутский оставляет буржуазии. Это ее исключительное право! Иначе говоря, ставший у власти пролетариат должен разоружиться до подавления противника. То, что никогда не сделает буржуазия, должен сделать пролетариат. Ибо ни один волос не должен пасть с головы буржуазии без ее собственного согласия. Воля буржуазии превыше всего,—и на эту волю должен всецело полагаться пролетариат при укреплении своих завоеваний. Не подавление буржуазии, а ее воля—должна гарантировать эти завоевания от попыток их ликвидировать.

Социализация промышленности

Покончив так блестяще с политической революцией, Каутский переходит к проблемам революции в области экономики, прежде всего к вопросу о национализации промышленности.

Основная установка Каутского в этом вопросе нам уже известна. Нужно так произвести национализацию, чтобы 1) не нарушился нормальный ход производства, 2) не возникло в результате ее гражданской войны.

Как это возможно?

Это возможно при одном условии: если буржуазия не будет выступать против национализации, если национализация будет проведена в мире с ней. Желая, однако, в мире с буржуазией провести национализацию, Каутский неизбежно оказывается перед вопросом: как с точки зрения капитализма правильно ее провести, что ему будет выгодно, что его будет соблазнять.

Это тот вопрос, над которым бились в свое время социалисты-утописты³. Это—постановка вопроса, разбитая много лет тому назад

¹ Каутский.—«Террор и Коммунизм», стр. 43.

² Каутский.—«Террор и Коммунизм», стр. 149.

³ Справедливости ради нужно все же отметить, что утопическая постановка вопроса не была столь вредна, как развиваемая выше точка зрения. Утописты развивали свои теории в эпоху, когда пролетариат еще был слаб, когда еще не было теории Маркса, когда еще не видно было другого пути к осуществлению социализма. Каутский выступает в эпоху, когда все это существует. Утописты поэтому своими теориями не связывали силы пролетариата, поскольку их еще

творцами научного социализма—Марксом и Энгельсом. Теперь Каутский считает необходимым к ней вернуться, демонстрируя, таким образом, еще раз свое отношение к марксизму.

Прежде чем обратиться к ответу, который Каутский дает на этот вопрос, рассмотрим, однако, *что* он предлагает социализировать.

Каутский, конечно, сторонник постепенности в области социализации. Ибо «не все отрасли производства являются в одинаковой мере зрелыми для немедленной социализации. Придется начать социализацию с тех отраслей, в которых условия наиболее благоприятны. Затем, опираясь на уже приобретенный опыт, можно будет перейти постепенно к отраслям более сложным и трудным»¹.

С каких же отраслей начать? Это выясняется из дальнейшего анализа Каутского: «Есть отрасли производства,—пишет он,—для которых колебания рынка имеют мало значения. Это—отрасли, продукты или услуги, которые столь же мало разнообразны, как и виды потребления этих продуктов или услуг; хозяйственные отрасли, которые всегда обеспечены сбытом, так как служат удовлетворению жизненно-необходимых потребностей; отрасли, в которых число предприятий незначительно, легко поддаются учету и единству руководства, частью потому, что стали искусственными монополиями, вследствие ли высокой концентрации капитала или вследствие законодательного принуждения»². «Следовательно, социализация должна будет начаться именно с этих отраслей. Их социализация не только наиболее возможна, но и наиболее необходима. Наоборот, социализация тем затруднительнее, чем в большей мере данная отрасль служит удовлетворению роскоши, а не всеобщей, настоящей, жизненной потребности; чем многочисленнее и разнообразнее ее предприятия, чем многочисленнее ее потребители, чем индивидуальнее и изменчивее их требования. Многие из этих отраслей производства должны будут основательно изменить свой характер, прежде чем можно будет вообще говорить об их социализации». Следовательно, «социализация должна начаться с тех отраслей, которые в такой мере превратились в частную монополию, что стали полными хозяевами рынка». Такими отраслями, по мнению Каутского, являются уголь, железо, железные рудники. В другом месте к отраслям, созревшим для социализации, Каутский относит даже только рудники.

Здесь любопытны особенно признаки, по которым Каутский судит о зрелости того или иного предприятия к социализации. Они совпадают, примерно, с признаками, на которые указывали после войны Бернштейн и Далин, и сводятся к следующему:

1. Можно социализировать отрасли, которые *всегда* обеспечены сбытом. Имеются ли такие отрасли? По мнению Каутского, повидимому, имеются. Однако, совершенно очевидно, что Каутский здесь

не было. Каутский же их связывает, удлиняя, т. о., годы страданий миллионов трудящихся.

¹ К.—«Пролетарская революция и ее программа», стр. 251.

² К.—«Пролетарская революция и ее программа», стр. 277.

приукрашивает действительное положение вещей. Таких отраслей *нет* в условиях капиталистического хозяйства. Даже те отрасли производства, которые называл сам Каутский, не обеспечены постоянно сбытом. Об этом красноречиво говорит угольный кризис в Англии. Следовательно, при сохранении этого условия, придется совершенно отказаться от перспективы социализации.

2. Можно социализировать отрасли промышленности, в которых число предприятий незначительно. Иными словами, отрасли, в которых производство в достаточной мере концентрировано.

Но тогда почему же Каутский говорит только об угле и железе? Разве сильная концентрация не наблюдается в ряде других отраслей? С другой стороны, разве всюду уголь и железо концентрированы в выдающейся мере? Ясно, что у Каутского здесь получается полнейшая путаница, отнюдь не помогающая выяснить, что можно и чего нельзя социализировать.

3. Можно социализировать отрасли, служащие всеобщей, настоящей жизненной потребности.

4. Отрасли, продукты которых однородны и не обслуживают личные вкусы¹.

Но какая отрасль хозяйства в большей мере соответствует последним двум требованиям, нежели земледелие? Ведь, продукты последнего: пшеница, рожь и т. д., служат настоящей жизненной потребности. Они к тому же не приспособляются к личному вкусу—здесь царствует шаблон, производство в миллионах пудов. И если бы по этим признакам можно было бы социализировать, тогда мировая история должна была бы иначе развиваться, социализм должен был уже установиться, объективная возможность социализации должна бы с развитием промышленности *уменьшаться*, больше всего она имела бы место в первобытных странах и т. д.

В области же промышленности *в одинаковом положении* были бы все страны, в которых имеется уголь, железо, железные дороги и т. п.: все соответственные предприятия можно было бы социализировать.

А некоторые отрасли производства *никогда* не созрели бы для социализации. Ибо *никогда* шаблоны не утвердятся во всех отраслях промышленности, *никогда* последняя не перестанет обслуживать личные вкусы. Так клевещут *буржуазные ученые*, когда говорят о социализме, представляя его казармой, могилой личных вкусов. Но никогда мы не представляли себе так социализм.

¹ Такого же рода условие ставят для социализации Далин (в кн. «После войн и революции») и Бернштейн. Бернштейн по этому поводу пишет: «Решающее значение имеет вопрос, вступила ли или нет подлежащая отрасль производства в ту стадию, когда руководство предприятием оказывается в сущности уж только делом рутинны и коренные нововведения представляются неправдоподобными. Другим признаком может служить... свойство изготовляемого продукта—предназначается ли продукт для удовлетворения широко распространенной потребности, в равной мере присущей обширным кругам населения, имеет ли он независимый от вкуса и моды сбыт или нет». (Эд. Бернштейн. «Спорные вопросы социализма», изд. С. Эфрон, Берлин.).

Совершенно очевидно, что условия, выдвигаемые Каутским для социализации промышленности, не определяют правильно предприятия, которые можно социализировать; некоторые из этих условий к тому же неосуществимы и делают неосуществимой при их принятии самую социализацию.

В целом эти условия служат одной цели: они являются целью *ответом* от социализации, должны оправдать отказ от нее. Если при этом не подойдет одно условие, подойдет непременно другое. Никогда не будет такой отрасли промышленности, социализацию которой согласно одному из выставленных условий нельзя было бы не отвергнуть.

По замыслу оппортунистов, такая программа социализации должна всех удовлетворить: рабочего должны успокоить *разговоры* о социализации, буржуазию—отказ от нее *на деле*. Программа, достойная социал-буржуазной партии.

Выкуп

Постепенность социализации, которая намечается Каутским, определяет, по его мнению, и формы ее проведения.

Ведь большая часть производства еще останется длительное время в руках капиталистов. От них, следовательно, будет в значительной степени зависеть нормальный ход производства. А капиталисты не станут спокойно работать, если над их шеей будет висеть, как Дамоклов меч, угроза конфискации. «Они полностью используют все формы противодействия, применимые в обстановке демократии и щедро применяемые ими и в настоящее время—подкуп, введение в заблуждение рабочих масс, внесение раскола в ряды пролетариата. От степени зрелости последнего будет зависеть, насколько бессильными окажутся эти методы противодействия капиталистов пролетарской власти.

Но в распоряжении капитала имеется еще другое могучее средство, соответствующее такому же средству пролетариата: стачка. Подобно рабочему, и капиталист также может прекратить производство, оказывая, таким образом, давление на общество. Этим он, правда, как и рабочий, наносит экономический вред самому себе, при чем продолжительная остановка предприятия означает для него даже полное разорение. Не исключена, однако, возможность, что капиталисты прибегнут к этому последнему средству отчаяния (бедные капиталисты!—М. М.), к стачке, если рабочее правительство постановит все те предприятия, которые оно намерено социализировать, конфисковать, не уплачивая их владельцам никакого вознаграждения¹.

Освободиться от этой угрозы можно только одним путем: путем выкупа. Допущение выкупа успокоит капиталиста, побудит его уверенно дальше работать и т. д. А потому: да здравствует выкуп!

В пользу этого лозунга говорят соображения не только экономического характера, но и «соображения справедливости(!), ибо конфи-

¹ Каутский.—«Пролетарская революция», стр. 227.

скация ударяет по отдельным капиталистам, а не по целому классу, и не только по капиталистам, но и по мелким собственникам».

Оставим в стороне заботу о справедливости по отношению к *буржуазии*, которой охвачен Каутский, справедливости, гласящей: оставьте кесарю кесарево, буржуазии—фабрики и заводы, а рабочим—надежду на царство небесное. Глубина этого «марксистского» анализа не требует особых комментариев.

Имеет смысл остановиться на соображениях экономического характера: угрозе, перед которой Каутский считает необходимым пасовать. Такого рода угрозой для Каутского является, как мы видели, угроза «стачки», отказа капиталистов от управления предприятиями.

Прежде всего здесь весьма сомнительно, является ли «стачка» *крайним* средством, к которому прибегнет буржуазия на другой день после пролетарской революции. Ибо буржуазия не столь наивна, чтобы вегетарианскими методами борьбы ограничиться, хотя она и от них не откажется. Она пойдет тем же путем, каким пошла и в России: путем гражданской войны, организации фронтов против власти пролетариата и т. д.

Откажется от этого пути буржуазия после об'явления выкупа? Смешно это думать! Ведь сам Каутский говорит: «Утрата власти будет и для капиталистов главной (!) причиной их вражды к социализации, вражды, неустрашимой (!) даже посредством хорошего выкупа. Было бы ошибочно ожидать, что таким выкупом можно приобрести и добрую волю капиталистов. Их злая воля останется, и нам придется от нее защищаться. Но она не будет(?) проявляться в столь опустошительной для хозяйства форме, как саботирование производства. Экономическая заинтересованность капиталистов не допустит этого»¹.

А вот последнее уж непонятно. Почему буржуазия откажется от саботажа и даже от гражданской войны? Разве благодаря этому бороться теми методами, которые дают ей шансы на возврат к политической власти, т.-е. *всеми* методами, включая и саботаж и организацию фронтов. Это неизбежно, будет ли об'явлен выкуп социализируемых предприятий или нет.

Впрочем, буржуазию будет стимулировать к борьбе не только стремление обратно к власти. Буржуазия и не столь наивна, чтобы предполагать, что победоносный пролетариат действительно проведет выкуп. Это может обещать Каутский, но он может обещать ей и вечное блаженство. Буржуазия же имеет дело с пролетариатом, и она великоленно знает, чего от него можно ожидать.

Гражданской войны, таким образом, не избежать. А после драки кто же преподносит разбитому противнику такие щедрые подарки, как выкуп? После драки буржуазия и без него обойдется, и от аренды предприятий не откажется, а тем более от ведения предприятий, которые пролетариат не признает необходимым национализировать.

¹ Каутский.—«Пролетарская революция», стр. 233.

Найти капиталистов, готовых на такие «жертвы», будет легче, нежели полагает Каутский.

Разумеется, очень скверно, что в результате гражданской войны понижается уровень развития производительных сил. Разумеется, лучше было бы обойтись без этих тяжелых ее последствий. Пока, однако, секрет таких безобидных гражданских войн не найден, ничего против этого не поделаешь.

К этому следует добавить, что заботы Каутского о развитии производительных сил в достаточной степени лицемерны. Именно те мероприятия, которые проектирует сам Каутский, в гораздо большей степени способствуют задержке в развитии производительных сил, нежели гражданская война. Мы имеем в виду:

1. Сохранение большей части промышленности в руках у буржуазии. Оно лишает социализированные предприятия возможности вести самостоятельную политику. О господствующей их роли в этих условиях, разумеется, не может быть и речи. Тем менее приходится о ней говорить, что банки, как увидим ниже, остаются в руках буржуазии. Социализированная промышленность оказывается, таким образом, только звеном капиталистического хозяйства и подпадает под законы его развития. Следовательно, все отрицательные последствия существования капиталистических производственных отношений продолжают иметь место.

2. Выкуп социализируемых предприятий. В связи с ним появляется «рента» в области промышленности; огромные капиталы уходят от государственных предприятий, и в их распоряжении не оказывается средств для дальнейшего роста.

Зато довольным всеми этими операциями остается капиталист. Даже при социализации предприятия: 1) его капитал застраховывается, и ему обеспечивается прибыль, 2) государство берет на себя труд по выкачиванию прибавочного продукта, по эксплуатации рабочих, 3) он сохраняет в своих руках экономическую мощь и связанную с ней возможность подкупа, обмана и т. д. трудящихся.

Правда, Каутский пытается ограничить свое положение о выкупе обещанием облагать капиталиста высокими налогами. Однако очевидно, что налоги не достигнут такого размера, чтобы совершенно ликвидировать ренту капиталиста. Тогда приходилось бы говорить об особой форме конфискации. Инаивно думать, что эта форма конфискации была бы более приятна капиталисту, его успокоила и т. д. Сам Каутский это великолепно понимает. Следовательно, налоги могут быть довольно ограниченные. Тем самым сохранится то положение вещей, о котором мы говорили выше: выкупом может быть доволен только капиталист. Разговоры же о налогах имеют целью замазать, прикрыть эти действительные результаты выкупа.

Для того, чтобы социализированная промышленность могла играть господствующую роль в народном хозяйстве, а не тянуться в хвосте капиталистической стихии, необходима, как мы уже отмечали, национализация банков.

Накануне Октября Ленин писал: «Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. Говорить о «регулировании экономической жизни» и обходить вопрос о национализации банков значит либо обнаруживать самое круглое невежество, либо обманывать «простонародье» пышными словами и велеречивыми обещаниями, при заранее обдуманном решении не исполнять этих обещаний»¹.

Как же решает вопрос о банках Каутский?

Он и этот вопрос ставит в зависимость от доброго желания капиталистов. Ибо мощь, мол, банков зависит от доверия вкладчиков. Если этого доверия не будет, тогда национализация банков ничего не даст, кроме помещений. А вкладчиками являются капиталисты. Не пожелают капиталисты социализации, тогда «виды проекта на успех слабы. Наоборот, его осуществление легко возможно, если значительная часть производительного капитала враждебно противостоит финансовым магнатам, тяжко ошущая их господство»².

Пока капиталисты не станут в значительной массе последователями Маркса, нужно, следовательно, ждать, оставляя в руках у буржуазии не только промышленность, но и генеральный штаб капиталистического строя—банковую систему.

Не попадет ли в связи с этим социалистическая промышленность в зависимость и с этой стороны от капиталистов? Не будет ли она взорвана кредитной блокадой капиталистических банков?

Каутский нас успокаивает на этот счет. В крайнем, мол, случае можно создать свои банки. Иными словами, все, что принадлежит буржуазии, извольте ей оставить. А социализм стройте в пустом пространстве.

Так выглядит то, что у Каутского называется прочным строительством социализма, отказом от утопий и авантюры.

Назад к Бернштейну

В статье, посвященной семидесятилетию Бернштейна, Каутский сделал торжественное заявление такого рода: «Со всем тем, что Бернштейн в последнее десятилетие написал, я согласен без исключений»³.

Итак, нет больше и тени разногласий между ним и Бернштейном: достигнута прочная и полная солидарность взглядов.

Как же это случилось?

Означает ли это, что Бернштейн сдал свои старые позиции, от них отказался, капитулировал перед Каутским? Нет, этого нельзя сказать. Бернштейн остался Бернштейном. От его «Проблемы социализма»

¹ Ленин, т. XIV, 2, стр. 182—3.

² К. К.—«Пролетарская революция», стр. 405.

³ «Die Gesellschaft» № 1, январь 1925 г., ст. Каутского «75 лет Эдуарда Бернштейна».

к его последним работам тянется поэтому стройная нить, между ними нет никаких противоречий. Не пустое бахвальство поэтому то, что пишет Бернштейн в новом предисловии к своей знаменитой книге; Бернштейн говорит только то, что думает, когда он заявляет: «Опыт 21 года *только укрепил* меня в развитых в данной книге взглядах»¹.

Капитулировать пришлось не Бернштейну. Капитулировал Каутский. Именно ему, а не Бернштейну, пришлось кое в чем, хотя и не во многом, отступить, прежде чем солидарность между ними была достигнута. И встретились они не на нейтральной почве, а на почве бернштейнианства.

В связи с этим интересно вспомнить следующие слова Каутского, относящиеся к 1899 г. Если следовать Бернштейну, писал он в *Vorwärts*'e, «тогда нужно выбросить за борт не только нашу теорию, но и нашу практику, нашу программу и нашу тактику, нашу конечную цель и наше движение, чтобы вместо этого получить социализм без обоснования и без определенного отграничения от либерализма и надежду на добрую волю радикальной немецкой буржуазии»².

Этим Каутский предвосхитил то, что случилось с ним самим в результате капитуляции перед Бернштейном: он выбросил за борт все, что носит названием марксизма.

Почему же у Каутского нехватает мужества об'явить себя тем, что он есть, вслед за Бернштейном открыто признать: «я ревизионист».

М. Мионов

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ 60-х ГОДОВ¹

1. Знакомства и влияние

Чернышевский пользовался в начале 60-х годов громадным влиянием. Это признают все современники. И влияние это распространялось не только на молодежь и на сознательно революционные элементы, но и на довольно широкие общественные круги, недовольные политическим режимом и инстинктивно тянувшиеся к чему-то другому, новому. Студенты, семинаристы, учителя, литераторы, даже офицеры и чиновники—вся эта разночинная публика находилась тогда под тем или иным глубоким или поверхностным влиянием великого писателя. Создавалась даже некоторая мода—подражание Чернышевскому в его ухватках, стиле и пр.

Благодаря своему литературному таланту, глубоким и разносторонним знаниям, а главное—революционному направлению, отражавшему стремления новой социальной группы, в которой воплощалось будущее страны, Чернышевский стал именно тем, что выражается словами «властитель дум» своего поколения. Отчасти эту славу делил с ним его юный последователь, рано умерший Добролюбов.

Влияние это доходило до самых глухих уголков страны, всюду пробуждая волю к знанию и борьбе. Вятские семинаристы, харьковские студенты, вологодские обитатели—все испытывали на себе это благотворное влияние, воскресая к новой жизни, проникаясь глубокой любовью к трудящимся и готовностью к самым героическим действиям во имя народного освобождения. Влияние Чернышевского, не прекратившееся и с его арестом, сказывалось и на Украине, и на Кавказе, позже даже в Польше и на Балканах, словом, всюду, где понимался русский язык.

В частности, под влиянием Чернышевского находился кружок кавказцев, состоявший из студентов тогдашнего петербургского университета (Я. Исарлов, Н. Николадзе, Г. Е. Церетели, Н. В. и Д. В. Гогоберидзе, К. Б. Лордкипанидзе, Еджубов и пр.). Впоследствии многие из них, сделавшись журналистами и общественными деятелями,

¹ Извлечено из 2-го тома находящегося в печати 2-го издания моей книги «Н. Г. Чернышевский».—*Автор*.

¹ Eduard Bernstein.—«Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie», Stuttgart, 1920, S. 5.

² Vorwärts от 17 марта 1899 г., ст. Каутского «Пolemическая работа Бернштейна».

популяризовали среди своих соотечественников идеи русского радикализма. Под сильным влиянием «Современника» и Чернышевского находилась также армянская журналистика 60-х годов (Ст. Назарян, М. Налбандян и пр.). И если Кавказ в последующие годы занимал такое почетное место в рядах революции, то в первую голову это следует признать заслугой Чернышевского, впервые посеявшего там семена социализма.

Даже в Польше, с тех пор, как в этой стране развитие капитализма породило новые социальные стремления, начало сказываться влияние русской радикальной литературы 60-х годов и ее преемников. Многие «пролетариатцы» выработали свои социалистические воззрения на основании ознакомления с сочинениями Белинского, Добролюбова, Писарева, Герцена, Чернышевского и пр., не говоря о нелегальной литературе. И здесь через посредство русской молодежи, воспитывавшейся, главным образом, на Чернышевском, первые семена революционного социализма были брошены автором «Что делать?» и «Примечаний к Миллю», а уж затем пришло влияние Маркса, упавшее на подготовленную почву.

Влияние Чернышевского вышло за пределы Российской Империи. На Балканах первые социалисты развивались под воздействием его писаний (Христо Ботев и др.). В виде курьеза можно еще указать, что основатель французского коммунизма Жюль Гэд, бывший до середины 70-х годов анархистом, впоследствии уверял, что к марксизму он пришел через Чернышевского и в частности через его примечания к Миллю...

Неудивительно, что в своем непосредственном окружении этот крупнейший идеолог 60-х годов пользовался авторитетом неотразимым. Среди шестидесятников этот авторитет был исключительным, но и в 70-е годы, когда на сцену появились новые формулировки революционных задач, Чернышевский продолжал оставаться учителем жизни. Под идейным его влиянием находились и первая «Земля и Воля», и «Молодая Россия», и отдельные пропагандисты и агитаторы того времени, и первая крупная революционная организация середины 60-х годов, связанная с именами Ишутина, Худякова и Каракозова («каракозовцы» даже готовили освобождение Чернышевского из каторжной тюрьмы, чтобы поставить его во главе революционной пропаганды). Но и нечаевцы, и деятели 70-х годов развивались под влиянием Чернышевского (а также, само собою разумеется, Добролюбова, Некрасова и т. п.). Об этом свидетельствуют воспоминания современников, как Чарушин, Аптекман, В. Фигнер и т. д.

Замечательно, что еще во второй половине 80-х годов, когда в Россию начинало уже вторгаться влияние Маркса, когда появились уже первые произведения Плеханова, — сочинения Чернышевского продолжали оказывать революционизирующее влияние на молодежь. Об этом свидетельствует, напр., тот факт, что участники покушения на Александра III в марте 1887 года также развивались под влиянием Чернышевского. Кружок С. А. Никонова, в котором участвовали А. И. Ульянов, М. Т. Елизаров и другие, начал свои занятия по поли-

тической экономии с изучения Милля с примечаниями Чернышевского, а металлищик Осипанов еще в гимназии увлекался романом «Что делать?» и, закаляя себя для будущей борьбы, спал на досках, подбитых гвоздями («А. И. Ульянов и Дело 1 марта 1887 г.», 1927, стр. 137, 186, 243).

В частности сильно было влияние Чернышевского на некоторые круги молодого офицерства, настроенного в то время оппозиционно в результате неудач Крымской войны. И если офицерская молодежь принимала тогда активное участие в революционном движении, если часть ее приняла сторону восставшей Польши и кровью засвидетельствовала свою вражду к царизму, то наряду с влиянием «Колокола» еще большую роль играло в этом поведении части офицерства влияние русского радикализма и в первую голову его признанного вождя, Н. Г. Чернышевского.

Знакомства Чернышевского были, естественно, весьма обширны как в литературном, так и в политическом мире. Но близких к нему людей было довольно мало. Посещавшая его журфикисы в большом числе штатская и военная молодежь приходила скорее к его жене, чем к нему. Но имелась группа людей, теснее с ним связанных, близких ему по революционному настроению и пользовавшихся доверием этого скрытного и сдержанного человека.

К ним (не считая, разумеется, Добролюбова) нужно отнести: поэта М. И. Михайлова, старого знакомого Чернышевского еще по университету; братьев Николая и Александра Серно-Соловьевичей, из которых первый недавно еще находился в стадии либеральных иллюзий, надеялся на «благородство» Александра II, подавая ему записки, и только после неудачи крестьянской реформы стал более или менее определенно на революционный путь (младший был настроен более революционно и впоследствии в эмиграции играл активную роль в швейцарском Интернационале); Н. В. Шелгунова; Н. Н. Обручева, блестящего офицера генерального штаба, а также его молодого племянника — В. А. Обручева, вышедшего в отставку, чтобы заняться литературной деятельностью; А. Слепцова и П. И. Бокова; С. Сериковского; М. Антоновича; среди молодежи Н. Утина и А. Студенского. Революционные конспирации Чернышевский вел преимущественно с этими людьми (к П. Лаврову он с начала 60-х годов относился хорошо, но не считал его революционером).

Что тогдашние радикалы в предвидении крестьянского восстания старались сблизиться с прогрессивно настроенными офицерами, это было более чем понятно. Сближение это подсказывалось тем брожением и всеобщим недовольством, которые порождены были крымским разгромом и обнаружившимся при этом банкротством николаевской политики. Естественно, что и кружок Чернышевского стремился к тому же, что облегчалось для него теми связями, которые Чернышевский успел завязать в военной среде во время редактирования им «Военного сборника». Н. Николадзе в своих воспоминаниях рассказывает, что в доме Чернышевского его «особенное внимание обращали военные, офицеры генерального штаба, между которыми было много

полковников, но бывали и генералы». Из них сильнейшее впечатление произвел на него Сераковский, который, несомненно, был самым выдающимся из этих офицеров.

Сам Чернышевский относился к нему с величайшим уважением и даже вывел его в романе «Пролог» под именем Соколовского (отчасти и в романе «Что делать?», где он наделил чертами Сераковского главного героя, Рахметова). Сераковский был одним из немногих людей, имевших свободный доступ в кабинет Чернышевского. Судя по рассказу В. Шаганова (со слов самого Н. Г.), Чернышевский и Сераковский были солидарны не только по вопросу о польской революции, но и по всем основным вопросам русской и международной жизни. Сераковский не был исключительным националистом: напротив, судя по тому, что мы о нем знаем, он был, подобно Чернышевскому, интернационалистом. Большую часть своих сил он отдал на борьбу за отмену телесных наказаний в русской армии. Разумеется, когда долг чести позвал его, он пошел под знамена польского восстания и там скоро обрел мученическую смерть. Но подобно другим лево-настроенным полякам ему одинаково близки были интересы всех угнетенных и эксплуатируемых, что естественно делало его своим человеком в кружке Чернышевского.

Сераковский был не единственным из польских революционеров, с которыми связан был Чернышевский. Польский историк Болеслав Лимановский указывает, что из окружения Чернышевского вышли: Яр. Домбровский, С. Сераковский, Гейденрейх (Крук), Зверздовский (Топор), впоследствии бывшие начальники повстанческих польских отрядов¹. Здесь не назван Падлевский, тоже бывший офицером в Петербурге и затем игравший видную роль в восстаниях, но мы уверены, что и он не мог не быть знакомым с Чернышевским, хотя бы через того же Сераковского. Эта группа польских офицеров способствовала созданию русской военной организации в Царстве Польском, прикнувшей позже к «Земле и Воле». Таким образом на образование русского военного комитета в Польше Чернышевский влиял двояко: непосредственно своими писаниями и посредством через близких к нему польских революционеров, взявших на себя инициативу этой организации (известную роль играл здесь и «Колокол» Герцена).

Кроме того, Чернышевский был знаком и с Иосафатом Огрызко, который был в то время центральным руководителем польской организации в Петербурге. Внешне эта связь установлена агентурными наблюдениями, но внутренняя сторона ее осталась неизвестной, благодаря необычайной конспиративности Чернышевского. Каприз истории захотел связать Чернышевского с Огрызко еще иначе: по окончании каторги Чернышевский был заключен в Вилуйске в тот самый острог, в котором до того томился И. Огрызко, бывший таким же предметом ненависти для царского правительства.

¹ Limanovsky.—Historia powstania Narodu Polskiego, Lwow, 1909, стр. 109.— По словам Зыкова («Наброски из моей жизни». Русская Старина, 1910, апрель, стр. 146), Зверздовский никогда не бывал у Чернышевского, а Сераковский бывал почти ежедневно.

Но о чем говорил Чернышевский с этими (и другими, вероятно) людьми, какие планы они строили, что делали,—об этом мы можем только догадываться. За исключением приводимых ниже сообщений Н. Шелгунова и А. Слепцова, мы в литературе, равно как и в документах процесса Чернышевского, не находим определенных указаний на эту сторону дела. Правительство считало его центром всех революционных замыслов и предприятий; так же смотрело на него испуганное воображение обывателей. Но это ровно ничего не доказывает. В чем именно выразилась революционная деятельность Чернышевского, до сих пор полностью не установлено. А в его время и даже вплоть до опубликования в 1918 году неизданной части воспоминаний Н. Шелгунова, а затем записей А. Слепцова, самый факт личного участия Чернышевского в революционных предприятиях оставался спорным. Чернышевский был великим конспиратором и тайну своих действий унес в могилу. Только через 20 лет после его смерти в записках Шелгунова определенно было указано на принадлежность ему воззвания «К барским крестьянам».

Но и до того ясно было одно: если Чернышевский лично и не принимал активного участия в различных проявлениях начинавшегося тогда революционного движения, то он всеми ими живо интересовался, о многих знал, а некоторыми даже идейно руководил. Можно сказать, что Чернышевский был идейным вождем и вдохновителем тогдашнего революционного движения. Так на него и смотрело правительство и общественное мнение. Но определенных фактов относительно его участия в революционных предприятиях почти не имеется. В этой области остается еще слишком много места для догадок и, к сожалению, также для произвольных построений, в том числе и таких, которые противоречат всему тому, что нам о нем известно, и способны исказить действительную политическую физиономию великого коммуниста.

«Великорусс»

Утверждение, что Чернышевский был прикосновенен к «Великоруссу» или даже является его автором, грозит превратиться в общественный предрассудок. Между тем оно основывается на догадках, игнорирует общеизвестные факты и решительно противоречит психологической правдоподобности.

«Великорусс»—это листок тайного общества того же названия. Вышло его три номера: в июне, августе и октябре 1861 года (четвертый номер был подделкой). Состав общества «Великорусс» до сих пор не установлен.

По сообщению А. Слепцова, опубликованному М. Лемке в комментариях к тому XVI сочинений Герцена (стр. 72), членами общества «Великорусс» были: Н. Н. Обручев, его племянник В. А. Обручев, В. Ф. Лугинин, а также адъютант герцога Мекленбургского, затем эмигрант кн. Н. П. Трубецкой. Что касается В. Обручева, взявшегося распространять «Великорусс» только со 2-го номера и сразу на этом провалившегося, то сообщение Слепцова весьма сомнительно.

Какое-то отношение к «Великоруссу» имели еще А. В. Захарьин и П. И. Боков—оба хорошие знакомые Чернышевского. К такому же следует отнести обоих Обручевых и Лугинина (был ли знаком с Чернышевским кн. Трубецкой, мы не знаем). Между прочим на основании этих знакомств строились догадки о прикосновенности Н. Г. к «Великоруссу».

Первый листок «Великорусса», отмечая неудачу крестьянской реформы и указывая, что стране грозят жестокие смуты, ставил вопрос, способны ли образованные классы обуздать правительство и заменить произвольное управление законностью. Второй номер «Великорусса» выдвигал программу, сводившуюся к «хорошему разрешению крепостного дела, освобождению Польши и конституции». Из двух способов решения крестьянского вопроса—передачи народу всей земли и оставлению за крестьянами их прежнего фактического землепользования—листок высказывается за более умеренный, т.-е. за второй, но выкуп отвергается им в том и другом случае. Дальше листок высказывается и за предоставление «населению южной Руси полной свободы располагать своей судьбой по собственной воле». «Великорусс» требует не октроированной конституции, а созыва депутатов для свободного ее составления, т.-е. учредительного собрания. Третий номер ставит вопрос о судьбе династии. Считаясь с тем, что часть «друзей свободы» находит возможным осуществить законность при сохранении дома Романовых, листок предлагает проверить это мнение и в виде опыта подать царю адрес с требованием созвать представителей русской нации в Москве или Петербурге, а польской нации—в Варшаве, при чем проект адреса прилагается. На этом деятельность «Великорусса» закончилась.

Теперь спрашивается: какое отношение имел и мог иметь Чернышевский к этим листкам? Сторонники того взгляда, что Чернышевский участвовал в их составлении, приводят аргументы двоякого рода: во-первых, близость большинства лиц, замешанных в дело «Великорусса», к Чернышевскому, во-вторых, стиль листков, сильно напоминающий манеру нашего автора; в-третьих, совпадение выраженных в нем мыслей и требований с взглядами и программой Чернышевского. Все—доказательства, как видим, не прямые, а косвенные, при чем наиболее важным из них является третье (программное сходство).

Лемка в статье «Процесс Великорусцев» («Былое», 1906, № 7), а также в своей книге «Очерки освободительного движения» (стр. 381) уверял, будто «есть серьезное основание предполагать, что «Великорусс» был отчасти делом рук Чернышевского». При этом он ссылается на свидетельство Стахевича, сосланного в начале 60-х годов по другому политическому делу и прожившего с Чернышевским несколько лет в Сибири. «Я заметил,—сообщает Стахевич («Закаспийское обозрение», 1905, № 143),—что Чернышевский с явственным сочувствием относится к листкам, выходящим в неопределенные сроки под заглавием «Великорусс»; вышло, помнится, три номера. Слушая разговоры Николая Гавриловича, я иногда замечал, что и содержание мыслей и способ их выражения сильнейшим образом напоминают мне листок «Великорусса», и я про себя решил, что он был или

автором или, по меньшей мере, соавтором этих листков, проповедывавших необходимость конституционных преобразований». Далее Стахевич говорит, будто Чернышевскому, по его словам, не было предъявлено обвинение в авторстве «Великорусса» лишь потому, что почерк рукописей (?) «Великорусса» не походил на почерк Чернышевского¹. «Передавая об этом нам в Александровском заводе,—продолжает Стахевич,—Николай Гаврилович сказал особым тоном, каким говорят актеры по ремарке «в сторону»: «Я уметь писать несколькими почерками». Из этих мимоходом брошенных слов я понял, что некоторые листки были написаны действительно им (да, но какие?—Ю. С.), но почерк был им умышленно употреблен другой, не тот, каким он писал для цензуры»².

Пантелеев на этот счет выражается довольно осторожно. Упомянув об А. В. Захарьине (служащем пароходного общества «Кавказ и Меркурий»), который «по некоторым указаниям принимал непосредственное участие, кажется, в «Великоруссе», он прибавляет в примечании: «Близость Захарьина с Чернышевским дает мне основание думать, что Ник. Гавр. был, *может быть*, не совсем чужд делу «Великорусса». К тому же манера говорить с публикой, стиль «Великорусса» очень напоминают Н. Г. В 90-х годах покойный А. А. Ряхтер говорил мне, что, по его сведениям, одним из главных членов кружка, выпустившего «Великорусс», был давно умерший Лугинин. Кажется, он выведен Чернышевским в «Прологе Пролога» под именем Нивельзина» («Из воспоминаний», ч. 1, стр. 327).

Далее при обыске у В. Обручева, арестованного за распространение второго номера «Великорусса», найден был конверт с печатью «I. А.» (буквы стерлись, так что утверждать, что это было именно «I. А.», трудно), каковою были запечатаны и многие из разбрасывавшихся конвертов с «Великоруссом». В конверте оказалось письмо Чернышевского к Обручеву (как сотруднику «Современника») с припиской доктора Бокова. Надо заметить, что Боков был женат на сестре В. Обручева. Боков был арестован и на допросе показал: что касается печати на конверте его письма к Обручеву, то он, вероятно, воспользовался печатью одного из своих многочисленных пациентов. Находившееся в конверте письмо Чернышевского к Обручеву было чисто делового характера. По делу «Великорусса» Боков был оправдан, но возможно, что кое-какое отношение к нему он все же имел³.

¹ Но имелись ли в распоряжении III Отделения рукописи «Великорусса»? Это неизвестно. Насколько мы знаем, манускриптов «Великорусса» в распоряжении правительства не было, и это одно подрывает веру в рассказ Стахевича.

² *Ветринский*.—«Н. Г. Чернышевский», 1923., стр. 161.

³ Об этом можно отчасти судить по словам М. Михайлова, которого Шаганов почему-то называет автором «Великорусса» (цит. брош., стр. 5). Михайлов в своих «Записках» (стр. 48) говорит: «Я забыл сказать и скажу теперь кстати, что меня не раз спрашивали, не известно ли мне, откуда идет «Великорусс». На отрицательный ответ мне замечали: «знаете, да сказать не хотите». Но и только». Это сказано в связи с упоминанием Бокова и Обручева; а именно непосредственно перед этим сказано: «Раза два-три проходил по двору Б[оков]. Он смотрел на мои окна и, вероятно, узнал меня. Я нарочно становился ближе и смотрел в открытую форточку».

Наконец, имеется еще одна косвенная улика. В письме В. Обручева к гр. Шувалову от 6 августа 1868 г. (оно приведено у Лемке в «Очерках», стр. 395—396) есть подозрительное место, как-будто открывающее краешек завесы, а именно: говоря о том, что уже в 1861 году он, Обручев, не сочувствовал революционной борьбе, он прибавляет: «Но я тогда был начинающий человек, черноработий в литературной передней, и не смел выражать свое мнение, боялся, что назовут трусом». Но если даже предположить, что это есть намек на давление какого-либо генерала от литературы, то это может быть намек и на Чернышевского, и на Н. Серно-Соловьевича, и на Г. Елисеева, и вообще на всякого другого из тогдашних видных радикальных журналистов.

Но если предыдущие писатели все же выражаются насчет участия Чернышевского в «Великоруссе» осторожно, то автор весьма легковесной «Истории русского революционного движения» Л. Кульчицкий не знает сомнений. «В настоящее время,—говорит он по поводу участия Чернышевского в «Великоруссе»,—можно делать лишь догадки. Что касается нас, то мы не сомневаемся в том, что инициатором, редактором и руководителем «Великорусса» был не кто иной, как Чернышевский. Некоторые исследователи допускали уже подобное предположение, нам оно кажется не подлежащим сомнению». Доказывает он это ссылкой на свидетельства Стахевича и Пантелеева (как мы видели, далеко не категорические), близостью В. Обручева к Чернышевскому, наконец тем, что Чернышевскому не понравилась «Молодая Россия» (об этом см. ниже): «следует, стало быть, допустить, что он одобрял направление «Великорусса»(?). Легкомыслие этого скоропалительного вывода необыкновенно даже для Л. Кульчицкого¹.

Не менее легковесный историк русского революционного движения, на сей раз принадлежащий к охранительному лагерю, Б. Глинский, на основании тех же аргументов, также признает причастность Чернышевского к изданию «Великорусса»².

Последней из работ этого цикла, пытающихся на основании некоторого сходства стиля и содержания «Великорусса» и некоторых произведений, бесспорно принадлежащих Чернышевскому, доказать тождество их авторов, т.-е. признать «Великорусс» продуктом творчества Чернышевского, является большая статья А. И. Хоментов-

Однажды он поднял руку ко рту и сделал как-будто три воздушных поцелуя. Может быть, они относились к Обручеву, а может быть, и к обоим нам». Но и это только догадка.

¹ «История русского революционного движения». Спб. 1908, том I, стр. 256—257.—Далее Кульчицкий заявляет, что есть основание предположить участие в этом предприятии таюже и братьев Ник. и Алекс. Серно-Соловьевичей (но в чем заключается это «основание», так и не открывает, и, наконец (стр. 264), сообщает будто М. Михайлов поместил в «Колоколе» возражение «Великоруссу». На самом же деле оно принадлежит тому самому Н. Серно-Соловьевичу, которого есть якобы основание заподозрить в прикосновенности к выпуску этого листка! Так пишется история.

² Б. Глинский.—«Революционный период русской истории», Спб. 1913, т. I, стр. 103.

ской «Н. Г. Чернышевский и подпольная литература начала 60-х гг.»¹. Наиболее обстоятельная и подробная аргументация в пользу этого тезиса только разоблачает здесь свое бессилие и беспочвенность.

Применяемый Хоментовской метод сводится к установлению сходства, а тождества и тождества между стилем и содержанием «Великорусса», с одной стороны, и воззвания «К барским крестьянам», «Писем без адреса» и статей Чернышевского по крестьянскому вопросу—с другой. Если оставить пока в стороне воззвание «К барским крестьянам», то мы несомненно найдем нечто общее в «Великоруссе» и в некоторых работах Чернышевского, но это общее мы найдем и в писаниях Герцена, и в других революционных прокламациях и легальных литературных произведениях той поры. Это, впрочем, признает и Хоментовская, когда констатирует «много точек соприкосновения между «Колоколом» этой поры и отмеченной группой прокламаций: одни и те же критерии, та же оценка момента, те же приемы врачевания—основные пункты совпадают» (стр. 385). Почему же она приписывает «Великорусс» не Герцену или кому-либо из лиц, политически с ним солидарных, а Чернышевскому? Мы утверждаем, что если произвести работу, аналогичную той, какую произвела Хоментовская, но при этом только сопоставлять «Великорусс» не с некоторыми писаниями Чернышевского, а со всем «Колоколом» Герцена, то между ними окажется гораздо больше точек соприкосновения. И это вполне естественно: по общему характеру, по программе и тактике «Великорусс» стоит неизмеримо ближе к Герцену той поры, чем к Чернышевскому. Но и этот вывод был бы столь же неубедителен².

Некоторое сходство стиля «Великорусса» и писаний Чернышевского отрицать невозможно. Но само по себе это ничего не доказывает. Кстати, с этой стороны статья Хоментовской дает очень мало: анализ стилистических совпадений можно было бы расширить и углубить. Но ведь известно, что в то время Чернышевскому подражали во многом, подражали и в слоге. При том установление тождества авторов двух произведений на основании сходства их стиля—дело чрезвычайно трудное и рискованное, даже если оно производится более тщательно и осторожно, чем это делает Хоментовская³. Наконец не

¹ Напечатана в первой книге «Исторического Архива, издаваемого Главным Управлением Архивным делом», Петр. 1919 г., стр. 324—413.

² Весьма вероятно, что в составлении «Великорусса» принимал активное участие Н. Обручев, сотрудничавший с Огаревым в составлении воззвания «Что нужно народу?», к которому кстати «Великорусс» по общему своему характеру стоял ближе, чем к взглядам Чернышевского. Этим обстоятельством, т.-е. вероятной принадлежностью статей «Великорусса» Н. Обручеву, человеку, хорошо знакомому с Чернышевским, часто у него бывавшему и преклонявшемуся перед его литературной деятельностью, легко может быть объяснено и сходство стиля «Великорусса» со стилем статей Николая Гавриловича. Это, разумеется, только предположение.

³ Вот некоторые примеры даваемых ею сопоставлений. В прокламации к «Барским крестьянам» сказано: «Надо только единодушие иметь между собою мужикам... надо мужикам всем промерж себя согласие иметь, чтобы заодно быть когда пора будет», а в «Великоруссе» сказано: «Всего важнее, чтобы друзья свободы

нужно забывать, что существуют специфические стили национальные, партийные, а в особенности стили эпохи. Точно так же существует и особый стиль шестидесятых годов, оттенки которого, заметные для современников, от нашего внимания естественно ускользают, ибо наша эпоха имеет свой собственный стиль.

Точно так же неубедительно и установление сходства программ. Мы уже не говорим о том, что между программой и тактикой «Великорусса», с одной стороны, и Чернышевского, с другой, очень мало общего, ибо первый является начальной формулировкой *либеральных* стремлений, тогда как второй представлял течение *революционно-социалистическое*. Кое-что общее между «Великоруссом» и Чернышевским несомненно есть: напр., требование учредительного собрания (хотя и здесь можно установить принципиальное различие, ибо Чернышевский стоял скорее за захват власти революционной партией), признание права на самоопределение за Польшей и Украиной. Но это объясняется просто: кружок «Великорусса» находился под влиянием многих идей Чернышевского, но не всех, разделяя вместе с другими прогрессивными элементами того времени его взгляды, но не все—и прежде всего по основному вопросу о крестьянской реформе. Но, повторяем, если бы совпадение было и полным, оно само по себе отнюдь не доказывало бы, что автором «Великорусса» является именно Чернышевский¹.

Перед тем, как перейти к основному возражению против гипотезы Хоментовской, скажем пару слов относительно некоторых других ее аргументов. Она усматривает «новую связующую нить» между Чернышевским и «Великоруссом» в том, что Чернышевский в «Письмах без адреса» намекает на появление этого листка среди других знаменательных событий момента. «Такое упоминание его,—говорит Хоментовская,—есть признание его как явления положительного» (стр. 395). Допустим, но что же это доказывает? Только то, что Чернышевский не был политическим индифферентистом, и что для подрыва самодержавия он считал полезною и конституционную агитацию «Великорусса». Ведь в «Письмах без адреса» он также отмечает и конституционное движение среди дворянства. Что же, неужели отсюда

действовали заодно»—разве это не доказательство, что оба документа принадлежат одному перу?! В прокламации говорится: «А мы все—люди русские и промеж вас находимся, только до времени не открываемся, потому что на доброе дело себя бережем... А когда пора будет за доброе приняться, тогда откроемся», а в «Великоруссе» написано: «Спрашивают, кто мы. Когда явится надобность, наши скромные имена будут открыты тем, кому будет нужно знать их для пользы дела»—ну, разве такое совпадение можно считать случайным (стр. 357—358)?! Но ведь подобные приемы мы можем встретить во всех решительно прокламациях всех эпох и направлений, ибо они объясняются не единством авторов, а сходством подпольного положения и вызванной этим необходимости в конспирации. Неужели это неясно?

¹ Насколько опасны такие сопоставления, видно из примера А. Корнилова, который в своей «Крестьянской реформе» (стр. 164—166) категорически признал автором «Великорусса» Н. Серно-Соловьевича (что, впрочем, было бы более правдоподобно). Хоментовская сразу замечает неосновательность чужой гипотезы и опровергает ее.

можно сделать тот вывод, что он был и автором конституционных адресов или даже, что авторы их вышли из его окружения?!

Главный недостаток аргументации Хоментовской заключается в том, что она берет за скобки столь разнородные по духу и содержанию документы, как «Великорусс» и воззвание «К барским крестьянам», и, сопоставляя их как произведения одного автора, делает отсюда свои выводы. По словам Хоментовской между обоими документами существует «тесная связь». Авторы «Великорусса» угрожали, де, в случае неуспеха их обращения к образованным классам, обратиться к народу, а воззвание к крестьянам и есть выполнение этой угрозы. Ясно, что это—дело одних и тех же рук. Воззвание к барским крестьянам и является продолжением «Великорусса» (стр. 355 и 379). Неудивительно, что оба они связаны с политическими воззрениями Чернышевского.

Положение, что воззвание к барским крестьянам представляет продолжение «Великорусса», является центральным пунктом в аргументации Хоментовской. Но чем же она это доказывает? Тем, видите ли, что в «Великоруссе» сказано было, что если его апелляция к «образованным классам» не увенчается успехом, то он обратится к народу. Но вот вопрос: откуда известно, что великоруссы убедились в неудаче своего обращения к высшим классам? Правда, они проектировали подать адрес царю. Такие адреса подавались, но ни к чему не привели. Но было ли это до составления прокламации к крестьянам? Далее, допустим, что великоруссы признали неудачу этих адресов достаточным поводом для апелляции к народу. Но ведь нужно еще доказать, что воззвание к барским крестьянам исходило действительно из их среды, было результатом их разочарования. Хоментовская так и думает, но своего предположения ничем не доказывает.

Хоментовская исходит из допущения, что программа «Великорусса» и возвания—одна и та же, и что оба они принадлежат Чернышевскому, соответствуя его взглядам. Между тем в действительности дело обстоит как раз наоборот. По двум основным вопросам великоруссы и Чернышевский радикально расходились. В области крестьянского вопроса Чернышевский стоял за экспроприацию помещиков и передачу крестьянам всей земли, тогда как великоруссы согласно с левыми либералами высказывались за предоставление крестьянам только той земли, которая до реформы была в их фактическом пользовании, т.-е. они были, правда, против произведенных у крестьян отрезков, но готовы были оставить в руках помещиков те земли, какие и прежде находились в их непосредственном пользовании. Их программа была, если так можно выразиться, «кадетской», а не революционно-социалистической. Что же касается вопроса о борьбе за политическую свободу, то, не говоря уже о том, что программа Чернышевского не исчерпывалась ограничением самодержавия и сохранением монархии, хотя бы с придачею ей конституционного характера, а сводилась к полному уничтожению монархии, и не только как института, но и к личному истреблению династии, что она требовала захвата

власти революционной партией с введением красного террора против защитников старого режима, а вовсе не созыва учредительного собрания при сохранении династии Романовых, каковое Чернышевский считал и в своих статьях довольно недвусмысленно называл величайшей глупостью и преступлением со стороны революционеров (см. его обозрения «австрийских» и «итальянских» дел, где он определенно проводил этот взгляд), уже не говоря обо всем этом, если даже признать, что Чернышевский готов был на время удовольствоваться созывом *такого* учредительного собрания, он никогда не стал бы советовать добиваться его созыва путем обращения к монарху из дома Романовых. *Это мог делать Герцен, но не Чернышевский.* И нужно совершенно не понимать его воззрений для того, чтобы приписать ему такую тактику, которую он всегда об'являл сеянием вредных иллюзий и за которую клеймил либералов, в том числе и Герцена. Вопреки Хоментовской, всюду проводящей знак равенства между программой «Великорусса» и программой воззвания к крестьянам и признающей автором того и другого одно и то же лицо, мы утверждаем, что стремления воззвания резко противоречат стремлениям «Великорусса», и что *эти два исторические документа ни в каком случае не могли иметь одного автора.* А так как автором воззвания был Чернышевский, то ясно, что он никак не мог быть автором или соавтором «Великорусса». Когда Чернышевский решил выступить с революционным призывом, он обратился для этого не к «образованным классам» с предложением подавать прошение о конституции царю, а к крестьянам с призывом готовиться к всеобщему восстанию для радикального уничтожения старого строя.

Но главное, чего не заметила Хоментовская и те, кто готов признать правильной ее точку зрения, так это то, что все ее построение рушится бесследно от одного прикосновения *хронологической критики.* По ее мнению воззвание к крестьянам было результатом разочарования великорусцев в практической деятельности на правительство через образованные классы и выполнением их обещания, в случае неуспеха первоначально выбранного пути, обратиться непосредственно к народным массам. Но вот в чем штука: «Великорусс» выходил в промежуток между июнем и октябрём 1861 года, а прокламация к барским крестьянам, к несчастью для Хоментовской и ее кабинетной выдумки, была составлена Чернышевским зимой 1860—1861 года, повидимому, даже до опубликования манифеста 19 февраля (судя по ошибке с словом «срочно-обязанные», которое в манифесте было заменено словом «временно-обязанные») и во всяком случае весной этого года находилось уже в Москве в наборе. Таким образом, *воззвание к крестьянам не только не является «продолжением» «Великорусса», но является его предшественником и вообще ни в какой связи с ним не стоит.*

Если Стахевич высказал предположение о прикосновенности Чернышевского к «Великоруссу», то другой современник Н. Г., тоже бывший с ним на каторге, держится на этот счет совершенно противоположного мнения. Мы имеем ввиду Баллода, который в заметках,

сообщенных Ветринскому, заявляет следующее: «Недавно мне предложили вопрос: какое отношение имел Чернышевский к «Великоруссу», который выступил в начале [18] 62 года? Хотя меня уверяли, что Чернышевский принимал участие в издании Великорусса, я утверждаю, что он никакого участия в «Великоруссе» не принимал, и участники «Великорусса» относились к Чернышевскому далеко несимпатично. Я спросил однажды, кого они имеют в виду как руководителя, и к ужасу узнал, что у них имеет быть главарем генерал-губ. Суворов (?)². Я не знал, смеяться ли мне или эти г.г. смеются. Но они (кто?—Ю. С.) совершенно серьезно находили, что это единственный человек, и при этом не замедлили бросить грязью в Чернышевского, находя, очевидно, что будут люди, которые будут стоять за Чернышевского»³.

Лемке, который в свое время немало способствовал упрочению легенды о причастности Чернышевского к «Великоруссу», впоследствии отказался от своей гипотезы. На него в этом отношении подействовал тот факт, что он узнал от А. Слепцова о принадлежности перу Чернышевского статьи в «Жолоколе» за подписью «Русский человек», которая решительно бичевала конституционные иллюзии либералов и выдвигала программу решительной крестьянской революции⁴. Возможно, что на него подействовали также воспоминания В. Обручева, напечатанные в 1907 году и определенно отвергающие причастность Чернышевского к «Великоруссу». Во втором издании своей книги «Политические процессы» (стр. 167) Лемке уже отвергает причастность Чернышевского к «Великоруссу» и приглашает историков, в частности т. М. Н. Покровского, пересмотреть свою точку зрения в этом вопросе.

Неудивительно, что призыв Лемке оказался бесплодным. М. Н. Покровский в «Очерках по истории революционного движения в России XIX и XX вв., составившихся из курса лекций, читанных зимою 1923—1924 г.», остается по этому вопросу на своей старой позиции. «Чернышевский,—говорит он,—который... в экономической области обнаружил такую изумительную проникаемость, в политической области держался довольно наивной точки зрения, воображая (где? когда?—Ю. С.), что «образованные классы», т.-е. интеллигенция, имеет какую-то самостоятельную силу и значение, и что ее движение может добиться известных политических результатов. Несмотря на то, что Лемке это оспаривал, я держусь все-таки той точки зрения, что

¹ Ошибка: летом и в начале осени 1861 года.

² Не над этим ли проектом издевался Чернышевский, когда, по словам Стахевича, шутил рассказывал, что он и Салтыков (одно соединение этих имен чего стоит!) наметали на престол кандидатуру Елены Павловны?

³ К сожалению, это место рассказа Баллода неясно.

⁴ Странно, что на Лемке так подействовала одна эта статья Чернышевского (авторство которой для некоторых еще спорно). Если бы он, когда писал свою статью о процессе В. Обручева, знал сочинения Чернышевского вообще и понимал дух этого писателя, он не впал бы в свою ошибку. Поэтому к нему вполне применим тот самый упрек, который он в 1923 г. делал другим историкам, упорствующим в приписывании Чернышевскому авторства «Великорусса».

«Великорусс» если не прямо написан Чернышевским,—ибо стиль на него похож,—то во всяком случае лицом, вышедшим из кружка, к которому принадлежал Чернышевский, и который Чернышевским вдохновлялся¹. И дальше т. Покровский переходит к оценке воззвания к крестьянам, о чем мы скажем ниже.

А между тем уже в 1907 году В. Обручев, единственный, оставшийся к тому времени в живых участник этих событий, определенно отверг причастность Чернышевского к «Великоруссу». В 1907 году в «Вестнике Европы» появились его воспоминания, в которых легенде о Чернышевском как авторе этих листов нанесен решительный удар.

Что жандармы как будто допускали прикосновенность Чернышевского к «Великоруссу», видно из вопроса, неожиданно заданного Обручеву на допросе гр. Шуваловым. «Между прочим, смотря в окно, граф пренебрежительным тоном заметил, что ведь у меня есть брат или двоюродный брат, который участвовал в «Военном Сборнике» с Чернышевским. Где он теперь?» Впрочем, это место можно скорее толковать как догадку жандармов о причастности к «Великоруссу» Н. Обручева, что соответствовало действительности.

Заявив, что он не берется судить о том, был ли Чернышевский вообще прикосновенен к каким-либо нелегальным делам, В. Обручев продолжает: «Но я считаю своею обязанностью энергически возразить против намеков на что-либо подобное, насколько оно касается лично меня». Наконец, вот главное интересующее нас место из его воспоминаний. «Своему участию в деле я не придаю никакого значения и отнюдь не думаю, чтобы оно представляло какой-либо общественный интерес; но на мне лежит обязанность выяснить мои отношения к Н. Г. Чернышевскому в надежде, что это положит предел странной настойчивости, с которой архивные искатели стараются связать ничтожное мое имя и листок, прежде всего школьнический, повторявший давно сказанное другими, с светлым именем глубокого мыслителя, руководителя современного ему общественного движения (курсив мой. Ю. С.). Даже следственная и сенатская прокуратуры ненашли возможным вести атаку с этой стороны: у них были ввиду наглядные обстоятельства, отношения, живые речи, явно обличившие сообразность подобного обвинения. А теперь, когда все это умерло, не оставив следа ни в одной бумажонке, добрые люди считают удобным предаваться произвольным, ни на чем не основанным догадкам. Поразительнее всего то, что обвинение, от которого отказалась прокуратура, не отступившая перед лжесвидетельством и подлогом², пред'является доброжелателями не для унижения, а как бы в похвалу личности. Как-будто прикосновенность к ничтожному нелегальному делу могла прибавить желательную черту к облику безвинно подвергнутого двадцатилетнему жесточайшему заточению и вынесшему это испытание

¹ «Очерки» и пр., М., 1924, изд. «Красной Нови», стр. 58. Это—уже частичная сдача позиции. Хочется надеяться, что т. Покровский откажется от нее полностью.

² Имеется в виду процесс Чернышевского.

с таким поразительным достоинством, с такой неослабной добротой и участливостью к бедным темным людям, которым ему представлялся случай помочь»¹.

Разумеется, свидетельство В. Обручева само по себе не решает окончательно вопроса. Ведь он мог просто не знать о причастности Чернышевского к «Великоруссу». Но при всех прочих доказательствах показание В. Обручева приобретает немалый вес.

Скажут, как говорит т. Покровский: но если Чернышевский не был автором «Великорусса», то последний все-таки мог быть составлен лицом или лицами, входившими в его кружок и им направляемыми. Но что можно называть кружком Чернышевского? Разумеется, не просто добрых знакомых, к числу которых могли принадлежать и некоторые участники общества «Великорусс» (как, напр., оба Обручева, Захарьин, быть может, и другие). Если иметь ввиду людей, политически с ним во всем солидарных, то таких, к сожалению, в его непосредственном окружении, кроме Добролюбова, вовсе не имелось². В окружении Чернышевского были люди правее его, но левее не было. И вот что замечательно: *даже эти более право настроенные друзья Чернышевского не были солидарны с «Великоруссом» ввиду его революционного характера.*

Что «Великорусс» не только не составлялся Чернышевским, но и не отвечал взглядам его окружения, видно из того, что даже Н. Серно-Соловьевич, бывший гораздо умереннее Чернышевского, не соглашался с направлением этого листка. Об этом говорит статья его в № 107 «Колокола» от 15 сентября 1861 года. В ней автор приветствует «Великорусс» за то, что тот признал необходимость борьбы с самодержавием, но указывает, что для этого надлежит обращаться не к обществу, а к народу, ибо общество никогда открыто против правительства не выступит и не даст народу того, что ему нужно. Поэтому автор статьи рекомендует лучшим элементам общества об'единиться в тайную революционную организацию, чтобы действовать вместе с народом и чтобы добиваться не просто конституции, а «полного освобождения крестьян», установления народовластия и федерализма. И если к «Великоруссу» так относился Н. Серно-Соловьевич, то не трудно представить себе, как к нему должен был относиться Чернышевский. Когда последний счел момент назревшим для перехода к делу, то он и обратился с революционным воззванием прямо к народу и написал свою прокламацию «Барским крестьянам».

2. Общество «Земля и Воля»

Общество «Земля и Воля» было бесспорно самым крупным из тайных обществ и кружков, возникших в начале 60-х годов. Подобно другим подпольным организациям того времени о нем также известно

¹ В. Обручев.—«Из пережитого». «В. Европы» 1907, № 5, стр. 123 сл.

² Они имелись в Москве, как, напр., авторы «Молодой России». Может быть, среди молодежи таковые были и в Петербурге, но мы их не знаем, если не считать Н. Утина и некоторых других членов «Земли и Воли».

очень мало, так что и здесь приходится сплошь и рядом пускаться в догадки.

Если верить рассказу Слепцова, частично опубликованному М. Лемке, то инициатива основания общества принадлежит чуть ли не Огареву, а название его—Герцену. В этом позволительно усомниться. Даже Лемке, принимающий рассказ Слепцова на веру, приводит слова Слепцова о том, что в конце июня 1861 года, когда статья-прокламация Огарева «Что нужно народу», которую участники будущей «Земли и Воли» якобы считали потом своей программой, была уже окончательно готова, «мысль об основании тайного общества если и сложилась, то только у самого Огарева, державшего ее про себя,— Герцен, как известно, не одобрял вообще никаких тайных обществ, в чем и был последователен до начала 1863 г.; другим же она не была Огаревым высказана: он ее вынашивал и продумывал, не торопясь»¹. Тот же Слепцов сообщает, что мысль эта одновременно возникла и у Серно-Соловьевича, которому не понравилось направление «Великорусса», и который задумал тогда основать другое тайное общество,—надо понимать, более радикальное.

Относительно Герцена вопрос ясен: он и до основания «Земли и Воли» относился к ней отрицательно, такое же отношение он сохранил к ней и после ее основания, даже когда приехавший в 1863 году за границу Слепцов (после ареста Чернышевского и Серно-Соловьевича) предложил Герцену быть ее заграничным представителем: переписка его с Огаревым за 1862 и 1863 годы явно об этом свидетельствует. Иначе обстояло дело с Огаревым. Более живой и более чуткий к запросам русской действительности, он ближе принимал к сердцу интересы реального движения. Но считать его инициатором «Земли и Воли» мы все же не решаемся. Для этого он слишком тесно связан был тогда с Герценом, слишком поддавался его влиянию. Что Огарев отнесся более сочувственно к «Земле и Воле», чем Герцен, когда друзья узнали о ее существовании, что он, несмотря на систематические насмешки Герцена, продолжал верить в ее силу дольше своего приятеля,—это бесспорно, но это не дает еще основания признавать его зачинателем общества. Идея его возникла в самой России. Возможно, что первая мысль об его организации принадлежала Н. Серно-Соловьевичу. Но кто натолкнул его на эту мысль? Вряд ли

¹ Герцен.—«Соч.», т. XVI, стр. 73.—Статья Огарева «Что нужно народу?», начинавшаяся словами: «Очень просто, народу нужна земля да воля», была напечатана в № 102 «Колокола» от 1 июля 1861 года, а впоследствии в большом количестве отпечатана в виде прокламации и распространялась в России. Содержания она чрезвычайно умеренного: за крестьянами признается право только на ту землю, какая находилась в их фактическом пользовании; остальная земля остается за помещиками; за отошедшую к крестьянам землю помещики получают вознаграждение из казны; сокращаются расходы на войско и на царский двор (который, значит, сохраняется); вводятся местное самоуправление и общегосударственный парламент, из функций которого упоминается только составление бюджета. В конце рекомендуется молча собираться с силами и сближаться с войском для предстоящей борьбы против царя и вельмож.

Герцен и находившийся тогда под его влиянием Огарев. Серно-Соловьевич начал с конституционных иллюзий; он подавал записки в руки Александра II и наивно надеялся повлиять в прогрессивном и народолюбивом духе на царя. Герцен только мог поддержать его в этом направлении, ибо не только в это время, но и много лет спустя продолжал переписываться с царем, царицей и т. п., не получая, впрочем, от них ответа. *Один лишь человек* мог повлиять революционизирующим образом на Н. Серно-Соловьевича, и этим человеком был *Чернышевский*. Повидимому, сначала кружок Чернышевского относился к Серно насмешливо, чтобы не сказать враждебно, очевидно ввиду его либеральных иллюзий. Об этом мы можем судить по письму Чернышевского к Добролюбову, в котором Н. Г. сообщает своему другу о своем сближении с Серно-Соловьевичем и просит Добролюбова переменить гнев на милость к нему. Письмо это относится к 7/19 февраля 1861 г., когда неудача крестьянской реформы окончательно выяснилась, а вместе с тем усилились крайние революционные стремления. Это значит, что к этому времени Серно стал на точку зрения Чернышевского и признал необходимость насильственного низвержения буржуазно-помещичьего строя в России. На этой почве и могло состояться его сближение с Чернышевским. И если верно, что идея основания «Земли и Воли» принадлежала Н. Серно-Соловьевичу,—а возникнуть она могла именно весной 1861 года,—то придется признать, что у *колыбели этой идеи стояло влияние Чернышевского*, в данном случае проявившееся через Н. Серно-Соловьевича.

Что Чернышевский влиял на подходящих по его мнению людей именно в этом направлении, показывает пример А. Слепцова.

Первое знакомство Чернышевского с А. Слепцовым состоялось в июле 1861 года. Слепцов явился к нему с рекомендательным письмом Н. Обручева. За год до того Слепцов побывал в Лондоне у Герцена, и Чернышевскому понравилось, что в рассказе Слепцова о встрече с Герценом звучала нотка критического отношения к вождю либерального течения. Разговор Чернышевского со Слепцовым сводился к тому, что Н. Г. старался прощупать своего собеседника, спрашивал его, намерен ли он приступить к основанию тайного общества, мог ли бы он написать прокламацию и т. п. Эти вопросы сами по себе весьма характерны. Слепцов в тот момент не имел еще определенных планов и давал уклончивые ответы. И получается такое впечатление, что *на мысль о создании тайного общества очень осторожно и тактично навел его именно Чернышевский*¹.

Согласно рассказу А. Слепцова, приводимому у Лемке в комментариях к сочинениям Герцена (том XVI, стр. 72 сл.), начальная организация общества предпринята была братьями Н. и А. Серно-Соловьевичами. Ими были привлечены Н. Обручев и А. Слепцов, личный приятель братьев. Общество связалось с московской организацией «Библиотека казанских студентов», существовавшей с 1859 года и

¹ Герцен.—«Соч.», т. X, стр. 425 сл.

насчитывавшей в своих рядах Ю. Мосолова, Н. Шатилова, нескольких офицеров (в конце 1861 года к ней принадлежали А. Шапов и Н. Булич). В основу своей программы общество решило взять статью-прокламацию Огарева «Что нужно народу»? Из первых слов этой статьи взято, по совету Герцена, и название общества «Земля и Воля». В состав нового общества решено было привлечь молодежь, желавшую после студенческих волнений 1861 года ехать доучиваться за границу, а также литературную публику. Из первых привлечены были В. И. Бакст, Н. Утин, Л. Пантелеев, М. Гулевич, А. Жук, В. Лобанов, Рымаренко, Бекман, из вторых—В. и Н. Курочкины, Благовосветлов, Н. Ф. Бунаков, А. Ф. Погосский(!), П. Лавров и Г. Елисеев, по словам Слепцова, в общество не вступили, став как бы его членами-соревнователями¹. Близко к обществу стоял и Н. Шелгунов. Деятельным членом его был А. И. Ничипоренко, впоследствии дававший откровенные показания по делу о сношениях с лондонскими пропагандистами. Членом общества был также П. И. Боков². За границей членами общества позже были Герцен (относившийся ко всей затее, впрочем, насмешливо), Н. П. Огарев, М. А. Бакунин, Н. И. Жуковский, который, кажется, стоял близко к «Земле и Воле» еще в России. Общество имело ряд провинциальных комитетов или отделов, из которых самыми сильными были московский и казанский (в 1863 году ряд его членов оказался замешан в дело «Казанского заговора», попытку военно-крестьянского восстания на Волге). В центральный комитет общества входили Н. Обручев, А. Слепцов, братья Серно-Соловьевичи и В. Курочкин; позже туда были введены Рымаренко, Н. Утин и Благовосветлов, при чем в качестве заместителей были намечены Н. Курочкин и Г. Елисеев. Общество имело связи и среди офицеров, особенно в воинских частях, расположенных в Царстве Польском: из последних особенно выдавался А. Потебня, впоследствии принявший активное участие в польском восстании и погибший в бою. Общество выпустило несколько прокламаций и два номера листка «Свобода» (в феврале и в июле 1863 года)³. К 1864 году в результате арестов отдельных членов, а также вследствие охватившей страну реакции «Земля и Воля» незаметно сошла на-нет, хотя организация общества осталась нераскрытой.

¹ Русанов категорически утверждает, что П. Лавров был членом «Земли и Воли», куда он был введен членом общества А. Н. Энгельгардтом. Но Слепцов это указание отвергает. Повидимому, строгой организации и твердых формальностей при вступлении в общество не было.

² В воспоминаниях Л. Пантелеева, точность которых Слепцов, а заним и Лемке решительно отрицают, Слепцов фигурирует под именем «господина в пенсне», а Боков под именем «господина à la Вирхов». Пантелеев («Из воспоминаний», ч. I, стр. 319) называет легендарной слухи о Бокове как «близком человеке к Чернышевскому» и «друге Добролюбова». По его словам, членом «Земли и Воли» был еще некий Михалевский, «чуть ли не товарищ Чернышевского по университету; впоследствии он при Т. И. Филиппове дослужился до поста генерал-контролера «Из воспоминаний», ч. I, стр. 325—326).

³ Все это вышло уже после ареста Чернышевского.

Определенной программы общество не имело, по крайней мере, нигде она не была ясно выражена. Бакунин в своей стокгольмской речи 28 мая 1863 года, вероятно на основании бесед со Слепцовым в Лондоне, формулировал эту программу в следующих выражениях: «1) передача земли крестьянам без выкупа с вознаграждением помещиков за счет нации; 2) замена императорской централизации федерацией независимых и свободных провинций, с признанием общины за исходный путь организации; 3) отмена рекрутчины и замена постоянной армии милицией (вооружением народа); 4) а для осуществления этих требований—созыв Земского Собора из депутатов, избранных во всех областях и городах России без различия классов, состояния и общественного положения».

В каком же отношении стоял к «Земле и Воле» Чернышевский? Мы знаем, что уже летом 1861 года, когда Слепцов еще не помышлял о создании тайного общества, именно Чернышевский осторожно навел его на эту мысль. А ведь Слепцова он видел тогда в первый раз. Отсюда мы вправе заключить, что с более близкими и лучше знакомыми ему людьми он говорил на эту тему более откровенно и более решительно, в частности, с теми же братьями Серно-Соловьевичами и Н. Обручевым, которые вовсе не нуждались в советах лондонцев и особенно Герцена, отрицательно относившегося ко всяким революциям и всяким тайным обществам,—для того, чтобы приступить к собиранию накопившихся в России революционных сил. И на основании всего, что нам известно о взглядах и симпатиях Чернышевского, мы вправе предположить, что если уж искать идейного инициатора «Земли и Воли», то им скорее мог быть Чернышевский, чем Огарев (хотя, ввиду тогдашнего настроения передовых элементов, они и не нуждались в этом отношении ни в каких личных инициативах, ибо мысль об этом носилась в воздухе, и сплочение происходило тогда в разных местах самостоятельно).

К рассматриваемому моменту Чернышевский начал склоняться к мнению, что в ближайшем будущем шансы на глубокую революцию с участием широких трудящихся масс сильно возросли. А раз так, то естественно необходима была сплоченная революционная организация, которая способна была бы возглавить предстоявшее движение или даже восстание и не дать ему выродиться в стихийную вспышку или быть использованным враждебными народу силами. Одним словом, по всем своим данным и воззрениям Чернышевский представлялся единственным законным главою, если не инициатором «Земли и Воли». Между тем, если верить рассказу Слепцова (а других, более достоверных и полных, к сожалению, не существует), то выходит, что Чернышевский в «Земле и Воле» не участвовал, и имел к ней довольно отдаленное касательство.

Вот что рассказывает по этому поводу Слепцов. Сообщив о приглашении ряда писателей, выше нами перечисленных, он продолжает: «Иначе обстояло с Чернышевским. Николай Гаврилович беседовал с А. и Н. Серно-Соловьевичами, выслушал их очень внимательно, с горевшими глазами и неослабевающим интересом, а когда они кон-

чили свое сообщение¹, сказал: «За меня дело должны решать болезнь Николая Александровича (Добролюбова) и неспособность Некрасова вести теперешний журнал одному. Работать же, как сейчас, в «Современнике» и у вас—извините, с вами—я не вижу физической возможности². Обождемте, что окажется с нашим больным. Когда я увижу, что он в состоянии работать попрежнему, то через месяца-другой я с вами, но все-таки и с «Современником»: он мне дорог как кафедра, которой не должно лишиться ни для меня, ни для вас, поскольку вы разделяете общий его тон». Добролюбов вскоре после того умер, и, поскольку мы понимаем рассказ Слепцова в извлечениях, приведенных Лемке, Чернышевский формально в общество не вступил.

Однако, из дальнейшего рассказа Слепцова следует, что, не войдя в общество формально (да и какие были тогда формальности?), Чернышевский некоторое, и притом идейно-руководящее, участие в нем принимал. «Чернышевский,—говорит Слепцов,—интересовался работой нарождавшегося общества (тогда еще не имевшего названия) и при свиданиях с бывшими у него братьями (Серно-Соловьевичами.— Ю. С.) и со мной, всегда притом в отсутствии своей жены, то подвергал критике наши очередные проекты, то давал советы. Так, ему принадлежит совершенно правильная мысль разделить Россию на округа: северный, где была своя историческая традиция, в агавизм которой он верил при некоторых поправках времени и наших условий³; южный, но не украинский, где работа должна вестись, как мы и сами решили в самом начале, в стороне от нарождавшегося украинского движения мысли; северный и южный поволжские, приуральский и московский, понимая его в широком смысле всего торгово-промышленного района⁴. На Сибирь мы не надеялись и ее не трогали,

¹ Т.-е. сообщение об уже организовавшемся тайном обществе и об уже созданном временном его центре, в который входил между прочим и Н. Обручев, благоговевший перед Н. Г. и часто с ним встречавшийся. Неужели бы братья Серно-Соловьевичи, относившиеся к Н. Г. с меньшим уважением, и Н. Обручев стали бы держать от Чернышевского в секрете всю подготовительную работу, неужели бы они с ним не посоветовались перед тем, как приступить к столь ответственному делу (если даже предположить, что не он был его идейным инициатором). Все это маловероятно. Возможно, что сам Слепцов не был посвящен во все секреты, и что дорожа таким человеком, как Н. Г., братья С. Соловьевичи и Обручев не считали допустимым говорить кому бы то ни было о действительном отношении его к обществу.

² Почему? Почему Слепцов мог сочетать свою службу в канцелярии Н. Серно-Соловьевич свои многочисленные дела, в том числе коммерческие, Н. Обручев свою офицерскую и профессорскую службу с работой в обществе, а Чернышевский, находивший время для переводов и пустяковых рецензий, не мог. Это странно.

³ Не совсем ясно, о каких традициях здесь говорится: о вечевых или об общинных. Во всяком случае интересно, что использование таких исторических пережитков Чернышевский считал возможным лишь при известных условиях, в частности, как мы знаем, при радикальной демократизации политического и общественного строя.

⁴ Пантелеев (ч. I, стр. 225) со слов Слепцова же излагает это деление несколько иначе. «По словам Слепцова, Россия в революционном отношении, в силу естественных и исторических условий, распадается на районы: северный, в котором есть места, где в народе до сих пор сохранилась память о вечевом

в чем были также одобрены Чернышевским, зная, как там трудна работа в условиях тогдашнего времени, почти без всяких путей сообщения, телеграфа и т. п.». Сибирь должен был осветить Н. Шелгунов, собиравшийся туда в виду ссылки его друга М. Михайлова.

Мы видим таким образом, что Чернышевский был в курсе главных дел общества и принимал даже участие в обсуждении организационных планов, причем по такому основному вопросу, как деление на районы, ему принадлежала инициатива¹. Но характерно, что одновременно руководители общества ориентировались на Лондон, который они собирались даже делать центром всего общества (этот план позже и был осуществлен во время поездки Слепцова за границу в 1863 г., правда, уже после ареста Чернышевского). Нам кажется, что одного этого факта, который не мог же оставаться для Чернышевского секретом, было для него вполне достаточно, чтобы формально не примыкать к этому обществу, не считать его идейно-политически близким к своему направлению, не отказываясь, впрочем, при случае оказывать ему посильную помощь в революционной работе.

Во всяком случае до своего ареста Чернышевский, повидимому, был одним из идейных руководителей если не самого общества, то людей, стоявших в его центре. Другим руководителем общества был Н. Серно-Соловьевич, в отличие от Чернышевского принимавший более активное участие в его повседневной практической работе. Но оба они были арестованы в июле 1862 года, и во главе общества неожиданно очутился А. Слепцов, к такому положению, видимо, совершенно неподготовленный, да и вообще на такую ответственную роль неспособный. Пока на свободе был Н. Г., Слепцов мог вдохновляться беседами с ним и затем на собраниях развивать взгляды Чернышевского от своего имени (как, напр., по вопросу о делении России на районы). Впрочем, Слепцов, по словам Пантелеева, часто говорил о Чернышевском и в известных случаях ссылался на его авторитет для подкрепления своих положений и предложений. Так или иначе, но с арестом обоих руководителей общества, идейного и фактического, Слепцов почувствовал себя неудобно и вскоре выехал за границу, чтобы там в лице редакции «Колокола» обрести новый идейно-политический центр для «Земли и Воли». Это ему не удалось, и он скоро отошел от движения, а предоставленное самому себе тайное общество, лишенное действительного центра сплочения, рассыпалось на более или менее самостоятельные кружки, а затем через короткое время и вовсе сошло со сцены.

строе; волжский, где С. Разин и Пугачев навсегда заложили семена ненависти к существующему строю; уральский с его горнозаводским населением; средне-промышленный; казачий. Что касается до Литвы и Украины, то здесь должны действовать свои собственные организации, с которыми великорусская организация входит в самые тесные отношения на основах равноправия».

¹ Рассказывая о совершенных спервоначалу по неопытности ошибках, Слепцов прибавляет, что Николай Гаврилович дружески посмеивался над ними, трепля рассказчика по плечу. Возможно, что он относился к ним как к начинающим молодым людям, которым желал всякого успеха, которым помогал советами, но которых не считал еще созревшими для роли руководителей революции.

Какова бы ни была прикосновенность Н. Г. к «Земле и Воле», она тщательно скрывалась от всех, в том числе и от активных участников организации. Таким образом даже такие деятельные члены общества, как Н. Утин и Л. Пантелеев, вдобавок лично знакомые с Чернышевским, до конца так и не узнали об отношениях его к «Земле и Воле», хотя о них подозревали и готовы были считать его членом центрального комитета или даже главным руководителем общества. Так, после собрания на квартире Утина весной 1862 г., на котором Слепцов сообщил об образовании центрального комитета, Утин по окончании собрания задал Пантелееву вопрос: «Как ты полагаешь, Николай Гаврилович—член комитета?» На что Пантелеев без колебаний ответил: «Не думаю, он—слишком кабинетный человек». Через некоторое время оба юные прозелита революции решили позондировать самого Чернышевского. Не объявляя ему открыто о своем вступлении в общество, они вели речь разными обиняками, говорили о необходимости устраивать кружки между молодежью, и притом кружки с общественным направлением. Но Чернышевский, хотя и высказывал одобрение этим планам, оставался однако непроницаем, при этом хорошо отозвался о «господине в пенсне», т.-е. А. Слепцове, и рассказал басню Эзопа о медведе, который порвал дружбу с человеком за то, что тот в одном случае дул на огонь, чтобы он хорошенько разгорался, а в другом—с целью погасить его.

Во всяком случае, хотя мысль о возможной руководящей роли Чернышевского в «Земле и Воле» очень «анкуражировала» ее молодых сочленов, но ни в то время, ни в последующее Пантелеев, один из самых активных членов общества, не имел никаких данных для того, чтобы с уверенностью допустить участие в этой организации Николая Гавриловича.

4. «Молодая Россия»

Из всех произведений подпольной литературы начала 60-х годов единственным, отвечающим действительным взглядам Чернышевского, была прокламация «Молодая Россия», вышедшая в мае 1862 года в Москве. Прокламация эта, выпущенная от имени Центрального Революционного Комитета кружком московских яacobинцев, в который входили Зайчевский, Аргиропуло, Гольц-Миллер и пр., была написана П. Г. Зайчевским, молодым студентом, сидевшим в то время в Тверской части в Москве по делу о печатании и распространении запрещенных сочинений.

«Молодая Россия» проникнута истинно революционным духом. Она решительно осуждает Герцена, великоруссцев и других представителей умеренности и сеятелей либерально-конституционных иллюзий. Утверждая, что Россия вступила в революционный период, прокламация делит все русское общество на два непримиримо враждебные лагеря: императорскую партию, состоящую из всех собственников, и народ, ограбляемый, оскорбляемый и эксплуатируемый. Выход из создавшегося тяжелого положения один: это—«революция, кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить ради-

кально все, все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». В частности, вполне в духе Чернышевского, прокламация обрекает на поголовное истребление преступную династию: «как очистительная жертва, сложит головы весь дом Романовых».

Первые выступая в России в виде республиканской партии, «Молодая Россия» выдвигает радикальную политическую и экономическую программу, построенную на основе федерализма. Она требует полной независимости Польши и Литвы и признания за всеми областями права на самоопределение и на решение вопроса, желают ли они войти в состав будущей русской федеративной республики. Земля социализируется, заводятся общественные фабрики и общественные лавки, постоянная армия, по мере возможности, заменяется национальной гвардией, а временно срок военной службы сокращается, монастыри закрываются, женщины уравниваются в правах с мужчинами, вводится общественное воспитание детей, а также содержание на общественный счет стариков, нетрудоспособных и безработных, налоговая система изменяется в смысле усиленного обложения имущих и т. д.

Для осуществления этой программы прокламация признает необходимым захват власти революционной партией и установление революционной диктатуры, которая временно сохраняет централизацию и использует ее для упрочения основ нового строя и в частности для обеспечения преобладания в Национальном Собрании сторонников революции и устранения из его состава партизанов старины, если таковые случайно останутся в живых после переворота. Авторы прокламаций надеются, что народ и в частности раскольники будут с ними, но главные надежды они в общем духе того времени возлагают на войско и революционную молодежь, которая должна стать во главе народного движения. Поэтому они предлагают ей готовиться к выполнению этой роли, а для этого организоваться и образовать тайные общества, с которыми Центральный Революционный Комитет сам постарается установить сношения.

Революция должна была по предложению «Молодой России» начаться весной 1863 года. И в заключение авторы прокламации выражают надежду, что скоро они развернут красное знамя и с кличем: «да здравствует социальная и демократическая республика русская!» двинутся на Зимний дворец истреблять живущих там. А так как в защиту династии встанет вся императорская партия, все группы собственников, как бы временно иные из них ни либеральничали, то война на истребление будет объявлена всей этой партии. Если же восстание не удастся, то революционеры смело сложат головы под тот же боевой клич: «да здравствует социальная и демократическая республика русская!».

Самое беглое ознакомление с этой прокламацией убеждает в том, что она является не чем иным, как открытым провозглашением принципов, постоянно развивавшихся Чернышевским в своих статьях. Разница только в том, что ему приходилось выражаться осторожно,

полусловами, намеками, часто не в виде изложения своих положительных принципов, а в виде критики других, враждебных, реакционных и либеральных начал; авторы же прокламации подпольной, свободные от царской цензуры, могли говорить полным голосом, ставить все точки над *i*, доводить до конца логику своих исходных пунктов и открыто называть вещи их собственными именами. И если бы мы не знали достоверно, что прокламация принадлежит перу Зайчневского, то мы имели бы все основания предположить, что никто другой, кроме Чернышевского, да еще, пожалуй, Добролюбова (но он был уже в могиле), не мог написать воззвания такого содержания.

Неудивительно, что многие из современников так и решили. Реакционная пресса объявила Чернышевского автором «Молодой России». Как свидетельствует Баллод, так же думала и следственная комиссия Голицына. Но гораздо знаменательнее тот факт, что и среди революционеров появилась такая мысль. По свидетельству В. Черкезова, бывшего тогда членом революционного студенческого кружка, члены этого кружка приписывали «Молодую Россию», в которой они усматривали формулировку своей программы, перу Н. Г. Чернышевского. Как сообщает Б. Николаевский, «веру в принадлежность этой прокламации Чернышевскому (Черкезов) донес и до наших дней и настойчиво убеждал пишущего эти строки, что Чернышевский несомненно имел отношение к составлению этого первого политического документа русских яковинцев»¹.

По существу Черкезов был совершенно прав: «Молодая Россия» была изложением взглядов Чернышевского. Читая эту прокламацию, Чернышевский должен был узнавать собственные идеи, наиболее дорогие ему мысли, которые он вынашивал в себе с 1848 года и которым стремился дать посильное выражение в подцензурной печати. Видно было, что авторы воззвания хорошо изучили сочинения Чернышевского и усвоили их основной дух, решительное отвержение не только реакционно-помещичьих, но и буржуазно-либеральных начал, признание коммунизма единственным средством к прекращению эксплуатации человека человеком, насильственное ниспровержение царизма для замены его не буржуазным парламентаризмом, а социалистической республикой, построенной на принципе самоопределения наций, захват власти и установление революционной диктатуры для парализования реакции и для скорейшего построения коммунистического общества.

¹ Б. Николаевский. — «Варлаам Николаевич Черкезов». «Кат. и Ссылка», 1926, № 4/25, стр. 223. — К этим словам Б. Николаевский делает такое примечание: «Любопытно, что рассказы каракозовцев, сидевших на каторге вместе с Чернышевским, также сближают взгляды последнего со взглядами будущих русских яковинцев (см., напр., Н. С. Тютчев — «В ссылке и др. воспоминания», стр. 78); конечно, это сближение очень условно. И о нем можно говорить лишь в отношении самых общих вопросов; тем не менее характерна уже самая возможность его». Но это не «любопытно», а вполне естественно. В качестве меньшевика Б. Николаевский считает «бланкизм» чем-то зазорным, между тем в коммунизме всегда был элемент «бланкизма», т.-е. стремление к захвату власти и к революционной диктатуре, опирающейся на пролетариат.

Принципиально Чернышевский не только не мог ничего возразить против «Молодой России», но и должен был несомненно признать ее адекватным выражением собственных мыслей и программы. Сомнение могли лишь возбуждать в нем соображения тактические. Однако и в данном случае мы ничего не знаем о впечатлении, произведенном на Чернышевского воззванием, от него самого. Снова мы принуждены довольствоваться сообщениями третьих лиц, далеко не всегда достоверными и надежными. Если верить этим сообщениям, то Чернышевский отнесся к «Молодой России» отрицательно. Надо понимать дело так, что он был недоволен ее слишком большой откровенностью, декламаторским и кровожадным тоном, тем более, что появившись одновременно с петербургскими пожарами, она подала врагам демократии повод обвинять революционеров в учинении поджогов с целью вызвать смуту. Чернышевский, по рассказу Пантелеева, чрезвычайно сухо принял приехавшего к нему делегата от московского кружка и отказался взять доставленные ему для распространения экземпляры прокламации. Но затем он как-будто стал сожалеть о том, что оттолкнул от себя людей, быть может, чересчур экспансивных и увлекательных, но горячо преданных народным интересам, решительных и в идейном отношении близко к нему стоящих. Он решил выпустить прокламацию «К нашим лучшим друзьям»¹, которая должна была рассеять недоразумения между ним и москвичами; но скорый арест помешал ему выполнить это намерение. Так рассказывает Пантелеев со слов Н. Утина². А Лемке со слов С. Южакова, слышавшего этот рассказ от И. Гольц-Миллера, члена московского кружка, сообщает, что Чернышевский отчасти осуществил свое намерение. А именно: он послал в Москву упомянутого А. Слепцова с тем, чтобы уговорить комитет как-нибудь сгладить крайне неблагоприятное впечатление, произведенное на общество «Молодой Россией»³. Успел ли посланец в своей миссии, с точностью неизвестно, но возможно, что убеждения Чернышевского повлияли на москвичей⁴. По крайней мере, при обыске у Баллода найдена была рукопись прокламации под заглавием «Предостережение», являющейся как бы удовлетворением желания Чернышевского. Но принадлежала ли эта прокламация действительно

¹ А кстати, кого он еще называл так? Никого!

² «Из воспоминаний прошлого», ч. I, стр. 269—270.

³ Об этом впечатлении можно судить по тому, что не только Герцен, но и Бакунин (правда, в тот момент поддавшийся влиянию Герцена) отнеслись к прокламации с осуждением. Некоторые даже в первое время приписывали ее полиции. Так, Николадзе (цит. ст., стр. 37) рассказывает, что сначала он принял прокламацию «Молодая Россия» за продукт творчества III Отделения, имевший целью «напугать общество и подкосить в нем симпатии к молодежи».

⁴ Москвичи еще до того пытались сговориться с питерцами. Повидавшись в одной из московских частей с арестованным Зайчневским, Пантелеев узнал от него, что «Молодая Россия», согласная, в случае солидарности программ, объединиться с «Землей и Волей», послала своего делегата (С.) в Петербург, который «должен прямо явиться к Чернышевскому» и повидать также Утина. Значит, и в революционных кругах были убеждены, что Чернышевский возглавляет революционное движение. Это — тот самый делегат, которому Чернышевский, если верить Пантелееву, оказал сухой прием (Пантелеев, цит. соч., т. I, стр. 269).

деятелям Центрального Революционного Комитета, до сих пор точно установить нельзя.

Отвергая полицейскую клевету, будто революционеры жгут Петербург, авторы «Предостережения» замечают: «Несколько пылких людей написали и напечатали публикацию, резкие выражения которой послужили предлогом для нелепых обвинений». Но издатели «Молодой России» — «люди экзальтированные и уже по тому самому неспособные иметь никаких низких намерений». Они сказали «несколько опрометчивых слов», но не придавали им того смысла, который хочет вложить в них полиция и публика. «Думать, что облегчение судьбы простого народа не будет слишком дорого куплено ценою революции, — вовсе не то, что поджигать жилища и лавки бедняков... История свидетельствует, что демократы никогда не действовали ни поджигательствами, ни другими подобными средствами. Она обличила, что если много раз винули их в этом, то обвинение всегда было клеветой, которую порождало легковерие и которую пользовались деспотические правительства, всегда склонные к реакционным мерам».

Далее следует фраза, свидетельствующая если не о том, что она была внушена авторам «Предостережения» самим Чернышевским, то о том, что они внимательно изучали его произведения: «Революционная партия никогда не бывает в силах сама по себе совершить государственный переворот. Пример тому — многочисленные попытки парижских республиканцев и коммунистов, которые всегда так легко подавлялись несколькими батальонами солдат. Перевороты совершаются народами». Русский народ — накануне восстания. Правительственная реакция, подогреваемая сплетнями и паникою обывателей, только придаст народному восстанию более жестокий характер и помешает революционерам смягчить его. А потому публике рекомендуется не поощрять правительство в его революционных мерах. Предупреждая правительство, что ему никогда не удастся наложить руку на революционный центр, авторы «Предостережения» заканчивают словами: «Нас узнают только тогда, когда мы явимся сами в рядах народа».

На основании последних слов «Предостережения» Кульчицкий (цит. соч., стр. 308) готов признать его автором Чернышевского, который, согласно приведенному выше сообщению Н. Утина, собирался это сделать. «В пользу этого предположения, — пишет Кульчицкий, — говорит то место в конце прокламации, где сказано, что «мы», т. е. революционеры или авторы прокламации, откроем себя в минуту революционного выступления. Очень сходное место можно найти в одном из номеров *«Великорусса»*».

Для такого вывода мы не видим оснований. Но мы считаем весьма вероятным, что это «Предостережение» явилось в результате переговоров А. Слепцова с москвичами, которые признали настоящие Чернышевского правильными и подлежащими удовлетворению. Возможно, что текст документа был согласован ими с Чернышевским или его представителями. Во всяком случае это показывает, что Чернышевский и группа «Молодой России» рассматривали друг друга, как элементы союзные и политически близкие а по существу солидарные. и что вве-

менное разногласие между ними, вызванное соображениями тактического свойства, было разрешено в направлении, которое рекомендовал Чернышевский. Поэтому сообщение о недовольстве Чернышевского прокламацией «Молодая Россия» следует толковать не в том смысле, что он усмотрел в ней нечто расходившееся с его взглядами и программой, а лишь в том, что он возражал против некоторых тактических приемов ее молодых авторов, против некоторых допущенных ими неосторожных выражений, которые были ловко использованы реакцией и затруднили положение революционеров. Повидимому это признали и сами издатели «Молодой России», появление которой одновременно с петербургскими пожарами оказалось роковым, и сочли полезным для своего дела пойти навстречу Чернышевскому, своему уважаемому учителю и идейному вдохновителю.

5. Серия прокламаций

Из всех прокламаций того периода только одна может быть с уверенностью приписана Чернышевскому. Это — воззвание к барским крестьянам. Прежде и этот факт подвергался сомнению. Но после того, как в «Голосе Минувшего» 1918, № 4—6, напечатана была неопубликованная до тех пор часть воспоминаний Н. Шелгунова, всякие сомнения на этот счет исчезли.

Вот что рассказывает Шелгунов. Сообщив о приезде в Петербург В. Костомарова, предложившего к услугам питерцев свой нелегальный печатный станок, и о появившейся у них после этого предложении готовности писать, Шелгунов продолжает: «В ту же зиму, т. е. в 1861 году, я написал прокламацию «К солдатам», а Чернышевский прокламацию «К народу» и вручил их (?) для печатания Костомарову. Разговоров вообще было у нас мало, а о прокламациях тем более. Я переписал прокламацию измененным почерком, и так как все переговоры велись с Михайловым, то я отдал прокламацию ему, а он передал Костомарову. Впрочем, Костомаров знал, что писал я. В половине зимы Костомаров уехал в Москву. В ту же зиму я написал прокламацию «К молодому поколению», но мы решили печатать ее в Лондоне, в «русской печатне». Об этой прокламации никто не знал, кроме Михайлова и меня»¹.

Это лаконическое сообщение Шелгунова не отличается точностью и ясностью. Начать с того, что из его рассказа непонятно, кто и какую прокламацию² вручил для печатания Костомарову. Выходит, как будто, что речь идет о непосредственной передаче Костомарову Чернышевским своего воззвания к крестьянам, ибо дальше Шелгунов о своей прокламации к солдатам говорит, что он передал ее Михайлову, а уж от того она попала к Костомарову. Но это совершенно невероятно: при своей крайней осторожности Чернышевский никогда не сделал

¹ Шелгунов. — «Воспоминания», Петр. 1923, стр. 33.

² Шелгунов даже говорит «их», т. е. обе прокламации, что окончательно сбивает с толку.

бы такого опрометчивого шага, особенно в сношениях с мало знакомым ему человеком, как Костомаров. На самом деле Костомаров не только не получил воззвания прямо из рук Чернышевского, но в течение долгого времени даже не подозревал о том, что оно принадлежит Чернышевскому, и приписывал его Михайлову, от которого оно к нему попало, да и то, видимо, не непосредственно, а через студента Сороко.

Но в данный момент нас интересует другая сторона вопроса. Из рассказа Шелгунова (а это, к сожалению, — единственный достоверный источник по этому делу) нельзя понять, кто, собственно, был инициатором мысли о выпуске прокламаций, существовала ли группа, обсуждавшая этот вопрос, были ли эти предполагавшиеся прокламации связаны между собою единством идеи и цели, была ли какая-нибудь редакция намеченных листков и пр. Более того, по его словам выходит, что прокламация «К молодому поколению» стояла совсем особняком, в общий план не входила, была задумана и выполнена Шелгуновым и Михайловым без ведома остальных товарищей. Так ли это, трудно судить, но существует другой рассказ, несколько иначе освещающий это дело и служащий дополнением, уточнением, а в некотором смысле и исправлением рассказа Шелгунова. Мы имеем в виду рассказ Слепцова.

В рукописи А. Слепцова, которая имела в руках М. Лемке, сообщение Шелгунова подтверждается и расширяется. «План был составлен очень удачно, — пишет Слепцов, — имелось в виду обратиться последовательно ко всем тем группам, которые должны были реагировать на обманувшую народ реформу 19 февраля. Крестьяне, солдаты, раскольники (на которых тогда вообще возлагали большие и весьма, конечно, ошибочные революционные надежды) — здесь три страдающих группы. Соответственно с этим роли были распределены следующим образом: Чернышевский, как знаток крестьянского вопроса, который он, действительно, знал в совершенной полноте, должен был написать прокламацию к крестьянам; Шелгунов и Николай Обручев взяли на себя обращение к солдатам; раскольников поручили Щапову, а потом, не помню по каким обстоятельствам, передали тоже Николаю Гавриловичу; молодое поколение взяли Шелгунов и Михайлов. О таком плане и его выполнении мне сказал в начале (?) 1861 года сам Чернышевский, знал о нем и Н. Н. Обручев, потом из боязни быть расшифрованным уклонившийся от участия в общем деле»¹.

И в рассказе Слепцова не все ясно. Кто задумал план серии прокламаций, связанных общей идеей, кто распределял работу между отдельными участниками этого плана, кто поручал тому или иному лицу составление того или иного воззвания, была ли при этом какая-либо общая редакция или хотя бы общие принципы, обязательные

¹ М. Лемке. — «Политические Процессы», стр. 318. — Здесь в рассказе Лемке или Слепцова концы с концами не связаны: ведь по словам самого Слепцова он познакомился с Чернышевским только в июле 1861 г.; каким же образом мог Чернышевский сообщать ему об этом в начале того же года? Возможно, что здесь описка и что передаваемый разговор с Чернышевским относится к началу 1862 года.

для авторов прокламаций, долженствовавших, по рассказу Слепцова, составить единую серию: каким образом в эту компанию попал Щапов, в действительности стоявший в стороне от нее? На все эти вопросы мы не находим ответа. Но кое-что к рассказу Шелгунова Слепцов все-таки прибавляет.

Наиболее существенная сторона свидетельства Слепцова заключается в указании на существовавший план, объединявший целый ряд намеченных воззваний в комбинарованную серию, долженствовавшую охватить все те социальные группы, которые, как тогда предполагалось, должны были принять активное участие в ожидавшемся восстании. Это — крестьяне, солдаты, раскольники (точнее, старообрядцы и сектанты) и интеллигенция. Характерно, что эти же четыре группы имеет в виду и «Молодая Россия», и это вполне понятно, ибо соответствовало тогдашним общественным отношениям. Пролетариат в качестве особого класса в построениях революционеров еще не фигурировал и входил в общую массу крестьянства, «простого народа». Сообщение Слепцова о проектировавшемся особом воззвании к раскольникам подтверждается показанием предателя В. Костомарова, заявившего, что Чернышевский однажды продиктовал ему такое воззвание в номере Знаменской гостиницы в Петербурге. Это, вероятно, вздор. Проще предположить, что Костомаров каким-либо путем узнал, что кроме двух переданных ему для печатания воззваний предполагается еще третье — к раскольникам, и когда стал выдавать, то выложил и это важное для следователей сведение.

Как же обстояло дело с прокламацией «К молодому поколению»? Мы думаем, что показание Слепцова в данном случае более правдоподобно, чем сообщение Шелгунова. Не может быть, чтобы при составлении плана воззваний, связанных единством мысли о подготовке народной революции, и при распределении тем упущена была такая тема, как обращение к молодежи, которая в построениях тогдашних революционеров играла столь выдающуюся роль. Конечно, как раз Чернышевский в данном пункте отличался в выгодную сторону от других современников, придавая решающее значение движениям масс. Но все же и он не мог игнорировать молодежи, являвшейся в тот период первого общественного пробуждения фактором первоисточника политического значения. Что же может в таком случае скрывать за странным сообщением Шелгунова? Мы не решаемся категорически ответить на этот вопрос, но у нас получается такое впечатление, что в этом случае Михайлов с Шелгуновым совершили какое-то нарушение кружковой дисциплины, проявили какую-то склонность к самочинным сепаратным действиям, несогласованным с остальными участниками плана, напечатали и распространили прокламацию, выражающую только их личные, а не групповые взгляды, и или уклонились от общей редакции, или отказались подчиниться указаниям других участников общего предприятия, в частности и в первую голову Чернышевского, который в этой компании, естественно, являлся наиболее сильной головой, пользовался общепризнанным авторитетом и, вероятно, был редактором намеченной серии воззваний.

Можно даже предположить, что Михайлов и Шелгунов, предвидя, что содержание прокламации «К молодому поколению» вызовет споры в кругу товарищей, задумавших серию прокламаций, и в частности натолкнется на возражения Чернышевского, взглядам которого оно не отвечало, предпочли осуществить это дело самостоятельно, скрыв от товарищей свой замысел, а затем поставив их перед совершившимся фактом. Не потому ли они и решили напечатать эту прокламацию, в отличие от других, не в России, а в Лондоне? И не потому ли Шелгунов в своих воспоминаниях выделяет эту прокламацию из общего плана, в который она входила, по словам Слепцова, слышавшего об этом от самого Чернышевского?

Прокламация «К молодому поколению» может быть признана первой формулировкой идеи революционного народничества. Конечно, Чернышевский не мог не сочувствовать той демократической программе ближайших требований, какую выдвигала прокламация (установление выборной и ограниченной власти, введение местного самоуправления, уничтожение сословий, полиции, телесных наказаний, финансовый контроль, гласный суд, национализация земли, полное уничтожение следов крепостного права, освобождение общинного землевладения от посягательств администрации, сокращение расходов на армию, сокращение срока военной службы, сокращение расходов на правительство, политическая амнистия, изменение основных законов и т. п.). Но предпосланные этой программе-минимум теоретические соображения, весь тон и дух воззвания не могли не претить Чернышевскому. Правда, на первый взгляд кажется, что авторы его опираются на статьи Чернышевского и на данную им критику буржуазной политической экономии; но в действительности общее содержание прокламации гораздо больше соответствовало писаниям Герцена, его русскому мессианизму, его мыслям об оригинальном историческом развитии России, у которой свои особые пути, — словом, той системе воззрений, над которой Чернышевский так зло иронизировал, чем взглядам самого Чернышевского. Совершенно очевидно, что он бы такой прокламации не написал, и что если бы она была представлена ему на редакцию, то он радикально бы ее переделал¹.

Дело представляется нам в следующем виде. Когда стало ясно, что крестьянская реформа будет проведена в ущерб народным интересам, и начали обнаруживаться признаки наступающей реакции, группа — в составе Чернышевского, Шелгунова, Михайлова, Н. Обручева и неизвестно еще кого² — задумала приступить к подготовке восстания и, в частности, наметила серию революционных воззваний,

¹ Даже Лемке, плохо разбирающийся в теоретических вопросах, констатирует разницу идей прокламации с нарождавшимся радикальным чисто-западническим течением русской мысли, получившим свое выражение в подцензурном «Современнике» Чернышевского и Добролюбова (цит. соч., стр. 81). Но противоречия в рассказах Шелгунова и Слепцова о происхождении прокламации «К молодому поколению» он не замечает.

² Н. Серно-Соловьевич примкнул к этой компании позже, а Добролюбов находился за границей.

которые в своей совокупности должны были охватить все те социальные элементы, на активное участие которых в предстоявшей революции члены группы рассчитывали. Из этих четырех намеченных прокламаций увидела свет только одна: «К молодому поколению», сепаратно составленная и напечатанная Шелгуновым и Михайловым без совещания с другими членами этой, повидимому, неоформленной группы. Другие две — Чернышевского «К барским крестьянам» и Шелгунова «К солдатам», переданные для печатания В. Костомарову — были им в рукописи сообщены полиции и в свет не появлялись¹. Была ли написана четвертая «К раскольникам», тоже принадлежавшая как будто Чернышевскому, неизвестно.

Совершенно очевидно, что в этой группе, если о таковой можно говорить, руководящая роль принадлежала Чернышевскому. Не говоря уже о том, что ему поручена была главная прокламация к крестьянам, он же затем взял на себя и прокламацию к раскольникам, и, повидимому, должен был редактировать и остальные. В частности прокламация к солдатам была составлена Шелгуновым по проекту Чернышевского². Надо полагать, что им же было намечено и примерное содержание прокламации «К молодому поколению», каковое позже, как мы предполагаем, было самовольно изменено ее авторами. Да и кто же другой, кроме Чернышевского, мог претендовать на идейно-политическое руководство в этой группе? Кто из участников ее мог сравняться с ним по знаниям, твердости политической линии, последовательности мировоззрения, наконец, по влиянию и авторитетности? Вот почему мы в праве рассматривать этот план как дело рук Чернышевского, как его широкий замысел, долженствовавший положить начало планомерной и систематической идейной подготовке радикального политического переворота, который при благоприятных условиях должен был перейти в социалистическую революцию.

Воззвание к барским, т. е. крепостным крестьянам было написано Чернышевским или непосредственно после выхода манифеста 19 февраля, опубликованного 5 марта 1861 г., или даже до него. Ибо, хотя автор и ссылается на манифест, но употребляет термин «срочно-обязанные», как первоначально предполагалось называть крестьян в течение переходного времени, вместо окончательно принятого термина «временно-обязанные», употребляемого в манифесте. Необходимо заметить, что *воззвание в том виде, в каком оно вышло из-под пера Чернышевского, нам неизвестно*. Оно было переписано Михайловым, который и передал его студенту Сороко для вручения В. Костомарову, уже уехавшему в Москву. Судя по показаниям Михайлова, он вносил в него какие-то поправки: вот почему рискованно было бы возлагать на Чернышевского ответственность за эти поправки, если бы в них оказалось

¹ Впрочем, впоследствии Шелгунов изменил текст своей прокламации «К солдатам», и в таком измененном виде она была напечатана и распространена. Она перепечатана в «Соч.» Герцена, т. XI, стр. 321—323.

² См. «Записки» М. Михайлова, стр. 10. По этому поводу А. Шиллов замечает: «Сходство начал обеих прокламаций позволяет предполагать идейное руководство Чернышевского» (там же).

нечто предосудительное с революционной точки зрения (хотя, как мы увидим ниже, таких мест в воззвании нет)¹. Но и в том виде, в каком воззвание дошло до нас, оно представляет уникам в прокламационной литературе не только того периода, но и последующего времени по основательному знакомству с предметом, по мастерству изложения, по умелости подхода к неразвитому массовому читателю и по непреклонной убедительности доводов².

Начинается она обращением: «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»³. Далее идет сдержанная по форме, но резкая по существу характеристика положения 19 февраля и вредных для крестьянства его сторон. В этом разделе особенно замечательно указание на гибельное значение для крестьянства произведенных у него помещиками отрезков. Вывод из анализа: «Просто сказать, всех в нищие поворотят помещики по царскому указу» — звучит чрезвычайно убедительно. «Не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нынешней». Знал ли царь, что он делает? Конечно, знал. Ведь он — сам помещик и глава всех помещиков. Поэтому ждать от него воли кре-

¹ В письме к Соколову, составленном В. Костомаровым совместно с Третьим Отделением для изобличения Чернышевского, говорится о том, что Чернышевский в присутствии Михайлова будто бы читал Костомарову первую редакцию воззвания, которая поразила Костомарова своим кровожадным тоном: «Это было какое-то странное, опьяняющее впечатление. Слово кровавый туман застилало глаза: казалось, он входил в самый мозг... страшно и мерзко становилось мне, и вместе с тем зарождалось какое-то безотчетное удалство, так и подмывало схватить топор или нож, так и хотелось рубить и резать, не разбирая, кого и за что». Но затем Костомаров якобы опомнился и отказался печатать прокламацию в таком виде. В результате Чернышевский принужден был изменить текст, но «остался при своем убеждении, что мужикам не толковать следует, не вразумлять их, а только кричать почаще: в топоры, ребята!», что в таком дряблом виде, какой, по нашему убеждению, приняло воззвание к б. к., «из него ничего не выйдет». По словам Костомарова, Михайлов тоже стоял за смягчение воззвания, один Шелгунов был от него в восторге. Все это несомненно выдуманно предателем или подсказано ему III отделением. Совершенно невероятно, чтобы Чернышевский стал менять текст воззвания по требованию первого встречного юнца. Да и никогда он не стал бы так разоблачать своей тайны перед мало знакомым человеком. Никакого чтения прокламации в присутствии Костомарова быть не могло. Это ясно уже из того, что Костомаров даже не знал, кто был автором воззвания, и в первое время приписывал его Михайлову. Только впоследствии он стал называть автором его Чернышевского. Это кстати заставляет сомневаться и в принадлежности Чернышевскому записки об исправлении слов «срочно-обязанные» на «временно-обязанные», позже представленной Костомаровым в III отделение. Если бы такая записка действительно существовала и была подлинной, то Костомаров с самого начала знал бы о том, что автором воззвания к барским крестьянам является Чернышевский. Это — пункт чрезвычайно темный. Когда и каким образом Костомаров узнал или догадался о том, что воззвание принадлежит перу Чернышевского, мы не знаем.

² Прокламация «К барским крестьянам» публиковалась неоднократно. Последние полные и точные перепечатки с рукописи даны в «Политических Процессах» под ред. В. Козьмина (стр. 188—189) в «Прокламациях шестидесятых годов» под ред. Ф. Раскольникова (стр. 70—79).

³ Прокламация Шелгунова к солдатам имеет такое же начало: «Русским солдатам от их доброжелателей поклон».

стьянам не приходится. При самодержавии настоящей воли и не может быть. Следует характеристика положения вещей в других странах, где правительство в той или иной мере подотчетно народу. Описав в популярных выражениях конституционную монархию и республику, автор отдает преимущество последней и заключает: «Так вот она какая в исправду-то воля бывает на свете: чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покорствовало, и чтобы суд был правдивый и ровный всем был бы суд, и бесчинствовать над мужиком никто не смел, чтобы пачпортов не было, и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было. Вот это воля, так воля и есть. А коли того нет, значит и воли нет, а все одно обольщение в словах».

Затем воззвание переходит к вопросу, как же добиться настоящей воли. «Можно это дело обработать, — говорит оно, — и не то, чтобы очень трудно было; надо только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой запастись». Для этого воззвание рекомендует помещичьим крестьянам столкнуться с государственными и удельными, у которых тоже воли нет, и с солдатами, на которых все держится, но которые в сохранении существующих порядков не заинтересованы. Крестьянству нужно готовиться к восстанию, «а куда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить — значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать. Пословица говорится, что один в поле не воин. Что толку-то, если в одном селе булгу поднять, когда в других селах готовности еще нет? Это значит только дело портить да себя губить. А когда все готовы будут, значит, везде поддержка подготовлена, ну, тогда дело начинай... Мы уже увидим, когда пора будет, и об'явление сделаем... Мы знаем, что покудова нет приготовленности. А когда приготовленность будет, нам тоже видно будет. Ну, тогда и пришлем такое об'явление, что пора, люди русские, доброе дело начинать, что во всех местах в одну пору начнется доброе дело, потому что везде тогда народ готов будет, и единодушие в нем есть, и одно место от другого не отстанет; тогда и легко будет волю добыть. А до той поры готовься к делу, а сам виду не показывай, что к делу подготовка у тебя идет». И кончается прокламация обещанием, что, когда наступит момент выступления, революционеры откроются народу.

Казалось бы, воззвание не оставляет мест ни для каких недоразумений. Неопровержимо доказав враждебность помещичьего правительства народу и пагубность крестьянской реформы для масс, оно строго логически подводит читателя к признанию необходимости революционного переворота. Но констатируя неподготовленность массы к вооруженному восстанию и гибельность разрозненных выступлений, оно рекомендует ей готовиться к нему, ведя тайную агитацию среди крестьянства и солдат и планомерно организуя народные силы. Назначение момента восстания воззвание предоставляет революционной партии, которая, основываясь на получаемых ею с разных сторон сведениях, решит, наступил ли удобный момент, и подаст сигнал к выступлению. Совершенно очевидно, что иначе серьезные революционеры действовать не могут и не в праве. Примеры отдельных бун-

тов, легко подавленных воинскою силою, были еще слишком памятны и ясно говорили о необходимости известного периода предварительной подготовки. Как известно, тогдашние революционеры не считали этого периода особенно длительным и были уверены, что восстание начнется весной 1863 года.

Но в воззвании было еще одно место, оказавшееся в рукописи вычеркнутым. Оно гласило: «А вот еще о чем, братцы, солдат просите, чтобы они вас учили, как в военном деле порядок держать. Муштровки большой вам не надо, чтобы там в ногу итти по-солдатски да носок вытягивать,—без этого обойтись можно; а тому надо учиться вам, чтобы плечом к плечу плотнее держаться до команды слушаться, пустого страха не бояться, а мужество иметь во всяком деле да рас-судок спокойный, значит—хладнокровие. Что вам надо узнать, что покуда вперед прешь да плотно держишься, да команды слушаешься, тут мало вреда терпишь; только тогда и опасность большая бывает, когда дрогнешь да мяться начнешь, да еще коли побежишь назад,—ну, тут уж плохо дело. А покуда вперед идешь, мало тебе пушка вреда делает. Ведь из сотни-то ядер разве одно в человека попадет, а другие все мимо летят. И о пулях тоже надо сказать. Тут грому много, а вреда мало. А кроме того ружьями запасайтесь, кто может, да всяким оружием».

Имелись ли эти строки в первоначальном тексте воззвания, кем они были вычеркнуты, когда и по каким соображениям,—этого мы никогда не узнаем. Если они и имелись в оригинальном тексте Чернышевского, то позже вычеркнуть их мог и он сам, и Михайлов, который вносил какие-то поправки в текст Николая Гавриловича, и, наконец, В. Костомаров, у которого рукопись в последнее время и находилась. Можно даже а priori сказать, что вычеркивал эти строки не Чернышевский: ведь он давал переписывать рукопись Михайлову, и если бы он сам вычеркнул эти строки (предполагая, что они принадлежали именно ему и находились в оригинальном манускрипте), то Михайлов не стал бы их переписывать, и они не попали бы в ту копию, которая затем через Сороко была вручена Костомарову для печатания. Поэтому дозволительно предположить, что *они были вычеркнуты Михайловым, который, быть может, сам их и вставил, или Костомаровым*. Последний мог сделать это еще в то время, когда он не собирался предавать, а думал печатать переданные ему воззвания. Но по трусливости своей натуры он мог счесть эти строки, более открыто говорящие о вооруженном восстании, особенно рискованными и влекущими за собою особенно строгую ответственность. А еще возможно, что тот шантаж над Чернышевским, который Костомаров относил якобы к первому свиданию с Н. Г., требуя от него изменения особенно опасных мест прокламации и угрожая в противном случае отказаться от ее печатания, в действительности имел место позже, когда воззвание уже находилось в его руках, и когда он угрозами похоронить прокламацию принудил Чернышевского во время его визита в Москву или Михайлова, с которым он больше сносился, выбросить это место.

Все это, конечно, предположения, на которых мы не настаиваем. Мы говорим все это для того, чтобы показать, что у нас нет никаких оснований возлагать ответственность за изъятие этих строк именно на Чернышевского. Но стоит ли вообще об этом говорить? Мало ли по каким причинам автор **изменяет** то или иное место в своем произведении. Не следует ли из факта нахождения известного места в первоначальной редакции воззвания умозаключить как раз к тому, что это место и выражает мнение автора, но затем **устранено** по причинам, от его воли не зависящим, напр., по требованию товарищей и т. п.? А в данном случае вся соль в том, что выбросить указанное место следовало просто по соображениям архитектоники: оно действительно нарушает общий строй прокламации, которая сознательно не дает нигде конкретных указаний, оставаясь все время на почве общих рассуждений и, видимо, предоставляя пропагандистам конкретизировать и облекать в плоть ее общие положения во время устных бесед и раз'яснений.

А между тем, на основании этого голого факта, совершенно не выясненного ни со стороны своего виновника, ни со стороны мотивов, т. М. Н. Покровский делает ряд выводов, крайне неблагоприятных для Чернышевского и выставляющих его действительную физиономию в неверном свете. Прочитав вышеприведенное место относительно недопустимости разрозненных выступлений отдельных деревень, Покровский замечает: «Характерно, что это осталось в тексте прокламации, а раньше было вот что, и это вычеркнуто (следует место относительно военного обучения у солдат)... Маленький рецепт военной подготовки. Это было в прокламации Чернышевского и вычеркнуто им (?) как вещь опасная (??), а вот эти строки: «надо спокойствие сохранять и вида никакого не показывать» — остались. Это — другая характерная пророческая черта, но уже с другого конца. Чернышевский был не только родоначальником нашей аграрной программы, но он несомненно был родоначальником и меньшевистской тактики, которая в том и состояла: «зачем булгу поднимать, и что из этого выйдет, нужно спокойствие сохранять», и потихоньку да полегоньку, опираясь на буржуазию («образованные классы» у Чернышевского), постепенно, путем мирного давления этих «образованных классов», в которых царское правительство не может стрелять, постепенно добиваться от царя всяких уступок». И дальше т. Покровский противопоставляет меньшевизму Чернышевского образец большевистского настроения в лице «Молодой России»¹.

Поистине наш великий предтеча заслуживает более бережного и внимательного к себе отношения. В свое время его постигла жестокая участь от руки правительства. Но для него, без сомнения, в тысячу раз тяжелее была бы мысль, что потомство неправильно его поймет и припишет ему оппортунистические стремления, которые

¹ «Очерки по истории революционного движения», стр. 59.

он так безжалостно бичевал в других. Оценка, которую т. Покровский дает прокламации к барским крестьянам, поражает нас своею несправедливостью, а еще больше несправедливостью. Если бы такие слова написал о Чернышевском кто-нибудь другой, мы прошли бы мимо них или ограничились простым указанием на них, как сделали это по отношению к пылкому Шебунину, об'явившего Чернышевского на основании статьи Хоментовской представителем умеренного течения в 60-х годах. Но т. Покровский пользуется репутацией лучшего марксистского историка и слишком большим авторитетом в подобных вопросах, а потому на его слова приходится остановиться подробнее в надежде, что он внесет поправку в сделанную им без достаточных оснований отрицательную характеристику политической тактики Чернышевского.

В чем собственно Покровский обвиняет Чернышевского? В том, что он выбросил директиву революционного характера (рецепт военной подготовки) и оставил директиву оппортунистического свойства (сидеть смиренно и не бунтовать). Допустим даже, что это сделал именно он. Но разве это хоть в малейшей степени позволяет нам заключать отсюда, что он сделал это по каким-либо оппортунистическим соображениям? Какой смысл имела военная подготовка? Она нужна была для восстания. Но разве все содержание воззвания не говорит о подготовке народа к восстанию? Говорит, и ни о чем другом кроме этого не говорит. Но как же быть с советом Чернышевского сидеть смиренно, который т. Покровский приводит даже в кавычках? Но здесь т. Покровский впадает в досадное недоразумение: *ничего подобного у Чернышевского нет*. Тов. Покровский цитирует слова Чернышевского так: «зачем булгу поднимать, и что из этого выйдет, нужно спокойствие сохранять». А у Чернышевского сказано: «Что толку-то, ежели в одном селе булгу поднять?» и т. д. (см. выше), т.-е. Чернышевский высказывается против *разрозненных* неподготовленных вспышек, выгодных только для господствующих классов и пагубных для интересов революции, к *систематической* подготовке которой он и призывает крестьян. Неужели т. Покровский думает на этот счет иначе? Разве это не азбука разумной революционной тактики? Ведь только анархисты, да и то из самых оголтелых, способны рекомендовать бунты без подготовки, без предварительной пропаганды и организации. *Разве в планомерной подготовке—признак меньшевизма?*

Да, но выброшено место о военной подготовке. Ну, так что же? Прежде всего нужно знать, по каким мотивам оно выброшено (повторяю, если предположить, что сделано это именно Чернышевским). Прокламация была написана зимою 1861 года. При тогдашних условиях появиться на свет она могла не раньше конца года. Следовательно, до ожидавшегося весной 1863 года восстания оставалось около года. Могла ли при тогдашних российских условиях военная подготовка крестьян пойти далеко? Ясно, что нет. А что она способна была обратить на себя внимание властей предрержащих до времени, это очевидно. И потому из'ятие указанного места могло быть продиктовано соображениями целесообразности и элементарной конспирации. Пользы

от подготовки было бы очень мало, а вред она могла причинить большой, провалив все дело.

Тем более, что *все тогдашние революционеры были уверены в неминуемом присоединении солдат и даже части офицеров к восстанию*. Об этом говорит и рассматриваемая прокламация, и все документы эпохи. Даже Герцен говорит о «военно-крестьянском» восстании, которого тогда ждали все, начиная от революционеров и кончая правительством. А присоединение воинских частей давало восстанию достаточную, чтобы не сказать непобедимую, силу. Но можно ли полагаться исключительно на солдатскую массу? Разве большевики перед Октябрьской революцией не подчеркивали необходимость наряду с привлечением солдат к восстанию организовать и вооруженные силы пролетариата, не строили красную гвардию, не добивались вооружения рабочих? Верно. Но не следует забывать, что большевики подготавливали *социалистическую* революцию, во время которой руководящую роль должен был играть пролетариат, проникнутый *коммунистическими* стремлениями, тогда как крестьянская в большинстве армия могла при всем своем демократическом радикализме оказаться ненадежной в смысле коммунизма. Здесь налицо было сотрудничество *двух* классов, которые при случае могли в своих основных социальных стремлениях и разойтись. Ничего подобного не было во времена Чернышевского. Тогда предполагалась *крестьянская* революция, с основными стремлениями и лозунгами которой крестьянская же армия разойтись никак не могла. Солдаты, примыкая к восстанию крестьян, не только не становились с ними в противоречие, не только не могли выставить какую-либо отдельную от них программу требований, но и полностью слились бы с ними. А при таких условиях надобности в отдельной вооруженной силе, стоящей на страже другой программы, не было. Воинские части, примыкающие к движению крестьян, составили бы естественные кадры, в которые вливались бы сельские повстанцы, отличающиеся от старых солдат не по духу и не по устремлениям, а лишь по военной выучке и технической сноровке.

Таким образом, исключение указанного места ни на иоту не отнимает у воззвания его основного революционного и боевого характера. *С этим местом и без него оно остается документом, призывающим крестьян к восстанию и подготавливающим это восстание*. Слова же относительно «булги» и пр. означают не отказ от восстания (при допущении такого отказа воззвание теряет всякий смысл), а правильное стремление удержать народ от стихийных и разрозненных вспышек, способных сорвать массовое восстание, в неизбежность которого автор воззвания, как и другие революционеры того времени, глубоко верил.

Но как же быть с «потихоньку да полегоньку», которые якобы рекомендовал Чернышевский, с его надеждами на «образованные классы», которые мирным давлением на правительство постепенно вынудят у него уступки и в которых оно не посмеет стрелять?

Да, это было бы крупным промахом со стороны Чернышевского, которого в таком случае следовало бы обвинить не просто в меньше-

визме, а в наивном, чтобы не сказать резко, либерализме. Но в том-то и дело, что *никогда ничего подобного Чернышевский не говорил*. Слова Чернышевского насчет «булги» т. Покровский, игнорируя общий смысл воззвания, неправильно истолковал, эти же наивные либеральные иллюзии он Чернышевскому без всякого основания приписал. Ни в одном из сочинений Чернышевского мы не встретим ничего, даже в отдаленной степени напоминающего столь дикие либеральные иллюзии, с которыми он, напротив, всегда боролся, таких смешных надежд на правительство, против которых он всегда протестовал и из-за которых порвал с Герценом и его единомышленниками. Эти слова т. Покровский нашел не в сочинениях Чернышевского, а в «Великоруссе» и, приписав их Чернышевскому, получил портрет, ни в какой мере не похожий на действительного Чернышевского, этого непримиримого революционера, которого т. Ленин так хвалил именно за разоблачение либеральных иллюзий и за возбуждение непримиримой ненависти и систематического недоверия к правительству.

Итак, от мнимого меньшевизма Чернышевского не остается и следа. А когда т. Покровский пытается противопоставить ему воззвание «Молодая Россия», то и здесь мы не видим ничего, кроме недоразумения. Во-первых, «Молодая Россия», как мы выше указали, целиком составлена в духе основных положений, развивавшихся Чернышевским в продолжение всей его литературной деятельности, составлена в их духе настолько, что многие современники, принадлежавшие к противоположным лагерям, прямо считали ее делом его рук. А, во-вторых, какие тактические советы дает эта, не в пример «меньшевику» Чернышевскому, «большевистская» прокламация? Что же, она советует немедленно поднимать «булгу», не взирая на обстоятельства и не считаясь с подготовленностью? Ничего подобного. При всем своем радикализме она кончается следующим практическим советом молодежи: «Готовься, а для этого собирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайные общества, с которыми Центральный Революционный Комитет сам постарается войти в сообщение, рассуждайте больше о политике, уясняйте себе современное положение общества, а для большего успеха приглашайте к себе на собрания людей, действительно революционных и на которых вы можете вполне положиться». А когда придет день, комитет подаст сигнал. То-есть то же самое, что у Чернышевского, но с той только разницей, что он обращается не к бессильной молодежи, которой «Молодая Россия» придает такое преувеличенное значение, а к крестьянской массе и через нее к солдатской массе, что было и более разумным, и более революционным¹.

¹ Ошибка т. Покровского произошла не только от того, что он приписал Чернышевскому авторство «Великорусса», но и от того, что для характеристики его воззрений он выхватил отдельное его произведение, игнорируя общий контекст его писаний. В моем изложении, — говорит он (цит. соч., стр. 56—57), —... Чернышевскому приходится фигурировать не как автору знаменитых статей об общине и «Примечаний к Миллю» и т. д., а как автору прокламации к барским крестьянам. Для выводов о политической тактике Чернышевского этого маловато,

Почему же он — меньшевик, а авторы «Молодой России» большевики? Нет, если кого можно и должно признать родоначальником большевистской тактики, так это именно Чернышевского, который, впрочем, проводил эту тактику всегда и даже в своих подцензурных писаниях. И как раз за это Ленин так перед ним преклонялся, чувствуя в нем родственную натуру и настроение¹.

Ю. Стеклов.

¹ Об этом свидетельствуют все отзывы Ленина о Чернышевском, которого он считал последовательным революционером, отношение которого к текущим вопросам политики признавал верхом проницательности и о котором вообще был самого высокого мнения, как о политике. Ср. слова Н. К. Крупской, сказанные ею А. В. Луначарскому: «Вряд-ли кого-нибудь Владимир Ильич так любил, как он любил Чернышевского. Это был человек, к которому он чувствовал какую-то непосредственную близость и уважал его чрезвычайно в высокой мере». А затем, подумав минуту, она прибавила: «Я думаю, что между Чернышевским и Владимиром Ильичем было очень много общего» (А. Луначарский. — «Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности». «Вестник Ком. Академии», 1928, № 1/25. Стр. XXXIX—XL). Мы не хотим «клясться словами учителя», но все же полагаем, что в вопросах политической оценки Ленин разбирался, и что его высокое мнение о Чернышевском, как политическом деятеле, имело под собою серьезные объективные основания.

ПРИНЦИПЫ МЕХАНИКИ

1. В последнее время с появлением теории относительности и ряда квантовых механик вопрос о принципах механики получает громадную важность.

Предполагая посвятить пересмотру принципов механики последнюю часть моей жизни, я чувствую потребность поделиться своими мнениями по этому вопросу.

Лагранж в предисловии к своей знаменитой механике (1811) пишет: «В этом труде совсем нет фигур. Методы, которые я здесь излагаю, не требуют ни построений, ни геометрических или механических рассуждений, но только алгебраические операции, подверженные правильному и однородному ходу. Те, кто любит анализ, увидят с удовольствием, что механика сделалась новою ветвью его и будут мне благодарны за расширение его области».

Таким образом получилось, если так можно выразиться,—механика без механики».

Собственно говоря то, что Лагранж пишет относительно отсутствия в его книге «механических рассуждений», есть эффектная красивая фраза, не совсем соответствующая, а может быть и совсем не соответствующая тому, что есть на самом деле.

Последователи Лагранжа пошли далее в чисто математическом понимании механики, хотя, конечно, не всегда были на высоте его по красоте и элегантности выкладок.

Образовалась так называемая математическая школа в механике, получившая громадное влияние в науке, которое не изжито еще и до настоящего времени.

В предисловии к «Трактату натуральной философии Томсона и Тета» (1903) мы читаем:

«Ничто так не фатально для прогресса, как слишком доверчивая склонность к математическим символам, ибо студент слишком склонен избрать более легкий путь и рассматривать, как физическую реальность, формулу, а не факт».

Здесь Томсон, очевидно, только ради деликатности пишет слово «студент», на самом же деле он разумеет всякого представителя крайнего математического направления.

Не предполагая следовать математическому направлению, я считаю для механики математику только лишь средством, а не целью.

Что касается обще-философских соображений, то я предполагаю держаться идей материалистического мирозерцания.

Горячие споры, происходящие в настоящее время по поводу принципов механики, свидетельствуют о наличии глубокой, если так можно выразиться, болезни механического метода объяснения природы.

Если бы я в моем пересмотре принципов механики начал с современной эпохи, прямо со споров о теории С. Эйнштейна, то я был бы подобен врачу, который лечит не самую болезнь, а лишь последнее ее внешнее проявление.

Дело лежит глубоко, и симптомы болезни были очевидны уже давно, задолго до того времени, когда об этом серьезно начали думать.

2. Исходя из этих соображений, я ставлю себе как первое направление для пересмотра принципов механики классическую гидродинамику.

Уже когда в 18-м столетии Эйлер и Лагранж перешли к приложениям механики Ньютона, к движению жидкостей, начались существенные недоразумения. Жидкость пришлось рассматривать, как тело, состоящее из бесконечного числа материальных точек, обладающих свойством подвижности одних против других.

Прилагая к такой системе точек основные принципы механики Ньютона, а также изобретенный анализ бесконечно малых, Эйлер и Лагранж почти одновременно составили так называемые дифференциальные уравнения движения жидкости. Вывод этих уравнений гидродинамики считается до сих пор правильным.

Вскоре гидродинамика представила серьезное затруднение, связанное с вопросом о сопротивлении жидкости движению в ней твердых тел. Оказалось, что из своих дифференциальных уравнений Эйлер был приведен к неумолимо логичности к факту, что жидкость не должна оказывать сопротивления прямолинейно и равномерно движущемуся в ней шару.

Это утверждение, противоречащее наблюдениям повседневного опыта, носит название парадокса Эйлера. Французы называют его парадоксом Даламбера.

Если принять во внимание, что вывод дифференциальных уравнений был правильный и, не нарушая принципов механики и логики, никаких других уравнений получить нельзя, становится ясным, что указанный парадокс говорит ясно против прикладной правильности основ механики Ньютона в обычном ее понимании.

Пришлось схеме жидкости, движение которой определяется уравнениями Эйлера и Лагранжа, назвать идеальной жидкостью.

Чтобы как-нибудь выйти из затруднений, связанных с парадоксом Эйлера, ввели новое понятие о вязкости или внутреннем трении частиц жидкости друг от друга, а также о трении жидкости о тела, мимо которых она проходит. Это было сделано уже в 19-м столетии.

Если дифференциальные уравнения идеальной жидкости были трудны для их исследования, то уравнения вязкой жидкости оказались еще менее доступными.

Затруднения, связанные с парадоксом Эйлера, представляют не единственный аргумент против прикладного значения теории идеальных жидкостей. Быть может еще большее неудобство этой теории состоит в вечности и неуничтожаемости вихрей.

По указанным соображениям теория идеальных жидкостей не может считаться первым приближением к действительности, как схема, радикально противоречащая опыту.

Несмотря на все это, исследования по теории идеальных жидкостей продолжают до последнего времени под названием исследований по гидродинамике. Курсы гидродинамики до последнего времени заполняются на 80% изложением свойств идеальной жидкости. Парадокс Эйлера не только не подчеркивается, а, наоборот, замалчивается.

Представители математического направления в механике, очевидно, считают, что прежде чем перейти к схеме жидкости вязкой, надо изучать жидкость идеальную.

Быть может в их пользу можно привести тот аргумент, что еще неизвестно, насколько подтвердится на опыте теория вязкой жидкости, проведенная до конца по дифференциальным уравнениям Навье—Стокса. Уже существуют кое-какие замечания Бусинека и Мизеса против уравнений Навье—Стокса.

Какой же можно порекомендовать выход из всего этого. Теоретически говоря, следовало бы, конечно, кроме вязкости, ввести еще сжимаемость жидкости, различные тепловые и быть может даже электрические процессы. Следует установить известные гипотезы молекулярного характера и на их основе составить дифференциальные уравнения движения, а может быть интегральные уравнения или даже еще что-нибудь другое.

Все это несомненно невыполнимо. Во-первых, у нас нет достаточно основания для догадок об установлении основных гипотез, с другой стороны, несомненно, что полученные уравнения будут труднее для решения, чем уравнения вязкой жидкости.

Всё писать дифференциальные уравнения, когда мы не умеем их интегрировать.

Более жизненным является обратный путь—переходить от опыта к теории. Потребности мореплавания и особенно авиации вызвали к жизни гидро- и аэро-динамические институты, где и изучаются действительные свойства жидкостей. Следя за деятельностью этих институтов, а также вообще за достижениями в области гидравлики, можно восходить от опытных данных к догадкам о внутренних молекулярных явлениях в жидкостях.

Позволю себе остановиться более подробно на вопросе о сопротивлении жидкости, так как тут я смогу яснее дать понять мою точку зрения.

Первою по времени и по известности методом решения вопроса, не выходящей из рамок идеальной жидкости, был способ Гельмгольца—Кирхгофа приложения теории функций комплексного переменного к изучению плоского потока. По этой методе за преградой пред-

полагается «мертвая», неподвижная вода, по обеим сторонам которой протекают струи свободно движущейся воды.

Несомненно, под влиянием опыта В. Томсон отрицал возможность такого протекания. Он отрицал эту возможность даже с точки зрения теории идеальных жидкостей, как противоречащую его теореме минимума энергии.

Опыт, конечно, подтвердил мысли Томсона, ибо за преградой не только нет мертвой воды, но даже существует ярко выраженное турбулентное вихревое движение. При этом выяснилось, что засасывающее действие этого турбулентного движения может доходить до 200% любого сопротивления.

Не имея возможности отрицать значение теории функций комплексного переменного для плоского потока, где фигурирует логарифмический потенциал, я принужден, однако, признать старую теорию Гельмгольца—Кирхгофа с мертвой водою анахронизмом.

Каково же было мое удивление, когда я увидел в новом издании третьего тома механики Аппеля главу о сопротивлении жидкости.

Механика Аппеля является, особенно для молодых ученых всего мира, сочинением, в котором они имеют право рассчитывать познакомиться с современным положением науки.

Тут Аппель предоставил целую главу перу профессора страсбургского университета Вилля.

Вилля заполнил довольно большую главу исключительно своими исследованиями, при чем совершенно не упоминает о школах Жуковского и Прандтля. Он до самого последнего времени остается при теории Гельмгольца—Кирхгофа. Против возражений Томсона Вилля приводит работу 1911 года академика Брилуэна, в которой, по его словам, рассеяны возражения Томсона.

Мой уважаемый ученик Н. И. Архиезер внимательно проштудировал работу Брилуэна, при чем убедился, что эта работа представляет сплошную ошибку. Доказательство этого Архиезер сообщает в работе, которая должна появиться в непродолжительном времени в «Записках математической секции» Товарищества имени Шевченко во Львове.

Обращаюсь теперь к идеям школы Жуковского. Тут я должен сказать, что характерное для Жуковского понятие о циркуляции приемлемо для меня только под условием вывода его для вязкой жидкости из эффекта Магнуса. При этом надо принять в соображение, что потенциальное движение одно и то же, как для идеальной, так и для вязкой (Навье—Стокс) жидкости.

Верхом математической метафизики является так называемая «улица вихрей Кармана». В виду того, однако, что опыт дал Карману хотя слабый, но все же некоторый аргумент в пользу его теории, можно считать «улицу вихрей», если не важным результатом, то все же представляющий некоторый интерес.

Гораздо ближе к тому, что имеет место в природе, попытки решения вопроса о сопротивлении жидкости в школе Прандтля, где рассматривается уже вязкая жидкость.

Тут вводится два новых понятия: о «связанных вихрях» и о «граничном слое». Оставляя в стороне вопрос, насколько эти понятия соответствуют тому, что происходит в природе, можно утверждать, что принятое в последнее время для удобства вычислений предположение о полном смачивании жидкостью тела в ней движущегося едва ли соответствует действительности.

Для выяснения этого вопроса я предполагал произвести такой опыт: заставить вращаться горизонтальный диск вокруг вертикальной оси. При этом верхняя сторона диска делается гладкой, а нижняя шероховатой. Интуиция заставляет предполагать, что тогда при вращении диска должен происходить под'емный эффект, то-есть должна существовать сила, стремящаяся поднять диск. По нашим киевским обстоятельствам я не мог осуществить этот несложный опыт. В моей переписке с проф. Прандтлем я упомянул о моем проектируемом опыте. Прандтль признал правильность моих мыслей, сообщил, что они еще не делали подобного опыта, и обещал иметь его в виду.

3. Второе направление по пересмотру принципов механики должно отнестись к теории упругости.

Тут также классическая теория, относящаяся к однородной бесконечно малой деформации, принимающая закон Гуна, далека от жизни строительных материалов в ее целом. За пределами теории остаются разнообразные явления, как-то: тренировка материалов, подвергаемых повторным малым деформациям, утомление материала при повторных, более значительных деформациях и, наконец, гибель материала при разрыве.

В этом направлении надо обратить внимание на мысль Витто—Вольтерра о явлениях *наследственности*. Под этим именем Вольтерра разумеет такие случаи, когда движение тела определяется не только начальными условиями, но еще предыдущей историей движения тела. Математической картиной этих явлений являются введенные Вольтеррой *интегро-дифференциальные уравнения*.

Как бы ни была красива с математической точки зрения теория Вольтерры, решающее слово скажет ее подтверждение на опыте.

4. Третьим направлением в пересмотре принципов механики будет механическая теория эфира.

После неудач с обыкновенными жидкостями явилась надежда, нельзя ли рассматривать эфир, как идеальную жидкость и искать в нем удачных приложений гидродинамики. Таким образом Томсон думал создать теорию атомов, рассматривая их как вихри в жидком эфире.

Но вскоре оптика обнаружила желательность рассматривать эфир, как упругое твердое тело.

Однако, несмотря на участие в указанных исследованиях эфира такого крупного ученого, каким был Томсон, окончательный результат был отрицательный и тут принципы механики Ньютона не оказались на высоте задач объяснения природы.

Несмотря на малую удачность этого направления, в программу должен входить внимательный пересмотр исследований выдающихся математиков, особенно английских: Грина, Стокса, Релея, Томсона.

К изучению мыслей Томсона надо отнестись с особым вниманием, ибо это был первоклассный математик, не терявший чутья действительности.

5. Следующее четвертое направление должно состоять в изучении максвелловой теории электричества.

При получении своих знаменитых уравнений электро-динамики, Максвелл пользовался аналогиями, взятыми из упругости и гидродинамики.

Так, как я понимаю дело в настоящую минуту, теория Максвелла является отказом от принципов механики Ньютона.

Таким образом фундаментальной задачей естествознания является синтез механики, в прежнем смысле слова, и электродинамики в одну общую схему. Решение этой задачи является необходимым требованием настоящего момента и весь пересмотр принципов механики должен совершаться в этом направлении.

В виду этого я в настоящее время усиленно изучаю математическую теорию электричества. Для того, чтобы не терять под ногами почвы действительности, я с группой моих учеников приступил к изучению математических расчетов наиболее сложных современных динамо, трансформаторов и моторов.

Тут придется пересмотреть довольно большую литературу, относящуюся к обоснованию уравнений Максвелла.

В этой области мы встречаем самые разнообразные мысли: вывод уравнений Максвелла из механических картин эфира, обратное электромагнитное обоснование механики (В. Вин) и т. п.

6. До сих пор мы рассматривали, если так можно выразиться, эволюционную историю принципов механики, перейдем теперь к революционным идеям замены механики Ньютона чем-то новым.

Отсюда в качестве пятого направления моей программы является изучение механики Герца, изложенной в его посмертном сочинении: «Принципы механики в новом изложении», 1894.

В русской литературе о механике Герца существует два сочинения: одно под заглавием «Механика Герца», 1898 г., принадлежит проф. Г. К. Сулову, другое принадлежит Фроловскому (Институт инженеров путей сообщения, 1910).

Сулов относится к механике Герца резко отрицательно, тогда как Фроловский является поклонником Герца.

Что касается до статьи Сулова, то можно соглашаться или не соглашаться с его критикой, но во всяком случае эта статья не заключает извращения идей Герца.

Фроловский же пишет, что слог Герца настолько неподражаемо точен, верен и сжат, что передавать его мысли «своими словами» значит почти всегда переходить от лучшего к худшему и мы часто предпочитаем точный перевод вместо свободной передачи.

К сожалению т. Фроловский не ограничивается своим не всегда точным переводом, а в тех местах, где Герц излагает идейную сторону дела, позволяет себе совершенно неудачную отсебятину. Например, он пишет, что у Герца заключается полный и ясный отказ от механического миропонимания в смысле материалистов. При этом автор бранит среду людей, «занимающихся только физико-математическими науками и пренебрегающих философской критикой».

Теперь я с другой группой моих учеников изучаю книгу Герца.

Книга начинается с совершенно неприемлемого, ошибочного определения массы, противоречащего современной теории множеств.

Указания на эту ошибку нет ни в статье Сулова с ее резкой критикой, ни в статье Фроловского с его привычкой к философской критике. Меня однако вовсе не интересуют ошибки Герца. Весь мир знает, что этот гениальный человек умел задавать природе вопросы в такой форме, что она принуждена была давать ему вполне определенные ответы. Преждевременная смерть не дала возможности Герцу изложить свои взгляды на принципы механики вполне. Тем внимательнее мы должны вдуматься в то немногое, что осталось после него.

Тем более идеи Герца заслуживают нашего внимания, что по распространенному среди специалистов мнению его система является попыткой синтеза механики и электродинамики.

Несмотря на то, что я с моими учениками лишь недавно приступил к изучению книги Герца, мы уже заметили кое-какие идеи, вошедшие потом в математический аппарат теории относительности.

7. Шестое направление моей программы должна составить теория Эйнштейна. Тут прежде всего я ставлю себе целью полное беспристрастие. Нельзя позволить себя вовлечь в круговорот взаимных пререканий релятивистов и антирелятивистов.

Вследствие малости скоростей в технической механике по сравнению со скоростью света, обе механики Ньютона и Эйнштейна не отличаются заметно по своим приложениям в технике.

Например, когда приходится излагать закон рычага, то этот закон излагается в таком виде, как его понимал Архимед, не знавший, что когда-то появится Ньютон и Эйнштейн. Более того, даже форма закона рычага несомненно была известна египтянам при постройке пирамид, а также при циклопических микенских постройках.

Пока в технической механике дело идет о простейших машинах, вопрос об общих принципах механики не имеет значения. Но когда техника должна считаться с достижениями естествознания, то вопрос о принципах механики, хотя и косвенно, выступает на первый план.

Я не причислю себя ни к релятивистам, ни к антирелятивистам.

Точка зрения антирелятивистов для меня неприемлема. Я не считаю возможным возвращение к прежней механике, просто из тех соображений, что по моему мнению не существует той определенной базы, к которой следует вернуться.

От релятивистов меня отличает мнение, что теория относительности не может остаться на вечные времена в том виде, как она в 1916 году вышла из-под пера Эйнштейна.

По моему мнению, под влиянием опытов: может быть опыта Миллера, а может быть других, которые могут появиться в будущем, теория относительности будет эволюционировать.

Для меня кардинальным относительно теории Эйнштейна является вопрос, насколько эта теория может считаться окончательным синтезом механики и электродинамики.

8. Седьмое направление моей программы касается, так называемых, квантовых механик.

Теория квант своим атомным строением энергии производила, как будто, полное уничтожение обычной механики, но в то же время подрывая обычную теорию силовых полей, она угрожала также и теории относительности.

За последнее время появилось большое число квантовых механик, при чем схема Шредингера производит, как будто, успокоительное впечатление. Здесь уровни энергии данной системы сводятся к «характеристическим числам» и соответствующим им «фундаментальным функциям». Дело приводится к классическим и привлекательным вопросам разложения по фундаментальным функциям и к вопросам теории интегральных уравнений.

9. Два последних направления моей программы, восьмое и девятое, можно объединить под названием механики молекулярного строения вещества.

Восьмое направление уже не новое: ему более пятидесяти лет существования. Это есть, так называемая, *статистическая* механика, основанная на теории вероятностей. Она прилагается, главным образом, в кинетической теории газов и в термодинамике.

Не исключается возможность, что через статистическую механику открывается единственный путь для объединения механики и электродинамики. Тогда масса, диэлектрическая постоянная, магнитная проницаемость явятся средними статистическими величинами сложной жизни молекулярного строения вещества.

Девятое направление касается теории твердых тел и играет роль в теории упругости. Это направление более новое, оно развилось в связи с опытами Лауэ и рассматривает решетки атомов твердого тела. В связи с этим течением находятся имена Макса Борна, Иоффе, Френкеля и др.

Как перейти от той и другой теории к изучению случая промежуточного, а именно случая жидкостей, является вопросом будущего.

10. Вот краткий обзор намеченной мною программы.

Могут сказать, каким образом я намечаю себе столь широкую программу, которая быть может могла бы занять научную деятельность не одного только поколения.

На это я отвечаю, что при пересмотре принципов механики надо бояться главным образом односторонности и предвзятых мыслей.

Если мою программу одобрит известное число ученых, то на смену одного сошедшего со сцены работника станут другие, которые продолжат начатое дело.

Д. Граве

МНОЖЕСТВО И СПЛОШНОСТЬ

Предисловие

Настоящее исследование исходит из основного положения диалектического материализма о заимствовании наших представлений, в том числе и имеющихся у нас чисто абстрактных понятий, из действительности, из окружающей нас природы.

Оно опирается также на следующие три основных принципа:

1. Бесконечность является всегда разворачивающимся диалектическим процессом.
2. Числа весьма удаленные по их значению становятся качественно отличными.
3. Множество и сплошность являются коррелятивными полярностями.

Первые две главы посвящены выяснению этих понятий и их приложению к случаю натурального ряда чисел; кроме того, отмечается то крайне интересное обстоятельство, что эти идеи были высказаны в отдельности в произведениях диалектически мыслящих философов. В следующих двух главах дана классификация чисел по природе изображаемых ими объектов, построена таблица основных элементов расширенной числовой области, и развито понятие структурного типа; попутно выясняется природа так называемой аксиомы Архимеда. В этих главах основы теории намечены в самом общем виде, поэтому в последней главе о проблеме континуума приводится ряд случаев, на которых эта теория может быть лучше пояснена; некоторые из приводимых случаев сами по себе имеют известный интерес.

Основы намечены. В дальнейшем требуется развитие теории в различных направлениях и приложение ее к различным областям математики.

1. Диалектика бесконечного

При воздействии первобытного человека на окружавшую его природу в его представлении стал слагаться ряд отвлеченных понятий; материальный мир, весь пребывающий в различных формах движения, и отдельно различимые в нем процессы, повторяющиеся во времени или пространстве, породили в человеческом представлении, с одной стороны, понятие непрерывного, сплошного протяжения, а с другой — множества дискретных элементов и вытекающее из него понятие

о числе. Последнее понятие на каждой ступени естественно-исторического развития человека было другим: оно постепенно развивалось от простого различения единичного и множественного, через отличие отдельных простейших множеств двух, трех и т. д. элементов, до представления о весьма больших числах.

«На известной стадии развития человечества расширение области сыно представляемых и называемых чисел пошло быстрее; но мы можем все-таки указать, основываясь на культурно-исторических данных, как постепенно расширялась область чисел, как постепенно то те, то другие все большие и большие числа являлись пределом чисел, имевших свои определенные названия, и потому символами неопределенного множества» (Проф. А. В. Васильев, «Целое число», 1919 г., стр. 8).

Таким образом, и это особо следует отметить, понятие числа не является чем-то наперед данным, а оно является продуктом естественно-исторического развития человека, результатом абстрагирования от ряда конкретных процессов восприятия действительных количеств; когда такой процесс приходил к концу, человек заключал о конечности данного количества, в противном случае, т.-е. когда он не мог завершить процесс последовательного восприятия одного за другим всех элементов данного конкретного множества, он полагал последнее бесконечным.

Развитие системы счисления и установление различных действий над числами дало возможность представления в установленных символах все больших и больших чисел; все большие и большие конкретные множества, ранее полагавшиеся бесконечными, начинают восприниматься, как конечные.

«...в тексте одной гробницы жреца бога Аи (XIV век до Р. Хр.) читаем: «Да наградит тебя он (бог) юбилеями, как «число песку» берега моря, измеряемого жезлом ипет, как мера моря, определяемая джауэтом, или же горы, взвешенной на весах, или перья птиц, или листья деревьев...»

Здесь определенно звучит мотив бесконечности, не допускается мысль, что фактически можно, напр., сосчитать «число песку берега моря» (Краткий очерк научной деятельности Архимеда.—Г. Н. Попов).

Архимед в «Псаммите» при помощи специально построенной им системы чисел смог получить числа, значительно превосходящие по величине ранее определявшиеся числа, и установил бесконечность числового ряда.

Рассматривая бесконечность, как диалектический процесс, Аристотель (Physika) дает следующие определения, так называемой, потенциальной бесконечности: бесконечное не может быть рассматриваемо, как отдельная определенная вещь, но как нечто всегда пребывающее в процессе нарастания или убывания, и хотя конечное в каждый определенный момент, но постоянно меняющееся от момента к моменту; бесконечное проявляется в различных формах во времени, в делении величин, как нечто, над чем мы непрерывно оперируем, конечное в каждый момент, но в каждый же момент уже другое, чем в преды-

дуций; бесконечность—это не то, дальше чего ничего нет, а то, дальше чего всегда нечто есть.

Конкретный процесс, порождающий бесконечность, всегда содержит в себе, в силу условий, в которых он совершается, некоторое ограничение, препятствующее стремлению величины выйти из области конечных величин определенного порядка, в чем и заключается его диалектическое противоречие. Это противоречие получает свое разрешение, если величина получает возможность совершить скачок за пределы вышеуказанной области конечных значений; конечное значение, которое она принимает в этом случае, можно назвать трансфинитным по отношению к любому значению, лежащему внутри данной области.

Замечательно интересные мысли содержат в себе следующие слова Энгельса о бесконечном:

«Математика, говоря о бесконечно большом и бесконечно малом, вводит количественное различие, принимающее даже вид неустранимой качественной противоположности. Количества, которые так колоссально отличны друг от друга, что между ними прекращается всякое рациональное отношение, всякое сравнение, становятся количествами несоизмеримыми».

«Для земной механики масса земли является бесконечно великой; в астрономии земные массы и соответствующие им метеоры рассматриваются как бесконечно малые; точно так же расстояния и массы планет солнечной системы являются в глазах астрономии ничтожно малыми величинами, лишь только она оставляет пределы солнечной системы и начинает изучать строение нашей звездной системы. Но лишь только математика укроется в свою неприступную твердыню абстракции, так называемую чистую математику, все эти аналогии забываются; бесконечность становится чем-то совершенно таинственным, и тот способ, каким ею пользуются в анализе, начинает казаться чем-то совершенно непонятным, противоречащим всякому опыту и рассудку».

«Математическая бесконечность заимствована из действительности, хотя и бессознательным образом, и поэтому она может быть объяснена только из действительности, а не из самой себя, не из математической абстракции» («Диалектика природы», Архив К. М. и Ф. Э., кн. 2-я, 1925, стр. 83 и 141).

Кроме так называемой потенциальной бесконечности, Георгом Кантором была введена в математику бесконечность актуальная, под которой подразумевается нечто завершенное, но большее всякого конечного. Бесконечное по самому смыслу этого слова подразумевает нечто, не имеющее конца, т.-е. не могущее быть завершенным; поэтому термин «актуально-бесконечное» если и можно допустить, то только в том смысле, в каком в математике, напр., говорят о кривой нулевой кривизны. Таким образом, мы имеем здесь случай диалектического перехода некоторого качества в свою полярную противоположность.

Это положение уже давно сознавалось отдельными философами. Так, для случая множества точек и сплошной линии можно указать на следующее место статьи В. К. Брушлинского «Спинозовская суб-

станция и конечные вещи» (Под знаменем марксизма, № 2—3, 1927, стр. 58).

«Развивая дальше взгляды Спинозы и Лейбница на этот вопрос, мы могли бы сказать, что тут мы имеем дело с таким замечательным диалектическим положением: отрезок линии имеет определенное протяжение, определенную длину. Между тем точки, которые лежат на этом отрезке,—а ведь на нем ничего кроме точек нет, плюс отношение непрерывности между ними,—не имеет никакого протяжения, никакой величины, ни длины, ни толщины. Таким образом, отрезок и его точки обладают принципиально различной природой; они принципиально различны и даже противоположны по своему качеству: отрезок есть нечто протяженное и имеет определенную длину, точки же не протяженны и не имеют никакой длины. Вместе с тем, однако, отрезок предполагает точки, как свои границы или пределы и как то, что он заключает в себе или обнимает собою, и притом в бесконечно-большом количестве. И обратно, точка содержит в себе необходимое условие для отрезка, ибо путь движущейся точки и есть линия или отрезок. Таким образом, точка и линия суть коррелятивные полярности, которые друг друга предполагают и друг друга обуславливают».

«Непротяженная точка (а точку мы должны мыслить именно как непротяженную) есть, так сказать, пространственный нуль, ибо точка есть нижний предел линии, как нуль есть нижний предел числа. Поэтому сколько бы точек мы ни складывали вместе, мы никогда не получим никакого отрезка, хотя бы минимальной длины: отрезок есть нечто большее и нечто качественно иное, чем простая механическая совокупность точек».

Подобно тому как нижний предел линии—точка, в ее числовом выражении, становится нулем, так и высший предел точечного линейного ограниченного множества—отрезок сплошной линии, в его числовом выражении, становится величиной обратной нулю.

Введение нуля и обратной ему величины в математику дает возможность те крайние случаи, когда данная сущность переходит в некоторую иную, ей полярно-противоположную, рассматривать как частные по отношению к общему случаю. В приведенном примере отрезок линии нулевой длины становится точкой, а множество точек, количество которых равно величине обратной нулю, становится отрезком сплошной линии.

Вполне допустимо числа нуль и ему обратное считать актуальными, но так как они являются завершенными числами, они не могут быть полагаемы бесконечными. Можно их назвать—абсолютно-малыми и абсолютно-большими числами; а значение величины, абстрактно мыслимой в процессе ничем не ограниченного приближения к одному из этих двух абсолютов,—абсолютно-бесконечным.

Назревший в настоящее время кризис математики объясняется в первую очередь односторонностью попыток положить в обоснование анализа теории множеств, содержащую к тому же в себе абстрактно-построенное внутренне-противоречивое понятие актуальной бесконечности; обратные попытки, совершаемые в настоящее время школой

• Brouwer'a (Weyl), отказаться от теории множеств и положить в обоснование математики сплошность, также односторонне-ограниченны. Только взгляд на множество и сплошность, как на взаимно коррелятивные полярности, друг другу противостоящие, как два принципиально различные качества, не могущие быть получены одно из другого простым механическим соединением или дроблением, но могущие в крайнем, предельном случае переходить одно в другое, может действительно устранить существующие трудности и противоречия в теории, положенной в обоснование анализа и геометрии.

2. Натуральный ряд чисел

В силу того исключительного значения, которое имеет в математике натуральный ряд чисел, некоторые видные математики усматривают в нем последнее обоснование математической мысли. Но, не смотря на это, ряд натуральных чисел рассматривается обыкновенно в математике только с его чисто количественной стороны, хотя числа этого ряда по мере их возрастания становятся для нас качественно отличными.

Мы можем получать конечные целые числа в их натуральной последовательности, если к первому из них—единице—будем последовательно прибавлять каждый раз по единице; каждое полученное таким образом число будет нами конкретно представляемо, а число их v_0 будет бесконечно велико. Здесь следует сделать два замечания. Во-первых, ясность, с которой мы представляем отдельное число, будучи полной в начале ряда, по мере удаления от начала падает и убывает до бесконечно малого значения. Во-вторых, указанным выше процессом порождения целых чисел мы всегда можем получить из числа n число $n+1$, но насколько далеко мы можем фактически развернуть этот процесс последовательного порождения одного за другим чисел натурального ряда зависит от конкретных обстоятельств и, как мы раньше видели, в частности,—от уровня естественно-исторического развития человека. Таким образом, число v_0 , являясь теоретически ничем не ограничиваемым бесконечно-большим числом, фактически ограничивается той конкретной обстановкой, которая определяет всю совокупность условий, в которых происходит процесс его порождения. Последнее обстоятельство дает основание рассматривать, как ограниченную, в известном смысле, некоторую числовую область, представляющую собою бесконечное множество конечных чисел: $1, 2, 3, \dots$, количественное (кардинальное) число которого будет равно v_0 . Назовем перечислимым множеством такое множество, которое будет принадлежать к классу множеств, имеющих кардинальным числом— v_0 .

Как и всякое движение, число v_0 содержит в себе некоторое противоречие: становясь больше любого наперед заданного числа вышеуказанной области, оно никогда не может выйти из пределов этой области. Это противоречие разрешается лишь после совершения количеством скачка из данной области конечных значений в область

трансфинитно-больших по отношению к ним, где бесконечность отрицается, как особое состояние количества, растворяясь в его новом обогащенном содержании трансфинитного количественно числа.

Так, к операции порождения из числа n числа $n+1$ возможно присоединять последовательно ряд других, позволяющих получать все более и более быстро весьма большие целые числа, среди которых будут настолько большие, что они никогда не смогли бы быть получены без помощи последней из присоединенных операций. За такой ряд операций мы можем, например, принять следующий: операция $a^{(b)}$, где a и b целые числа ≥ 2 и $a^{a^{(k-1)}} = a^{(k)}$ для целого, k удовлетворяющего неравенству: $2 \leq k \leq v$ операции: $a^{(a^{(a)})}$, $a^{(a^{(a^{(a)}))}$, $\dots$, $a^{(b)'}$; $a^{(b)''}$, $\dots$, $a^{(b)^{(n)}}$, и т. д.

Если мы имеем систему A_n целых чисел, получаемых при помощи n определенных операций, то всегда можно таким образом определить $n+1$ -ую операцию, что присоединение ее к прежнему позволяет выразить в символах, обозначающих эти $n+1$ -ую операцию, настолько большие целые числа вновь полученной системы A_{n+1} , что они будут больше любого числа, принадлежащего системе A_n ; такие числа назовем трансфинитными по отношению к числам системы A_n .

Когда переменное v_n пробегает значение системы A_n , становясь больше любого наперед заданного числа этой системы, то оно является бесконечностью высшей по сравнению с v_{n-1} мощности, почему можно назвать это число трансфинитно-большим, по отношению к бесконечным числам v_k , где $k = 0, 1, \dots, n-1$.

Только о первых, сравнительно небольших числах натурального ряда мы имеем полную интуицию; о числах больших возможно составить некоторое представление лишь косвенным путем, определяя, например, количество времени, необходимое для написания данного числа или величину шара песку с числом песчинок, равным ему, и т. п., но чем числа становятся больше, тем слабее возможность даже и такого их представления, и они становятся нам данными лишь путем их формального определения в символах установленных операций; однако этим формальным определением вполне устанавливается отношение любого сколь угодно большого числа ко всякому меньшему числу, в силу чего эти числа образуют некоторую числовую область, которую назовем областью конкретно-определимых чисел (конкретная область). Бесконечные числа v_n и кардинальное число α_0 ($\alpha_0 > v_n$) множества каким бы то ни было образом формально определимых целых чисел назовем мощностью исчислимого множества.

Если теперь обозначим через a_1 настолько большое конечное целое число, что оно будет больше любого числа конкретной области, то такое число не может быть выражено при помощи символов, обозначающих действия над конечными числами конкретной области, а таким образом между последними и числом a_1 прекращается всякая рациональная связь, число a_1 является числом трансфинитным.

Присоединение целого числа a_1 к системе целых чисел, получаемых из единицы при помощи совокупности n определенных операций

и распространение последних также и на число a_1 позволяет получить новую числовую систему целых чисел. Присоединение к этой системе нового трансфинитного числа a_2 , большего любого числа системы, и распространение на него p установленных операций опять приводят к новой системе целых чисел и т. д. до бесконечности.

Условимся в дальнейшем числа, при помощи которых образуется какая-либо числовая система, в данном случае: $a_0=1, a_1, a_2 \dots a_n, \dots$, называть *основными элементами*. Числовые системы могут быть построены также и путем присоединения к области чисел, получаемых из единицы с помощью p определенных действий, чисел трансфинитных по отношению к числам этой области; тогда и эти относительно трансфинитные числа будем называть основными элементами.

Заметим, что трансфинитные числа, являясь подобно числам конкретной области целыми конечными числами, допускают распространение на них целого ряда свойств последних, при чем следует разделять три случая:

1. свойства, могущие быть распространенными на любое трансфинитное число, таково, например, свойство, вытекающее из теоремы Ферма: $a_1^p \equiv a_1 \pmod{p}$, где p число первоначальное;

2. свойства, не могущие быть обнаруженными для трансфинитного числа, но которые становятся определенными в отношении каждого числа системы, как только они установлены для каждого ее основного элемента, как, например: каждое число системы становится принадлежащим к одному из трех классов по модулю 3, если мы положим, что основные элементы этой системы $a_n \equiv 1 \pmod{3}$;

3. свойства, которые при установлении их в отношении каждого основного элемента системы все же не могут быть обнаружены для каждого ее числа, так, выбрав для основных элементов числа простые, мы не можем относительно каждого числа системы установить, является ли оно числом простым или сложным.

Если переменное a_n пробегает значения системы $S_n (a_0, a_1, \dots a_{n-1})$, образованной при помощи совокупности S определенных операций и p основных элементов: $a_0, a_1, \dots$ p становясь больше любого наперед заданного числа этой системы, то оно становится бесконечностью высшей по сравнению с a_{n-1} мощности; числа вида a_n могут быть названы трансинфинитными.

Все, что было раньше сказано в отношении природы числа v_0 , полностью должно быть отнесено и к любому другому бесконечному или трансинфинитному числу, какой бы то ни было мощности. Можно также характеризовать природу бесконечного (потенциального) числа следующими тремя положениями:

1. всякое бесконечно-большое число становится больше любого данного сколь угодно большого числа некоторой числовой области;

2. какое сколь угодно большое количество чисел этой области ни было дано, всегда мыслимо такое число той же области, которое будет больше рассматриваемого бесконечно-большого числа;

3. Как только такое мыслимое число становится данным, рассматриваемое бесконечно-большое число становится больше его.

Подобно тому, как бесконечно-большое число a_0 , становясь больше любого данного конечного числа, никогда не выходит из области конкретных чисел, и, только совершив скачок из этой области, число может стать трансфинитным, подобно тому как трансфинитное число a_n , становясь больше любого данного числа системы S_n , никогда не выходит из области чисел этой системы, и только совершив скачок из этой области, число может стать трансфинитным числом высшей числовой системы S_{n+1} , так и абсолютная бесконечность α_α , становясь больше любого трансфинитного числа какой угодно числовой системы, никогда не может выйти из области трансфинитных чисел, и только совершив скачок из этой области, число принимает значение абсолютно-большого числа a_α .

Последнее число является обратным абсолютно-малому числу 0; поэтому каждому свойству первого соответствует некоторое свойство второго. Так, мы имеем:

1. От умножения a_n на любое не равное 0 число величина a_n не меняется.

2. От прибавления к a_n какого угодно числа величина a_n не меняется.

3. Единица не меняет своей величины от возвышения ее в степень a_n , всякое же число, не равное единице, при возвышении в степень a_n становится абсолютно отличным от единицы.

4. Не существует числа по абсолютной величине большего a_n .

5. Число a_n изображает предельный случай множества, когда дискретные его элементы сливаются в сплошность.

1. От умножения на любое не равное a_n число величина 0 не меняется.

2. От прибавления 0 к какому угодно числу величина последнего не меняется.

3. Единица не меняет своей величины от возвышения ее в степень 0, всякое же число, не равное единице, при возвышении его в степень 0 становится абсолютно тождественным с единицей.

4. Не существует числа по абсолютной величине меньшего 0.

5. Число 0 изображает предельный случай сплошности, когда ее интервал сжимается в своем размере до одного элемента.

В дальнейшем будем называть числа бесконечные, трансинфинитные и абсолютно-бесконечные потенциальными, а числа конечные, трансфинитные и абсолютные (0 и a_n)—актуальными.

3. Таблица основных элементов

Рассмотренные целые актуальные и бесконечно-большие потенциальные числа являются кардинальными числами соответственных множеств, но понятие о кардинальном числе множества может быть расширено и на случай каких угодно дробных актуальных и бесконечно-малых потенциальных чисел. Для этого достаточно положить, что элементами множества P , имеющего кардинальным числом одно из ранее рассмотренных чисел, будут множества P_1 , элементами P_1 —множества P_2 и т. д. какое угодно количество раз, при чем множества $P_1, P_2, \dots$ могут иметь количества элементов, равные любым из ранее рассмотренных чисел. Если, например, количественное число множества P_1 равно трансфинитному числу a_n , то количественное число множества, составленного из пяти элементов множества P_1 , будет равно $\frac{5}{a_n}$; если множества $P_1, P_2, \dots$ каждое будет состоять из десяти

элементов и их число будет бесконечно, то между множеством бесконечных множеств, составленных из какой-либо комбинации элементов $P_1, P_2, \dots$ и множеством бесконечных десятичных дробей, их кардинальных чисел, возможно установить одно однозначное сопряжение и т. п. Сделанное обобщение позволяет дать новое определение рационального числа, как числа, изображающего количество элементов какого-либо множества.

Мы уже видели, что числа натурального ряда, по мере их удаления от начала ряда, подвергаются чисто количественному изменению, переходящему на известной ступени в качественное различие; данный процесс порождения целых чисел определяет некоторую область, и для того, чтобы число могло, разорвав оболочку этой области, выйти за ее пределы, мы должны перейти к новому процессу порождения, приводящему к более быстрому нарастанию величины числа. Но мы никогда не можем получить более ν_0 конкретно различных отдельных чисел какой бы то ни было числовой системы; здесь мы имеем принципиальное различие между законом и свободным выбором: в первом случае мы можем мыслить абстрактно множество чисел, порождаемых данным законом в любом, хотя бы и трансфинитно-большом количестве, а во втором случае мы не можем совершить больше ν_0 конкретных актов свободного выбора. Все сказанное остается в силе и для ряда значений обратных числам натурального ряда: $1, \frac{1}{2}, \frac{1}{3}, \dots$

Если мы обозначим через $S_n (a_0, a_1, \dots, a_{n-1})$ систему рациональных чисел, получаемых при помощи совокупности S определенных операций и конечного числа n основных элементов (и им обратных: $a_0^{-1}, a_1^{-1}, \dots, a_{n-1}^{-1}$), то:

1. каждое число системы S_n , получаемое указанным образом, будет содержаться в промежутке $\alpha_{n-1}^{-1} - \alpha_{n-1}$;
2. система S_n содержит в себе 2^n частных систем, построенных с помощью одного, двух, трех и т. д. произвольно выбранных основных элементов системы S_n , считая в том числе и S_0 и S_n ;
3. системе S_n принадлежат основные элементы: $\alpha_0, \alpha_1, \dots, \alpha_{n-1}$ и обратные им потенциальные числа: $\alpha_0^{-1}, \alpha_1^{-1}, \dots, \alpha_{n-1}^{-1}$;
4. на основные элементы распространяются коммутативный, ассоциативный и дистрибутивный законы;
5. $a_n + a_k > a_n$ и $a_n \cdot a_k > a_n$ при любых целых конечных n и k ;
6. $\alpha_n + a_k = \alpha_n + \alpha_k = \alpha_n$ и $\alpha_n \cdot a_k = \alpha_n \cdot \alpha_k = \alpha_n$, если $n \geq k$;
7. число $\xi = \alpha_n + a_k$ и $\xi' = \alpha_n \cdot a_k$ сложные потенциальные, больше a_n , если $n < k$;
8. от S_n всегда можно перейти к S_{n+1} присоединением нового основного элемента большего a_{n-1} или содержащегося между a_k и a_{k+1} , где k целое число и $0 \leq k \leq n-2$;
9. возможно построение числовых систем с основными элементами вида a_λ , где λ какое угодно целое актуальное число; k такой системе будут принадлежать соответственные потенциальные числа α_λ ;

10. любое полученное число какой угодно числовой системы содержится в промежутке $\alpha_a^{-1} - \alpha_a$, а переменная положительная величина может изменяться сплошным образом в промежутке $a_a^{-1} - a_a$.

Рассмотренные трансфинитные числа являются так называемыми не-архимедовыми числами; аксиома Архимеда утверждает: существование такого кратного меньшего из двух данных чисел, которое превосходит по величине большее из них. Относительно этой аксиомы сделаем два замечания. Во-первых, мы ее можем высказать в аналогичной форме и в отношении порядка элементов множества, т.-е. она будет иметь силу и для порядковых чисел:

пусть A_1 произвольный элемент множества, находящийся между произвольными данными его элементами A и B ; возьмем элементы $A_2, A_3, A_4, \dots$ так, что элемент A_1 находится между A и A_2 , A_2 между A_1 и A_3 и т. д. и сверх того порядки элементов $A, A_1, A_2, A_3, A_4, \dots$ каждого последующего от предыдущего тождественны: тогда в ряду элементов $A_2, A_3, A_4, \dots$ всегда существует такой элемент, что элемент B лежит между A и A_n .

Во-вторых, когда говорят о кратном меньшего из двух чисел, то полагают, что кратное не является кратным в трансфинитно-большое число раз, т.-е. для чисел, выражающих кратность, уже внесено то ограничение, которое хотят только еще установить для чисел при помощи аксиомы Архимеда. *Petitio principii*.

Аксиому Архимеда мы заменяем следующей аксиомой ограничения: при помощи совокупности определенных для данной системы операций возможно каждое ее число получить из единицы.

Последнее предложение имеет силу одновременно как для количественных, так и для порядковых чисел, и, кроме того, его легко обобщить следующим образом:

при помощи совокупности определенных для данной системы операций возможно из ее основных элементов построить любое число этой системы.

Для каждого элемента любого линейно упорядоченного множества возможны четыре случая:

- 1) он имеет как предыдущий, так и последующий элементы;
- 2) не имеет предыдущего, но имеет последующий;
- 3) не имеет последующего, но имеет предыдущий;
- 4) не имеет ни предыдущего, ни последующего элементов.

Рассмотрим множества, содержащие среди своих элементов не более одного не имеющего предыдущего и не более одного не имеющего последующего элементов и, кроме того, удовлетворяющие условию: каким бы образом ни разбить элементы множества на два класса так, что любому элементу первого предшествует любой элемент второго, всегда в первом классе будет содержаться первый элемент, а во втором — последний. Для таких множеств возможны четыре случая:

- 1) только один элемент множества не имеет предыдущего, и каждый элемент имеет последующий;
- 2) каждый элемент имеет предыдущий, и только один не имеет последующего;

3) каждый элемент имеет последующий, и каждый элемент имеет предыдущий;

4) только один элемент не имеет предыдущего, и только один элемент не имеет последующего.

При построении систем порядковых чисел за основные элементы мы будем принимать порядковые числа, изображающие множества, удовлетворяющие первому и четвертому из этих случаев.

В первом случае мы получаем потенциальные числа, которые обозначим через β_0 для множества мощности α_0 , β_n для чисел трансфинитных и β_β для абсолютно-бесконечного числа; случай четвертый дает числа актуальные, которые соответственно обозначим через b_0, b_n, b_β для единицы, трансфинитного и абсолютно-последующего числа. Оба остальные случая не являются самостоятельными, так как второй случай получается преобразованием обращения (Umkehrungstransformation) 1-го случая, а случай 3-й получается соединением 1-го и 2-го.

То, что было установлено ранее в отношении природы количественных чисел, характеризует построенные вновь числа, при условии перенесения прежних рассуждений на их порядок. Так, β_0 становится последующим любого данного, построенного при помощи каких угодно операций, порядкового числа, как бы оно далеко по порядку ни отстояло от начала натурального ряда чисел, оставаясь всегда в области такого рода чисел; число b , последующее любого числа, принадлежащего к области чисел, предшествующих β_0 , и т. д.

Для порядковых чисел сложение и умножение ассоциативны, закон же коммутативности для этих операций сохраняется только в отношении актуальных порядковых чисел.

Мы расширили область вещественных чисел таким образом, что имеем числа, получаемые из единицы путем перехода от каждого числа натурального ряда к его последующему, составляющие область перечислимых чисел; затем области чисел, получаемые данным конкретным процессом (определенным установленными операциями) из данных конкретных чисел, составляющие область исчислимых чисел обе указанные области перечислимых и исчислимых чисел назовем областью конкретных чисел; наконец числа трансфинитные и трансинфинитные, получаемые в абстракции и составляющие область абстрактных чисел; и, кроме того, область абсолютных чисел.

Основные элементы расширенной, таким образом, вещественной числовой области по их природе могут быть различимы в трех направлениях: 1) числа, изображающие множество, и числа, изображающие сплошность, 2) числа, количественные и числа порядковые; 3) числа актуальные и числа потенциальные. Комбинирование этих случаев дает всего $2^3=8$ возможных случаев, что представлено в ниже приводимой таблице, где указатели p означают любое целое порядковое число перечислимой области, π —любое целое порядковое число исчислимой области.

Таблица основных элементов расширенной области вещественных чисел

	Множество				Сплошность				
	Количество		Порядок		Количество		Порядок		
	Акт.	Пот.	Акт.	Пот.	Акт.	Пот.	Акт.	Пот.	
1	p_0	v_0	m_0	μ_0	l_0	λ_0	k_0	x_0	Перечислимая область
2	p_0^{-1}	v_0^{-1}	m_0^{-1}	μ_0^{-1}	l_0^{-1}	λ_0^{-1}	k_0^{-1}	x_0^{-1}	
3	p_p	v_p	m_p	μ_p	l_p	λ_p	k_p	x_p	Исчислимая область
4	p_p^{-1}	v_p^{-1}	m_p^{-1}	μ_p^{-1}	l_p^{-1}	λ_p^{-1}	k_p^{-1}	x_p^{-1}	
5	p_π	v_π	m_π	μ_π	l_π	λ_π	k_π	x_π	
6	p_π^{-1}	v_π^{-1}	m_π^{-1}	μ_π^{-1}	l_π^{-1}	λ_π^{-1}	k_π^{-1}	x_π^{-1}	
7	a_0	α_0	b_0	β_0	c_0	γ_0	d_0	δ_0	Конкретная область
8	a_0^{-1}	α_0^{-1}	b_0^{-1}	β_0^{-1}	c_0^{-1}	γ_0^{-1}	d_0^{-1}	δ_0^{-1}	
9	a_n	α_n	b_n	β_n	c_n	γ_n	d_n	δ_n	Абстрактная область
10	a_n^{-1}	α_n^{-1}	b_n^{-1}	β_n^{-1}	c_n^{-1}	γ_n^{-1}	d_n^{-1}	δ_n^{-1}	
11	a_λ	α_λ	b_λ	β_λ	c_λ	γ_λ	d_λ	δ_λ	
12	a_λ^{-1}	α_λ^{-1}	b_λ^{-1}	β_λ^{-1}	c_λ^{-1}	γ_λ^{-1}	d_λ^{-1}	δ_λ^{-1}	
13	a_a	α_a	b_b	β_β	c_c	γ_v	d_d	δ_δ	Абсолютная область
14	a_a^{-1}	α_a^{-1}	b_b^{-1}	β_β^{-1}	c_c^{-1}	γ_v^{-1}	d_d^{-1}	δ_δ^{-1}	

В четных строках таблицы приведены значения, обратные содержащимся в нечетных строках, но если операции совокупности S содержат деление, то нет надобности рассматривать эти обратные значения, как самостоятельные основные элементы; первые шесть строк таблицы детализируют конкретную область, представленную в 7-й и 8-й строках; числа 14-й строки равны нулю.

4. Структурные типы

Мы будем называть структурным типом всякое выражение, построенное при помощи каких-либо математических операций над основными элементами вышеприведенной таблицы; частным видом структурного типа являются сами основные элементы, и тогда мы будем говорить, что он простой, в противном случае—сложный.

Не всякая комбинация из основных элементов может послужить для образования структурного типа: порядковый и количественный основные элементы не могут быть соединены в одном структурном типе; поэтому последние возможно подразделить на количественные и порядковые.

Невозможно также в одном количественном структурном типе соединить основные элементы, изображающие множества и изображающие сплошность. Это, конечно, невыполнимо, если элементы множества и элементы сплошности разнородны, но и в случае их однородности число, изображающее множество с любым, неравным a_0 , количеством элементов, выраженное в единицах меры сплошности, всегда равно нулю. В силу сказанного количественные типы распадаются на изображающие множество и изображающие сплошность.

Порядковые же типы, напротив, могут быть построены при помощи взятых в любой комбинации порядковых основных элементов и потому могут быть: изображающими множество, изображающими сплошность и смешанными, т.е. изображающими конгломерат из множества и сплошности.

Количественным типом обладают, так называемые, не-архимедовы числа. Благодаря идеям, развитым G. Veronese¹, и работам T. Levi-Civita², O. Hölder³, A. Schoenflies⁴, а также исследованиям D. Hilbert⁵, были построены различные системы не-архимедовых чисел, представляющие частные случаи числовой системы $S_n(c_0, c_1, \dots, c_{n-1})$; так, для случая, рассмотренного D. Hilbert, множество S состоит из пяти операций: сложения, вычитания, умножения, деления и операции $(\sqrt{1 + \omega^2})$, где ω означает какую-либо алгебраическую функцию, полученную уже при помощи этих пяти операций, а основными элементами являются $c_0 = 1$ и $c^1 = t$.

Здесь для общего случая приведена система $S_n(c_0, c_1, \dots, c_{n-1})$, а не ранее рассмотренная— $S_n(a_0, a_1, \dots, a_{n-1})$, так как последняя является ее частным случаем, когда c_0 —могущее быть любым числом конкретной области—равно единице, $c_1, \dots, c_{n-1}$ —могущие быть любыми трансфинитными—являются целыми числами, а S представляет собою такую совокупность операций, которые всегда приводят только к рациональным числам; еще более общие случаи будем иметь в системах $S_{\beta_\lambda}(c_0, c_1, \dots, c_{n-1}, \dots, c_{\beta_\lambda})$ и $S_{\beta_\beta}(c_0, c_1, \dots, c_{n-1}, \dots, c_{\beta_\beta})$.

Если мы пред'явим к числам $u_{n,i}$ системы S_n требование удовлетворять некоторым дополнительным условиям, вносящим известное ограничение в их структурный тип, или исключим какую-либо операцию из совокупности S , то получим такую систему S'_n , каждое число которой будет принадлежать системе S_n , в то время как обратное не будет иметь места; поэтому систему S_n мы можем по отношению к любой частной системе S'_n называть полной системой чисел $u_{n,i}$, а систему S_{β_β} —абсолютно-полной системой чисел $u_{\beta_\beta,i}$.

Для полной системы чисел $u_{n,i}$, как на это указал H. Hahn, имеет силу аксиома полноты D. Hilbert, т.е. невозможно присоединить к такой системе новые числа, ей не принадлежащие, которые бы удовлетворяли бы всем требованиям, пред'являемым к числам $u_{n,i}$.

Сопоставляя эту аксиому полноты с той аксиомой ограничения, которой раньше была заменена аксиома Архимеда, мы приходим к следующему предложению:

Каждое число любой данной полной числовой системы может быть получено путем применения совокупности установленных для этой системы операций к основным ее элементам и обратно: каждое число, полученное таким образом, будет принадлежать данной системе.

Хотя для каждой полной системы имеют силу аксиомы ограничения и полноты, но предложение Дедекинда для такой системы не всегда имеет место, т.е. если числа системы $S_n(c_0, c_1, \dots, c_{n-1})$ будут разбиты на два класса, так что 1) каждое число принадлежит к одному из этих классов и 2) каждое число одного класса (нижнего) меньше каждого числа другого класса (верхнего), то может случиться, что в нижнем классе не будет наибольшего числа, а в верхнем классе не будет наименьшего (имеется пробел—Lücke).

Если присоединим к системе $S_n(c_0, c_1, \dots, c_{n-1})$ такие n актуальных чисел: $\Theta_0, \Theta_1, \dots, \Theta_{n-1}$ (тета-числа), что для m , удовлетворяющего неравенству $0 \leq m \leq n-1$, Θ_m : 1) больше любого числа системы $S_m(c_0, c_1, \dots, c_{m-1})$, 2) меньше любого из тех чисел системы $S_n(c_0, c_1, \dots, c_{n-1})$, которые больше любого числа системы $S_m(c_0, c_1, \dots, c_{m-1})$ и 3) какие бы при помощи чисел системы $S_m(c_0, c_1, \dots, c_{m-1})$ ни производили принадлежащие к совокупности S операции над числом Θ_m —оно не меняет своей величины¹,—то такая система $S_n(c_0, c_1, \dots, c_{n-1})$ будет удовлетворять предложению Дедекинда.

Возможно также притти к этой последней системе другим путем. Условимся для этого считать в абсолютно-полной системе $S_{\beta_\beta}(c_0, c_1, \dots, c_{n-1}, \dots, c_{\beta_\beta}, \dots)$ любые числа $u_{\beta_\beta,i}$ большие каждого числа системы $S_m(c_0, c_1, \dots, c_{m-1})$, где целое m удовлетворяет неравенству $0 \leq m < n$, и меньшем каждого из чисел системы S_{m+1} больших любого числа системы S_m , а также любые из чисел, больших каждого числа системы $S_n(c_0, c_1, \dots, c_{n-1})$ равными между собою и обозначим их соответственно через $\Theta_0, \Theta_1, \dots, \Theta_{n-1}$ (аналогичное соглашение

¹ Fondamenti di geometria.

² Atti. di R. Ist. Veneto, B. d. 4 Serie 7 (1893), p. 1765.

³ Vgl. Leipziger Ber. 1901.

⁴ Jahreshb. deutsch. Math. Ver. 15 (1906) und Ergänzungsband 2 (1907).

⁵ Grundlagen der Geometrie Vgl. Leipziger Ber. 1901 S. 7.

¹ То же в отношении θ^{-1}_m и только возвышение в отрицательную степень переводит эти два числа одно в другое.

должно быть сделано и в отношении их обратных значений: $\Theta_0^{-1}, \Theta_1^{-1}, \dots, \Theta_{n-1}^{-1}$, — тогдамы совершим переход от системы S_{β_p} к системе S_n , в которую включены ее Θ —числа.

Для системы $S_n(c_0, c_1, \dots, c_{n-1})$ число Θ_{n-1} совпадает по определению с абсолютно большим числом c_0 , так что можно положить: $\Theta_{n-1} = c_0$ и $\Theta_{n-1}^{-1} = 0$; в частности при $n=1$, т. е. для систем конкретных вещественных чисел, $\Theta_0^{-1} = 0$ — единственному не-архимедову числу этой системы.

Числа Θ_m^{-1} и Θ_m можно назвать низшим и высшим пределами для чисел системы $S_m(c_0, c_1, \dots, c_{m-1})$.

Возьмем для примера какое-либо произвольно выбранное повсюду плотное множество конкретных чисел, для определенности положим, что это будет множество вещественных алгебраических чисел; такое множество является частным случаем системы $S_1(c_0)$. Если к заданной таким образом числовой системе $S_1(c_0)$ присоединим одно трансфинитно-большое число c_1 , то возможно будет построить числовую систему $S_2(c_0, c_1)$, каждое число которой будет иметь количественный структурный тип: $\Sigma u_{0,i} c_1^{p_{i,2}}$, где $u_{0,i}$ — взятые с положительным или отрицательным знаком числа системы $S_1(c_0)$, $p_{i,2}$ — взятые с положительным или отрицательным знаком числа системы $S_1(c_0)$, или являются каким-либо из ранее полученных чисел системы $S_2(c_0, c_1)$, а сумма Σ распространяется как на конечное, так и на бесконечно-большое количество слагаемых, расположенных по убывающим степеням c_1 и содержащих член с наивысшим показателем. Возможно также построить числа вида $\Sigma u_{1,i} c_2^{q_{i,2}}$ системы $S_3(c_0, c_1, c_2)$ и т. д.

Каждая такая система обладает Веронезовой непрерывностью, а присоединение к ней ее Θ -чисел делает для нее справедливым предположение Дедекинда. Например, для системы $S_2(c_0, c_1)$ разбиение чисел на два класса, в нижний из которых будет входить любое число вида $u_{0,i} c_1$, а в верхний — каждое число системы $S_2(c_0, c_1)$ большее любого числа $u_{0,i} c_1$, дает число $\xi = \Theta_0 c_1$ и это число ξ может быть отнесено в один из двух указанных классов; отнеся к нижнему классу каждое число системы $S_2(c_0, c_1)$, имеющее вид $c_1^{u_{0,i}}$, а к верхнему — любое число системы $S_2(c_0, c_1)$ большее каждого из чисел $c_1^{u_{0,i}}$, получим число $\eta = c_1^{\theta_0}$ и т. д.

Заметим, что два множества $M = (u_{0,i} c_1^p)$ и $N = (u_{0,i} c_1^q)$, где p и q два произвольно выбранных, не равных между собою, принадлежащих к системе $S_2(c_0, c_1)$ числа, либо не имеют ни одного общего элемента, либо имеют только один такой элемент. Для любого множества типа M или N имеет силу аксиома Архимеда, понимаемая в ее обычном смысле.

Так как мы не ставим своей задачей здесь общее изучение различных числовых систем, какие вообще могут быть получены при помощи основных элементов вышеприведенной таблицы, то ограничимся лишь указанием на возможность получения системы чисел $S_{1,n}(b_0; \beta_0, \beta_1, \dots, \beta_{n-1})$, представляющей частный случай более общей системы $S_{n,m}(b_0, b_1, \dots, b_{n-1}; d_0, d_1, \dots, d_{m-1})$, числа которой при надле-

жащем выборе совокупности операций S_1 будут в основном иметь формальное тождество с порядковыми типами Кантора.

Величайшая заслуга Георга Кантора состоит в том, что он значительно расширил наши представления о числе, введя в математику построенные им количественные и порядковые числа, изображающие множества элементов; бессознательно заложенная в обосновании развитой им теории множеств ее диалектическая природа позволяла часто с изумительной легкостью приходиться к крайне интересным и иногда имеющим весьма изящную форму построениям, но в то же время, вследствие содержащихся в основных положениях этой теории чисто метафизических представлений, она роковым образом не могла выйти из неразрешимых противоречий.

Внесенная Кантором в теорию множеств актуальная бесконечность, этот квадратный круг, должна быть отвергнута; место завершенных чисел ω_n должны занять числа β_n , изображающие развертывающийся процесс; каждое последующее число β_n не является больше, как это было для ω_n , изображающим все числа системы с основными элементами: $(b_0; \beta_0, \beta_1, \dots, \beta_{n-1})$, а некоторое произвольно взятое последующее каждого числа этой системы; бесконечное множество не является замкнутым, а элементы его порождаются в их бесконечной последовательности, и потому вообще нельзя говорить о всех элементах такого множества; понятие мощности множества сохраняется, но мощность бесконечного множества изображается не системой алеф-чисел, а отличной по их природе системой альфа-чисел; наряду с числами трансфинитно-большими возможно и в целом ряде случаев необходимо рассматривать трансфинитно-малые числа.

Существенно отличным в новом понимании мощности множества является то обстоятельство, что мощность множества не только не зависит от природы его элементов: точек, функций и т. п., но возможно образовать абстрактные множества любой мощности из элементов природы.

Поясним на простейшем примере различие указанных двух точек зрения. Г. Кантор рассматривает множество точек с абсциссами: $\frac{1}{2}, \frac{3}{4}, \frac{7}{8}, \frac{15}{16}, \dots$, как данное всеми своими элементами, обладающее мощностью нумерованного множества λ_0^1 и имеющее предельную точку с абсциссой, равной единице. Согласно новой точке зрения такое точечное множество является становящимся, мощность его, представляющая некоторое потенциальное количественное число m , зависит от количества порождаемых данным процессом элементов, т. е. от характера этого процесса, а также от вводимых в рассмотрение трансфинитных элементов, в последнем случае становясь множеством абстрактным; плотность накопления точек данного множества около предельной точки с абсциссой, равной единице, будет тем больше, чем меньше будет становиться предельное расстояние его точек 2^{-m} от этой точки; даже в случае мощности такого множества равной, α_n последнее расстояние отлично от нуля, так что всегда существует трансфинитно-малый отрезок, отделяющий точки дискретного множества и его предельную точку.

5. Проблема континуума

Обычно полагают, что множество C , каждый элемент которого

$$\xi = \frac{\Gamma_1}{10} + \frac{\Gamma_2}{10^2} + \frac{\Gamma_3}{10^3} + \dots + \frac{\Gamma_n}{10^n} + \dots,$$

где Γ будут получать все целые значения меньше десяти (в том числе и нуль), а ξ принимать все значения между 0 и 1, обладает мощностью континуума; наряду с мощностью, так называемого, перечислимого множества больше не было известно других мощностей интуитивно представляемых множеств. Возникал вопрос—существуют ли множества, мощность которых лежит между этими двумя мощностями; но считали установленным, что существуют такие множества, мощность которых превосходит мощность континуума, как, например, множество всех функций.

Согласно принятой нами точке зрения мы считаем, что повсюду плотное множество C представляет собою арифметический континуум, мощность которого зависит от количества слагаемых, образующих каждый элемент ξ . Если эти слагаемые представляют множество мощности m , то мощность континуума C_m будет равна 10^m ; и чем больше будет мощность m , тем меньше будут становиться расстояния 10^{-m} между соседними элементами ξ , а повсюду равномерная плотность множества C_m тем больше будет возрастать. Наименьшей плотностью будет обладать C_{α} , а наибольшей $C_{\alpha\alpha}$, но и в этом последнем случае, когда расстояние между двумя соседними элементами ξ становится равным абсолютно-бесконечно-малому числу $\alpha\alpha^{-1}$, так как это расстояние никогда не может стать равным нулю, элементы ξ образуют дискретное множество, а не сплошность.

Мы можем поэтому утверждать, что мощность сплошности $C_{\alpha\alpha}$, будучи больше всякой иной мощности, равна абсолютно-большому числу a_α .

Подобно тому, как нуль изображает пустое множество, т.-е. отрицает существование какого бы то ни было множества, актуальное число a_α содержит в себе некоторое отрицание, ибо изображаемое им множество уже перешло в свою противоположность—сплошность. Точно так же актуальное число C_α выражает отрицание сплошности, вследствие ее перехода в принципиально отличную от нее сущность; например, длина прямой, мыслимой как открытая линия, может быть абстрактно представляема самое большее равной γ_Γ , и только принимая прямую за замкнутую линию, возможно представить ее длину равной C_α .

Если на отрезке $(0,1)$ построить повсюду плотное точечное множество и из каждой его точки по одну сторону отрезка восстанавливать перпендикуляр длиной в одну единицу, то длина суммы таких перпендикуляров будет зависеть от мощности данного точечного множества и наибольшая ее величина будет равна γ_Γ ; только если из каждой точки сплошного отрезка $(0,1)$ будут восстановлены указанные перпендикуляры, эта длина будет равна C_α , но тогда мы не будем иметь

отдельных перпендикуляров, так как они сольются в поверхность квадрата.

Мы вновь убеждаемся, что сплошность не может быть построена никаким соединением элементов, точно так же, как элементы множества не могут быть получены никаким разбиением сплошности. Мы не можем получить сплошность без наличия уже существующей в том или ином виде какой-либо другой сплошности, в последнем примере— для получения плоскости необходимо наличие сплошного отрезка. Возможно также перейти от элемента к сплошности через движение, но для этого необходимо уже иметь представление о сплошном времени и т. д.

Смещение понятий сплошности и арифметического континуума и приравнивание γ_Γ^{-1} нулю постоянно вызывают в математике недоразумения. Геометрическая поверхность, лежащая в узком смысле внутри окружности, ни по характеру своему, ни по величине ничем не отличается от поверхности круга, так как отнятием от последнего окружности мы ничего от него не отнимаем, если же рассматривать ту же поверхность как арифметический континуум мощности α_α и исключить множество чисел, изображающих окружность, то этот континуум не будет замкнутым и будет изображать поверхность, уменьшенную на величину: $\pi(2\gamma_\Gamma^{-1} - \gamma_\Gamma^{-1})$, где γ есть радиус окружности.

E. Borel (Leçons sur les fonctions de variables réelles, Paris, 1905, p. 13) указывает на парадоксальность того обстоятельства, что после отнятия от отрезка $(0,1)$ бесконечного множества отрезков, общая длина которых равна этому отрезку, остается множество точек, имеющее мощность одинаковую с множеством точек отрезка $(0,1)$. Но ведь длина отнимаемых отрезков (мера их множества) всегда остается меньше единицы. Так, в известном примере Г. Кантора, делят отрезок $(0,1)$ на три равных части и исключают среднюю, так же поступают с каждым остающимся интервалом и так далее; если мы исключим даже абсолютно-бесконечное количество отрезков, их общая длина

$$\delta = \frac{1}{3} + \frac{2}{3^2} + \frac{2^2}{3^3} + \frac{2^3}{3^4} = \dots = 1 - \alpha_\alpha^{-1} \text{ и } 1 - \delta = \alpha_\alpha^{-1}$$

и конечно абсолютно-бесконечно-малый интервал α_α^{-1} обладает мощностью сплошности a_α .

Пусть количество слагаемых вышеуказанных элементов

$$\xi = \frac{\Gamma_1}{10} + \frac{\Gamma_2}{10^2} + \frac{\Gamma_3}{10^3} + \dots + \frac{\Gamma_n}{10^n} + \dots$$

будет равно одному из чисел какой-либо данной системы целых чисел, например, системы $S_2(a_\alpha, a_1)$; тогда множество таких элементов ξ , которые получаются когда количество его слагаемых последовательно принимают любые значения системы S_2 будет состоять из четырех подмножеств, сообразно тому, на какие четыре вида воз-

можно разбить элементы ξ по количеству входящих в них слагаемых, а именно, это количество может быть равно:

- 1) одному из конечных чисел системы $S_1(a_0)$;
- 2) бесконечно-большому числу α_0 ;
- 3) одному из трансфинитно-больших чисел системы $S_2(a_0, a_1)$;
- 4) трансинфинитно-большому числу α_1 .

Таким образом, рассматриваемый континуум содержит в себе четыре частных континуума; из них первые два имеют одинаковую, равную α_0 , мощность, а остальные два также одинаковую, равную мощности данного континуума α_1 , мощность (здесь приняты во внимание равенства: $10^{\alpha_0} = \alpha_0$ и $10^{\alpha_1} = \alpha_1$).

Соответственно этому сплошной интервал $(0,1)$ разбивается на ряд содержащихся в нем интервалов η , множество которых содержат четыре аналогичных подмножества, так как длина каждого η может быть равна:

- 1) одному из дробных рациональных конечных чисел систем $S_1(c_0)$;
- 2) бесконечно-малому числу γ_0^{-1} ;
- 3) одному из трансфинитно-малых чисел системы $S(c_0, c_1)$;
- 4) трансинфинитно-малому числу γ_1^{-1} .

Мощности множества элементов ξ и множества элементов η , а также мощности их соответственных подмножеств одинаковы.

Такие соответственные множества точечные и интервальные можно назвать дополнительными по отношению к сплошному интервалу $(0,1)$; следует различать четыре рода элементов, содержащихся в таких множествах, которые можно назвать для элементов ξ точками актуальными и потенциальными, согласно числу слагаемых этого элемента, и для элементов η интервалами актуальными или потенциальными, согласно характеру числа, выражающего их длину.

Точки прямой с абсциссами, изображаемыми числами какой-либо числовой системы, образуют точечное множество, характер которого зависит от рода операций совокупности S и выбора основных элементов этой системы; какова бы то ни была данная система, она никогда не может исчерпать всех точек сплошности, так как включение в совокупность S новой операции присоединит к множеству точек новые ему ранее не принадлежавшие точки. Таким образом, можно утверждать, а priori, существование чисел иррациональных, трансцендентных и т. п.

Ни для какой числовой системы не имеет силу постулат Cantor'a—Dedekind'a о совершенном соответствии между множеством вещественных чисел и множеством точек прямой. Если отказаться от понятия вещественной переменной, как символа, представляющего различные элементы множества вещественных чисел, а рассматривать его как переменное вещественное число, изменяющееся сплошным образом в интервале

$$x_0 \leq x \leq X$$

и пробегающего через все значения этого интервала, то возможно

установить постулат о совершенном соответствии между каждым значением вещественной переменной и точками прямой.

Если $y=f(x)$ в смысле G. Lejeune-Dirichlet, то для каждого значения x значение y может быть дано или непосредственно, или каким-либо законом; но количество таких отдельно заданных значений и количество независимых условий, определяющих данный закон, не могут превышать числа ν_0 . Поэтому для всякой функции y возможно разбить x на множество интервалов, внутри которых y будет задано определенным законом для каждого значения интервала, и только среди точек множества дополнительного по отношению ко всему сплошному интервалу, в котором изменяется x , будут такие, где y может быть дано непосредственно. Отсюда также следует, что множество, которое содержит своими элементами какие бы то ни было функции, никогда не может обладать мощностью большею, чем α_α .

А. А. Холшевников

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ СЕКЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

(РЕЧЬ КЛАРЫ ЦЕТКИН)

Товарищи! Совсем недавно здесь, в этом самом помещении, происходила конференция марксистских научных учреждений СССР. Не было ни одной секции Комм. Академии, которая не сообщила бы о своих работах и успехах, являющихся залогом дальнейшего мощного развития. Наша секция основана только теперь. Мы приходим к вам с пустыми руками, мы не можем сослаться на уже сделанное нами, мы можем только наметить в самых общих чертах, как мы понимаем цели и задачи нашей научной работы. Мы просим вас поэтому о доверии авансом — о вашем доверии, которое будет служить нам помощью, активной поддержкой в наших усилиях. И эта поддержка обеспечит полный успех нашей работы.

Цели и задачи секции по изучению теории и практики международного женского движения определяются двумя обстоятельствами. Во-первых, это учреждение является новшеством, оно единственное в своем роде. Конечно, при разных государственных учреждениях капиталистических стран имеются отделы для изучения отдельных проблем по женскому вопросу. Но такого института, который ставил бы себе целью научную работу над теорией и практикой международного женского движения в целом, не существует нигде. Второе обстоятельство, показательное для наших целей и задач, заключается в том, что наша секция является органической частью *Коммунистической Академии*. Эта Академия тоже совершенная новость. От всех научных учреждений родственного типа она отличается одной определенной чертой: в противоположность высшим школам и научным организациям буржуазных стран она стремится не к простому объяснению социальной действительности, не к исправлению недостатков буржуазного строя с целью его сохранения. Нет, задача Коммунистической Академии шире, проникает дальше; ее задачу определяет положение Карла Маркса о Фейербахе, что философы, давая синтез наук, «только различным образом об'ясняли мир», тогда как все дело в том, чтобы «изменить» его.

Коммунистическая Академия ставит себе задачей способствовать «изменению» буржуазного мира, его преобразованию в социалистический, коммунистический мир. К этой цели она идет путем изучения и дальнейшего развития науки исторического материализма, революционного марксизма. Этим она, с одной стороны, двигает вперед пролетарскую классовую борьбу, борьбу за захват власти в капиталистических странах, *указывая* ей пути и цели, а с другой — облегчает и поддерживает внутри Советского союза работу социалистического

строительства, исследуя исторически данные предпосылки этой работы и возможности ее успеха. Коммунизм должен быть приложением выводов научного знания ко всем областям общественной жизни. Достижению этой цели и должна способствовать Коммунистическая Академия. Характером и деятельностью Коммунистической Академии вполне определяются, таким образом, цели и задачи нашей секции по изучению теории и практики международного женского движения. Наша работа проходит под знаком революционного марксизма и провозглашенного им требования преобразовать мир.

Мы наблюдаем сейчас, что исторический процесс вторгается революционизирующим фактором и в жизнь женщины, вовлекая в активную деятельность широчайшие женские массы. Можем ли мы равнодушно предоставить это пробуждение женской активности игре случая? Можем ли мы равнодушно смотреть на то, как проснувшаяся энергия женщин используется реакцией для укрепления разлагающегося буржуазного строя? Нет! Как коммунисты, мы обязаны творить историю — в том смысле, как это разумел Энгельс. «Творить историю так, как мы должны ее творить», т.-е. с соблюдением исторически данных предпосылок, но все-таки творить ее, сознательно влиять на ее ход. Наша задача в том, чтобы из широких масс трудящихся женщин создать сознательную, крепкую, самоотверженную силу для социалистического, для коммунистического преобразования общества. Наша работа должна содействовать тому, чтобы массы стали силами революции.

Оправдывается ли этим наше существование как самостоятельной секции Коммунистической Академии? Не противоречит ли оно нашему основному воззрению, поскольку мы коммунисты и сторонники революционного марксизма, — нашему воззрению, что женский вопрос лишь часть общего социального вопроса и не может быть разрешен при помощи реформ, в частности путем формального уравнивания мужчины и женщины в правах на почве буржуазного строя, но может быть разрешен только путем социалистического преобразования общества, только вместе с революционным разрешением всей социальной проблемы в целом? Ответ на этот вопрос дают факты социальной жизни.

Если мы хотим поднять женщин на высоту сознательных активных сил в освободительной борьбе пролетариата, освобождающей и женскую половину человеческого рода, то мы должны иметь в виду два обстоятельства. От них зависят как те требования, с которыми мы должны выступить в интересах женщины и ее самостоятельного участия в пролетарской освободительной борьбе, которая должна быть и ее собственным делом, так равно и правильный подход к своеобразию и особенностям психологии и идеологии женских масс. И, во-первых, мы должны, в нашей научно-исследовательской и намечающей пути работе, считаться с биологически-физиологической особенностью женщины, — прежде всего с физическими условиями, вытекающими из факта материнства. Я понимаю это не в том смысле, как проф. Немилев в его статье «Биологическая трагедия женщины». Мне лично кажется, что он слишком преувеличивает значение биологически-физиологического фактора, как он же, с другой стороны, недооценивает значение фактора социального. Но все-таки необходимо признать, что требования, предъявляемые материнством к организму женщины, отнимают у нее очень много сил и что мерами социального раскрепощения можно только облегчить тяжесть этого факта, но не отменить его. А, во-вторых, мы должны иметь в виду, что в течение очень долгих исторических периодов жен-

щина занимала особое положение в обществе, выполняла в нем особые задачи. В разных степенях и в разных формах она была и отчасти остается еще до сих пор неполноправным, а то и вовсе бесправным, членом в семье и государстве, изолированным в своем тесном кругу от широкого потока общественной жизни.

Товарищи, все это мы должны учесть, если хотим двигать вперед теорию и практику женского движения в духе революционного марксизма, если хотим привлечь широкие женские массы на пролетарские классовые позиции. Подчеркивая существующие факты, мы этим отнюдь не отрываем, вопреки требованию научной, марксистской социологии, вопросы женского движения от общего социального вопроса. Наоборот! Мы этим лишь теснее связываем частные вопросы с великой общей проблемой. Понимание исторической связи между ними и наше марксистское мировоззрение служат порукой, что необходимое внимание к специфическим условиям данного вопроса не увлечет нас на путь каких-либо сепаратных стремлений и движений, не позволит нам изолировать трудящихся женщин от могучего потока общей революционной борьбы за преобразование мира. Внимание к специфическим проблемам женского движения не грозит, таким образом, никакой опасностью общим научным задачам Коммунистической Академии. Учитывая существующие факты и приводя их в ясную связь с революционной проблемой в целом, мы тем самым расширяем, углубляем и обогащаем общую социологическую науку коммунизма.

Чем объясняется брожение, охватившее в наше время широчайшие женские массы, их тревожное заглядывание в будущее, их чувство, что что-то должно перемениться, что должен наступить новый общественный строй, который санкционирует их право на счастье? Причиной этому то, что при данных экономических и социальных условиях в буржуазном обществе широкие слои женщин уже не могут обеспечить себе материальную возможность культурного существования и тем более не могут наполнить свою жизнь удовлетворяющим их содержанием. Вся социальная обстановка, в которой живут, развиваются и работают женские массы, не дает им возможности удержать свой жизненный уровень, не говоря уже о его повышении. Так в процессе исторически социальных изменений совершается пробуждение женщины к активности. Она начинает тянуться к новым формам хозяйства, к новым формам идеологической надстройки. Развитие современной машинной индустрии разрушает традиционную область производительного женского труда внутри семьи. И это же развитие создает предпосылки для вовлечения женщины, как равноценной рабочей силы, в общественно-товарное производство. В результате этого создается экономическая самостоятельность женщины. По мере того, как старая область хозяйственного труда женщины в семье суживается и уничтожается, и женщина находит в общественном хозяйстве новые возможности деятельности и заработка, рушится и старая легенда о том, что мужчина является кормильцем женщины, а следовательно, должен быть и ее господином. Женщина обретает хозяйственную независимость от мужа и семьи. С полной ясностью обнаруживается ее значение как производительного члена общества. Но правда—при капиталистическом строе она может стать самостоятельной, только променяв свою зависимость от мужа и семьи на зависимость от капиталиста. Она остается экономически несвободной. Половое рабство заменяется классовым рабством.

Впрочем, большинство женщин, экономически эмансипировавшихся от семьи и стремящихся к новым формам хозяйства, к новым формам социальной жизни,

находится под гнетом двойного рабства, ибо признание их полного равноправия далеко не поспевает за переменами в экономической сфере. Таким образом трудящиеся женщины страдают одновременно и от неравноправия, если не полного бесправия, в качестве женщин, и от эксплуатации, в качестве членов эксплуатируемого и угнетаемого класса, в качестве пролетарок.

Общественное развитие ведет к уничтожению обеих причин, порождающих рабство женщины. Оно уничтожит в конце концов и ее зависимость от мужчины, создав предпосылки для вовлечения женщины в общественное хозяйство, и ее зависимость от капиталиста, приведя в своих объективных и субъективных последствиях к отмене частной собственности на орудия производства и тем самым к уничтожению власти буржуазии над пролетариатом. В настоящий момент особенно резко выдвигается вовлечение женщины в общественное производство и хозяйство наряду с мужчиной в качестве вполне равноценной рабочей силы. А параллельно подготавливается уничтожение частной собственности на решающие орудия производства. Мировая война была выявлением того, что развитие производительных сил достигло таких колоссальных размеров, при которых они начинают разрывать рамки частной собственности на средства производства.

Противоречие внутри отдельных капиталистических государств, между современным крупным производством и присвоением продукта частными владельцами орудий производства превратилось в мировой экономический антагонизм между этими государствами. Политическим выражением этого антагонизма и была мировая война. Она временно отняла огромную часть производительных сил у нормального производства, целиком поставив его на службу милитаризму; она произвела неслыханные опустошения, потрясла буржуазный мир в его глубочайших хозяйственных, политических и социальных основах. И все-таки буржуазный мир не погиб. Капитализм получил передышку, и эту передышку мы называем стабилизацией. Но стабилизация мирового капитализма означает лишь дальнейшее развитие всех тех экономических и социальных противоречий, которые неотделимы от его сущности и которые неизбежно ведут к отмене частной собственности на средства производства и тем самым к низвержению капитализма революционным пролетариатом.

Ясно, что буржуазный порядок, основанный на частной собственности на орудия производства, приближается к гибели. Об этом свидетельствуют не только экономические кризисы, быстро сменяющие друг друга в капиталистических странах, но и полный распад и разложение идеологической надстройки буржуазного общества, и такое важное явление, как все возрастающая опасность войны между капиталистическими государствами. Однако, не одно только развитие объективных исторических сил напоминает широким массам трудящихся женщин, что час их полного освобождения близок и что ускорение этого момента должно стать делом их собственной сознательной воли. Есть еще одно чрезвычайно убедительное доказательство. В недрах буржуазного общества субъективные силы социального переворота достаточно созрели для преодоления капитализма и для создания нового общества без классового господства буржуазии, без эксплуататорского барышнического хозяйства. Это доказал Красный Октябрь 1917 г. в царской России. Он является бесспорным историческим доказательством того, что сознание, воля и действие рабочего класса уже стоят на высоте его исторической задачи, которая заключается

в низвержении капитализма и осуществлении социализма. Русская революция есть первое осуществление внутри отдельного государства теории научного марксизма, международного социализма, построенной на выводах из социального развития наиболее передовых стран так наз. буржуазной культуры. Пролетариат Советского союза является ныне чемпионом мирового пролетариата в борьбе против капитализма и за социализм. Русская революция, хотя и преобразовавшая пока только одно государство, есть первое воплощение мировой пролетарской революции. Она знаменует собою начало конца капитализма во всем мире. Под таким углом зрения она оказывается грандиозным подвигом мысли и воли, на мой взгляд—самым грандиозным из всех, когда-либо совершенных.

Одним из последствий этого гигантского подвига является достижение женщиной полного равноправия в первом государстве пролетарской диктатуры и социалистического строительства. И это не только в области законодательства, но решительно во всех областях общественной жизни. Социалистическое строительство требует, чтобы во всех областях общество было переделано, перестроено, революционизировано так, чтобы женщина могла развиваться и работать в качестве его равноценного члена, равного по своим правам и обязанностям. Факт полного освобождения женщины пролетарской революцией в Советском союзе является, конечно, могущественным толчком для освободительной борьбы женщины за советским рубежом. Он практически доказывает правильность утверждения революционного марксизма, что женский вопрос может быть разрешен только в связи с общим социальным вопросом и что пролетарская классовая борьба, передающая власть в руки рабочего класса, является при этом решающим субъективным фактором.

Сказанным определяются задачи нашей секции. Наша секция должна указывать пути и цели теории и практике международного женского движения в капиталистических странах, где господство буржуазии еще не свергнуто, где не устранена еще частная собственность на орудия производства. Там, за рубежом, она должна указывать широчайшим массам трудящихся женщин пути, давать им в руки оружие для сокрушения классового господства буржуазии, для завоевания власти пролетариатом и установления пролетарской диктатуры.— словом, для сознательной и упорной революционной работы женщин, способствующей созданию необходимых предпосылок для освобождения всей женской половины человеческого рода. Здесь, на почве Советского союза, перед нами стоят задачи другого рода. Здесь мы должны выковать и вложить в руки трудящихся женщин духовное орудие, которое даст им возможность с максимальной энергией и успешностью принять участие в социалистическом строительстве. Там—капиталистические государства, здесь—государство пролетарской диктатуры: стало быть, здесь и там нам придется в нашей исследовательской, раз'ясняющей, воспитательной работе иметь дело с различными проблемами или с одними и теми же проблемами в принципиально различной постановке. Однако, единство и законченность нашего исторического мировоззрения и нашей вытекающей из него цели замыкает и работу нашей секции в единое целое. Ее результатом должно быть поднятие женщины на ступень революционной силы, ниспровергающей капитализм и осуществляющей социалистическое строительство—разумеется, в неразрывном единстве со всеми эксплуатируемыми классами и со всеми угнетенными народами мира. Особенное внимание

мы должны будем уделять в нашей научной работе положению и пробуждению трудящихся женщин в колониальных и полуколониальных странах. Там женщина изнемогает под тягчайшим гнетом исконного полового и новейшего классового рабства.

Чтобы выполнить задачи, лежащие на нас, как на секции Коммунистической Академии, мы должны тщательнейшим образом исследовать, на основе исторического материализма, всю исторически данную социальную действительность, в которой развертывается освободительная борьба женщины за свое полное человеческое достоинство. Это значит, что мы должны углубляться и в минувшее, изучать положение женщины в прошлом, ее участие в общественном хозяйстве, ее положение в семье, в общественной жизни, в государстве— словом, во всех областях социальной действительности.

Это обращение к прошлому позволит нам ясно уразуметь некоторые черты современности, те черты в положении женщины, которые имеют характер привычки, традиции, обычая, права и т. д. Взгляд в прошлое показывает, что на протяжении веков происходили глубочайшие, коренные перевороты в положении женщины в хозяйстве, в семье и в обществе. Напомню только о том, что существовали формы социального уклада—не у всех народов и не повсюду вполне одинаковые,—основанные не на патриархальном, а на матриархальном праве. На определенной экономической базе вырастали матриархальные общественные формы. Положение женщины в обществе не есть нечто вечное, неизменное, раз навсегда установленное природой, как думают одни, или волей бога, как утверждают другие. Изучая прошлое, мы познаем не только изменения в положении женщины, но и движущие силы этих изменений; и здесь, как во всем процессе исторического развития, они сводятся к изменению производственных отношений, т.-е. в последнем счете—к изменению средств производства. Жалкие, карликовые средства производства докапиталистического периода предопределили такое разделение труда между полами, при котором деятельность женщины была ограничена домашним хозяйством. Изменение средств производства при переходе к крупной машинной индустрии обусловило вовлечение женщины, как полноценной рабочей силы, в общественное производство и ее все большее и большее включение во все области хозяйства. Познавание прошлого, тех исторических сил, которые порождают новые формы экономической и социальной жизни, облегчает понимание настоящего и неизбежно из него вырастающего будущего. Точное исследование социального сегодня позволяет нам предугадать наше завтра, то, что будет и что должно быть—но не только как результат объективных революционизирующих сил истории, но и как дело сознательной воли и результат энергии самих трудящихся масс.

В настоящий момент в работе нашей секции особенно выплывают вопросы, возникающие в связи с рационализацией производства как в капиталистических странах, так и в первом в мире рабочем государстве. На мой взгляд, рационализация не есть нечто принципиально новое. Возникновение и развитие капитализма представляет собою единый, постоянный, непрерывный процесс рационализации, и можно даже сказать, что в широкой рационализации производства и заключается историческая задача капитализма. Сейчас рационализация только ярче проявляется, потому что она ведется в широчайшем масштабе и в темпе. Выдвигаемые ею проблемы, связанные с женским трудом,

расцениваются и решаются различно, смотря по тому, происходит ли рационализация в капиталистическом хозяйстве, при классовом господстве буржуазии, или же в национализированном хозяйстве рабочего государства, переходящего под диктатурой пролетариата к социализму. Наша исследовательская работа должна это учитывать, чтобы с успехом содействовать борьбе женщин за свое освобождение. Рационализация выдвигает проблемы, имеющие огромное значение для жизненного уклада и для классового положения всего пролетариата. Но при этом существует принципиальное различие, производится ли рационализация с целью выжимания из рабочей силы более высокой прибавочной стоимости, более жирных прибылей, с целью накопления больших капиталов для обогащения отдельных предпринимателей, или же она происходит в рабочем государстве, тоже, разумеется, с целью накопления, но не в интересах ничтожной кучки эксплуататоров, а в интересах дальнейшего развития социалистического хозяйства, в котором главные средства производства обобществлены, того хозяйства, которое несет полное освобождение и женщине. Буржуазия ли, как правящий класс, решает дело, не считаясь с влиянием рационализации на условия существования и труда женщин, или же это влияние учитывается правящим и осуществляющим социализм пролетариатом? Это имеет решающее значение.

Укажу на некоторые вопросы, которыми мы должны будем заниматься в нашей секции, если мы хотим в эпоху рационализации путем уяснения теории и изучения практики содействовать международной освободительной борьбе женщин. В тесной связи с процессом рационализации совершается, очень быстро и в гигантских размерах, перегруппировка мужской и женской рабочей силы. Все усиливается вытеснение мужской рабочей силы женской. В капиталистических государствах это вновь поставило на очередь старый вопрос: имеет ли женщина вообще право на самостоятельное место в общественном хозяйстве? Не следует ли ее вернуть к домашнему очагу? Ответ на этот вопрос, правда, не был отчетливо высказан, а прячется за формулу о двойственном существовании женщины, которая работает по своей профессии и в то же время является домашней хозяйкой, матерью. Лежащий в основе этой формулы филистерский взгляд поддерживается, в реформистски модернизированном виде, социал-демократами, которые ссылаются при этом на то, что при нынешних условиях не должно быть людей «с двойным заработком». Товарищи, в чем истинный смысл всех этих речей о «двойственном существовании» и о «двойном заработке»? Их смысл заключается в самом вульгарном буржуазном воззрении. Не соображения о материнских обязанностях женщины в семье, не оценка материнства, как социально-важной функции, играет тут роль, а тот низкий буржуазный взгляд, что женщина обладает еще одной ценностью, которую она помимо своей рабочей силы может продавать на рынке: своим телом. Пол женщины низводится на ступень рыночного товара, при чем совершенно безразлично, продается ли этот товар для пожизненного пользования, как в браке, или в виде сдельщины, как в проституции.

Рационализация ставит на очередь еще и другие важные вопросы, связанные с женским трудом. Таковы вопросы о равном вознаграждении мужчины и женщины за равную работу и о качестве женского труда, об особой пригодности женщины для определенных профессий и занятий. Но прежде всего необходимо исследовать влияние рационализированного фабричного труда на

здоровье женщины, на ее материнские функции. Разумеется, эти вопросы не новы, они постепенно выдвигались по мере развития капитализма. Но сейчас они приобретают больший вес, большую остроту и более важное социальное значение. Поэтому их постановка в капиталистических странах должна стать предметом самого подробного научного исследования.

Те же самые проблемы встают перед нами в связи с рационализацией производства и в советском государстве. Но какая разница в подходе к ним советского государства и капиталистических государств! Капиталистическое государство знает по отношению к этим вопросам только одну обязанность— обязанность защищать интересы буржуазного предпринимателя, стремящегося выколотить как можно больше прибыли из рационализированного женского труда. Капиталистическое государство стоит по возможности за манчестерский принцип невмешательства: *laissez faire, laissez passer*. Несмотря на доказанные всем прошлым опытом вредные последствия рационализации для женщин, социальные мероприятия и законы буржуазных государств несколько не считаются с вытекающей отсюда необходимостью усилить охрану работниц вообще, а беременных женщин, родильниц и кормящих матерей в особенности. Капиталистическое государство равнодушно проходит мимо голодных ставок женской зарплаты, мимо неравенства в оплате мужского и женского труда, мимо слишком продолжительного рабочего дня и нарушения других требований гигиены, губительного для здоровья трудящихся женщин. Хуже того: оно удлиняет рабочий день, оно отказывается ввести усиленную охрану женского труда. Вспомним Германию и Англию!

Совсем не то в советском государстве. Здесь в порядке дня стоит вопрос о вовлечении женщин в производство, о поднятии их квалификации и технической выучки, о сокращении их рабочего времени, введении семичасового рабочего дня, о широко поставленной охране работниц, в особенности об охране материнства как работниц, так и женщин, занятых на государственной службе и другой общественной работе. Конечно, и в Советском союзе в связи с рационализацией возникает ряд очень серьезных вопросов. Напомню хотя бы о том, что с переходом на 7-часовой рабочий день стала неизбежной система трех смен. Это значит, что много тысяч женщин, особенно в текстильной промышленности, должны работать по ночам. Последствия такого рода фактов придется изучать со всей тщательностью. В большинстве крупных капиталистических стран ночные работы запрещены для женщин целиком или частично, потому что ночной труд, как доказывает имеющийся статистический материал, особенно разрушителен для женского организма. Объясняется это тем—не исключительно, но в значительной мере—что женщина, кроме работы на фабрике, обыкновенно еще несет на себе тяжелое бремя домашнего хозяйства и ухода за детьми. Но в Советском союзе ряд социальных мер по облегчению этого бремени в большой степени освобождает трудящуюся женщину от этой дополнительной нагрузки. Этот факт необходимо принять во внимание и изучить в его последствиях. Он показывает, что по одним и тем же вопросам нельзя выдвигать одни и те же лозунги и требования внутри и вне Советского Союза. При этом мы не должны забывать об одном чрезвычайно важном обстоятельстве—о том, среди каких огромных препятствий и опасностей осуществляется в Советском союзе социалистическое строительство. При таких условиях в советском хозяйстве временно может оказаться совершенно необходимым многое такое, против чего

мы со всей энергией боремся за рубежом. Самая ясная мысль и самая твердая воля не могут смести в один день все препятствия с пути социалистического строительства. Вернемся к примеру ночных работ. Мы не должны делать из этой нужды добродетель, возводить ее в общеобязательный принцип, на который могли бы ссылаться и капиталистические страны. Нужно ясно понять и прямо высказать, что исторический момент требует от советских граждан, не только от мужчин, но и от женщин, тяжелых жертв, без которых невозможно закрепление и дальнейшее развитие социалистического строительства. Но за пределами Советского союза ночной труд женщин не может быть терпим, там против него нужно вести самую упорную борьбу, потому что там он служит для повышения предпринимательских прибылей путем жесточайшей эксплуатации женщин, для дальнейшего ухудшения условий существования всего рабочего класса в целом, для усиления буржуазии и, следовательно, для укрепления буржуазного строя.

Ближайшие задачи нашей секции заключаются, таким образом, во всеобщем научном исследовании того, как и при каких обстоятельствах влияет процесс рационализации на условия труда и жизни трудящихся женщин. В связи с этим мы должны направить все наше внимание на то, что может быть сделано и делается, что уже достигнуто и еще должно быть достигнуто классовой борьбой пролетариата (в капиталистических странах) в области законодательной охраны женского труда. Мы должны исследовать достижения и требования профсоюзов в области женского вопроса, участие самих трудящихся женщин в профессиональных организациях и экономических боях. Мы должны внимательно следить за деятельностью всех организаций, создаваемых и руководимых врагами революционного авангарда пролетариата, в том числе и социал-демократами, потому что эти организации ставят себе целью воспрепятствовать вызванному рационализацией усилению активной борьбы работниц против капитализма. Наша работа должна привести к тому, чтобы женщины сами, путем активного участия в профессиональном движении, добивались усиления охраны своего труда против последствий рационализации. Она должна побуждать трудящихся женщин к решимости вынудить у буржуазного государства усиление социального обеспечения и законодательной охраны труда. Словом, наша научная работа должна претворяться в революционную практику, должна содействовать более деятельному участию широких масс трудящихся женщин в экономических и политических классовых боях пролетариата. А одновременно мы должны следить за всеми мероприятиями, при помощи которых буржуазия и ее реформистские пособники стремятся использовать женщин, организационно и идеологически, в качестве опоры буржуазного порядка.

Однако, последствия рационализации перерастают за пределы намеченных здесь вопросов, они имеют глубочайшее революционизирующее значение. Рационализация значительно ускоряет процесс разложения семьи, как хозяйственной единицы. Это значит, что она объективно содействует преобразованию буржуазного общества в социалистическое общество трудящихся, пользующихся (поскольку речь идет о нормальных взрослых людях) равными правами и несущих равные обязанности. Распад семьи приносит независимость не только женщине, но и ребенку, делает и его непосредственным членом общества. Женщина—производительная сила настоящего, ребенок—требующая воспитания производительная сила будущего. Этот процесс влечет за собой многозначитель-

ные последствия. Можно держаться разных взглядов на буржуазную семью (я менее всего склонна видеть в ней нечто достойное уважения и увековечения), но она все же гарантировала, на почве частной собственности, некоторую защиту женщине и ребенку. С экономическим разложением семьи исчезает и эта слабая защита. Это вызывает в буржуазном обществе разнообразное явление распада. Запах тления носится над разлагающейся буржуазной семьей. Брак превращается в бесстыдную торговлю, растет проституция, которая отличается от проституции прежних времен не только своими размерами, но и тем, что из специального «ремесла» профессиональных проститутток она сделалась теперь постоянным побочным заработком особенно низко оплачиваемых работниц или временным основным заработком одиноких сезонных работниц. Из других последствий распада семьи отмечу высокую заболеваемость и смертность младенцев и малолетних детей, рост физического и духовного вырождения молодежи, рост числа юных преступников и т. д.

Как реагирует буржуазное общество на все эти явления, вопиющие о необходимости новых форм общественной жизни, которые могли бы обеспечить женщине и ребенку право на полное раскрытие и социально-полезное применение их сил? Вообще говоря, оно не делает никаких социальных выводов из разрушительных для культуры явлений, сопровождающих процесс распада семьи. Оно не принимает никаких, или почти никаких, мер для социальной охраны как работницы и матери, так и ребенка. Совсем иное мы видим в Советском союзе. Здесь идет горячая борьба за создание новых форм общественной жизни на основе революционизирующегося хозяйства, за создание таких общественных форм, при которых женщина и ребенок приобретут право на полное развитие всех своих человеческих способностей. Охрана работницы и матери поставлена так, как ни в какой другой стране. В результате целого ряда социальных мероприятий женщина освобождена от корыта и кухонного горшка, она получает помощь во время беременности и родов, пользуется поддержкой и советами в своей работе по уходу за детьми, по их воспитанию. В мероприятиях такого рода проявляется признание великой социальной ценности материнства и ребенка, как творца будущего богатства, будущей культуры. В них находят себе конкретное воплощение все то, что возведено в этой области советским законодательством. Находящиеся в процессе социализации, как та новая жизнь, которую они отражают и образованию которой они призваны помогать, эти мероприятия отличаются двумя отчетливыми чертами: усилением социальной охраны женщины, как существа женского пола и как матери, и ребенка, как нуждающегося в уходе и воспитании члена общества. Разумеется, образование новых форм половой жизни, форм совместной жизни мужчины и женщины, новых форм и методов воспитания ребенка, еще далеко не закончено. Все находится еще в движении. Но ясно и четко вырисовывается линия развития. Основной вопрос решен в том смысле, что не только в законодательстве, но и в общественной действительности, в хозяйстве, во всех областях социальной надстройки, женщина может развиваться и действовать, как полноправный человек, и что ребенок представляет собою не частное достояние родителей, а социальную ценность, в развитии которой максимально заинтересовано все общество.

Творчество новых форм хозяйства и его надстройки в создающем социализм Советском Союзе требует переворота и в области идеологии. Без нового

мировоззрения, без господства идей социализма, коммунизма осуществление новых форм жизни, требующих своего воплощения, невозможно. Эти новые формы не возникают автоматически и непосредственно на почве преобразованного хозяйства и все глубже преобразующихся производственных отношений. Для их возникновения необходимо и активное вмешательство сознательной воли человека. А для этого требуется ясное, законченное мировоззрение, которое содействует формированию новой жизни в области хозяйства. Развитие производственных отношений и идеологической надстройки общества в направлении к социализму совершается в непрерывном живом взаимодействии между неизбежными результатами действия объективных исторических сил и сознательно творящей, на основе материалистического познания истории целеустремленной волей человека.

Задача нашей секции—путем научного исследования жизни широчайших женских масс указывать пути и цели революционному преобразованию экономических и социальных условий. Она должна, следовательно, с своей стороны содействовать могучему идеологическому перевороту в чувствах и мышлении, в воле и действиях этих женских масс—перевороту, необходимому для осуществления социализма. В своей полемике с анархистом Штирнером Маркс подчеркнул, что для осуществления социализма потребуются десятилетия, может быть много десятилетий, потому что дело не только в создании новых экономических и социальных условий, но и в создании новых людей, новых отношений. Сделаем отсюда все необходимые выводы. Женщины могут и должны внести свою огромную, незаменимую долю в творчество новых форм хозяйства и общественной надстройки—тех форм, которые одни дадут им возможность свободно и гармонично развернуть все свои силы в теснейшей солидарности с великим социальным коллективом. Но чтобы быть способными на это, они должны сами переродиться в новых людей и помогать перерождению других. А для этого они должны принимать сознательное участие в том великом идеологическом перевороте, без которого коммунизм не может стать живой реальностью.

Коммунизм приводит к совершенно новой установке в отношениях человека к человеку. При этой установке должны бесследно исчезнуть последние идеологические пережитки старых собственнических отношений. Новый порядок знает только равноценных членов общества с равными правами и равными обязанностями, солидарно связанных в работе над одним великим общим делом—над закреплением и дальнейшим усовершенствованием социалистического, коммунистического строительства. Одновременно с материальным и идеологическим революционированием отношений человека к человеку совершается, конечно, и переворот в отношениях между полами и взаимоотношениях между родителями и детьми. Как женщина перестает быть, под той или другой идеологической маской, собственностью мужчины (последней собственностью, которой он хотел бы обладать, как она же была первой собственностью, на которую он наложил руку),—так и дети перестают быть собственностью родителей. Женщина должна изменить все свое отношение к мужчине. В отношениях между полами должен произойти великий социалистический сдвиг, несущий полное освобождение женщине, как человеку. Она должна отказаться от своего взгляда на мужчину, как на что-то высшее. Она должна видеть в нем равного себе товарища по общему жизненному делу, по великому делу освобождения человечества. Личные отношения между мужчиной и женщиной должны

теснейшим образом связывать их обоих с обществом—там, где социализм уже осуществлен, или с рабочим классом—там, где он еще борется за власть для построения социализма. Отношение женщины к своему ребенку тоже должно перемениться. Мать не должна смотреть на физический и духовный рост своего ребенка, как на свое личное дело, как бы горячо и сильно она ни ощущала свою личную ответственность за него. Она должна уважать в своем ребенке общественную ценность, порученную ее заботам, будущего взрослого человека, развитию которого она должна всячески содействовать. И с этой точки зрения она должна подходить не только к собственному ребенку, но и ко всем детям. Наконец, должно измениться и отношение женщины к самой себе. Женщина должна перестать быть по преимуществу пассивным существом, взвращенным на жизнь, как на что-то чуждое и непонятное. Прочь эту пассивность, которая заставляла женщину с жалобой и укором вечно повторять один и тот же вопрос: «Достаточно ли меня понимают и любят, достаточно ли ценят и поддерживают? Жизнь, что ты мне дала, какие блага получила я от тебя?» Женщина должна переродиться в активного, творческого человека, который обращается к себе с суровым вопросом: «Достаточно ли я понимала, любила и ценила своих товарищей по борьбе, достаточно ли сделала для общего дела? Жизнь, обильная радостями и страданиями, событиями и загадками, что я дала тебе, в чем я в долгу перед тобой?» Одушевленная такой активностью, женщина направит всю свою энергию на то, чтобы работать для революции до последнего вздоха.

Личный переход каждого отдельного человека на почву коммунистического мировоззрения и деятельности должен осуществиться как в мужчине, так и в женщине, должен быть творческим делом их обоих. Я говорю сейчас не о том, что и женщины могут внести выдающийся вклад в развитие теории коммунизма. Заслуги женщин в этой области мы будем, конечно, всячески приветствовать, будем с гордостью отмечать их. Наша секция будет внимательно следить за участием женщин в выработке вполне законченного коммунистического мировоззрения. Но гораздо важнее, чтобы эта новая идеология коммунизма делалась живым, жизнетворческим сознанием, негнбимой волей миллионов трудящихся женщин. В работе над революционированием идеологии трудящихся женщин одна из важнейших задач нашей секции. Все дело в том, чтобы пассивные до сих пор женские массы сделались революционно активными, способными на проявление величайшей энергии и самоотверженности, в капиталистических странах—для завоевания власти, для низвержения классового господства буржуазии, для установления пролетарской диктатуры; в Советском союзе—для смелой, неот'ятной работы над построением социализма.

Я прошу вас помочь нам в нашей работе, поддержать деятельность нашей секции, служащую этой цели. Я прошу о сотрудничестве всех, мужчин и женщин, теоретиков и практиков, старых товарищей, искушенных опытом, и рвущуюся вперед молодежь. Все мы должны работать вместе, чтобы достигнуть одного—пробудить целеустремленную, неустанную активность в массах трудящихся женщин и тем самым приблизить час освобождения всех, «кто носит человеческий лик», час мировой пролетарской революции. *(Продолжительные аплодисменты).*

О ЗАДАЧАХ МАРКСИСТСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МУЗЫКИ

(По поводу книги С. М. Чемоданова «История музыки в связи с историей общественного развития»)

Тот сдвиг в области изучения искусства, который произошел после того, как теория диалектического материализма стала общепризнанным стимулом и критерием науки о духовной культуре, этот сдвиг в области теоретического искусства знания определил новую позицию научной мысли и в отношении изучения истории музыки. В данное время, когда мы еще только сдвинулись в этой области с мертвой точки, существо требований в отношении марксистского понимания самих задач этой дисциплины сейчас можно было бы формулировать с большей или меньшей точностью следующим образом. Во-первых, рассмотрение музыкального искусства в его целом, как общественного процесса, причиной и содержанием которого является историческое движение общественной психологии (или психики, Плеханов), а формой—движение музыкальной надстройки, в собственном смысле (причем, конечно, здесь следует иметь в виду не только инструментальную технику, но и организации профессионально-технического порядка, начиная с древних аэдов и средневековых цеховых мастеров-ремесленников и кончая свободной организацией Персимфанса). Со всей возможной решительностью следует признать это требование, как требование пересмотра всех тех связей и зависимостей, каким, следуя старой искусствоведческой традиции, будто бы подчинялось развитие музыкального искусства. Вместе с тем это есть утверждение некоего фронта против всяких об'яснений музыкального процесса с помощью «творчества», «художественного переживания», «развития музыкальной техники», «вкусов общества» и т. д., т. е. утверждение среди широких слоев музыкантов и массы марксистского взгляда на музыкальное произведение не как на продукт «гениального вдохновения» или как на результат «техники», а как на «сгусток классовой психики» (Бухарин), получивший в звуках свое материальное инобытие.

Во-вторых, рассмотрение музыкально-исторического процесса как противоречивого процесса, в основе которого лежит противоречие общественных отношений, определяющее общественную психику, являющуюся уже, в свою очередь, движущим началом музыкальной практики. Это постоянно надо иметь в виду, когда говорят о классовой музыке, так как проблема *музыкальных стилей*, направлений и школ и есть как раз проблема конкретной музыкальной деятельности, *ведущим* началом которой является психика определенных общественных групп. В последнее время эта точка зрения по отношению к изобразительным

искусствам с редкой ясностью была изложена В. М. Фриче в его введении к «Опыту социологии изобразительных искусств» В. Гаузенштейна. То же самое целиком и полностью относится и к музыкальному искусству.

Наконец, в-третьих, существеннейшей задачей марксистского изучения музыкального процесса является изучение собственно оформляющей стороны музыкальной практики, изучения ее как специфической организации звукового материала, где оформляющие «технические» процессы наблюдаются как со стороны своего внутреннего *роста*, так и самого *типа* музыкальной техники. Конечно и здесь ведущим, определяющим началом является психика общественного человека, но, ставя определенные задачи музыкальной практике, она лишь дает стимул возникновению новых технических противоречий, которые и об'ясняют нам возникновение новых муз. формаций как новых единств техники и материала, путем смены которых и развивается музыкальное искусство, как надстройка, обладающая *относительно самостоятельными* особенностями своей организации (Плеханов).

Таким образом точка зрения диалектического материализма в отношении изучения истории музыки утверждает одну общую задачу изучения ее как выражения движения и развития общественной психики в движении музыкальных форм, и вместе с тем утверждает требование всестороннего изучения отдельных сторон своего об'екта (напр., связи музыкальных направлений с литературными и даже философскими,—вспомним Пифагора, Платона, Шеллинга и Нитше) вплоть до единичного анализа противоречий самой профессионально-технической стороны. Единственным условием для правильного выполнения этих требований является установление постоянной связи всякой частной проблемы, всякого частного анализа с общими условиями возникновения данного музыкального явления, будет ли это учение о контрапункте, о каденции, о форме сонатного аллегро или разбор какого-нибудь музыкального произведения. Каждый музыкальный факт несет в себе свои противоречия как частные (технические, напр.), так и общие (общественные). Но основное, что остается центральной нитью всякого марксистского изучения музыкального факта, это изучение его в его наиболее общей, широкой причинной связи, как выражение движения общественной психики в формах музыкальной надстройки. История музыки, в ее диалектическом понимании, как раз и преследует изучение музыкального развития общества, как развития противоречивого, постоянной основой которого, в конечном счете, являются реальные общественные отношения классов и общественных групп (музыкальная культура бесклассового общества конечным началом своего движения имеет противоречие общества и природы). Найти и определить, как общественная психика, являющаяся внутренней стороной общественных отношений, самоопределялась и закрепляла себя в музыкальных формах, определяя по мере развития и борьбы внутриобщественных сил исторический ход музыкального искусства, его «стилей» эпохи расцвета и эпохи упадка вплоть до характера отдельных эпизодов истории музыки, вплоть до того пульса и ритма, какие бьют в каком-нибудь отдельном музыкальном произведении,—такова *основная* задача марксистского историка музыки.

Вот почему, приветствуя появление работы С. М. Чемоданова, его «истории музыки в связи с историей общественного развития», как первый «опыт марксистского построения истории музыки», как первый сдвиг с мертвой точки в этой области, мы не можем согласиться с общей методологической установкой ее

автора, утверждающего в предпосланной им в своей книге методологической главе, что в центре изучения музыкального факта должны быть вкусы его потребителя. Как он характеризует поставленную им себе задачу?

«Из всего сказанного выше с совершенной очевидностью вытекает тот метод, который мы должны принять при анализе происхождения и эволюции того или иного музыкально-художественного стиля. Мы должны будем анализировать не столько ту специфическую социальную среду, из которой вышел композитор, сколько подвергнуть анализу так называемую психологию эпохи, иначе говоря, художественные вкусы, настроения класса-потребителя искусства и, вообще, все социальное окружение художника. От художественной психологии, класса потребителя мы должны будем провести нить к его психологии общественной, а от этой последней к его социально-экономическому состоянию». И в другом месте «для уяснения материальных корней искусства сплошь и рядом гораздо большую ценность чем анализ среды, взрастившей художника, представляет психология потребителя художественных ценностей в каждую данную эпоху». Такая постановка задачи научного исследования истории музыки навряд ли правильная марксистская постановка. Нет никаких сомнений, что искусство потребляется в согласии со вкусами потребителя. Но объяснить происхождение и развитие искусства из вкусов потребителя, т.-е. так понять процесс взаимодействия надстройки и общественной психики, что процесс обратного действия ее и его результат будут выданы за причину возникновения этой надстройки, значит забыть общеизвестную историческую истину, что происхождение художественного факта совершается часто вопреки и данным «интересам», и данным «вкусам» потребителя. Такова пролетарская песня, усвоенная крестьянином, таков куртуазный менуэт, усвоенный молодой буржуазией, таков буржуазный вальс, под музыку которого отлично танцовало дворянство. Раз возникнув, музыкальная надстройка может оказывать определенное действие на большее или меньшее число людей и таким образом может иметь своим объектом несколько социальных групп и прослоек, но никогда нельзя забывать, что ее «потребители», т.-е. те социальные группы, которые находятся в орбите влияния данной надстройки, в своем отношении к действию самой надстройки выступают лишь как ее социальный *объект*, но не как причина, не как общественный *субъект* этой надстройки. Плеханов, уделяя внимание объекту художественной надстройки, чтобы раскрыть возможно полнее ее социальный эффект, однако никогда не выводил и не определял искусство со стороны вкусов его потребителя. Маркс, Энгельс и Плеханов всегда видели в художественной надстройке классового общества выражение психики данного класса, а не приспособляющийся процесс, зависимый от вкусов потребителя. Между тем мотивы художественной практики сводятся по Чемоданову именно к «приспособляемости к наличным вкусам» (22 стр.), т.-е. художественная практика понимается как некий телеологический процесс, что, впрочем, и должно всегда случиться, если *движущим* началом искусства будут вкусы его потребителя. Напрасно также было бы ссылаться на Троцкого, как это делает Чемоданов, так как если Троцкий и указывает, что «без упругой атмосферы сочувствия вокруг себя искусство не может ни жить, ни развиваться», то из этого не следует, что эта «атмосфера» и есть психология потребителя. Но каким образом появляется на сцену этот «потребитель», становится понятным только тогда, когда мы пойдем с нашим автором несколько дальше в его послышках. Одно обстоятельство, на первый взгляд даже незначительное,

объясняет это «расширительное» толкование роли потребителя. Дело в том, что исходной точкой, взятой Чемодановым, этой исходной точкой *на деле* оказывается... художественное переживание. Ссылаясь на Меймана, который делит художественный процесс на три части: а) сильное переживание, стремящееся облечься в художественную форму, б) движение, в которое оно облекается, и наконец в) мотив изображения, который отсутствует при переживаниях общего порядка и является специфически присущим художнику, Чемоданов утверждает: «для нашей цели наибольшую важность имеет, разумеется, первая стадия, художественное переживание, ибо поскольку мы сумеем установить зависимость ее от внешних впечатлений (притом определенно классового порядка), постольку все остальные стадии через промежуточные звенья окажутся также обусловленными элементами материальной среды» (так называется Чемоданов общественную среду). Таким образом исходной точкой является художественное переживание плюс еще другие его стадии, которые надо объяснить по Чемоданову через «промежуточные звенья». И вот потому, что это художественное переживание может и не зависеть от вкусов класса, из которого вышел художник, Чемоданову приходится апеллировать ко вкусам потребителя. При такой посылке, в которой с редкой силой еще сказывается *непреодоленная* современным музыкантом-общественником старая мысль о «личном моменте» в музыке—логически неизбежным является признание, что художественное переживание у художника не тождественно с психологией класса, из которого он вышел, и что, несомненно, художественное переживание, зафиксированное в художественном произведении, имеет связь с психологией потребителя. Вместо плехановского причинного ряда—класс, его психика и художественная практика—мы имеем совсем другую картину. С одной стороны отсутствие единства художественного переживания с психикой класса, из которого вышел художник, с другой,—единение с психологией потребителя. С одной стороны, художник, с другой—потребитель. С одной стороны, художественное творчество, с другой—впечатление. Не даром Чемоданов приводит мнение Меймана о фазах художественного творчества. Раз последнее (творчество) признано отправной точкой исследования, как некий мост, связующий искусство с социальной жизнью, то без Меймана обойтись действительно трудно. Но в том-то как раз и ошибка Чемоданова,—а с ним вместе и тех слоек передовых работников музыкального искусства, которые, идя к марксизму, еще не умеют преодолеть идеологическое «наследство» старого «беспартийного», «чистого» музыканта,—ошибка в том, что этого «моста» строить не нужно. Марксизм—«партийный», классовый, конечно, исходит из анализа классовой психики, для того, чтобы эту психику найти в художественных произведениях, в художественной практике. «Художественное творчество» есть стык классовой психики и процесса оформления художественного произведения, есть живая схватка между психикой класса и организуемой *ею же* материей (звуковой сферой). Как всякий фокус, оно есть выражение некоторого отношения, а не играет роль причины или самостоятельного фактора, которые надо еще объяснить. Оно не причина, не фактор, а лишь выражение определенной связи различных элементов общественной психики, которые свое противоречие закрепляют в специфической форме. Всего менее от него можно итти, чтобы объяснить связь между общественной психикой и искусством. Процесс художественного творчества начинается, строго говоря, вовсе не с художественного переживания, а начинается в том противоречии общественной психики, которая и образует содержание художе-

ственного акта, а следовательно, и анализ художественного процесса мы должны начинать не с «личной атмосферы художественного творчества», не по Мейману, а вопреки Мейману, с выяснения «общественно-психологического эквивалента», как говорит старая марксистская традиция, который, конечно, вовсе не совпадает с «художественным переживанием» как до своему более широкому содержанию, так и по своей объективной роли в художественной практике. Эта теоретическая азбучная пропись марксизма на деле *забывается* всякий раз, если не *оказано* сильного внутреннего *сопротивления* «старой привычке», тому идеалистическому способу представления, какой «изнутри» сильнейшим образом оказывает влияние на мыслящего музыканта и исследователя истории музыки, пока что воспитанного, преимущественно, на работах Шторка, Наумана, Римана, Лявниняка, Арнольда Шеринга и авторах-компиляторах типа Е. Браудо.

Так, у Чемоданова же, уверенного в необходимости специального «моста», получается своеобразная контроверза между художественным произведением и общественной психикой. С одной стороны, он говорит, что «касается этого художественного переживания, с которого начинается процесс художественного творчества, то зависимость его от элементов материальной среды совершенно неоспорима». С другой, — он считает, что «больше всего мог бы дать тот психологический метод, который исходит от анализа формы художественного произведения к уяснению его содержания. Указав выше на функциональную зависимость формы от содержания, мы тем самым могли бы, казалось, в самом деле по языку формы определять содержание художественного произведения. Однако и этот метод не всегда дает нужные данные (значит, иногда все-таки дает. А. О.), ибо, с одной стороны, язык форм подчас бывает крайне запутан и не сразу дает ключ к уяснению содержания, с другой стороны, этот метод никаких уже данных не дает для уяснения мотивов художественного творчества, которые в поставленной нами проблеме играют едва ли не первенствующую роль» (19 стр.). Таким образом, если бы язык форм не был запутан, а уяснение мотивов художественного творчества не стояло бы на первом месте, то анализ искусства мог бы начаться прямо с анализа художественной формы. Но что это был бы за анализ, если не имманентный, формальный? Здесь ясно выступает, каким образом посылка Чемоданова «о художественном творчестве» как раз приводит его к допущению (внешне замаскированному) вести научное исследование от имманентной характеристики художественного произведения к его социальному определению, а не от «социального эквивалента», т. е. общественной психики к характеристике формы. Ведь тогда-то уже наверно язык форм не будет так запутан и мотивы художественного творчества получат надлежащее место. Но Чемоданов отказывается от имманентного метода не затем, чтобы работать марксистским методом диалектического материализма, чтоб лучше защитить свою позицию «на мосту», не прощаясь с марксизмом, но в то же время и не порывая со старыми берегами социологического эмпиризма — вспомним Тэна, — где «художественное творчество» и вкусы потребителя занимали всегда не последнее место.

Таким образом теоретический отход или, вернее, «недоход» Чемоданова в отношении традиций марксистского понимания искусства заключается в том, что он, исходя из художественных вкусов общественного потребителя и придавая непомерное значение художественному творчеству, затушевывает объективную роль в художественной надстройке быть формой для движения общественной психики и носительницей не «потребительских переживаний», но актив-

ного начал общественного человека к организации его психики, начала классового стремления к господству идеологии. Не отрицая зависимости содержания искусства от социальной среды, Чемоданов определяет эту зависимость как акт приспособления художников ко вкусу господствующего класса (22 стр.), т. е. определяет художественный процесс лишь внешне. Он не анализирует его основной структуры — как противоречивого процесса своеобразной, классовой, эмоционально-идеологической политики, каковой является музыкальная деятельность, утверждающая в области идеологии господство одного класса над другим, (в безклассовом обществе она будет утверждать более прогрессивную психологию, вытесняя постепенно все общественно-консервативные элементы человеческой психики). История музыки по Чемоданову это — *история потребления музыкальных форм, а не история выражения классовой психики в специфических формах музыкальной надстройки*, являющейся лишь *материальным инбытием* общественной психики и не сводимой на вкусы ее потребителя, самих по себе нуждающихся еще в объяснении и объясняющих потребление опять-таки только тогда, когда объяснено «потребляемое», т. е. эти самые музыкальные формы. Естественно, что такая точка зрения скорее приводит исследователя к общим местам о музыкальных вкусах той или иной эпохи, чем к анализу причин появления музыкальных формаций из недр общественного, или, как говорит Чемоданов, материального бытия. Посмотрим, в каком направлении обосновывает Чемоданов свою точку зрения на конкретном материале, что устанавливает как типическое в истории музыкальных стилей и их развитии.

Старую историческую схему — древность, средневековье и новое время Чемоданов оставляет в силе, а историческую характеристику общественных основ музыкального процесса в древности дает следующую. «В древнем Египте, Персии, Ассирии и Вавилонии существовал социальный строй весьма близкий к средневековому феодализму... Государственная организация этой эпохи основывается на принципе личного владения. Поместье, вотчина становится основой политической организации... центральной власти нет совсем, или же она мало активна... Союз завоевателей и теократии, опирающийся на служилую бюрократию и на подневольные классы, вот социальный фон феодальной эпохи» (стр. 38). Может ли эта общая точка зрения служить ключом к древней музыке? Примером может служить хотя бы то немногое, что мы знаем об египетской музыке. Но прежде всего, *какова была ее реальная историческая основа?* Не говоря о том, что значение жречества было вовсе не одинаково для разных периодов той же египетской истории и сама социальная роль его была различной: так, при первых династиях жречество бога Птаха в Мемфисе сохранялось непосредственно в руках родственников династии и должность, соответствующая визирату на востоке, замещалась царевичами, т. е. «жречества», как самостоятельной мощной социальной силы, еще не было; не говоря о том, что в период древнего царства, когда складывается классическая традиция египетской культуры, мы имеем дело отнюдь не с децентрализованным феодализмом, а уже с «централизованным и бюрократическим государством» (Тураев); мы знаем вполне точно, что уже, начиная с первых династий древнего царства, еще со времени царя Ахи, внушительный некрополь которого у Негада подтверждает сведения о нем как о могущественном государе, признававшемся во всем Египте, мы имеем эпоху роста государственной власти (при первом царе третьей династии, фараоне Хасехемуе, была последняя война с Дельтой), определившую Египет

как сплоченное бюрократическое государство. Что тут общего с определением Чемоданова: «центральной власти нет совсем или же она мало активна»? Опять-таки, что касается среднего царства, то, начиная с XII династии и далее (ко времени Сенусерта), власть царя была столь же безусловна: «о феодалах мы уже более не слышим», пишет Тураев. Кроме этого надо заметить, что «египетский феодал» это служилый аристократ, вербовавшийся по мере роста власти фараонов все более путем повышения из низших слоев. Египетские феодалы это не «бароны», а «министерялы» царя, в каких были превращены путем покорения и областные цари, ставшие объектами власти фараона. Относительно храмов твердо установлено, что земля их и доходы с нее и в среднем царстве рассматривались как оклад, как жалованье, сама же земля отдавалась, в случае надобности, другим землевладельцам, становящимся вместе с тем и господами принадлежавших храму колонн, так что «принцип личного владения», которым характеризует Чемоданов древность, требует здесь значительного изменения. Наконец, что касается «Нового Царства», то, будучи бюрократическим государством, опирающимся на литургию, оно еще менее «является весьма близким к средневековому феодализму». Таким образом историк музыки при всем стремлении вывелись *типичное* не может игнорировать того факта, что основой египетской музыки были общественные сношения и общественная психика *иные*, чем это можно сказать относительно феодальных отношений европейского средневековья или того же Вавилона. Историк-марксист не должен обманываться внешним сходством. «События, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в исторически-различной среде, приводят к совершенно различным результатам,—писал Маркс еще в 1877 году.—Изучая каждую из этих эволюций в отдельности, затем сравнивая их между собой, легко найти ключ к уразумению этих явлений, но никогда нельзя притти к их пониманию, пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее «надисторичности». И в другом месте: «трудность начинается лишь там, где принимаются за рассмотрение и упорядочение материала, безразлично, какой-нибудь прошедшей эпохи или настоящего времени, когда принимаются за *изображение* действительности. Устранение этих трудностей обусловлено предпосылками, которые ни в каком случае не могут быть указаны здесь, а вытекают только из изучения реального жизненного процесса и действия индивидов каждой отдельной эпохи» (Архив Маркса-Энгельса, I, стр. 216—217). Вот этих трудностей и не существует для автора разбираемой нами «Истории музыки». Он разбирает музыку надисторически. Поэтому и его характеристики не достигают своей цели и остаются *внешними* для определяемых им музыкальных формаций. Так, когда Чемоданов пытается, следуя Гаузенштейну, охарактеризовать принцип египетского искусства, говоря, что «формы искусства, качественно бедные, стремятся найти выход в количественной компенсации» (38 стр.), то эта пышная количественно фраза действительно оказывается бедной по содержанию. Что понимается здесь под качеством? Если идеология есть содержание искусства, то ведь именно потому, что египетское искусство было богато ею, оно и позволило себе развивать «культ количественного». Количественный принцип, выразившийся в музыке, в принципе массового оркестра, в сакральных длиннотах напева, в ритмической сложной фигурации гимна, в своем ансамбле стремившихся к повышенному возбужденному восприятию массой торжественного гимна, как иного, сложного, необычного, поражающего

мир звучания, за которым скрыт недоступный для простой психики поселянина и ремесленника—вспомним однообразный простой ритм напевов египетских рабочих—мир бытия фараона и его жрецов, этот количественный принцип, совершенно незамеченный Чемодановым, есть для историка-марксиста несомненный показатель, что египетская музыка не была бедна своим общественным качеством, идеологическим содержанием, и именно вследствие этого своего богатства и внесла железную последовательность и определенность в технически-формальной установки. Чемоданов же, применяя к историческим формам современные формальные категории, в силу которых эти формы неизбежно оказываются бедными, полагает, что его задача уже выполнена тем, что он нашел этим формам их потребителя—жрецов, фараонов, воинов, землевладельцев-поселян, рабочих и т. д. и т. п. Египетская музыка «бедная формой» оказывается «богатой» со стороны своего потребителя, потреблявшего по Чемоданову только «бедные качеством» произведения. Поистине, парадокс истории!

Между тем как, исходя из исторически-общественной предпосылки музыкального развития египетской культуры, из классовой психики египетского государственного бюрократа «феодала», бюрократа-министра и придворного, т. е. взяв отправной точкой классовую психику египетского чиновника, становится понятным сам своеобразный, «механический» принцип музыкального искусства египтян, чисто авторитарное понимание звука, как статически завершенного элемента, из механических соединений которого с другими такими же звуками слагается та безжизненная, официально-бездушная мелодия египетского храмового напева, какая воспринимается с чуждой точки зрения современного буржуа, как «бедная качеством» (напр., мелодии, приведенные еще сэром William Lap'ом в его известной *An account of the manners and custom of the modern Egyptians*). Бюрократическое ухо египетского чиновника признавало в этом своеобразном блуждании необ'единенных мелодической направленностью и динамикой звуков, вовсе не косность и мертвенность, а глубокое жизненное начало того порядка жизни, какой вызвал к деятельности как египетского чиновника, так и самого фараона и его жрецов. Авторитарное государство древнего царства, превратившее социальное целое египетского народа в своеобразный механизм, механизировало также и понимание ритма в музыкальном искусстве. Ритм египетских храмовых напевов и, возможно, древнейших светских напевов, сохранившихся в неприкосновенности в продолжение столетий, судя по оставшимся фрагментам, носил строго стационарный характер, ведя к длиннотам и затягиваниям в распеве. Древний распев лишен той «натуральности» в движении, какая оставалась и сохранилась в сельских и простонародных египетских песнях и до настоящего времени (таковы безыскусственные песни, приведенные Jomard'ом). Совершенно естественно, что и в деталях, напр., в количественном понимании инструментовки, мы имеем лишь последовательное выражение тех общих социальных условий в развитии музыкального искусства, какие нашли себе яркое выражение и в других видах художественной деятельности. Гигантские сооружения на полях Гизе и абстрактный стиль храмовых зал V династии вполне эквивалентны абстрактному «количественному» стилю египетской музыки. Дать историческое обоснование и историческую характеристику этому стилю и составляет задачу марксиста-исследователя.

Надо сказать еще, что Чемоданов, не используя возможностей об'яснения «количественного принципа» египетской музыки из бюрократической психики

египетского министерства и фараона, также совершенно упустил из виду светскую египетскую музыку как военную, так и танцевальную, которая в период Нового Царства (18—20 династии), широко используя азиатские влияния, достигла значительного расцвета в области инструментальной формы. Характерно присоединение в групповых сочетаниях к арфам и флейтам еще лютни, язычковых духовых (вроде нашего гобоя), кастаньет, барабана и пр., — эта светская музыка являлась не менее важной чем церковная музыка при воспитании знатного юношества, оправдывая тот элемент брожения разлагающейся под влиянием торгового капитала психики классического египетского придворного бюрократа, какой в области политики выразился в космополитических планах фараонов Нового Царства, а в области религии новыми «просветительными» тенденциями хотя бы Тель-Эль-Амарнского реформатора, «его величества» фараона Аменомфиса IV. Светская египетская музыка есть выражение той глубокой общественной антитезы, роста торгового капитала, какой, проникая сам быт фараонов (например, придворный быт Сезостриса или Тутмосиса II), постепенно изживал формы не только социально-экономической, но и духовной практики господствующего класса, приводя его постепенно к тем самым формам политической и духовной коррумпции, о которых писал еще Маркс. Этот диалектический рост новых элементов в египетской культуре и выразился в новом понимании инструмента — вспомним «богатые» струнами огромные арфы эпохи Рамзеса II (1350 г.), — в самой установке музыкального искусства на новый придворный быт. Проследить это развитие и есть задачи историка музыки.

Понимание Чемодановым развития греческой музыки покоится на неправильном понимании роли жречества и так называемой греческой «буржуазии». Про торжественную лирику Терпандера Чемоданов пишет: «это было творчество определенно жреческого характера, подчиненное требованиям культа далекого от безыскусственного народного пения». Это не верно. Не только сам Терпандер Лесбосский, но основанная им школа кифаредов не имели отношения ни к жреческой касте, ни к сакрально-обрядной стороне быта. В Греции вообще не было ни касты, ни сословия жрецов. Функции жреца были строго гражданскими функциями, а классовая физиономия греческого средневековья была физиономией класса землевладельцев, конституировавшихся как класс воинов, как «военная демократия» (Маркс). Гекзаметр не жреческий размер, а также и пентаметр, которым так щедро и разнообразно пользовалась греческая элегика, начиная с Каллина (середина 7 века). Гекзаметр — размер военно-земельной аристократии, не восточных «монархов», или средневековых феодалов, а греческих «царей» и «героев», т. е. светский, свободный, а не «иератический» размер феодального общества. Об отношении земельной аристократии к кифародике и авлодике Чемоданов ничего не говорит, точно так же ничего не говорит о развитии греческого ритма или о роли хоровой композиции, как она была представлена Алкманом. Между тем именно здесь проявляется отчетливо земельно-аристократическая и, если так можно выразиться, военно-сословная природа греческой музыки. Например, такой ритм, как анапест — основной в победных песнях Тиртея — несет на себе черты своего военного происхождения, вплоть до пелопонесской войны, о чем мы узнаем от Фукидида. Успех бесстрастно-отвлеченного звучания кифары, начиная с VII века и вплоть до конца V, теснейшим образом связан с сословными взглядами на искусство как на нравственно-воспитывающее суровое действие звука (чем об'ясняется, почему победа Терпандера на спартанских Карнеях

имела такое решающее значение для всей кифародики, определив самое семиструнную кифару как национальный инструмент). Сама композиция произведений хоровой лирики — Алкман и Стесихор дали ей только окончательное выражение — развиваясь в определенную систему (строфа, антистрофа, эпод) возникает также, подчиняясь дисциплинирующему началу сословной психологии воина-землевладельца. Наконец, сама теория греков о музыке, уже в лице Пифагора, дающего учение о музыкально-числовой символике, учение, превратившее квинтовую систему на математической базе в абстрактный «канон», есть результат устремления классовой психики, переключившей в музыкальную надстройку свою мысль и волю к сословной спаянности, постоянное стремление к тому «лагерному» этосу? жизни и быта, какие определили и характер дорического храма и греческую метрику, напр., пиррихий прямо связан с лагерной пляской с оружием. Греческая Systema teleion («совершенная система»), корни которой отнюдь не в «атмосфере коммерческого расчета», как это полагает Чемоданов, связывающий Пифагора с торговым капиталом (впрочем, не давая даже тени мотивировки для этого), а в идеологии земельной аристократии, понимавшей музыкальное искусство как отвлеченное выражение порядка и строгости духа (отсюда связь с халдейским учением о «гармонии сфер» в музыке).

Проследить путь роста и постепенного распада и исчезновения военно-аристократического музыкального стиля и смену его новым свободным стилем торговой демократии, где новое понимание ритма, мелодии, инструментовки, композиции создают совершенно иные музыкальные формации, — таковой, представляется нам, должна была бы быть задача «юпыта марксистского построения истории музыки» в части, посвященной греческой музыке. Но характерно, что эта сторона развития греческой музыки совершенно не прослеживается Чемодановым. Правда, Чемоданов сообщает нам, что в начале V века «выступил класс городской, державший в своих руках нити торгово-промышленной жизни. Греция V века некоторыми чертами своей жизни напоминала Европу начала XIX века. Культура этой эпохи расцвета демократии (в так называемый век Перикла) есть создание греческой буржуазии, причем роль европейских рабочих в Греции играли рабы» (43 стр.). Но если наука и будет благодарна Чемоданову за это открытие торгово-промышленной буржуазии в Греции, то это не меняет того, что, во-первых, век Перикла был веком господства аристократии, хотя и связанной с торговлей, но не потерявшей еще своей почвенной аграрной основы, но отнюдь не веком промышленной и буржуазной демократии, во-вторых, диалектический рост нового стиля начался на два века ранее, в-третьих, он сформировался, как самостоятельный, лишь в последней четверти V века, т. е. после аристократического века Перикла, и наконец, в-четвертых, надо показать, в чем его социальное и художественное своеобразие. Ведь уже начиная с островной лирики рубежа VII и VI веков (Каллин, Архилох, Сафо), выражающей собой то брожение в авторитарном укладе жизни, какое принес с собой рост товарного, а начиная с первой половины VI века и денежного обращения, мы можем заметить, как постепенно разлагается изнутри весь мир форм классического музыкального стиля, не находящего себе более опоры в консервативной аристократической психике. Так можно оценить и роль ямба, этого «кусающегося размера», и чуждых строгости, часто женственных логаздических ритмов лесбосской мелодики, и возрастающую роль авлоса при Писистрате (560—30 г.) и, наконец, само новое понимание струнного инструмента, например, у дифирам-

бика Тимофея Милетского, выступающее также в факте признания одиннадцатиструнной лиры. Свободная «буржуазность», оправдывающая чувственное понимание музыки, ведущая к распаду и разложению аристократической пифагорейской теории, заставившая «пифагорейца» нового типа, Архита Тарентского оправдывать малую терцию, дает нам уже к началу IV века новый стиль с его инструментальной виртуозностью, колоратурой, хроматикой, энгармоникой, а во времена Демосфена и Александра мы имеем уже «стабилизацию» этого нового, зрелого, совершенно выкристаллизовавшегося музыкального стиля, имеющего своих адептов, свою теорию (аристоксеновское учение о гармонии) и своих ученых, например, того же Эвклида, оставившего учение о тетрахордах.

С точки зрения методологии истории музыки музыкальная жизнь века Перикла может быть рассмотрена, как пример художественной практики господствующего класса, в новых формах отстаивающего старое содержание. Дело в том, что появление «новаторов» такого типа как Фидий в пластике, Иктин в архитектуре, Полигнот в живописи и Софокл в музыке и поэзии, в действительности явилось не результатом выступления на авансцену истории нового класса городской демократии, но результатом новой роли и тактики класса торговой аристократии, отстаивающей свои позиции аграрно-помещичьего класса, занимающейся торговлей, но враждебной собственно городским интересам античной *οἱ πόλις* (городской массы). Новая классовая конъюнктура вызвала необходимость новой политики (напр., островная политика и городское управление Перикла) и определила заново самосознание торговой аристократии и ее художественное мирозерцание. Отсюда тот необычайно приподнятый, идеальный стиль Софокла и Фидия, кутающихся в тогу реализма. Софокл допустил в трагедию еще одно действующее лицо. В метрике позволил себе употреблять кретики и другие вольные размеры. В песнях был необыкновенно «правдоподобен» и выразителен. Словом, делал все то, чтоб походить на объективного, трезвого автора и композитора, оставаясь на высоте идеала. Противоречия Софокла—противоречия его класса. Его стиль—стиль лояльной с демосом торговой аристократии. Здесь лежит ответ на вопрос, почему Софоклу понадобилось оставить высокие идеологические позиции «благородного гения» Эсхилла, понадобилось заговорить о «неписанном законе», враждебном тиранам, создать светскую интонацию в величавом хоре трагедии, дать быстрые житейски верные темпы в страстных диалогах, употреблять нервные беспокойные размеры и проч. Софокл отошел от позиции благородного классического стиля, чтоб не быть явным реакционером поэтом и музыкантом, чтоб быть одним из «лучших людей» в Афинах середины V века; и он достиг этого, создав тот стиль идеальной драмы, какой был лишь частным выражением «демократического» великолепия *политического* стиля тогдашней общественности.

В области средневековой музыки, в отношении определения линии ее историко-общественного развития у Чемоданова также обстоит не благополучно. Так, напр., полифония, т. е. многоголосный стиль, развивающийся в XIII—XIV веке как господствующий (период первоначальной подготовки занимает XII век) у Чемоданова имеет «церковное происхождение». «Полифония, родившись в католическом Париже, бывшая порождением церкви, стала впоследствии, в обновленном виде, достоянием торгового класса с его светлым, вопреки церковным аскетам, взглядом на жизнь» (70 стр.). Если читатель спросит, почему рождение полифонии в Париже определяет ее как «церковную», а не «королевскую» или «ре-

месленную»—на это уже нет ответа у Чемоданова. На первый же вопрос, который возникает в связи с социально-историческим характером ее происхождения, мы не получаем ответа. Между тем вся эпоха готического инструментального контрапункта (1300—1520 гг.) связана на самом деле вовсе не с католической церковной организацией, а с развитием городских торгово-ремесленных классов. Когда Чемоданов сообщает нам, что «цеховой строй многими своими чертами напоминал строй церковной организации, где также фигурировала масса безличных единиц, принесенных в жертву церковному авторитету. Ясно, что в такой обстановке не могло развиваться подлинно художественное творчество ни в церкви, ни в городе» (66 стр.), то это ни более ни менее как вольная импровизация и фантазия, даже отдаленно не похожая на историческую действительность. Французские города уже в XII веке характерны растущей самостоятельностью городского населения, эмансипирующегося от церковных и феодальных сенсоров. Например, история борьбы ланских горожан против епископа, богатая драматическими подробностями, так красноречиво описанных ученым богословом Гвибертом, и оформившаяся в пожаловании коммуны жителям города Лана Людовиком VI, руанские установления, знаменитая книга «ремесл» и цеховые статуты XIII века показывают уже зрелое состояние городского класса. Всего этого было совершенно достаточно, чтобы новая общественная сила оказалась стимулом к развитию определенного стиля городской музыкальной культуры. Чемоданов очевидно не знает, что в то время как католический папа Иоанн XXII (из Авиньона) посылает буллу против «нового искусства», привнесенного в церковную музыку городов Франции, купеческий старшина города Парижа Этьен Марсель посылает письмо к регенту королевства—молниеносный обвинительный акт против Сеньори. Чемоданову не известно, что ко времени ордонанса 1357 г., в котором депутаты третьего сословия развернули широкую программу буржуазных реформ, цеховая организация музыкантов-инструменталистов (так называемое «Сен-Жульеновское братство менестрелей», основанное в 1321 году) широко развернула свою программу инструментальной полифонической музыки. «Париж—это город ремесленников», читаем мы у одного современника, а вовсе не «католический город», каким в то время оставался Авиньон. Вместе с тем делается понятным, что и сама характеристика музыкальных форм у Чемоданова большей частью односторонняя и вовсе неправильная. Композиции французских авторов музыкантов, типа Гийом де-Машо, нельзя никак характеризовать как работы «отвлеченно схоластического характера» (67 стр.). Такие формы как мотет также не получили характеристики у Чемоданова, не говоря о других формах (рондо, баллада, виреле, английские «songs», фаберд, гимель и др.), являющихся лишь практическим применением принципа легко подвижного и орнаментированного, городского «торгово-ремесленного» контрапункта. Проблема понимания ритма, мелодии и композиции в эпоху инструментальной готической музыки нашим автором вовсе не была затронута. Но что интереснее всего, это то, что Чемоданов сам не слишком уверен в своем объяснении этой «музыки феодальной церкви», как он ее называет. Он замечает, что «готика, как и полифония, родившаяся в католическом Париже... впоследствии стала архитектурным достоянием торгового класса, которые сумели слить с ней воедино свои настроения земной радости и церковного благочестия, поскольку это последнее не мешало первым» (71 стр.). Таким образом, «впоследствии» полифония становится чем-то большим, чем «церковно-феодальной», хотя и чем-то

меньшим, чем ремесленно-торговой музыкой средневекового города, какой она была в действительности.

Между тем, если мы учтем те условия, в которых действовали представители третьего сословия, поощряемые, в конце концов, и самими королями Франции, не соединявшими со своей короной крупного лена, действовали как городской коллектив, производительный хозяйственно и организованный политически, мы сможем основные типичные черты внутренней стороны деятельности этого «сословия», т. е. его психики, узнать и в том сложном мире музыкальной надстройки, о которой у нас идет речь. Коммуна производителей, еще не выступающих как самостоятельные личности,—это прекрасно учитывали тогдашние политики, вспомним опытного аббата Сугерия—знали одну форму духовной жизни, форму активной организации коллектива. «Мы граждане Парижа», так думал и полагал представитель цеха. «Мы рабочие, мастера, производственники», так думал горожанин. Эстетический канон—спаянный активный комплекс подвижных и свободных звуков в музыке, мерная скованность плоскостей и линий в архитектуре, если и проникнуть религиозной приподнятостью и задушевностью благочестивого коллектива, то типичной положительной чертой этой эстетики остается вполне позитивное стремление к самоорганизации и самостоятельной активности в жизни. Готический собор как *universus mundus*, как храм познания, как своего рода энциклопедия, готическая полифония как художественный агент, все более свободного и организованного выражения независимой психики горожанина, как его полное инициативы самоутверждение себя в идеологической форме (в искусстве) как гражданина, а не «раба божия» и не «господского слуги»—феодалного вассала,—таков смысл готической эстетики.

Музыкальный стиль позднего средневековья—полифония, инструментальный контрапункт, это городской стиль третьего сословия, в условиях еще господствующего феодализма (как светского, так и церковного). Два обстоятельства особенно показательны для тенденции тогдашней музыкальной практики. Первое—это постепенное развитие дифференцированного понимания временной природы музыки, что сказалось в принципиально важной разработке учения о длительностях, о временных ценностях в музыкальном искусстве. Весь путь, какой мы имеем от начала мензуральной нотации, заложенного так фундаментально трактатом Гарландия Старшего, оперирующего пока еще только с «длинной» и «короткой» музыкальными временными величинами (1230 г.); путь, идущий через постепенное развитие теории мензуральной музыки середины XIII века—отметим трактат «искусство мензурального пения» Франко и появление *semibrevis* (половины короткой), а также возникновение более точного понятия паузы как временной ценности; наконец, его кульминационный пункт, а именно высоко дифференцированное понимание временных стоимостей, выраженное в деятельности Филиппа де-Витри, признавшего «минимы» и «семиминимы» (т. е. половины наименьшей), а также и трехдольный такт наравне с двухдольным (1320 г.); все это славное столетие есть непрерывное развитие нового понимания времени в музыке и обусловлено психикой городского класса, прогрессивная роль которого в производстве и на внутреннем рынке обусловила в конечном счете и это позитивное, типично цеховое, ремесленно-бюргерское понятие «длительности» в музыке. Упрямый горожанин стремится сделать то, что чуждо было и церкви с ее «мерной музыкой» (*musica plana*), и феодалам—«разработать» время, расчленив традиционную длинную церковного напева, расщепить и расколоть католическую

выдержку звука и дать ему свою новую гражданскую дисциплину, подвижной и гибкий ракурс темпа и ритма, недаром заставив, еще в первой трети XIII века, живо дискутировать католических монахов, чутких к новшествам, о преимуществах и недостатках учения о ритмических «модусах» (схемах)¹.

Другая не менее важная черта в развитии нового стиля—это стремление к независимости голосоведения, выразившееся с одинаковой силой как в допущении протонародных оборотов, так и в собственно полифонической технике. Технические противоречия были оправданы социально-психологической установкой и общественной тенденцией нового музыкального стиля. Начиная с анонимного «положения о протонародном дисканте» (трактата 1230 г.) и известной работы Франко Кельнского (*Compendium discantis*, 1250 г.), постепенно расчищается путь для готической «кантилены» и «рондели», для расцвета многоголосного мотетта, а главное, находится оправдание для так называемой «ложной» или «неправильной» музыки (*musica falsa, musica ficta*), введившей в музыкальную практику не оправдаваемые старой системы дополнительные тона. Наперекор церкви, наперекор феодалам, городской цех делает свое дело: в музыкальной надстройке он отстаивает свое право на идеологическую независимость, подготавливая себе почву для широкого социального влияния и за пределами своего класса. Протонародный дискант это первый шаг к преодолению католического наследия в музыке. Контрапункт это—борьба за независимость не только мелодии, но и психики горожанина, какая в самостоятельном движении голоса слышит и чувствует движение своего социального тела, городского коллектива средневековья. С этой точки зрения следует подойти ко всем частным проблемам развития контрапункта, как в инструментальной, так и в вокальной музыке. Если бы Чеходанов проанализировал в этом разрезе хотя бы одно произведение средневекового полифонического стиля—напр., широко известную турнейскую мессу—он бы заметил, что тенденции музыкальной формы не преследуют собственно «церковного» эффекта, в смысле классового феодального идеологического эффекта, а, наоборот, разлагают феодальную, враждебную им идеологию. Турнейская месса, осуществляя практически принцип противоположного движения голосов, означает четкую осознанность такой формы самостоятельности отдельных партий, при которой каждая получает возможность, исполняя контрапунктическую функцию, обладать определенной свободой и независимостью в движении. Свобода движения здесь уже теряет свой характер случайности. Она оковывается в броню права и сознания собственного значения, и мысль о принципе противоположного движения есть попытка указать, что роль контрапункта в ансамбле совместима с индивидуальным характером составляющих его единиц. По крайней мере такую мысль проводит в своем сочинении Иероним Моравский,

¹ Тот факт, что музыкальная интеллигенция имела тесную связь и с придворными кругами,—например, Маркетта Падуанский свою обстоятельную работу «О границах искусства мензуральной музыки» посвятил Роберту Сицилийскому—ни в какой мере не означает, что тенденция в сторону детальной разработки муз. длительностей имела «королевское» происхождение. Насколько королям феодалам была безразлична эта сторона музыкального искусства—показывают «*Canticas de sancta Maria*» типичный продукт расцвета придворной церковной музыки при Альфонсе X Кастильском (1270 г.). И не только Мадрид в этот период является более феодальным городом чем Париж, но и сам «королевский» Париж еще не есть все, что составляет нерв культурного, музыкального Парижа, «города ремесленников» и стремящихся к независимости горожан.

оценивая противодвижение голосов не как случайность, а как важный музыкальный принцип. Но это как раз менее всего характеризует музыкальную догматику тогдашней церкви, еще не знавшей «иезуитизма» в эстетике. Наоборот, практика противодвижения голосов означает бессилие церкви бороться с новым искусством.

И, надо говорить только до конца, турнейская месса характеризует *ведущую* роль идеологии третьего сословия в полифоническом стиле самой «настоящей» церковной музыки. Вот что нужно отметить при разборе этого памятника, кстати сказать, довольно консервативного для своего времени (1322 г.). Анализ его формальных особенностей только подтверждает, что возникшие технические противоречия между «мерной музыкой» и полифоническим принципом противодвижения, являются лишь выражением противоречий классовой психики¹. Таким образом классовая основа полифонии XIII—XIV вв.—психика третьего сословия, в условиях господствующего феодализма—документирует нам подлинную революционную, а не реакционно-схоластическую (как это выходит у Чемоданова) природу тогдашних полифонических музыкальных формаций.

Мы полагаем, что высказанные нами взгляды по вопросам конкретной истории музыкального искусства в древности и в средние века, несмотря на их краткость, уже наглядно показали читателю, в чем ошибка Чемоданова и как мы полагаем надо подходить к вопросам конкретной социологии музыкального искусства. Корень зла и основная ошибка Чемоданова в том, что он склонен «повторять бессмысленно заученную формулу вместо изучения своеобразия новой живой действительности» (Ленин). История музыки не знает одной отмычки, не знает единого рецепта. Нужен четкий анализ каждой исторической эпохи, чтобы действительно справиться с «историей музыки в связи с историей общественного развития». Здесь мало «поговорить о феодализме, третьем сословии, революциях», как характеризует Чемоданов свою задачу историка (7 стр.). Чтоб толкнуть в нужном направлении мысль музыканта, общественника, нашего консерватора и студента музтехникума или рабфаковца, желающего освоиться с музыкально-историческим процессом, нужно, очевидно, нечто большее. Что же именно?

Практическая задача историка музыки формулировать определенное отношение музыкальной надстройки данного исторического периода и определенной общественно-экономической формации, установить связь и взаимозависимость между ними. Марксизм «видит свой критерий в формулировке и в теоретическом

¹ В турнейской мессе два голоса, верхний попеременно с басом и тенором движутся параллельно, третий же сохраняет постоянно противоположное движение. Надо отметить, что подобное практическое разрешение «технической задачи» при обработке пяти частей обиходной литургии в *основном* свидетельствует о несомненной настойчивости нового стиля, перерабатывающего старые традиции религиозной культовой музыки под знаком соображений собственно «светского» порядка. И этот литургический музыкальный цикл, к тому же имел совершенно исключительное значение примера, образца принципиального сдвига в культовой музыке, в котором противоречия формально технические точно отвечали противоречию светского и не светского элементов в религиозных «чувствах» и «помыслах» горожанина, причем ведущую роль получало светское начало. Новый тип техники в церковной музыке таким образом рождался вовсе не «имманентно» и вовсе не под «церковно-феодалным» руководством. «Motus contrarius» как технический прием, по своей *идеологической* функции был той скромной синицей в руках горожанина, за которую он скорее держался чем за церковный «журавль в небе».

объяснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов» (Ленин). Этот критерий и есть критерий при изучении музыкального исторического процесса. Поскольку мы устанавливаем классовое происхождение и *содержание* определенного музыкального стиля, мы определяем историческую диалектику музыкальной практики, определяем движущее начало ее развития. История музыки не есть история развития музыкальных форм вообще, а есть история развития определенных способов выражения психики исторических классов и их общественно-идеологического антагонизма, выраженного в борьбе музыкальных стилей. Показать, как развитие и внутренняя борьба общественной психики обусловили *тип* и *тенденции* музыкальных образований, и значит материалистически подойти к истории музыки. В отличие от узкого об'ективиста, рассматривающего историю музыки, как историю общественного пользования музыкальными формами, как необходимый процесс культурного потребления музыкальных образований, *марксист* исходит из самой диалектики развития исторического художественного процесса, определяя его ход и его связи с общественным целым, как обусловленные развитием психики общественного человека. «Материалист констатирует с точностью данную общественную экономическую формацию и порожденные ею антагонистические отношения»; он «вскрывает классовые противоположности и тем самым определяет свою точку зрения»; он «говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая какие-то формы в противодействие другим классам»; он «выясняет какая именно общественно-экономическая формация даёт содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость» (Ленин, Экон. содерж. народничества, стр. 65).

Вот откуда надо исходить, чтоб определить линию работы по истории музыки. Эта линия, по крайней мере для музыки классового общества, четко определяет музыку как идеологическую «форму противодействия другим классам», а задачу анализа музыкально-исторического процесса в каждый данный исторический период как задачу выяснения, «какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость».

Таким образом марксистский анализ истории развития музыкальных стилей оперирует с последними как с идеологическими выражениями общественной психики, сохраняющими в специфической форме те тенденции развития общественной психики, какие диктуются ей общественным процессом. Каждый музыкальный стиль, говоря отвлеченно, есть историческая категория художественного выражения общественного человека. Музыкальный стиль—это оформление в музыкальной практике *исторического* характера психики общественного человека на данном этапе его общественного развития. История музыкальных стилей—история *типов* художественного выражения общественного человека. Сознание того факта, что один и тот же класс может иметь несколько стилей в зависимости от меняющейся исторической классовой кон'юнктуры должно, наконец, войти в плоть и кровь современного музыканта общественника и тем более историка музыки. На конкретных примерах (музыка «нового царства» и «века Перикла») мы имели случай убедиться, как *изменение* классовой кон'юнктуры, по-новому распределяя роли классов и их общественных отношений, дает стимул новому художественному выражению одного и того же класса. Анализ исторических корней стиля не мыслим без учета этой классовой кон'юнктуры, без того, чтобы

«вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма», как говорит Ленин.

Относительно трактовки Чемодановым музыки нового времени и целого круга проблем с ней связанных (возникновения оперы, «монодии и концертирующего стиля, идущего на смену стилю а сарелла, борьбы между полифоническим и мелодическим стилями (1675—1740 г.), эпохи романтизма (1790—1830 г.) и т. д.) мы ограничимся здесь указанием, что значительная сложность исторической классовой конъюнктуры нового времени оказалась обойденной Чемодановым и поэтому и его характеристики и объяснения остаются в большинстве случаев чисто внешними определениями. Музыка Генделя и Баха, например, охарактеризована как буржуазная. Это в сущности все. Музыка Гайдна, Моцарта, Глюка получили такую же характеристику. Так же и Бетховен, и Лист. Так и же Малер. Так же и Григ и многие другие. Примером этой бездоказательности социальных определений может служить его характеристика классической французской оперы XVII века. «В искусстве этой эпохи появляется ложная напыщенность пафоса, подчеркнутая театральность, которая, с одной стороны, тешит третье сословие, а с другой—идеализирует, возвеличивает и художественно оправдывает тот политический порядок, который нужен буржуазии... Типичным ложно-классиком во Франции XVII в. был композитор Жан Батист Люлли (1633—1687 г.)... «Дух времени», иначе говоря, настроение буржуазии, тянувшееся ко двору (этих «мещан во дворянстве»), прекрасно понял своим острым чутьем умный Люлли (стр. 189). Между тем, мы знаем, что сословная монархия Людовика XIV менее всего может быть характеризована, как господство буржуазии в искусстве. «Дух времени»—сказавшийся в ложно-классической трагедии, в живописи Лебрена, Пуссена и в музыке Люлли—это «дух» все еще сильной придворной аристократии, дух самого монарха. «Тогдашняя Франция резюмировалась в особе своего короля. Поэтому перед изображениями Александра зрители рукоплескали Людовику XIV», говорит Жервей, приводимый Плехановым.

Оставляя за собою право вернуться к данным весьма сложным проблемам музыкальной истории, затронутым, но не разработанным Чемодановым, мы не можем не отметить, однако, что новейшее искусство, искусство индустриальной буржуазии, давшей нам музыку футуристов-бруитистов, джез-бенд, по-новому воспитавшей музыкальный «бурлеск», подготовившей почву для творчества таких композиторов, как Оннегер, не получило у нашего автора даже «формальной» характеристики, хотя общий взгляд на него уже, по счастью, брошен в марксистской литературе превосходной работой И. Маца, устанавливающей принципиально самую классовую сущность капиталистической музыки последнего периода, что, очевидно, однако, осталось неизвестным С. М. Чемоданову. Что касается до взглядов в будущее, то Чемоданов предполагает со временем возрождение музыкальных форм, напоминающих и близких к формам классической симфонии, с чем мы не поздравляем ни пролетариат, ни Чемоданова. Но это, конечно, для общей концепции книги не играет роли.

Теперь о самом важном, об общественном значении этой работы. Как надо оценить появление разобранной нами книги в связи с теми общими задачами марксистского изучения истории музыки, какие мы охарактеризовали уже в начале нашей статьи. Думается нам, что эта книга симптоматична, как указатель на сдвиг в определенной части наших «музыкальных кругов», на сдвиг в интеллигенции, работающей в музыкальном искусстве и стремящейся понять его. Как

научная работа, книга эта вряд ли может быть оценена высоко, что думается и было показано нами с достаточной определенностью. Но при всех ее научно-исторических и методологических недочетах, поправимых только при полной переработке текста, общественное значение ее остается в силе. Она знаменует подлинную тягу к марксизму нового советского музыканта. Его общественное лицо—лицо музыканта, общественника-интеллигента, не вызывает сомнения. Он хочет знать, как и почему развивается музыкально-исторический процесс. Он ставит вопросы и хочет иметь ответ. Вот что важно в этой книге. Вот что нужно приветствовать и чему можно только идти навстречу. Чемоданов-общественник важнее, чем Чемоданов-ученый. Поражая последнего, надо поддерживать и одобрить первого. Единственное решение этой «антиномии»—указать ошибки и помочь исправить их. Настоящей небольшой статьей мы сделаем первый практический шаг в этом направлении. Еще ряд усилий и терпения, и мы не сомневаемся, что и та часть советских музыкантов-общественников, которая стоит еще «на мосту», между новыми и старыми берегами, сойдет с него и пойдет одним шагом вместе с марксистской революционной мыслью.

А. А. Острецов

Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник № 3. Государственный Тимирязевский Научно-исследовательский Институт. Изд. «Северный Печатник», Вологда, 1928, стр. 333. Тираж 3000 экз. Цена 2 р. 75 к.

3-й сборник «Диалектика в природе» в Вологодском издании является продолжением линии 2-го такого же сборника, нашедшего себе отражение на страницах «Вестника» (см. кн. 20, стр. 255)¹. Никакой, конечно, марксистской диалектики в сборнике нет. Строго говоря, и последовательного проведения механического миропонимания в сборнике также не имеется. Зато здесь очень много необоснованных претензий, идейного разброда и просто путаницы и безграмотности.

Ничемность этих сборников делается еще более наглядной, если поставить вопрос, совершенно законный вопрос: для какого читателя, собственно, рассчитан этот сборник? Для нашей партийной и марксистской общественности он содержит много ненужного (специального) материала, где нет не только марксистской, но и вообще какой бы то ни было методологии. Некоторые статьи, как, напр., Цейтлина, Харазова, состоят из математических формул, которые своим видом способны вызвать трепетное уважение у не-математика, хотя для специалиста многие эти статьи являются самой беспардонной макулатурой и жалким набором слов.

Для специалистов, беспартийных ученых, не годится весь сборник в целом, так как уважающий себя ученый не будет читать тех бессвязных заклинаний, которыми изобилуют эти «вологодские» сборники. Мне думается, этим только и объясняется отсутствие откликов на эти сборники в нашей специальной научной литературе, хотя перед лицом широкой читательской массы об'ективное научное разоблачение наших вологодских оракулов было бы крайне желательно.

Именно для этой массы я и решил взяться за перо для настоящего журнала, так как спорить с самими авторами давно уже следует считать бесполезным и бес-

¹ См. также «Под знаменем марксизма», 1927 г., № 2—3, стр. 210—225.

плодным. В тех бесконечных нападках на диалектический материализм, на руководящую при пролетарской диктатуре философию, никак нельзя видеть самокритики, которая в области философии была бы так же полезна, как и в области политики и экономики. Здесь, напротив, мы имеем самую злобную и самую враждебную критику основ марксистской теории, критику, исходящую с той стороны теоретических баррикад.

Литературные инсинуации по адресу представителей ортодоксального марксизма, а им (инсинуациям) в сборнике нет числа,—никогда не могут быть оправданы в пределах одного класса. Они еще более недопустимы и способны вызывать омерзение, если за ними скрывается идейная опустошенность и... глупость.

Поистине, не знаешь, с чего начать, когда хочешь обсуждать вопрос о содержании этого сборника. Нужно вооружиться громадным терпением, чтобы следить за страницами, исписанными бессильной желчью. Но... вооружимся этим терпением и пройдемся по некоторым «красивым» местам.

Первая редакционная статья «Марксистское мировоззрение и индустриализация страны» (стр. 7—18), как видно из заглавия, претендует на то, чтобы najlepшие представления о «марксистском мировоззрении» связать с общими задачами советского государства. Нечего и говорить, конечно, что эти попытки являются попытками с негодными средствами. Статья механически разбивается на две (неравные) части. Одна четвертая часть статьи посвящена малограмотному «освещению» политико-экономических проблем; остальные три четверти посвящены распоясанной брани по адресу диалектического материализма. Первая часть, по всей видимости, рассчитана на широкие круги советских специалистов. Из нее мы узнаем, что у нас сейчас восстановительный процесс сменился *конструктивным* периодом, что *социальная* революция есть борьба капитализма и социализма (стр. 7); там «наши интеллигенты» приглашаются «понять закономерность всего происходящего, чтобы они убедились в его (?) неизбежности и желательности, в его величии; что это дело стоит самопожертвования, любого напряжения умственных способностей и инициативы. Необходимо, чтобы интеллигенты рассматривали дело социализма, как свое собственное благо (!?), как благо всего человечества» (стр. 9). Дальше, редакция ставит вопрос: «Каким путем достичь такого умонастроения? И отвечает: «Тут, кроме убеждения, кроме восхищения великим почином, кроме твердого сознания того, что работаешь на пользу всего человечества,—других надежных средств нет и быть не может» (стр. 9). Далее специалисты старательно убеждают в том, что социализм лучше капитализма, потому что первый лучше удовлетворяет «стремления к индивидуальному преуспеванию», которое, по мнению редакции, присуще старому специалисту по природе.

Этим почти ограничивается малограмотный политический «манифест» наших механистов и после этого они с радостью переходят к очередной жвачке вопроса о «гегелевской диалектике». Они, видите ли, за «материалистическую диалектику, т.-е. ту, которая действительно имеется в природе», но они против «ее отражения в идеалистическом зеркале» (стр. 12). Эта фраза печатается в разрядку, хотя в ней ни капли смысла. Что значит «идеалистическое зеркало»? И разве диалектика уже становится материалистической, если признается, что она действительно имеется в природе? Если последнее верно, то Гегель, эта третируемая механистами «дохлая собака», будет материалистом, так как, по его мнению, диалектика, конечно, имеется в природе. Наоборот, Маркс и Ленин, характеризующие очень часто диалектику, как *отражение в сознании* материальных процессов, пожалуй,

попадают в немилость к механистам. Последние, как это будет видно из дальнейшего, совершенно не понимают *сути* различия материализма и идеализма, указанной Энгельсом в «Людвиге Фейербахе», и, не понимая этого основного вопроса, они берутся за писание «платформ».

«В настоящее время,—пишут механисты,—стало модой некоторых марксистов (мы имеем в виду тов. Деборина и его сторонников) считать эту старую форму (механическую, В. Е.) материализма хуже идеализма»... (стр. 13). Далее: «Тов. Деборин и его сторонники изображают дело так, что механический материализм—это по существу идеализм. Такая точка зрения противопоставляет себя традиции Энгельса и Ленина» (стр. 13). Ну, что тов. Деборин и вообще кто-либо из диалектических материалистов отождествляет механический материализм с идеализмом, это—нашим механистам померещилось, и это противоречило бы не только Энгельсу и Ленину, а и простому здравому смыслу и логике,—в том числе и гегелевской. Что механическое мировоззрение может уживаться с идеализмом, это, конечно, другое дело, но такое мировоззрение уже не будет материализмом¹. Во-вторых, никогда ни тов. Деборин, ни кто-либо из ортодоксальных марксистов нашего времени нигде не говорил в такой общей форме, что механический материализм хуже идеализма. Тов. Деборин в одном месте говорил о *недостаточности* механической точки зрения и о *несостоятельности* идеализма (в статье о Бэконе). Разве это то же самое, что механический материализм хуже идеализма? Механический материализм никто не критикует за его *материализм*, но его следует критиковать за одностороннюю *механическую* точку зрения, которая, как мы видели, не обязательно сопровождает материализм.

В-третьих, Энгельс и Ленин действительно говорили, что иногда механический материализм бывает хуже идеализма. Энгельс в «Диалектике природы», которую наши механисты теперь везде восхваляют, писал о Гегеле, что он «сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые» (Архив, II, стр. 7). Ленин же в своих философских тетрадках писал, что умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм (см. статью тов. Сорина в «Правде» от 1 августа 1926 г.). Совсем выходит, как писал Плеханов, по Грибодову: «Она к нему, а он ко мне, а я к буфетчику Петруше».

Наши механисты и теперь на каждом углу говорят, что они не отрицают ценности диалектики. Но, по их мнению, диалектика никак не может предшествовать опытному исследованию. Исследование фактов должно производиться *без* всякой диалектики, и исследователь должен пассивно ожидать, когда «диалектика процессов природы и общества выступит (!?) из них самих» (стр. 44 и стр. 47, статья А. К. Тимирязева). И это говорит естествоиспытатель, претендующий на представительство диалектики в своей науке! Исследователь, по Тимирязеву, не должен руководствоваться в своей работе законами диалектики,—это будет гегельянство,—он может совсем не знать диалектики; когда же его исследование будет закончено, он может на досуге созерцать, как диалектика «выступила наружу». Совершенно непонятно, зачем вообще тогда нужна диалектика, и как Тимирязев узнает, «выступает» ли диалектика из объективных процессов или нет? Ведь даже для простого созерцания этого «выступления» надо уметь различать диалек-

¹ Примеры: физиолог М. Фервор—механист и махист в одно и то же время (см. его «Общую физиологию»), Гельмгольц—механист и кантианец, далее: Риккерт, в последнее время—А. А. Богданов и многие другие.

тику от не-диалектики, т.-е. надо формулировать законы диалектики хотя бы для того, чтобы с ними сравнивать результаты исследования. А эту формулировку Тимирязев заранее отвергает, как априорную схоластику.

А. К. Тимирязеву я напомню, что физика, как опытная наука, в процессе твоей эволюции, после длительной серии опытов, накапливает целый ряд общих законов и принципов. Физик 1928 г. не считает себя обязанным ¹ снова выводить закон сохранения энергии, полученный из опыта в XIX столетии, он его прямо применяет к новым областям, хотя некоторые отдельные опыты и могут ему видимым образом противоречить.

Диалектика не менее опытная наука, чем физика. Ее законы только более общи, чем закон сохранения энергии ². Из того, что законы диалектики весьма общи, следует, что они не могут предсказать всех деталей явления,—здесь нужно непременно конкретное исследование, но общей руководящей нитью законы диалектики должны быть при всяком исследовании. Этим должен отличаться естествоиспытатель-диалектик от не-диалектика. Что так именно смотрел на диалектику Энгельс, которого Тимирязев при помощи совершенно негодных средств противопоставляет тов. Деборину, это видно из очень многих мест «Диалектики природы». Я приведу одно только место из Анти-Дюринга, где он говорит: «Даже формальная логика представляет прежде всего метод для отыскания новых результатов для перехода от известного к неизвестному. То же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет диалектика, которая... содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения» ³. А. К. Тимирязев, очевидно, в процессе исследования умеет обходиться без логики: она у него «выступает», как феникс из пепла, лишь по окончании исследования. Для нас же и логика, и диалектика остаются особой наукой, необходимой для всякого естествоиспытателя, и при том наукой, настолько сложной, что ее не всем, очевидно, дано уразуметь.

Следующий фокус Тимирязева против А. М. Деборина столь же удачен, сколько и первый. «По мысли Ленина, на которую любят ссылаться мои уважаемые противники,—пишет тов. Тимирязев,—диалектика—не сумма примеров. *Надо научиться отыскивать законы диалектики в каждом примере* (подчеркнуто Тимирязевым. В. Е.). А этого не сделаешь без разбора конкретных данных современного естествознания» (стр. 43). Вслед за этим Тимирязев предлагает учиться диалектике у Больцмана etc. Здесь Тимирязев ухитрился мысль Ленина, явно идущую против тимирязевской манеры, заимствовать примеры из Больцмана и др. и надевать на них удачно или неудачно диалектический костюм,—продолжить и развить настолько, что этому фокусу нельзя не удивляться. Впрочем, Тимирязев ссылается на «мысль Ленина», а в мыслях можно прочесть, что угодно. К счастью, эта мысль записана в опубликованном фрагменте «К вопросу о диалектике», где подчеркивается—совсем в духе Деборина: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его *есть* (подчеркнуто Лениным. В. Е.) суть диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель. На эту сторону диалектики (напр., у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется,

¹ Кроме чудачков, и теперь еще занятых нахождением *perpetuum mobile*. Вот где скрывается истинный враг физической «схоластики», заранее отвергающей результаты всяких опытов!

² Повидимому, не случайно в 40-х годах прошлого века крупнейшие физики из-за презрительного отношения к Гегелю не хотели печатать труда Гельмгольца о сохранении энергии. Им он казался схоластическим.

³ Энгельс с. Анти-Дюринг. Изд. «Моск. Рабоч.», 1923 стр. 155.

как сумма *примеров* (подчеркнуто Лениным. В. Е.), а не как *закон* (подчеркнуто мною. В. Е.) познания (и закон об'ективного мира)». Диалектика, по Ленину / есть закон познания, отражающий закон об'ективный. Несколькими ниже Ленин еще подчеркивает: «Диалектика и *есть* теория познания (Гегеля) и марксизма: вот на какую сторону дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» (подчеркивания Ленина). Вот этой-то сути не понял и Тимирязев.

Перейдем к следующим операциям нашего уважаемого физика, ставшего теперь философом. На очереди фокус с «животным вообще» и с «классом вообще» А. М. Деборин написал, перефразируя Дицгена: «Общественный класс—не отвлеченное понятие, а живое *коллективное* существо». Подчеркиваем здесь слово «коллективное». При этом было раз'яснено, в каком смысле здесь можно говорить о существе: именно класс развивается, переживает историю, борется и умирает. Тимирязев не заметил ничего, кроме выдернутых слов «живое существо», и в речи 1926 г. ехидно спрашивал, правда, о животном вообще (о классе А. К. Тимирязев, по-видимому, не решался ничего сказать из-за скромности специалиста): к какому разряду млекопитающих относятся эти животные вообще? А. М. Деборин в ответ на это тогда же еще раз остановился на этом вопросе и раз'яснил азбучную для всех (кроме Тимирязева) истину: «Если бы нашелся такой дурак, который сказал бы, что вид существует в форме *индивида*, одного экземпляра, или что класс существует в виде отдельного лица—класса,—то это был бы средневековый реализм». И вот после такого раз'яснения Тимирязев сейчас трубит свою победу. Ага! Деборин отступил под влиянием критики Тимирязева: «Животное вообще и класс, как живое существо (у Деборина было в самом начале слов «коллективное») заменяются *теперь* (подчеркнуто Тимирязевым. В. Е.) и вполне правильно;—коллективом. В реальности существования самых разнообразных коллективов никто из материалистов не сомневался и не сомневается» (стр. 24). И на том спасибо. Только после всей этой истории Тимирязеву нужно было бы помолчать, дав зарок впредь не бухать в колокол, не справившись сначала... в азбуке русских *mots!* Ведь ясно всем, что ни Дицген, ни Деборин—не реалисты в средневековом смысле, а именно только *un bon mot* было дицгеновское «животное вообще» ¹. Не поняв совершенно в чем дело, тов. Тимирязев с профессорской серьезностью в 1926 г. говорил: «Не к ночи будь они (животные вообще. В. Е.) помянуты, что это кому-либо из здесь присутствующих во сне приснится такое чудовище? Это будет самый настоящий кошмар!» (стр. 33 наст. сборника). Ошибкой А. М. Деборина было то, что он написал свою статью о реальности вида и класса, не сопроводив ее примечанием: «Только для подготовленных и понятливых читателей». Он совсем упустил, что простые слова могут вызвать у некоторых кошмарное состояние.

Ленин в сочинении «Что такое «друзья» народа писал, что марксист должен рассматривать общество, «как *живой*, находящийся в постоянном развитии *организм*» ². А вот посмотрим (забегая несколько вперед), как «варяшит» в данном сборнике А. Варяш: «Класс, действительно, не есть отвлеченное понятие. Но он не есть и живое коллективное существо, ибо живое коллективное существо—это организм, т.-е. биологическая, а не общественная категория... Но общество

¹ Смысл этого термина в том, что совокупность животных данного вида не есть застывшая совокупность в духе Кювье, а она *развивается*, переживает свою филогенетическую историю, выражаясь фигурально, *живет* своей особой жизнью.

² Сочинения, т. I, стр. 84 по 3-му изданию. Подчеркнуто мною. В. Е.

есть специфическое явление, вовсе не сводимое к биологии!» (стр. 116). А дальше следуют эпитеты по адресу тов. Деборина: «это—панвитализм», «схоластический реализм», «средневековый хлам», «ревизия Ленина», «схоластическая пустота», и новый, очевидно, открытый Варьяшем, деборинский механизм. Но как же, все-таки, тов. Варьяш поступит с приведенной фразой Ленина?

Вернемся к фокусам А. К. Тимирязева, хотя заранее надо сказать, мы их лишены возможности исчерпать.

«В «Материализме и эмпириокритицизме»,—пишет Тимирязев,—Владимир Ильич приводит целый ряд примеров, как именно механисты оказывались по существу стихийными диалектиками» (стр. 41). Это есть некоторое... искажение Ильича. Ленин писал, что среди механистов много стихийных *материалистов* (Тимирязев исправляет: «стихийных диалектиков»), и Ленин указывает тот пункт, где они являются стихийными материалистами: это именно вопрос о существовании внешнего мира. Совершенно ясно, что если признание реальности внешнего мира является необходимым условием материализма, то оно не является еще достаточным условием, не говоря уже о том, что оно совершенно не затрагивает вопроса о диалектике. Наоборот, о физиках-махистах Ленин писал там же, что они правы, критикуя механическое понимание природы. Они только не правы, когда отрицают реальность внешнего мира. Цитируя Сталло, где последний критикует механическую точку зрения, Ленин прибавляет: «*Это верно*, если вы не отрицаетесь от признания об'ективной реальности»¹. О Сталло и Дюгеме Ленин говорил, что они «колеблются в сущности между идеализмом и диалектическим материализмом». В чем у них идеализм? В непризнании об'ективной реальности. В чем они близки к диалектическому материализму? Говоря словами Владимира Ильича, в признании ограниченности механического понимания, в настаивании на относительности всех научных теорий². О самом Махе Ленин пишет, что «в целом ряде мест он вплотную подходит к диалектическому материализму»³. О механистах же Ленин говорит не более, как о стихийных материалистах. А. К. Тимирязев, конечно, выйдет из себя, когда прочтет эти незамеченные им строки Ленина, но всякий не вывихнувшийся человек должен понимать то, что совершенно недвусмысленно дает понять Ленин, а именно: диалектический материалист должен признавать об'ективный материальный мир, как единственную субстанцию, но должен отказаться от механической точки зрения. Механизм или не-механизм—это методологический, а не теоретико-познавательный вопрос: последний может решаться в любом духе как механистом, так и не-механистом. Поэтому и тот, и другой могут быть в гносеологии (в этом «возвышеннейшем вопросе всей философии», как писал Энгельс) как материалистом, так и идеалистом.

Следующий фокус, столь же неловкий. Тов. Карев опять, правда, без при-мечания о подготовленности и понятливости читателя, написал в одном месте совершенно азбучную вещь, что диалектичность в естественно-научных фактах еще не означает диалектичности научных теорий, где метафизическое мышление и до сих пор является господствующим. Этой мысли, абсолютно правильной и, казалось бы, очень простой, совершенно не понимает тов. Тимирязев. Он пишет по этому поводу: «Это прямо великолепно: действительность диалектична, а теория... не диалектична. Ведь это не что иное, как доказательство, что можно

хорошо обходиться и без диалектики» (стр. 47). Здесь я, по-совести, должен развести руками: как это тов. Тимирязев выводит одно из другого? Если теория недиалектична вопреки природе, то это не может не служить тормозом для науки, и надо приложить все усилия к тому, чтобы такие теории, такое мышление пере-делать. А Тимирязев заключает, что можно обойтись без диалектики. *По его воз-зрениям*, конечно, можно обойтись без диалектики, но до этого марксизму нет никакого дела.

Тимирязев по всей линии капитулирует перед современным буржуазным естествознанием, он не признает его ограниченности, как это советовал Ленин и Энгельс, он не видит никаких особенных задач, которые стоят здесь перед марксизмом. Он метафизически различает «современное» от «старого», не признавая относительности и самого современного знания. Вот что он говорит, продолжая свое возражение тов. Кареву, о «новейших теориях»: «Совершенно верно, что на более отдаленных от нас ступенях развития науки, когда изучаемые явления были меньше, чем известны, а сами теории носили более метафизический характер. *Но то верное, что было в этих теориях, и что перешло в новейшие теории, и что, следовательно, правильно отражало природу, не могло не содержать элементов диалектики*» (стр. 47, курсив Тимирязева). Итак, ясно: то, что составляет новейшие теории, то, *следовательно (!)*, правильно отражает природу. А что дальше, наука не будет развиваться? Не будет существовать изменений? И то, что мы сейчас считаем «правильным», не будет позже отвергнуто и заменено более точно отражающим об'ективную истину? Мы, вслед за Энгельсом и Лениным, считаем, что история знания не остановится на тов. Тимирязеве и на его любимцах: Больцмане, Томсоне и др., что результаты науки в каждый данный момент «всегда без исключения содержат в себе гораздо больше элементов, допускающих улучшение, нежели элементов, не нуждающихся в нем или правильных»¹. Ленин писал о «закостенелости многих понятий» у механистов² и о правильной критике ее у релятивистов, которые, однако, не зная диалектики, доходят до отрицания самой реальности.

Довольно, надо кончать о Тимирязеве. Фокусов у него еще осталось очень порядочно. Но как-то неловко применять форму полемики там, где требуются школьные раз'яснения.

Следующий по порядку тов. Перов. Вместо разбора его статьи все о той же «диалектике» совершенно достаточно было бы ограничиться следующей выпиской из его статьи, касающейся скачков. Перов, говоря о явлении насыщения, пишет, что у этого явления *не может быть определенного закона*. Почему? Потому, что здесь мы имеем дело с *скачком*, с разрывным действием. Таким образом, скачки исключают закон и, наоборот, закон исключает скачки. Что стоят после этого все писания Перова о диалектике, и что стоят нападки тимирязевцев на скачки, на «узловые точки»?

Смехотворными являются потуги Перова «философски обобщить» закон о трех фазах в физико-химии Гиббса до степени принципа всего материального мира. *Отсюда*, из этого закона, Перов заключает, что может быть только три агрегатных состояния, что наше пространство обязательно трехмерно (!) и т. п.

Следующая статья принадлежит тов. Варьяшу. Она носит заглавие: «Об общих законах диалектики в книге Энгельса «Диалектика природы». Претензии у автора

¹ «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 316 (1920).

² «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 316 (1920).

³ Подчеркнуто мною. В. Е.

¹ Анти-Дюринг, стр. 101.

² Материализм и эмпириокритицизм», стр. 316.

неимоверны. Он, как известно, не перестает то и дело делать «вклады» в теорию марксизма. «Словечка в простоте не скажет: все с ужимкой». Но по существу в этой статье почти ничего об общих законах диалектики и нет. Варьяш вертится вокруг тех же вопросов: побольше нагородить чуши, клеветы по адресу Деборина. Снова и снова тов. Деборину приписывается учение о жизни, как о сверх естественном факторе, о панпсихизме, о беспричинной случайности и т. д. и т. п. Энгельса Варьяш абсолютно не понимает, толкуя его и вкривь, и вкось. Некоторые страницы представляют просто набор слов. Вообще же тов. Варьяш еще и еще раз продемонстрировал свою органическую анти-диалектичность.

Перейдем к следующему автору из механистов—Цейтлину. Начать с того места, где он, не стесняясь, совершенно открыто ревизует марксизм. Это—вопрос, касающийся определения материализма. Маленькая справка из «Людвига Фейербаха» Ф. Энгельса, где последний дает совершенно ясную и недвусмысленную формулировку сущности материализма и идеализма. Говоря о разделении философов на два лагеря, Энгельс в этом классическом произведении писал: «Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы.. составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма». И, точно предвидя всякие искажения этих понятий,—Энгельс продолжает: «Ничего другого и не заключают в себе выражения: идеализм и материализм, взятые в их первоначальном смысле. И только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница выходит в тех случаях, когда им приписывается какое-либо другое значение»¹.

Теперь достаточно лишь сопоставить с этими, не допускающими кривотолков, строками следующие слова Цейтлина: «Материализм, как высшее достижение развития философской мысли, не ограничивается теми краткими определениями своей сущности, которые мы находим у классиков. Особые условия (?) помешали (?) классикам материализма в развернутой форме изложить основы (!) философии материализма. Но это не значит, что без знания этой развернутой формы можно понять сущность материализма» (стр. 136)², т. е., другими словами, из произведений классиков нельзя понять сущность материализма, пока классиком не будет считаться наш беспардонный литератор Цейтлин. И что же предлагает Цейтлин в дополнение энгельсовского определения материализма? Цейтлин выдвигает здесь на первый план ни больше, ни меньше, как теорию врожденности идей (стр. 140—141), которая им, впрочем, предлагалась и раньше.

Забегая вперед, следует указать, что Орлов, следующий автор, также не удовлетворяется энгельсовским определением материализма. Но он предлагает свою особую «лакмусову бумажку» для оценки позиций того или иного естествоиспытателя. Это—вопрос о познаваемости материи (стр. 155). В ответ на это следует отметить, что многие идеалисты «выдержат» эту орловскую лакмусову бумажку на том основании, что они признают полную познаваемость внешнего мира. «Так, например, у Гегеля утвердительный ответ на этот вопрос (о способности нашего мышления познать действительный мир. В. Е.) подразумевается сам собой». Это писал Энгельс в том классическом сочинении *вслед за вышеприведенным определением* материализма. Далее следует еще более любопытная фраза Энгельса, когда он пишет против классического агностицизма Юма и Канта: «Самые решитель-

¹ Приложение к VIII тому сочинений Плеханова, стр. 324—325. Подчеркнуто мною. В. Е.

² Подчеркнуто мною. В. Е.

ные возражения против их взглядов, какие только можно было сделать с точки зрения идеализма, сделал Гегель. Добавочные материалистические возражения Фейербаха более остроумны, чем глубокомысленны»¹.

Непонимание сущности материализма разделяет и Тимирязев, и Рубановский, и Варьяш, и другие механисты. Спрашивается, сколько чепухи можно наговорить по «коренным вопросам диалектического материализма», не разбираясь в элементарном и основном вопросе, что же такое материализм вообще?

Вернемся к «материалисту» Цейтлину. Утвердив анти-материалистическую теорию врожденных идей, как основной догмат материализма, Цейтлин применяет ее к проблемам науки. От него мы узнаем поистине умопомрачительную новость, заключающуюся в том, что все наиболее трудные и спорные проблемы науки разрешаются на основании теории врожденных идей очень просто: как человечество привыкло смотреть на вещи, то и правильно; спорить против установившихся традиционных взглядов, значит—спорить против материализма (материализма в духе классика Цейтлина). Примеры Цейтлин приводит из геометрии, согласно заглавию своей статьи. Из того факта, что мы не можем представить себе пространство искривленным и прерывным, следует, что реальное пространство действительно таково (стр. 144). На этом основании Цейтлин утверждает, что наше пространство и евклидово, и только трехмерно². Рационалист Цейтлин заранее отвергает возможность опытной проверки наших представлений о пространстве. Почему, спрашивается, после этого Цейтлина считают материалистом?

По Цейтлину оказывается, что евклидова геометрия потому заслуживает предпочтения перед всеми неевклидовыми, что она дает результаты *проще* всего. «Все признают,—повествует Цейтлин,—что до сих пор еще «экономнее», мыслить при помощи геометрии Евклида. А это значит (ого!) с точки зрения материалистической теории мышления (ну, конечно, Цейтлин борется за материализм! В. Е.), что физика, построенная на базе геометрии Евклида, лучше, полнее соответствует естественной простоте (?) реальных движений» (стр. 146). Сколько Ленин боролся с теорией «простоты», с теорией «экономии мышления»! Механисты ничему не научились. Для них и действительно простые азбучные истины марксизма являются дискуссионными и дожидаются новых классиков-новаторов типа Цейтлина (кстати, теория врожденных идей совсем-совсем не нова!).

Но послушайте дальнейшую оговорку Цейтлина. Он хотя по «принципу экономии» и признает только евклидову геометрию, но по тому же самому принципу он готов от нее и отказаться: «Диалектический материализм чужд всякого догматизма (вот, оно что!). Возможно обнаружение таких сложных движений, что их «экономнее» будет исследовать при помощи понятий неевклидовых геометрий, и физику в некоторых ее частях целесообразнее будет тогда излагать при помощи этих понятий. Но это будет только *способом изложения*» (стр. 146—147)³.

¹ Приложение к VIII тому сочинений Плеханова, стр. 325—326. См. также: Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», окр. 1920, стр. 94.

² Цейтлин совершенно не различает научную *проблему* о четвертом измерении с шарлатанскими спиритскими измышлениями о т. наз. «четвертом измерении». Можно спросить Цейтлина, почему же средневековые учения о ведьмах, о втором пришествии и пр., и пр., вопреки теории «врожденных идей», оказались несостоятельными? Цейтлин оправдывает худшие стороны фидеизма.

³ Подчеркнуто Цейтлиным.

Цейтлина нет дела то того, что писал Ленин о теории символов, иероглифов. Он ведет свою собственную философскую линию и хочет сделаться современным классиком, «по-новому» определяющим материализм и идеализм.

После сказанного весьма пикантным будет самое заглавие статьи Цейтлина «Проблема реального (?) обоснования евклидовой геометрии».

Минувя статью вышеупомянутого И. Орлова, где имеется немало путаницы, вкратце остановимся на статье некоего Г. А. Харазова, которого тщательно рекламирует тов. А. К. Тимирязев.

Г. А. Харазов в статье «К методологии математических наук» борется (опять, очевидно, во имя материализма!) за «чистое созерцание», как за метод решения всех задач, и против «всяких вычислений» (стр. 173)¹. Иллюстрацией его «метода» служит его новое доказательство теоремы о параллелограмме сил. Но в его доказательстве... понять ничего невозможно, хотя он обещал изложить все совершенно наглядно. После этого непонятного набора слов Харазов торжественно заявляет: «Теорема Вариньона теперь не только доказана—простым созерцанием,—но теорема Вариньона теперь только *раз'яснена* в своем значении для истории Механики» (стр. 174).

Но пусть здесь, с теоремой Вариньона, имеется маленький ляпсус, иллюстрационная неудача. Но дальше Харазовым излагается так называемая «теория поворотов» (конечно, абсолютно не новая в математике), теория, в которой нет ни грамма наглядности,—наоборот: наглядные операции с помощью этой теории, Харазов заменяет абсолютными ненаглядными символами, по сравнению с которыми многие другие математические символические операции являются детской игрушкой.

Харазов уславливается поворот вектора представлять в виде множителя, приписываемого к вектору. Например, умножить вектор на 1 означает повернуть его на 360° , умножение на -1 — поворот на 180° , умножение на $K = \sqrt{-1}$ — поворот на 90° ; умножение на $\left(\frac{1+K}{\sqrt{2}}\right)$ —поворот на 45° . Что служит реальным обоснованием таких сопоставлений? Исключительно, внешняя аналогия, при том очень неясная. В самом деле, вот рассуждения Харазова: «Если *множить* два слагаемые на одно и то же число, то и сумма помножится на то же самое число... Если *повернуть* слагаемые на один и тот же угол, то и сумма повернется на тот же угол. Следовательно (??), целесообразно представлять поворот вектора в виде *множителя*, приписываемого к вектору, и выходящего, при сложении векторов, за скобки» (стр. 177).

Если тов. Тимирязев считает недопустимым формализмом вывод уравнения Шредингера в волновой механике (а там, как я писал в одном месте, действительно имеется формализм в выводе), то что сказать про вывод Харазова, про «теорию поворотов», которую Тимирязев называет наглядной, простой и изящной и советует ее всем преподавателям, начиная от профессора ВУЗ'а и кончая учителем I ступени (стр. 165).

Харазов при полном одобрении Тимирязева доказывает своим методом механическую теорему Кориолиса, доказывает, по словам Тимирязева, ясно, просто, «одним росчерком пера». Читатель, прочтя «доказательство» Харазова, безусловно

¹ При этом Харазов следует за Шопенгауэровской философией (см. стр. 171). Не правда ли, хороший букет получается у наших механистов?

не согласится с этим, а с точки зрения теоретико-познавательной, метод Харазова являет собой верх формализма.

В самом деле, Харазов для доказательства вводит *символ* «производной от поворота»,—это в высшей степени «наглядный» символ? Все эти символы в математике, как в абстрактной науке, конечно, могут иметь место. Но ведь Харазов и Тимирязев хотят *только наглядности!* Так они понимают материализм! При этом, конечно, Харазов жонглирует философскими терминами «бытие», «сознание», «диалектика» и пр., совершенно не понимая их смысла. Стиль Харазова во многих местах напоминает стиль увековеченного Энгельсом Дюринга, это стиль для каких-то чужепланетных обитателей (о «Пифагоровых штанах» на стр. 172, ода о мнимых числах на стр. 192 и т. д.). За неимением места я лишен возможности останавливаться на многих, мягко выражаясь, благоглупостях в этой статье.

Перечисляя отдельные статьи сборника, в высшей степени затрудняешь сказать, какую из них считать перлом путаницы, безграмотности и невежества!

Следующий автор, тов. Рубановский, «одним росчерком пера» разделяющийся с физиками Френкелем, Хвольсоном, Иоффе и Зоммерфельдом и допускающий в отношении к ним недопустимо издевательский тон, также не разбирается в вопросе о сущности материализма. Некоторые из механистов своими новыми «подходами» к этому вопросу суживают рамки материализма, некоторые, и в том числе Рубановский, *расширяют* рамки материализма, позволяя к материалистам причислять многих и многих идеалистов—всех новейших махистов, фикционистов и т. п.¹ Послушайте несколько строк из статьи Рубановского. Ленин боролся с махизмом, не признававшим реальности материи. Наряду с этим многие махисты отвергали атомистическую теорию в физике. Атомистическая теория в физике после получила всеобщее признание. Рубановский это считает окончательным ниспровержением всей философии махизма. Рубановский не знает, что махизм и после победы атомизма не умер (это было бы очень хорошо, если бы это было так!), субъективный идеализм может не сдать своих позиций, когда атомы стали косвенно наблюдаемы так же, как он не сдавал своих позиций и до этого, когда предметы (стол, дом, часы и т. д.) были *прямо* наблюдаемы. Рубановский этого не понимает, смазывая философское различие материализма и идеализма. Вот что он пишет: «К сожалению, все это открылось и стало известно всем и каждому, когда «Эмпириокритицизм» Ленина был уже написан, и он не смог использовать работ Рэзсерфорда и Перрена для борьбы с энергетиками и махистами. Однако, его предсказания скорой победы материалистических тенденций в естествознании над идеалистическими оправдались раньше, чем просохли чернила на его рукописи» (стр. 210).

Итак, раньше, чем просохли чернила на рукописи Ленина, его книга не только устарела, но и просто стала ненужной, так как материализм доказали более основательно Рэзсерфорд и Перрен и оставшимся махистами Богданову и его последователям следует рекомендовать не книгу Ленина, а работы Рэзсерфорда и Перрена, чтобы окончательно сделать их материалистами. «Отрицание реальности материи,— пишет тов. Рубановский,—стало невозможно... И если раньше она (идеологиче-

¹ Расширяет также рамки материализма и тов. Тимирязев, считая *единственным* условием материализма признание об'ективности внешнего мира. Очевидно, можно считать материю об'ективной, но сотворенной другой, духовной субстанцией. Но... эта грамота не для них.

ская борьба) велась под флагом отрицания реальности материи, то теперь эта борьба должна была пойти по другому руслу» (стр. 211—212).

Все это, конечно, ерунда. Во-первых, Ленин боролся не за конкретную *физическую* теорию материи, а за философский материализм, за признание об'ективной реальности. Во-вторых, конечно, махизм и суб'ективный идеализм в худших его формах не перестал существовать после работ Перрена. Если атомы стали так или иначе наблюдаемы, то махисты и признают их за комплексы ощущений, как они считают все видимые и осязаемые предметы. Атомы, по их мнению, не реальные, но так же не реальные и обычные предметы. Ясное дело, что новая теория строения материи не решает вопроса о ее реальности. Это отлично понимают буржуазные ученые¹. Но этого не понимает, очевидно, тов. Рубановский.

Путаницы у тов. Рубановского хоть отбавляй. Он защищает механистическую форму, не сознавая отчетливо, что такое механизм в физике; он воюет с Френкелем, как с идеалистом, за механизм, не замечая, что у самого Френкеля сильна механическая струя².

Тов. Рубановский только тогда избавится от путаницы и мешанины, когда он безоговорочно станет на точку зрения диалектического материализма.

Известный уже нам Цейтлин в настоящем сборнике делает новую ревизионистскую попытку реабилитировать вульгарных материалистов, Бюхнера и Молешотта. При этом Цейтлин пользуется опять не прямым способом, а он как-будто бы исправляет... «самого себя» в работе «Закон движения Энгельса» (являющейся, кстати, Монбланом нелепости). Теперь Цейтлин «открыл», что Бюхнер и Молешотт вовсе не говорили никаких грубых вещей, а им, дескать, приписывается «по инерции» (!) то, что говорил материалист XVIII в. Кабанис (стр. 313). В марксистской печати уже отмечалось, что неправильно материалистов XVIII в. оценивать ниже, чем вульгарных материалистов XIX в. Первые были не вульгарные, а классические материалисты, плеяду которых завершил Фейербах. Между тем, наши механисты упорно стараются унизить философов XVIII в. и возвеличить натуралистов XIX в. Можно было бы привести целый ряд высказываний основоположников марксизма о вульгарных «разносчиках материализма», но я ограничусь только несколькими словами из письма самого Маркса к Кугельману от 5 декабря 1868 г., где Маркс явным образом отдает все свои симпатии Кабанису. «Лекции Бюхнера о дарвинизме я получил. Вот поистине «делатель книг»; вероятно, потому он и называется «Büchneг»'ом. Поверхностная болтовня об истории материализма списана им, очевидно, у Ланге. Поистине удивительно, как подобный карапузик третирует, например, Аристотеля, естественнопытателя не такого ранга, как Бюхнер. Очень наивно выходит также, когда он говорит о Кабанисе: «Кажется, что слышишь чуть ли не Карла Фохта». Вероятно, Кабанис списал у Фохта!»

¹ Планк в дискуссии с Махом доказывал последнему то, «что атомы не менее реальны, чем небесные тела, что столь же достоверно, что атом водорода весит $1,6 \cdot 10^{-24}$ гр., как и то, что луна весит $1,7 \cdot 10^{25}$ гр.». По этому поводу известный математик-идеалист А. В. Васильев пишет следующее: «Теперь, через десять лет, в этом отношении спор решен в сторону Планка; но для последователей Маха доказанная Перреном, Резерфордом и пр. зернистость материи не есть решающий аргумент против феноменологического воззрения» («Пространство, время, движение», стр. 52).

² По словам Френкеля, физика последнего времени превращается в «подлинную натурфилософию, охватывающую всю совокупность явлений природы и сводящую их к взаимодействию и движению элементарных частиц» («Строение материи», ч. 1-я, П., 1923. Предисловие).

Иначе, как с иронией, Маркс, Энгельс и Ленин не относились к этим модным ныне механистам. Но, конечно, марксисты критиковали их не за их материализм, а за вульгарный упрощенный характер их материализма.

Представленные в рецензируемом сборнике авторы на редкой странице, на редкой строчке не извращают марксизма. В анонимной, очевидно, редакционной статье (стр. 323) они до сих пор проявляют свое невежество по поводу «материи, как таковой». Критикуя тов. Скурера, написавшего, что «материя, как таковая, есть только понятие», они, со свойственным им апломбом, заявляют: «А мы, материалисты, до сих пор думали, что материя является основой всех отношений и связей... Меньше всего мы думали, что материя «как таковая (механисты, не понимая этих слов, заключают их, как бы иронически, в кавычки)—это только понятие... Мы в своей душевной простоте полагаем, что материя первична и что дух и его понятия вторичны» (стр. 323).

«Меньше всего мы думали»,—это глубоко верно. «Душевная простота» отмечена также правильно, но только гордиться в данном случае этой «простотой» механистам не приходится: эта «простота» принадлежит к той категории качеств, которая «хуже воровства».

Ведь Энгельс в «Диалектике природы», в примечаниях к «Анти-Дюрингу» несколько раз подчеркивал, что «материя, как таковая (вот каких слов они не понимают! В. Е.), это—чистое создание мысли и абстракция»¹. Этого не понимают механисты.

Однако, надо кончать. На многих и многих нелепостях сборника я не мог еще остановиться. Но и приведенных иллюстраций, думается, достаточно, чтобы видеть весь вред от этих сборников.

Отметим все же еще заключительный «аккорд» в сборнике. Тт. Тимирязев, Варьяш и Перов поместили заявление в редакцию сборника,—кто сидит в редакции, остается неизвестным,—заявление о том, что они отмежевываются от Боссэ и просят не включать их в одну группировку с ним. Виноват, конечно, и здесь тов. Деборин, который «позволял» себе составлять желательную для него (?) группировку. По этому поводу приходится отметить следующее. Боссэ принимал виднейшее участие в редактировании предыдущих сборников Тимирязевского Института. За его подписью, как зам. директора, напечатана резолюция Института о книге тов. Степанова («Под знаменем марксизма», 1925 г., № 3). В чем здесь виноват тов. Деборин? Затем, не далее, как в этом же сборнике, на стр. 35, тов. Тимирязев берет под свою защиту Боссэ и Ледюка. Наконец, зрелищем для богов является то, как отмежевываются Тимирязев, Варьяш и Перов от своего товарища Боссэ. Вот эта наифокусническая фраза: мы «ничего общего со взглядами этого последнего не имеем, ибо считаем его только популяризатором, более или менее удачно передающим чужие, не всегда правильные с точки зрения марксиста мысли».

Что здесь можно понять? Что Боссэ—популяризатор, это—не новость. Что он передает более или менее правильно чужие мысли, даже не верные с точки зрения марксиста, это—вовсе не плохо. Ревизионист Боссэ или не ревизионист,—об этом молчок! Единственно, что можно понять из этого заявления, это то, что наши ученые, Тимирязев, Варьяш и Перов, не хотят иметь никаких дел с «популяризаторами». Ну, что ж! Это, конечно, их дело, но только марксисты обычно не так отмежевываются от тех, от кого они хотят отмежеваться.

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 147; ср. также стр. 151.

Подписавшие письмо лица сообщают *редакции* сборника (!), что Боссе не входит в редакцию. Это очень мило. Идя навстречу желаниям читателей, снять завесу с анонимной редакции, тимирязевцы сообщают, что гр. N не входит в редакцию. Будем ждать следующих выпусков сборника, чтобы прочесть еще несколько имен, кто не входит в редакцию, и таким образом когда-нибудь мы будем знать, кто же входил в редакцию в год нашей эры такой-то.

Ну, довольно. Пора отдохнуть от вологодской «диалектики».

В. Егоршин

Ч. К. Гобсон. «Экспорт капитала». Перевод И. Б. Румера. Под редакцией и с дополнениями М. И. Спектатора. Издательство Коммунистической Академии. Москва, 1928 г., стр. 260. Ц. 2 р. 50 к.

Автор рецензируемой книги один из видных буржуазных экономистов наших дней. Тщательное и правдивое описание фактов, констатирование подчас неожиданных для самого автора противоречий, раздирающих мировое капиталистическое хозяйство,—сильная сторона Гобсона. Пацифистско-этические очки, надетые на его «политический нос»,—слабая его сторона, придающая рецензируемой книге поповско-апологетический характер. Практически-политическая устремленность Гобсона—поиски способов ослабления конкурентного нажима на «исторические позиции английского финансового капитала».

«Дело английских, французских и германских капиталистов должно состоять не в том, чтобы снабжать или не снабжать мир капиталом по собственной прихоти, но в том, чтобы направлять движение капиталов на благо человечества», подразумевая под «человечеством» английскую буржуазию, которой угрожает «наступление того дня, когда роль Великобритании в определении мировых судеб станет второстепенной». Ограниченность буржуазного мышления, не видящего за грудой фактов основных действующих сил, застигает перед автором всю проблему империализма, частным проявлением которого является экспорт капитала. Гобсон не видит разницы между вывозом капитала во время войны за испанское наследство, в век промышленной революции и в эпоху империализма. Гобсон не понимает насковзь противоречивой природы экспорта капитала.

«Корыстный интерес отдельных капиталистов—весьма ненадежное средство для обеспечения всеобщего интереса народов и человечества. Если бы эти интересы совпадали, человеческая история пошла бы совсем другим путем». Но, по мнению Гобсона, империалистические противоречия, связанные с экспортом капиталов, могут быть преодолены доброй волей «тяжущихся» сторон. В конечном счете экспорт капитала идет, полагает он, на пользу мировому хозяйству в целом. Рост «новых центров цивилизации» оказывает, в итоге, благоприятное действие на «нашу собственную цивилизацию» и косвенно—приводит к улучшению «экономической системы». Экспорт капитала приводит к тому, что во всех странах мира вложения приносят обильные плоды, и мировое богатство возрастает в небывалой степени, конкурентная борьба и противоречия, по мнению Гобсона, легко могут быть устранены моральным кодексом: «экономические соображения всегда могут быть отодвинуты на задний план этическими соображениями»...

Экономическое значение экспорта капиталов сводится, по Гобсону, к снабжению промышленных центров продовольствием и сырьем, к поддержанию международного разделения труда. В поисках сырья и продовольствия англий-

ский капитал устремлялся в Соединенные Штаты Северной Америки, снабжавшие раньше английскую промышленность сырьем и английское население продуктами питания. Вместе с этим экспорт капиталов выполнял и другие функции, так сказать, внутреннего порядка, вроде вывоза избыточного населения. Отлив населения из Ирландии был, в известной мере, вызван притоком английского капитала в Соединенные Штаты. Этой же причиной объяснялась до известной степени эмиграция и из самой Англии.

Расширение экспорта капитала возможно как путем вывоза новых капиталов, так и путем сокращения импорта нарастающих процентов по вывезенным капиталам. В Соединенном Королевстве сумма капитала, вывозимого обратно за границу, большей частью гораздо ниже той суммы, которую английские вкладчики получают со своих прежних вложений. Этот факт отмечал еще Джон-Стюарт Милль, утверждая, что, «чем больше капитала мы отправляем за границу, тем больше мы будем их иметь и сумеем сохранить их у себя дома». В наше же время Д. Стэмп, анализируя механику американского финансирования мирового хозяйства, пришел к выводу, что в результате дизажа, накопления платежей по процентам, погашения краткосрочных займов, амортизаций долговременных вложений и создается воспроизводящийся во все более крупных размерах фонд финансирования, который через 50 лет может достигнуть астрономической цифры—свыше 100 миллиардов долларов. Буржуазный политик, зачарованный золотой картиной самовозрастания капитала, совершенно забывает о конкретных хозяйственных процессах и реальной политической обстановке современного капитализма.

Все более усиливающаяся тенденция разрыва между вывозом товаров и вывозом капитала создает ряд сложнейших противоречий для империалистических стран-инвесторов в противоположность эпохе «классического» капитализма, отличавшейся, как показывает история экспорта капитала, тесной связью между вывозом капитала и вывозом товаров. Главнейшим объектом капитальных вложений являлось в свое время железнодорожное строительство. В 40-х годах прошлого века английский капитал устремился значительной массой в американские железнодорожные бумаги. В течение 50-х годов главный поток английского капитала направился в железнодорожное строительство Европы, не переставая притекать и в железнодорожное строительство в Соединенных Штатах, куда рельсы и прочее железнодорожное оборудование ввозились, главным образом, из Великобритании. Английские финансисты, директора компаний и инженеры кишели по всей Европе, англичане преобладали среди директоров континентальных железнодорожных обществ: зачастую собрания акционеров бельгийских и французских ж. д. регулярно происходили в Лондоне. На железнодорожных стройках во Франции и Бельгии были заняты наряду с английскими инженерами также английские рабочие. Железнодорожное строительство на европейском континенте привело к росту каменноугольной и металлургической промышленности, в которую английские капиталисты начали вкладывать крупные суммы. Следует при этом отметить, что в 50—60-х годах прошлого века английское инвестирование совершалось не только в форме вывоза оборудования и материалов для железных дорог, но также и мануфактуры, продаваемой для оплаты занятым на постройке рабочим. Статистика английского экспорта за 1901—1911 г.г. показывает дальнейший рост вывоза железнодорожных материалов.

В конце XIX и начале XX века главные массы английского капитала устремились в колонии и, в частности, в постройку железных дорог в Индии, в мень-

шей степени, в Канаде и в Австралии. Английский капитал, не прекращая финансирования строительства железных дорог в Европе и в Соединенных Штатах Северной Америки, начал направлять все в больших размерах в аграрные страны, расположенные в бассейне Тихого океана, в Азии и в Африке, создавая в них, по примеру Европы, смежные отрасли промышленности: горную и металлургическую промышленность. Наметилась новая черта в политике вывоза капиталов: тенденция вкладывать капитал в промышленные предприятия и объединение их в синдикаты, картели, тресты. Вывоз капитала, создавая промышленности в отсталых странах, начал замыкать круг, «пока не наступит время, когда основные отрасли современной промышленности распространятся по всему миру». Английский капитал устремился в электропромышленность, горное дело, банки и ипотечные компании, расширяя все больше поприще для вложения английского капитала, спрос на который появился почти во всех странах мира.

Промышленное инвестирование пришло на смену экспорту ссудного капитала. Если раньше «любовь к родине, недоверие к иностранным правительствам и новым законам» задерживали «выселение капиталов» (Д. Рикардо), то в конце XIX столетия иностранный капитал, кочующий из страны в страну, шел на Восток и на Запад, в Европу и Америку, финансируя правительства, развивая средства сообщения, и, поднимая таким образом новь для «современных экономических условий», изменял старое строение мирового хозяйства.

В течение многих лет Соединенные Штаты были для Англии самым значительным поставщиком продовольствия и различного сырья. Но уже с начала текущего столетия «начали умножаться признаки, свидетельствующие о приближении конца этой стадии». Есть данные, «заставляющие думать, что ход развития Америки повторится и в разных других странах», как-то: в Канаде, Австралии и в некоторых частях Южной Америки, в которых местная промышленность возникла частью еще до войны. Война дала могущественный толчок к ее расширению, поскольку европейские товары стали практически недоступны. В результате все более и более стало выясняться, что, «хотя английские инвестиции представлены сейчас товарами английского изделия во многих странах, все же есть основание полагать, что такое положение становится все менее «обычным». Рост промышленности в разных частях света привел к тому, что помещение английских капиталов за границей все больше и больше начинало принимать форму «заказов не-английским промышленникам».

Разрыв между вывозом капиталов и вывозом товаров вызвал при наличии развивающейся промышленности в странах-импортерах капитала процесс перегруппировки производственного аппарата в Англии—главной стране-экспортере капитала. Рост конкурирующей промышленности в чужих странах привел к сокращению спроса на промышленный труд в Соединенном Королевстве. Следствием явилась такая специализация промышленного труда в Англии, которая была направлена на производство таких товаров, «которые другие страны не умеют производить». Какие же это товары?—Товары, предполагающие либо высокую техническую квалификацию, либо требующие большого вкуса, направленные на удовлетворение запросов роскоши. Первая тенденция в английской промышленности выразилась в стремлении сохранить традиционное первенство в изготовлении наиболее сложных орудий производства—вроде текстильных машин. Другая тенденция—в развитии автомобильной, электротехнической, отчасти химической промышленности, и параллельно—в значительном повышении спроса на

труд художников, печатников и т. п. Наряду с этим расширилось применение «услуг». Этому способствовало то обстоятельство, что господствующие классы Англии все более расширяли свое потребление за счет прежних зарубежных инвестиций, т.-е. за счет эксплуатации, главным образом, отсталых стран. Эксплуатация колониальных и вообще промышленно-отсталых стран привела таким образом, к паразитическому загниванию самой Англии. Все больше группы английского населения стали переходить к производству предметов роскоши и к обслуживанию верхушки социальной лестницы.

Гобсон отмечает последовательную смену «мировых банкирских фирм». XVII век был веком финансовой гегемонии Голландии, XVIII и XIX в.в.—временем финансовой гегемонии Англии, XX век принес торжество финансовому капиталу Соединенных Штатов Северной Америки. В XVII и XVIII столетиях ввоз капиталов в Соединенное Королевство намного превyšал ввоз его. Голландия играла тогда роль крупнейшего кредитора, и Амстердам был главным финансовым центром мира. Во время—вернее, после—наполеоновских войн финансовое верховенство перешло к Лондону. Мощное развитие английской промышленности, обозначившееся в конце XVIII и начале XIX века, в соединении с экономическим истощением Европы и с отсталостью европейской и американской промышленности сопровождалось небывалым дотоле отливом английского капитала в страны европейского континента и Северной Америки. Английский капитал двинулся на Восток и Запад, сменив в роли мирового инвестора старую Голландию. В 1815 году, после заключения мира с Францией, Лондон был прямо наводнен иностранными эмиссиями. Английский капитал направился в Бельгию, Францию и Германию в огромных количествах. В начале 60-х годов прошлого века выступил, вслед за Англией, французский капитал, еще позже на мировую финансовую арену выступила Германия. Начало текущего столетия принесло выступление Америки, начавшей экспортировать капитал. Первый крупный дебит финансового капитала Соединенных Штатов относится к 1899 году, когда два американских страховых общества приняли широкое участие в подписке на 4%-ные облигации, выпущенные некоторыми швейцарскими городами. Выступившие последними на мировую финансовую арену, Соединенные Штаты Северной Америки превратились, начиная с мировой войны, в центрального банкира мира. Стремительный темп роста финансовой мощи Соединенных Штатов обозначился еще в довоенное время и еще более усилился во время войны, когда, благодаря высоким ценам на экспортируемые товары, Соединенные Штаты «заработали» на экспорте до 9,35 миллиардов марок. Экспорт капиталов из Соединенных Штатов в течение 1919—1926 года выразился в сумме свыше 8 милл. долларов. Об огромной мощи финансового капитала Соединенных Штатов свидетельствует следующее сопоставление: в то время как довоенные инвестиции Англии, накопившиеся в течение столетия, равнялись, примерно, четвертой части всего ее национального состояния, иностранные вложения Соединенных Штатов немногим выше 5,6% всего их национального капитала.

Невиданный темп роста финансового могущества Соединенных Штатов, обусловивший переход финансовой гегемонии от Англии к ним, не означает, однако, что процесс завершился уже полностью. Прежде всего, общая сумма английских инвестиций за границей превосходит еще инвестиции Соединенных Штатов: Англия имеет за границей свыше 20 миллиардов долларов, Соединенные Штаты, примерно, около 13 миллиардов долларов. Дальше, доходы Англии от ее зарубежных

вложений гораздо значительней, чем те же доходы Соединенных Штатов. Считая только вложения в частные предприятия различного рода, можно определить доходы Англии по ним, примерно, в 2 раза больше, чем доходы Соединенных Штатов по этой же статье.

Какие же выводы «заложены» в приведенных Гобсоном фактах? Раньше, в эпоху «классического капитализма», вывоз капитала, поднимая промышленную целину, отражал экономическое полнокровие отдельных стран (Англия), выступавших в роли мировых инвесторов. В эпоху империализма, особенно послевоенного, вывоз капитала показывает, зачастую, болезненное экономическое состояние стран-экспортера (Англия). Финансовый капитал, теряя свою производственную основу, пытается поддержать процесс своего самовозрастания, создавая иллюзию хозяйственного благополучия на фоне промышленного загнивания (Англия). В то же время, под влиянием усилившейся диспропорции между мировым капиталистическим аппаратом производства и рынком сбыта, вывоз капитала начал направляться, формально, в мощные исторически сложившиеся производственные организмы (Германия), *не выходя из сферы обращения*. Под влиянием специфических условий послевоенного времени репарационные платежи и военная задолженность покрываются путем займов за границей, главным образом, в Америке. Капитал движется из страны кредиторов в страну заемщика и обратно, не оседая в производственном аппарате, несмотря на процесс своего самовозрастания (проценты).

Экспорту капитала, «в финансовом смысле слова», препятствует нынешняя экономическая и политическая неустойчивость в большинстве стран, заставляя «лиц, которые располагают свободными капиталами, воздерживаться от создания новых предприятий и от расширения существующих». Здесь—исток воинственной политики, проводимой финансовым капиталом, поставившим своей целью устранение «исключительных условий» политической и экономической неустойчивости, которая «стесняет» в настоящее время «финансовое инвестирование». Наряду с империалистическим характером своей внешней политики экспорт капиталов усиливает реакционные силы внутри стран, ввозящих капитал. Опыт Польши, Франции, Германии показывает, что ввоз капитала предполагает «успокоение» ищущих капитала стран. Не случайно, что период наиболее интенсивного ввоза американского капитала в Италию и Польшу совпал со временем наибольшего разгула фашистской контр-революции. С другой стороны, вложившая миллиарды долларов в иностранные предприятия, Америка, превратившись в очередного банкира, финансирует мировое хозяйство. Исторической особенностью вывоза капитала из Соединенных Штатов является совпадение с периодом социалистических революций. Диалектика истории заключается в том, что финансовый капитал Соединенных Штатов, финансируя развитие мировой промышленности, финансирует, по существу, развитие противоречий, взрывающих капиталистическую систему мирового хозяйства, исторически питая тем самым движение социалистической революции. Изолированность для Соединенных Штатов невозможна. Экспорт капитала для империализма Соединенных Штатов стал исторической необходимостью. Примером этого является финансирование колоний. В начале XX века американский финансовый капитал начал интенсивное движение в заокеанские колониальные и полуколониальные страны, в погоне за более высокой нормой прибыли. Вывоз капитала в колонии, пробуждая к промышленной жизни отсталые колониально-аграрные районы, усилил рассеянные по всей системе

мирового хозяйства узлы противоречий, создавая новые промышленные центры, развивающиеся сообразно интересам стран-экспортеров, а не прилегающих мест, и одновременно повышающих напряжение конкурентной борьбы в мировом масштабе. Жертвой такого империалистического промышленного развития, в наиболее яркой его форме является Венецуэла с ее нефтяной промышленностью и Судан с его хлопководством.

Бешеное ожесточение конкурентной борьбы, разгоревшейся мировой рынок сырья и сбыта колючей проволокой запретительных и защитных тарифов, бросает густую тень войны, маскируя агрессивную экспансию американского финансового капитала в подчеркнута мирные цвета. Лозунгом нового передела мира явилась декларация «свободы дверей» (Китай) и об'единение мирового хозяйства. Американские банки подняли знамя создания Паневропы, Панамерики.

Таков круг идей, затронутых в работе Гобсона. Таково ее содержание, смыкающее читателя с кардинальнейшими проблемами современного мирового хозяйства и мировой политики. Ценность книги, главным образом, в фактическом материале, собранном автором. Вторым достоинством работы является ряд невольных высказываний и выводов Гобсона, иллюстрирующих яркими фактами и наблюдениями правильность ленинского учения об империализме.

Несколько слов о введении М. Спектатора к книге Гобсона. Основной идеей, проведенной автором введения, является положение, что экспорт капиталов, «если отвлечься от случайных неравномерностей в развитии народного хозяйства, связан с более медленным расширением основного капитала в сельском хозяйстве, чем рост продукции его». В Соединенных Штатах, утверждает М. Спектатор, «за счет сельского хозяйства был ускорен темп развития промышленности; во Франции сбережения крестьян отвлекались на покупку иностранных ценных бумаг». И еще: «избыток капитала может оказаться (это чаще всего имет место в промышленно развитых странах), благодаря значительному росту основного капитала, так что ежегодные амортизационные суммы превышают новые вложения. Другими словами, когда продукция средств производства опережает темп расширения основного капитала, излишек экспортируется. А так как аграрные страны не в состоянии оплатить его сразу, то промышленные страны вынуждены давать им их товары в кредит, как и с другой стороны—аграрные страны, стремящиеся вводить у себя новые средства производства, принуждены просить о кредитах. А так как спрос на кредит часто превышает предложение его, то промышленные страны пользовались им, как средством политического и экономического давления на аграрные страны».

Не останавливаясь по существу на этих мыслях М. Спектатора, следует заметить, что они во всяком случае ни в какой степени не об'ясняют специфических черт, присущих экспорту капитала в эпоху империализма. В погоне за абстрактно-экономическим анализом экспорта капиталов тов. Спектатор проходит мимо определенной исторической формы капитала—монополистического капитала,—придающего этому экспорту специфический характер и первостепенное значение в качестве орудия экспансии.

Все отличие современного экспорта капитала от прошлого заключается в превращении его из ссудного в промышленный и финансовый, говорит М. Спектатор. Как происходит это превращение?—об этом он умалчивает. Продолжая эту мысль, М. Спектатор выставляет несколько неясные и рискованные утверждения о том, что основным фактором, определяющим движение капитала, следует в этом случае

считать движение товаров, а не погоню за более высокой нормой прибыли. Наряду с отрицанием определяющей роли высокой нормы прибыли, как основного движущего мотива для капиталистических предпринимателей, автор примечанья утверждает с той же излишней категоричностью, что существо вывоза капитала в аграрные страны (в целях «разработки естественных богатств») сводится исключительно к получению дифференциальной ренты, благодаря которой эти страны «в состоянии оплачивать несколько более высоко ввезенный иностранный капитал». Одним словом, «как нормальное явление, должно считать, что ввезенный иностранный капитал питается преимущественно дифференциальной земельной или горной рентой». Полное забвение огромной роли, которую играет при вывозе в отсталые страны переменный капитал (низкая оплата труда при высокой степени его эксплуатации), приводит автора к затухиванию реакционной социально-политической роли, характерной для иностранного капитала.

Не останавливаясь на остальных мыслях, изложенных автором введения, отметим своеобразное сочетание правильных экономических формулировок с недостаточной, а зачастую слабой политической их обработкой.

М. Спектатор сделал хорошее и полезное дело, предложив читателю работу Гобсона, облегчающую своей богатой фактической частью ориентировку в сложнейших проблемах современности.

А. Романский

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

(Из стенографического отчета)¹

О РАБОТЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ИНСТИТУТА МЕТОДОЛОГИИ МАРКСИЗМА (Доклад т. Позерна.)

Товарищи! После доклада тов. Милюткина, мне выступать с нашими скромными достижениями здесь даже немного конфузно. Наша работа, как систематическая работа, началась по существу очень недавно. Наш Институт как таковой появился год тому назад, в марте месяце прошлого года, до этого времени он существовал, скорее, как кружок людей, ведущих каждый за свой страх некоторую научную работу и ознакомливающихся друг друга с опытом своей индивидуальной работы. Только всего год тому назад в марте 1927 года мы официально утвердились в качестве организации РАНИОН'а и оформились, воспользовавшись прибытием в Ленинград значительного количества работников, вышедших из рядов Института красной профессуры. В связи с этим мы и смогли поставить работу на более или менее планомерные рельсы.

Но я хочу начать свой доклад, вернее, свое краткое сообщение с того, чем кончил Владимир Павлович. Если здесь в Москве, в Комакадемии чувствуется недостаток сил, если здесь вопрос о планомерности работы вызывает препятствия, благодаря недостатку и сильной загруженности тех работников, которые могли бы систематически и планомерно участвовать в научной работе, то у нас в Ленинграде это чувствуется несравненно сильнее. У нас кадр тех работников, которые активно могут привлекаться к работе, совершенно незначителен. Эти работники насчитываются единицами. И до сих пор именно в этом отношении мы встречаем главнейшее препятствие в работе нашего института.

Какова работа нашего института в настоящий момент? Прежде всего я должен сказать относительно самого названия института. Ему присвоено название—Ленинградского института методологии марксизма. Это не совсем правильное название, потому что наша работа не ограничивается только методологическими вопросами, наша работа выходит за рамки методологических вопросов, и я думаю, что нам нужно будет соответственно с этим изменить самое название, дабы никого не вводить в заблуждение. Наш институт и по сие время представляет собой по сути дела об'единение опыта индивидуальной научно-исследовательской работы, об'единение, охватывающее огромное большинство марксистов, ведущих научную работу в Ленинграде, или пытающихся вести таковую. Вдвинуть эту научно-исследовательскую работу в рамки определенных планов нам до сих пор еще не удалось. Не удалось потому, что члены и сотрудники нашего института так загружены всякого рода работой, что они фактически в институт приносят и до сих пор приносили результаты тех работ, которые стояли в их собственном индивидуальном плане, стояли как работы неотложные, нужные для них самих. И сюда они приходили только обмениваться результатами своих работ. Поэтому искать системы, искать плана научно-исследовательской работы института, к сожалению, до последнего времени почти не приходилось. Только за последние недели у нас намечаются некоторые коллективные задания, к ко-

¹ См. 26 кн. «ВКА».

торым мы пытаемся привлечь целые группы работников. Но во всяком случае и в таких ограниченных рамках как обмен опытом, коллективное обсуждение, обмен мыслями, дискуссионное решение новых проблем, которые возникают перед нами, работа, выполняемая Научно-исследовательским институтом, имеет большое положительное значение. Она привлекает, заинтересовывает все больший и больший круг работников. Я еще коснусь этого вопроса при очень кратком обзоре работы отдельных секций нашего института. Сейчас же скажу, что рядом с научно-исследовательской работой, результаты которой обсуждаются коллегиально на секционных или общих собраниях института, имеется другого рода работа—полученная. Это исследовательские семинары, которые у нас поставлены сейчас в двух отделениях. Там тип работников, примерно, уровня второго, третьего курса Института красной профессуры. И затем чисто учебные семинары, которые имеются во всех секциях, и в которых работают совсем молодые наши товарищи, подходящие по уровню к работникам первого курса Института красной профессуры.

У нас имеются 4 секции, которые сейчас действительно работают: секция ленинизма, экономики, истории и философии.

Секция ленинизма работала не особенно успешно и не особенно энергично именно из-за отсутствия работников. У нас были заслушаны за это время,—я буду говорить о периоде с марта прошлого года по март нынешнего,—приблизительно за год,—ряд докладов, из которых я назову такие доклады, как доклад т. Альтера «Роза Люксембург и ленинизм», доклад тов. Кирпотина «Тактика Плеханова в революции 1905 года» и доклад Танхилевич «Маркс и Энгельс о крестьянстве». Вот вам образец того кустарничества, о котором я говорил: три доклада, которые абсолютно между собой не связаны, которые являются в сущности продуктом индивидуального творчества отдельных работников, вне всякого плана. Между прочим, доклад т. Альтера, прочтенный в нашем институте, после был издан в популярной переработке и в более серьезном изложении подготавливается к печати. В секции ленинизма проводилась также учебная работа в семинариях. Был проведен прошлой весной семинарий, в котором участвовало 12 человек, а с нового учебного года—два семинария; первый из них научно-исследовательского типа (в нем занимается 13 человек) своей задачей ставит изучение западно-европейского ревизионизма.

Я, между прочим, должен сказать сейчас, что как некоторые наши достижения мы должны отметить ряд докладов и работ исследовательского типа в области ревизионизма и проблемы оппортунистического перерождения 2-го Интернационала. В этом направлении был прочитан ряд работ, которые чрезвычайно живо обсуждались и некоторые из них уже напечатаны, хотя собственных трудов пока институт не имеет.

Рядом с этим в отделении ленинизма имеется чисто учебный семинар, в котором сейчас прорабатывается вопрос о перерастании буржуазной революции в революцию социалистическую.

В экономической секции были заслушаны доклады: «Методология экономической географии», «Теоретическая и конкретная экономика», «Материальный показатель трудовой стоимости». Как видите, опять та же разрозненность, та же случайность в выборе тем докладов. То, что было подготовлено отдельными работниками, то и ставилось в качестве докладов на очередь дня.

В экономической секции у нас сейчас развернулась чрезвычайно интересная работа в аграрной п/секции. Аграрная п/секция во главе с проф. Кожановым собрала несколько молодых работников, которые сейчас прорабатывают вопросы земельной ренты, проблемы интенсивности, вопросы теории и истории аграрных кризисов и т. д. Там работают Солнцев, Берзтыс, Кожанов и некоторые другие. Между прочим в аграрной п/секции заслушаны и обсуждены доклады на весьма актуальные темы: «Социально-экономическая характеристика подгородного сельского хозяйства», и другой, актуальнейший доклад—«Обследование эффективности землеустройства в Нарвской волости Кингисеппского уезда». Эти темы подходят вплотную к тем работам, которые аграрная секция ведет в Комакадемии.

К сожалению, я должен сказать, что работа нашей аграрной п/секции не увязана с работой Комакадемии и эту неувязку мы очень живо чувствуем.

Был у нас заслушан большой доклад «Аграрный вопрос в Индии», вызвавший чрезвычайно интересную и оживленную дискуссию. Сейчас готовятся доклады: «Империализм и аграрный вопрос в тропиках» и ряд докладов тт. Кожанова и Солнцева. Экономической секцией проведен в прошлом году учебный семинарий, в котором были разработаны проблемы воспроизводства, накопления, потребления. Сейчас работает учебный семинар «Деньги и кредит». Работает 15 человек. Учебная работа протекает интенсивно. Мы можем сказать, что учебная работа идет по правильному пути.

Теперь о работе секции истории. Секция истории была наиболее плодотворной по количеству докладов, да и по качеству докладов она занимает, пожалуй, первое место. Я отмечу хотя бы доклад т. Зейделя о Жюле Гедде. Эта работа сейчас уже печатается. Эта работа идет по линии нашей крупной темы—проблема оппортунистического перерождения 2-го Интернационала. Затем ряд докладов уже не связанных между собой, например: «Вопросы военной политики Парижской коммуны», «Борьба за максимум в эпоху термидорианской реакции», «О смене общественных форм».

По п/секции русской истории прочитаны и обсуждены доклады: «Струве, как идеолог русского империализма», «Проблема монополистического капитализма в России», «Основные положения русской общественной мысли в 60-х гг.», «Классовые группировки в пугачевском движении».

В исторической секции ведутся два семинара. Первый на тему «Развитие русской общественной мысли в 60-х гг.». Там ведутся работы по изучению Добролюбова, Чернышевского, Лаврова. Сейчас там работает 10 человек. Второй семинар на тему «Развитие монополистического капитализма в России». Эта тема подвергается разработке в семинаре, который является по типу своему не учебным, а скорее семинаром исследовательским.

Я должен обратить здесь внимание товарищей на следующее. У нас состоялся чрезвычайно любопытный доклад Ковалева «Яфетическая теория и марксизм». Этот доклад привлек внимание ближайших сотрудников академика Марра, и на весьма скромное заседание нашей секции явился целый ряд профессоров: Богаевский, Державин, Франц-Каменецкий, Струве, которые декларировали свою идейную близость с марксизмом и выразили свое настойчивое желание работать совместно, рука об руку, даже в рамках нашего института (т. Рязанов в с. м.).—Новое соединение марксизма и марксизма). При этом повторяю—их заявление носило торжественно декларативный характер. Нужно сказать, что это момент чрезвычайно интересный. Я сделал этот маленький экскурс здесь потому что считаю данное выступление соратников академика Марра весьма знаменательным. Как многим товарищам известно, яфетисты ведут сейчас не без успеха чрезвычайно напряженную борьбу с формалистами, принимающую в Ленинграде порой чрезвычайно резкие формы. Несомненно в этой борьбе мы имеем все данные за то, чтобы яфетистов поддерживать и поддерживая их, на них воздействовать, перевода их на подлинно марксистские рельсы. Во всяком случае в лице яфетистов мы имеем такое научное течение, таких научных работников, которые имеют несомненные достижения в области языкознания. Разрабатывая материалистически проблемы языкознания, яфетисты дают нам возможность освоить, осветить и использовать тот громаднейший материал, который собран формальной школой языкознания и оставшийся до сих пор для марксизма мертвым капиталом. Я считаю самый факт прихода к нам яфетистов чрезвычайно положительным и полагаю, что нам нужно установить тесный контакт в работе с ними.

Между прочим нами образована и специальная подсекция, которая носит довольно таки неуклюжее название, п/секция древней и средней истории и материальной культуры. Я не могу здесь распространяться о том, почему мы остановились на этом названии, но по существу организация этой подсекции имеет определенное назначение—осуществить попытку привлечения яфетистов в круг нашей работы. Мы пытались этим названием охватить круг тех вопросов, которые данная группа работников в настоящий момент разрабатывает. Подсекция составлена несколько искусственно и, вероятно, ее придется впоследствии реорганизовать.

Теперь о секции философии, работающей весьма оживленно. Вот темы заслушанных там докладов: «Предмет и значение философии», «Основные принципы

философии и методология ревизионизма». Это доклад, подготовляющийся сейчас к печати и представляющий, по нашему мнению, известную ценность. Третий доклад «Проблема материи в современной физике».

В семинарах исследовательского типа разрабатываются проблемы исторического и диалектического материализма. Здесь зачитаны доклады: «Гносеологические и методологические воззрения Риккерт», «Методологическое значение теории наследственности», «Теория тропизмов Леба в свете диалектического материализма».

Огромный интерес возбуждают эти доклады,—большая аудитория, очень оживленная дискуссия; к нам приходит много людей, которые непосредственно не участвуют в нашей работе. Секцией философии выработан план дискуссий—конференций, на которых секция имеет намерение поставить на обсуждение проблемы качества, марксистской логики, марксистской психологии. На эти конференции нам абсолютно необходимо пригласить товарищей из Москвы. Интерес к этим вопросам чрезвычайный.

При секции философии работает второй семинар, учебного характера, по социологии и истории философии; там работает около 10 человек.

При секции философии только что сформировалась группа естественников. Я опять должен констатировать, что к нашему исследовательскому институту, хотя он сам еще очень молод и только-только становится на ноги, со всех сторон тянутся группы и группки частью уже сложившихся работников, частью только начинающих. К последним относится группа естественников. Главным образом, это биологи Из ин-та усовершенствования врачей. В программу своей работы у нас они ставят такие вопросы, как обмен веществ в свете диалектики, диалектика и методология естествознания, анализ и синтез движений как философская проблема и ряд других.

В этой группе у нас заслушаны и обсуждены доклады тов. Лепина «Философия и естествознание» и тов. Халатова «Динамика биологических процессов». Всего за год в институте было заслушано 25 докладов в секционных и общих собраниях.

Вот краткий очерк нашей работы. Материальный базис нашего института,—маленькая библиотека и кабинеты,—сформированы всего год тому назад, по существу даже они начали работать лишь с ноября нынешнего года. У нас организовано всего 2 или 3 очень скромных кабинета, которые все поместятся, приблизительно, в половине этой залы (тов. Рязанов: Довольно большие). Наша библиотека имеет всего 8.000 названий, но это довольно хороший подбор иностранных книг, которые абсолютно необходимы для текущей работы. Это большею частью новые иностранные книги и журналы, которые трудно достать в обычных книгохранилищах. Своей фундаментальной библиотеки мы не заводим, а пользуемся государственной публичной библиотекой, с которой установили довольно удобные условия пользования. Мы выписываем иностранные журналы в довольно широких размерах.

Кабинеты наши открылись, в сущности, только 3 месяца тому назад для работы. Посещаемость их такова: в первый месяц—всего 50 человек посетили кабинеты. Во второй месяц, в декабре 61 чел., в январе уже—128 чел.

Такой быстрый рост посещаемости показывает, что наши скромные кабинеты отвечают действительно назревшей потребности. В связи с тягой к нашему институту, которая в последнее время все возрастает, мы поставили перед собой ряд заданий, которые частью намерены осуществить в этом году, частью—в будущем. Во-первых, мы намерены развернуть более широкую работу с партийным активом. В этих целях мы уже наместили ряд циклов углубленно-популярных лекций по истории, по экономике; затем мы имеем ввиду ставить регулярные рефераты, в которых должны освещаться и обсуждаться основные вопросы выдвигающиеся в иностранной текущей литературе социал-демократической и коммунистической, чтобы держать в курсе этих вопросов работников-активистов Ленинграда, из которых очень многие не владеют иностранными языками, и тех работников, которые по условиям своей работы не успевают овладеть этим крайне важным материалом. Первое такое собрание должно состояться на следующей неделе, опыта я еще оценить не могу, но мы считаем очень интересным это начинание.

Основная наша задача заключается в том, чтобы более регулярно развернуть работу существующих у нас секций. К сожалению, мы здесь всегда наталкиваемся на крайнюю недостаточность работников. Я заявляю, товарищи, что каждое заседание правления, каждое заседание президиума секций включает в себе вопрос о том, что председатель отделения или наш действительный член, ведущий семинар, или иной активный наш работник ставит вопрос о том, чтобы его вследствие крайней перегрузки освободить от тех или других его обязанностей по институту. Нам приходится иногда передавать ведение семинаров в обязательном порядке в качестве партийной нагрузки, прибегая к помощи даже директивных органов.

У нас более 30 действительных членов института и свыше 40 научных сотрудников, но постоянно оплачиваемых только 4 человека, считая в том числе и ученого секретаря. Все остальные участвуют в работе случайно, урывками. Для того, чтобы более или менее планомерно поставить работу нашего института, нам абсолютно необходимо хотя бы по одному относительно свободному серьезному работнику для секции экономической и исторической. В этом отношении у нас положение совершенно катастрофическое. Мы впервые недавно только получили тов. Гоникмана, которого полностью загрузили работой по институту. Сейчас у нас материальная сторона обстоит трагически: мы получили кое-какие средства для оплаты работников, но мы не можем их использовать, так как мы платим только за действительную работу. У нас уже подобрался кадр молодых работников, которые нуждаются в создании соответствующих условий для систематической работы и которые нуждаются в систематическом руководстве. Эти научные сотрудники категорически и настойчиво поставили вопрос о том, чтобы обеспечить им определенную материальную базу для их работы. В связи с этим мы вынесли постановление создать у нас аспирантуру и мы надеемся, что настоящее собрание поддержит наше начинание.

По поручению ГУС'а мы сейчас ведем работу по поднятию обществоведческой квалификации аспирантов, работающих при других учреждениях Ленинграда. Несомненно в ближайшее время нам удастся развернуть эту работу в более широких размерах.

Теперь в связи с расширением нашей работы мы ставим вопрос относительно организации новых секций. Марксистская научно-исследовательская работа должна распространяться и на область права. И тут я хочу сказать два слова о том, что при крайнем недостатке сил мы к тому же имеем их распыление: рядом с нашим институтом существует. Научное общество марксистов, которое, как я, к сожалению, должен это констатировать, пытается конкурировать с нами и отчасти ведет параллельную работу. Я это, товарищи, говорю не в порядке осуждения кого-либо, а в порядке констатации факта.

Т. Рязанов. Что же, вы вносите предложение закрыть его?

Т. Позерн. Я не буду вносить никаких предложений. Но я считаю, что вопрос о том, чтобы объединить научно-исследовательскую работу этих двух учреждений—этот вопрос совершенно неотложный и он, по существу, не может встретить никаких возражений.

В Научном о-ве марксистов довольно сильная правовая секция, но там ведется, скорее, работа пропагандистского характера, поэтому мы считаем необходимым организовать секцию права для осуществления научно-исследовательской работы в этой области. Затем у нас возникает вопрос об организации секции литературы, так как до сих пор места, где бы марксистски подготовлялись работники литературы, у нас нет, а его отсутствие чрезвычайно болезненно сказывается. Далее перед нами стоит вопрос об организации подсекции истории профессионального движения и истории рабочего движения. В Ленинграде есть определенная группа профработников, ведущих работу при областном профессиональном совете по истории профессионального движения. Теперь явилась потребность создать в институте подсекцию по профдвижению для того, чтобы объединить их и дать твердое марксистское направление их работе.

Заканчивая свой доклад, я должен сказать следующее: мы стоим, несомненно, на пороге большого развертывания работы нашего института, мы стоим перед возможностью охвата большого круга научных работников, но в то же время мы стоим перед опасностью недостаточности полного, достаточно твердого руко-

водства, если у нас и впредь будет так плохо обстоять дело с кадрами научных работников. А дело обстояло до сих пор таким образом, что стоило только какому-нибудь товарищу вплотную углубиться в научную работу, как сейчас же он попадал в категорию людей, не имеющих достаточной нагрузки, к нему относились, как к человеку, которому нечего делать и которому нужно немедленно найти работу (смех). Таким образом, нам следует на этой конференции твердо поставить вопрос о том, чтобы научную работу в стенах наших марксистских институтов считать «нагрузкой». Мне кажется, товарищи, что в данном отношении я несколько не преувеличиваю. Я должен сказать, что одна из задач нынешней конференции—это добиться пересмотра еще широко распространенного у нас взгляда на научную работу, как на работу второстепенную. Без этого, товарищи, мы не сможем исполнить стоящих перед нами задач (голоса: правильно).

О РАБОТЕ БЕЛУРОССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

(Сообщение т. Панкевича)

Т. Панкевич. Если товарищи ленинградцы пытались подчеркнуть трудность своей работы, то тем более необходимо это сделать, разумеется, на—ибо у нас еще меньше имеется марксистских сил, чем их имеется в Ленинграде.

Но мало того, что этих марксистских сил недостаточно, они остаются распыленными. До сих пор у нас нет такого учреждения, которое бы объединяло всех марксистов. И только сейчас мы стоим на пути к их объединению.

Какими же силами мы располагаем? Перед съездом мы попытались взять на учет всех наших работников марксистов, имеющих какие-либо печатные работы, будь то более крупные работы или журнальные статьи. По Белоруссии мы насчитали 31—32 человека. Им принадлежит, примерно, около 160 работ как крупных, так и статей. Таким образом, в среднем на одного работника приходится по 5—6 работ. Товарищей, которые печатались во всесоюзных журналах и изданиях, насчитывается всего только 10 человек. На их долю приходится самое большое количество работ—107. В среднем, таким образом, на одного человека приходится, примерно, 11—12 работ. Эти 10 человек и составляют тот весьма небольшой кадр, который может занять руководящее положение при развертывании научной работы в Белоруссии. У нас особенно мало товарищей, окончивших Институт красной профессуры. Мы к настоящему времени имеем только 4, при чем трое из них попали к нам в силу своей оппозиционной деятельности. (Смех). Один из них совершенно не может быть взят на учет, двое стоят на возвращенческой линии по отношению к партии, и поэтому мы их всячески стараемся использовать. Один товарищ является наиболее выдержанным и поэтому наиболее необходим и полезен для развертывания научно-исследовательской работы.

В последнее время мы стали на путь объединения некоторой группы марксистских работников, именно историков, ибо история у нас является преобладающей общественной наукой. Здесь имеется много марксистов, работающих по Истпарту, в архивах, имеется некоторое количество преподавателей в вузах. Благодаря этому имелась возможность создать Общество историков-марксистов. Это общество было создано всего только в ноябре, при очень странных обстоятельствах. На первых порах являлось, примерно, 8 человек, при чем каждый раз состав менялся на 50%. Но в последнее время это общество быстро укрепляется, и мы насчитываем теперь 20 человек; при чем поступило очень много заявок о вступлении в общество. Мы пока воздерживаемся от принятия новых членов, особенно по отношению к тем довольно крупным историкам, о которых еще не решен вопрос, насколько они будут полезны в этом обществе.

У нас нет, как я сказал, специального учреждения, которое объединяло бы работу марксистов, но марксисты все-таки работают по различным учреждениям уже существующим, работают при Комвузе, при Белорусском гос. университете. Имеются известные силы в Институте белорусской культуры. Поэтому нельзя сказать, чтобы у нас научно-исследовательская работа совершенно отсутствовала.

Довольно интенсивно, напр., работает группа товарищей, занимающихся вопросами диалектического материализма. Эта группа обладает более или менее достаточными силами, и объединяется, главным образом, вокруг кафедры Бело-

русского гос. университета. Наша работа в этой группе за последние полтора года выразилась в следующем: прежде всего мы ставили перед собою задачу оформления своего идеологического мировоззрения в связи с последними философскими спорами относительно механического материализма и диалектического материализма. Поэтому были поставлены соответствующие доклады, например, «Диалектика в природе», «Диалектический материализм и механическое мировоззрение».

В последнее время мы уделяем большое внимание проблеме быта и разрабатываем такие вопросы, как проблема культурной революции и быт, культура и мещанство, проблема семьи и брака в современной Германии. Готовится работа «Матриархат и марксистская генеомия». Наши марксисты занимаются и общими вопросами истории и философии, напр., такими как «Психофизическая проблема у Гоббса», «Методология Бэкона», «Некоторые проблемы психологии в освещении Маркса и Энгельса». Нам кажется, что эта группа товарищей может составить самостоятельную секцию при соответствующем учреждении, независимо от того, будет ли это учреждение являться Обществом марксистов-ленинистов в широком смысле или мы станем на путь организации какого-нибудь другого учреждения, в роде Института марксистов-ленинистов.

Очень слаба работа товарищей марксистов, которые занимаются разработкой различных проблем экономики. Здесь мы имеем всего два человека, причем это такие силы, которые почти не могут быть взяты на учет, но ими все-таки проделана кое-какая работа. Они читали доклады в Научном обществе БГУ. Эти доклады привлекли большую массу профессуры и студенчества. Доклады состоялись на такие темы, как закон неравномерного развития капитализма, теория ренты, о характере надвигающегося мирового хозяйственного кризиса. Вы видите, что мы не ограничиваемся пределами Белоруссии, а пытаемся выйти на более широкую арену. Этими вопросами занимается товарищ, приехавший из Института красной профессуры. На будущее время работа у нас будет концентрироваться, главным образом, вокруг экономического кабинета Коммуниверситета. Этот кабинет будет являться чем-то вроде кафедры. Он сконцентрирует вокруг себя все марксистские силы, работающие над экономическими проблемами, но главное внимание этого кабинета будет направлено на изучение деревенской экономики советской Белоруссии. Тут, конечно, встанут проблемы и с.-х. кооперации, и коллективизации сельского хозяйства, и проч.

Очень слаба у нас работа, как это ни странно, по литературе. Здесь мы должны были бы, казалось, иметь кадры выдержанных коммунистов, которые могли бы соответствующим образом воспитательно действовать на наших белорусских писателей и поэтов. У нас эта проблема, в условиях разрешения задачи национальной политики, является очень актуальной. Но на этом фронте у нас почти нет сил. Имеются всего 1—2 товарища, которые занимаются вопросами литературы. У нас по существу нет марксистских критиков, которые могли бы с марксистской точки зрения обзирать нашу белорусскую литературу. Это серьезнейший пробел, который, может быть, не скоро удастся ликвидировать.

Что касается других отраслей знания, например, естествознания, то у нас здесь просто пустое место. Нет работников. Есть только один работник—коммунист, который занимается разработкой проблемы диалектики в естествознании и даже ведет два соответствующих семинария в Белорусском государственном университете. Надо сказать, что эти семинарии привлекают студенчество. Были проведены по этому вопросу диспуты которые привлекли очень много людей. Чувствуется большая необходимость в разработке соответствующих проблем, но, к сожалению, сил у нас очень мало.

Я уже сказал, что в последнее время мы стали на путь объединения марксистов-историков и что в этом направлении у нас имеются кое-какие достижения, разумеется очень скромные по сравнению с Москвой, Ленинградом и Харьковом. Что же по этой линии у нас, примерно, сделано? Мы ставим перед Обществом историков-марксистов 3 задачи: во-первых, разработку общих проблем методологии истории, во-вторых, разработку проблем истории Белоруссии и, в-третьих, разработку проблем истории России и общей истории—истории Запада и т. д. Благодаря тому, что никакой дифференциации по отдельным секциям (скажем, секции по Белоруссии, или секции по истории России) у нас не суще-

ствуем, наша работа отличается от которой пестротой. Мы имели, напр., следующие доклады: «Истмат и история», «История германской социал-демократии» (этот доклад сделал товарищ, приехавший из Института красной профессуры), «Проблемы марксизма в русской литературе», «Революционные кружки в Белоруссии в 70-х гг.». Поставлен вопрос о восстании в 63 г. в Белоруссии и вторая, почти тождественная тема «Организационные центры и их смена в восстании 63 года». Мы этим вопросом уделяем большое внимание, потому что эта эпоха представляет собой еще невыясненную эпоху и в то же время эпоху значительного революционного подвига в Белоруссии в середине 19 века. Дальше, в нашем обществе были заслушаны доклады по проработке истории Октября в Белоруссии. Мы занимались собиранием всех библиографических сведений, относящихся к этому вопросу. В обществе, между прочим, стоят и такие интересные вопросы, как, скажем, аграрное движение в Белоруссии 17 года. Этим вопросом занимается т. Кнорин. К концу этого года мы предполагаем заслушать доклады: «Военная организация в Парижской коммуне 1871 г.», «Этапы развития Белорусской советской государственности». Эта последняя тема, правда, не относится непосредственно к историкам, но я должен сказать, что в нашем Белорусском обществе есть некоторые товарищи, которые занимаются изучением права, и они нигде не могут поделиться результатами своей работы, как только в обществе историков-марксистов. Есть группа товарищей, занимающихся историей польского революционного движения, но здесь налицо некоторые вывихи. В ближайшее время будут заслушаны доклады «Об отношении польских революционных организаций к западно-европейским организациям в первую половину 19 века» и «Маркс и Энгельс о русской революции». Здесь встречаются большие затруднения в связи с тем, что еще не все материалы опубликованы тов. Рязановым.

Один товарищ занимается изучением фашизма в капиталистических странах. В ближайшее время предполагается выход капитальных работ: «История революционного движения в Белоруссии» т. Агурского; «История партии» т. Кнорина; «История революционного движения в Белоруссии 60 г.г.».

Вот, собственно, наши итоги. Мы еще раз должны подчеркнуть, что наша основная задача заключается в том, чтобы как-нибудь объединить всех марксистов. Если мы этого не сделаем, то наша работа, будучи распыленной, разумеется, не будет иметь тех положительных результатов, которые могли бы быть при объединении.

Надо еще учесть одно обстоятельство. Большинство наших товарищей являются не старыми марксистами, а молодняком (тов. Рязанов: Больше будут жить). Тут требуется еще воспитательная работа, коллективная работа. Поэтому создание соответствующей организации, где могли бы быть объединены эти марксистские силы, для нас является весьма актуальным. Мы очень нуждались бы в том, чтобы была установлена повседневная организационная связь с Комкадемией. Может быть Ленинград или еще какие-нибудь крупные центры не нуждаются в частом инструктировании, потому что там имеется достаточное ядро своих марксистских сил, но такие отдельные окраины, как национальные республики, где мы должны возвращать свои собственные марксистские силы, должны быть все время под известным руководством. Вот этот момент, поэтому, и должен быть особенно заострен при составлении соответствующей резолюции.

АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

(Сообщение т. Фриче)

Я сделаю только коротенькое сообщение об Ассоциации научно-исследовательских институтов—учреждении, которое заслуживает всяческого внимания, но вместе с тем находится в довольно трудном, если говорить об идеологическом направлении, положении. Ассоциация заслуживает внимания во-первых, потому, что она объединяет около 15 московских и ленинградских научных учреждений, во-вторых, потому, что в этой Ассоциации работает более тысячи работников разных рангов—действительных членов, научных сотрудников, аспирантов,—и далее, потому, что в Ассоциации представлены решительно все общественные дисциплины, не только те, о которых говорил Ми-

хаил Николаевич в своем докладе, и не только те, которые представлены в Комкадемии, но и такие, которые нигде не представлены, однако, являются явно общественными науками.

У нас имеются следующие институты: 1) экономики, 2) сельско-хозяйственной экономики, 3) землеустройства и колонизации, 4) философии, 5) экспериментальной психологии, 6) советского права, 7) истории, 8) языка и литературы, 9) археологии и искусствознания, 10) этнических и национальных культур восточных народов СССР. А из ленинградских учреждений к нам входит Академия истории материальной культуры, Ленинградский институт марксистской методологии, доклад которого был только что здесь заслушан, и Институты сравнительного языкознания и литературоведения.

Как видите, целое большое научное хозяйство. Мы, конечно, еще в настоящее время не можем претендовать на почетный титул марксистско-ленинского научного учреждения, но, однако, следует указать, что, во-первых, во главе всей Ассоциации стоит президиум, состоящий сплошь из коммунистов, во главе каждого института стоит руководящая коллегия, которая иногда сквозь коммунистическая, а иногда там имеется большое число коммунистов, и только разве Академия материальной культуры в Ленинграде в своем составе не имеет ни одного коммуниста. Но, конечно, мы не можем стать в полном смысле слова марксистско-ленинским учреждением, так как в основу Ассоциации положен принцип о совместной трудно сочетаемой работе как коммунистов, так и беспартийных, в том числе и не-марксистов. Отсюда вытекают и наши огромные трудности и наше затруднительное положение. Идет борьба между марксистами и коммунистами, с одной стороны, и не-марксистами и это, конечно, не может не отразиться на работе институтов. С другой стороны, имеются такие институты, где много беспартийных, или имеются секции, где много беспартийных, и тогда туда работать в эти секции коммунисты не идут.

Наконец, по мере роста кадра аспирантов, а здесь у нас около 40% коммунистов, идет нажим и напор снизу марксистской аспирантуры на беспартийную исследовательскую часть, и отсюда—конфликт и затрудненность работы. Когда мы имеем в институте недостаточное марксистское руководство, нас «кроют» аспиранты, кроет печать и т. д., а когда мы делаем нажим на не-марксистов, то в заграничной печати появляется соответствующая статья о том, что мы душим науку. И, таким образом, получается положение чрезвычайно затруднительное.

Однако, я должен сказать, что положение наше вовсе не так уж безнадежно, ибо хотя исследовательская работа, которая ведется в разных институтах, иногда коллективно, иногда индивидуально, хотя эта работа не носит марксистско-выдержанного характера, однако, за это время,—мы существуем пять лет,—мы кое-что сделали по марксистской линии. Я укажу на некоторые институты, как, напр., на Институт философии, где у нас нет никого кроме диалектических материалистов и некоторых механических материалистов, что, конечно, не плохо для обсуждения тех или иных проблем.

Можно указать на Институт экспериментальной психологии, где установка определена на марксистскую психологию. Можно указать на область языкознания, где сейчас идет решительный перелом и переход от физиологической установки на язык к социологической в работе наших лингвистов, вроде Марра, Яковлева, Поливанова и т. д.; теперь в области языкознания, в Институте языка и литературы у нас нет никаких враждебных направлений, нет никаких формалистов, имеются только социологи и марксисты, и разве только здесь должна быть борьба против эклектизма, ибо под флагом марксизма проходит всякий эклектизм.

Что касается археологии и искусствознания, то здесь старшее поколение едва ли сможет двинуться, однако, молодежь особенно археологи ориентируются на марксизм.

Можно указать на советское право, где в некоторых секциях, секции государственного и административного права, засилие чуждых исследователей, хотя имеются и другие секции, как секция хозяйственного права, которая вполне обслуживается коммунистами и марксистами.

Нужно еще указать на Институт истории, где не совсем благополучно, напр., по древней или средневековой истории; во главе этой секции стоит

Петрушевский, о котором говорил в своем докладе Мих. Ник. Имеется секция русской истории, а кроме того, и секция новой истории, где совсем нет марксистов, где дело совершенно плохо обстоит.

Т. Рязанов. Где плохо? В новой русской истории?

Т. Фриче. Нет, новая русская история у нас марксистская, коммунистическая, но у нас кроме того есть секция русской истории.

Ну, можно указать еще на Институт сельскохозяйственной экономики, где, как вы слышали, работают Макаров, Чайнов и т. д. Я должен сказать, что здесь будут приняты некоторые меры. Итак, хотя у нас имеются такого рода недочеты, но, тем не менее, в общем, мы идем все же по линии марксистской науки.

Т. Рязанов. На 11-м году пролетарской диктатуры—это успех.

Т. Фриче. Тов. Рязанову, конечно, ничего не стоит говорить, потому что, ясно, Институт Карла Маркса и Энгельса состоит из коммунистов и марксистов (возглас: «Не только марксистов!»). Там, конечно, дело иначе обстоит, а вот извольте-ка поработать там, где не только мало марксистов, а где большинство составляют спецы не-марксисты. Вот, вы, товарищ Рязанов, пришли к нам на семинар.

Т. Рязанов. И удрал.

Т. Фриче. Да, удрали, но почему вы удрали?

Т. Рязанов. Прежде всего у вас там курят (смех).

Т. Фриче. Словом, товарищи, я думаю, что все те изъяды, которые у нас имеются, они могут быть изжиты, во-первых, если будет сближение между Ранионом и Комакадемией. По целому ряду институтов это сближение уже имеется, по целому ряду институтов эта связь устанавливается. Как только это будет сделано, мы получим марксистское коммунистическое руководство для наших институтов и то направление, которое нам нужно.

А что касается исследовательской работы, то при такой связи можно очень легко размежевать ее и руководить этой работой.

Но я должен сказать, что, конечно, дело решительно переменится только тогда, когда войдет в Ранион новое молодое поколение марксистов. Эту цель мы ставим себе в нашей работе, создавая аспирантов, и в силу этого мы ведем нашу работу не столько исследовательского характера, сколько ставим ударение на подготовке новых марксистских сил. И в этом отношении мы кое-что уже сделали и мы надеемся, что как только эти кадры войдут в нашу Ассоциацию, она станет таким же марксистско-ленинским научным учреждением, как и все остальные.

О РАБОТЕ ИНСТИТУТА ИМЕНИ ЛЕНИНА

(Доклад т. Степанова-Скворцова).

Товарищи, работа Института Ленина начала разворачиваться, собственно, с ноября 1926 года, когда Институт Ленина перешел в собственное помещение. До того времени Институт Ленина целиком должен был помещаться в доме-особняке на Большой Дмитровке, в том доме, который в настоящее время занят Музеем Ленина. Между прочим и Музею Ленина становится тесно в этом помещении, мы вынуждены отказаться от демонстрации целого ряда экспонатов, которые должны были бы находиться в этом музее.

Только переход института в собственное помещение дал возможность упорядочить книгохранилище, подготовить все материалы, привести их в такое состояние, какое необходимо для развертывания издательской деятельности института.

Основным ядром деятельности института до настоящего времени является издание собрания сочинений Ленина. Первое издание в основном выяснило те материалы, которые должны войти в собрание сочинений Ленина. Но первое издание представляло целый ряд промахов и ошибок, в значительной степени неизбежных при сложности этого дела и при той поспешности, с которой оно было осуществлено.

Я упомяну, что в первое издание не вошло много работ Владимира Ильича, которые должны были бы войти в него, и напротив, в первом издании были приписаны Владимиру Ильичу такие работы, которые, как показало дальнейшее

исследование, принадлежали вовсе не ему, а например, покойному Воровскому. Таким образом, перед составителями, перед редакцией 2-го издания оставались большие научно-исследовательские задачи.

Почему медленно движется выпуск 2-го издания собрания сочинений Ленина? Здесь едва ли приходится рассказывать о том, насколько кропотливую научно-исследовательскую работу приходится проделывать над каждым томом. Вот один пример, касающийся XX тома, который охватывает первую половину 17 года. Чтобы выяснить, какие статьи, несомненно, принадлежащие Владимиру Ильичу и не включенные в 1-е издание, следует внести в это 2-е издание, пришлось пересмотреть целый ряд периодических изданий 17 года. Даже в «Правде» удалось найти 32 статьи, несомненно принадлежащие Владимиру Ильичу и не вошедшие в 1-е издание.

Мы до сих пор не знали некоторых работ Владимира Ильича, в частности не знали целого ряда его статей, напечатанных в «Окопной правде» и в «Солдатской правде». Эти издания чрезвычайно редки и Институту Ленина пришлось потратить немало работы, чтобы найти эти периодические издания.

Укажу еще на одно обстоятельство, которое до чрезвычайности задерживало выпуск томов 2-го издания сочинений Ленина.

По первоначальному плану все тома должны были выходить в хронологическом порядке. Этот порядок представляет целый ряд несомненных, самоочевидных удобств. Прежде всего, в научном аппарате: скажем, к 7-му тому, можно было бы почти целиком использовать аппарат предыдущих 6 томов. Точно так же при составлении указателей к 20-му тому можно было бы использовать аппарат предыдущих томов. Таким образом, обеспечивалась бы известная экономия сил и, с другой стороны, обеспечивалось бы большее единство, большая однородность издания.

Но практика показала, что если бы мы продолжали придерживаться хронологической последовательности в издании сочинений Ленина, то мы закончили бы эту работу едва ли в течение 10-летия. Нам удавалось бы выпускать в год не больше 2—3 томов. Прийдя к убеждению, что хронологическая последовательность угрожает громадной затyajкой всего издания, что вызывает совершенно справедливо недоброжелательство в партийных и даже в беспартийных кругах, мы оставили эту хронологическую последовательность. Как вы знаете, после IV тома мы выпустили XX, потом V, потом VII том. Точно так же и последующие тома будут выходить уже не в хронологической последовательности.

Вследствие этого и вследствие еще некоторых мер, мы рассчитываем чрезвычайно ускорить выпуск всего собрания сочинений Ленина, а именно, кроме этих 7 томов, которые уже вышли в настоящее время, Институт Ленина рассчитывает в течение 1928 года дать еще 10 томов, итого 17 томов. Мы надеемся осуществить этот план, если только не встретятся какие-нибудь совершенно непредвиденные обстоятельства. К сожалению, непредвиденные обстоятельства всегда могут быть: 13-й том должен был быть сдан к 31 марта, и, по всей вероятности, был бы сдан к этому сроку но составитель этого тома заболел. Но вряд ли такие непредвиденные обстоятельства способны значительно нарушить выполнение плана.

Кроме 10-ти томов, которые мы включили в план 1928 года, у нас есть еще три запасных тома. Эти три запасных тома могут нас компенсировать за те дефициты в выпуске томов, которые могут получиться от случайных обстоятельств. Поэтому я повторяю, что в 1928 году будет выпущено еще 10 томов. План составлен таким образом, что в среднем будет ежемесячно выходить по одному тому.

Когда составлялся план второго издания сочинений Ленина, мы предполагали, что будет 25 томов. Теперь окончательно выяснилось, что все собрание сочинений во втором издании составит 27 томов. Это статьи, речи Вл. Ильича, это материалы такого же рода, как напечатанные в вышедших томах. Кроме того, будет еще три тома. Эти три тома—переписка Вл. Ильича—28-й том и 29-й том—и указатель, путеводитель, так сказать, по собранию сочинений Ленина—30-й том. Благодаря принятым мерам, до истечения 1929 года все собрание сочинений будет закончено, останется только издание переписки и издание предметного и именного указателя к этим томам. Составление указателя—работа в высшей степени ответственная. Как строить этот указатель? Как его строить в тех

видах, чтобы он принес максимальную пользу, максимально содействовал научным исследователям сочинений Ленина? Вопрос этот обсуждался у нас в Институте Ленина, и мы пришли к такому заключению, что надо отказаться от тематического указателя, надо поставить предметный указатель. Но составить предметный указатель таким образом, чтобы исследователь не тонул в нем, чтобы, пользуясь этим предметным указателем, исследователь легко нашел в собрании сочинений Ленина все, что ему требуется. Задача, повторяю, в высшей степени сложная и в высшей степени ответственная. Мы не прямо приступаем к этой задаче. Мы решили произвести предварительный опыт и этим опытом будет составление предметного указателя к 1-му изданию собрания сочинений Ленина. Это первое издание собрания сочинений Ленина распространено в количестве до ста тысяч экземпляров. До 100 000 читателей пользуются теперь первым изданием собрания сочинений. Два года остается у нас до выхода второго издания собрания сочинений. Необходимо снабдить указателем и первое издание собрания сочинений. Он в настоящее время составляется. Есть надежда, что к осени он будет уже закончен составлением, и если не до истечения 1928 года, то в начале 1929 выйдет из печати. Эта работа имеет самостоятельное значение, но она кроме того является подготовительной работой к составлению предметного указателя ко второму и третьему изданию собрания сочинений. Я все время говорил о втором издании собрания сочинений, но, как вы знаете, то, что я говорю о втором издании собрания сочинений, в равной мере относится и к третьему изданию, которое представляет точную копию второго издания собрания сочинений. Отличается оно только тем, что приняты некоторые меры для удешевления.

Собрание сочинений Ленина должно будет в конце концов дать очень ценный материал не только в своей непосредственной области, не только в том отношении, что даст действительно собрание сочинений Ленина, но—критическое, проверенное, выполненное с соблюдением всех научных предпосылок, всех научных условий,—оно даст и нечто большее: оно даст, иначе и быть не может, ценный материал для истории ВКП (б) и для истории русской общественности вообще.

Партия давно поставила вопрос об академическом издании собрания сочинений Ленина. Институт Ленина ведет некоторые подготовительные работы в этом направлении. Вы уже знакомы с частью этих подготовительных работ—это ленинские сборники. Ленинские сборники рассчитаны не на широкую читательскую публику, не на массовика, а именно на научных исследователей.

С какими трудностями приходится встречаться при составлении этих ленинских сборников, отчасти иллюстрирует вот эта фотография записей Владимира Ильича. В некоторых сборниках даны фотографии таких записей. Вы представляете, насколько кропотливую работу приходится проводить для того, чтобы эти записи упорядочить таким образом, чтобы составитель ничего от себя не привнес, чтобы дан был именно тот материал, который принадлежит Владимиру Ильичу. Ленинские сборники дают некоторое представление о том, чем должно быть академическое собрание сочинений Владимира Ильича. Оно должно дать материалы для научных исследователей.

Мы думаем выставить в непростительном времени в Музее Ленина целый ряд экспонатов, которые должны будут иллюстрировать методы работы Владимира Ильича. Уже по ленинским сборникам вы имеете некоторое представление о том, что можно назвать методом работы Владимира Ильича: всегда неизменно критическое отношение к себе, обдумывание всякого шага, всякого выступления. Когда он готовится статью или готовится выступить с речью, он делает первоначальные наброски; после первоначальных набросков—более обстоятельный конспект. Затем, наконец, статья написана. Бывают случаи, когда статья пишется почти без всяких поправок, но бывают случаи, когда Владимир Ильич вновь и вновь критически возвращается к тому, что он написал: перечеркивает, переписывает, исправляет. Ознакомление с методом работы Ленина будет иметь большое педагогическое и дидактическое значение для всех научных исследователей, для всех научных работников.

До настоящего времени вышло 6 сборников, вероятно, в апреле выйдет 7-й сборник, до октября—ноября мы, вероятно, выпустим 8-й и 9-й сборники. Несколько слов о содержании 7-го сборника: 3 статьи 99 года, 2-й съезд и эпоха раскола,—продолжение материала, который дан в 6-м сборнике, некото-

рые статьи и заметки, относящиеся к 1906 году, брошюра т. Варги с некоторыми пометками т. Ленина. Эти пометки относятся не столько к содержанию мыслей т. Варги, сколько к тому, что он, будучи в Венгрии, не всегда был точно осведомлен о том, какие меры проводились у нас в советской стране.

Составители томов собрания сочинений: тт. Сорин, Овсянников, Крамольников, Короткий, в последнее время привлечено значительное количество красных профессоров. Составители определяют статьи, которые относятся к данному тому, затем составляют научный аппарат; все это идет на проверку редакционной комиссии, которая состоит из людей, которые уже давно сидят на этой работе в Институте Ленина. Бывают случаи, когда тома, составленные первоначальными редакторами, идут на слом, требуют переработки, иногда почти пересоставления заново. Бывали случаи, когда, поручив тот или другой том одному составителю, мы вынуждены были передать его другому составителю. После критической проверки редакционной комиссией подготовленный том идет в главную редакцию, которая, как вы знаете, состоит из трех лиц. В главной редакции том окончательно проверяется и только тогда идет в набор.

Я бы мог сказать еще о серьезных технических трудностях в той стадии, когда том находится уже в наборе, но это завело бы нас слишком далеко. Если будут вопросы, я, конечно, расскажу и об этом.

У нас теперь выходят «Записки Института Ленина», которые составляются таким образом. По тому или иному поводу, по случаю той или иной юбилейной даты в периодических изданиях опубликовывают новые материалы. И вот для того, чтобы этот новый материал, затерянный в периодической печати, иметь для использования, мы перепечатываем время от времени его в «Записках Института». Сюда же входят воспоминания, сюда же входят библиографические заметки. В непростительном времени мы рассчитываем сильно расширить «Записки» и изменить их тип, но об этом я скажу впоследствии.

Вы знакомы с библиографическими сборниками, которые издает Институт Ленина. В настоящее время готовится библиография произведений Владимира Ильича, переведенных на иностранные языки, затем библиография произведений Владимира Ильича на русском языке к 1893 г. по 1923 г. Об этом, равно как и о вышедших томах Ленинианы я тоже не буду говорить, потому что с этой стороны деятельности вы знакомы из печатных отчетов, которые вам розданы. Остановлюсь на некоторых новых начинаниях Института Ленина.

У нас задумана новая серия изданий. На книжном рынке появилось большое количество изданий отдельных работ Владимира Ильича. Эти издания зачастую не удовлетворительны и, во всяком случае, эти издания едва ли могут служить в качестве пособий для исследовательской работы, между тем, наши комвузы, семинарии при вузах и кружки по изучению ленинизма нуждаются в хороших изданиях избранных произведений Владимира Ильича.

И вот, Институт в настоящее время готовится серию избранных произведений этой серии будет служить учебно-вспомогательным целям. Здесь, конечно, должен быть достаточно обстоятельный аппарат примечаний, которые поясняют события, о которых упоминает Владимир Ильич, введений, которые характеризуют историческую обстановку, в которой то или другое произведение появилось. Необходимо подготовить эти избранные произведения таким образом, чтобы они могли послужить в исторической работе нашего молодняка. Первый выпуск этой серии, вероятно, появится до истечения этого года. Тут мы не слишком торопимся, потому что необходимо с самого начала выработать тип этого издания и при выработке типа, конечно, излишняя поспешность может оказаться вредной.

Остановлюсь еще на одном новом начинании Института Ленина. До сих пор работа сводилась к изданию собрания сочинений В. И., к выяснению всего, что им написано и напечатано не только в русской литературе, но и в иностранной. А мы делаем все новые и новые находки в иностранных изданиях, в частности, в швейцарских изданиях.

Научно-исследовательская работа была приурочена к нашей издательской работе. Как самостоятельная отрасль деятельности, она пока не существовала в Институте Ленина. Теперь мы считаем возможным расширить круг нашей деятельности. Мы считаем необходимым поставить научно-исследовательскую работу

в точном значении этого слова. Ведь, существует целый ряд вопросов, на которые должен ответить Ленинский институт или, точнее, исследовательские организации, должныствующие существовать около института.

Я укажу на некоторые примеры. Плеханов и Ленин в их отношении к различным вопросам. Вы знаете, напр., книжку т. Ваганяна, которая дает определенное решение этому вопросу, но дает определенное решение без достаточно научно-критического исследования. Надо произвести эту работу заново. Или возьмем вопрос о генезисе некоторых идей большевизма. Вы знаете, каким образом поставлен вопрос о роли Ткачева в развитии социал-демократии вообще и большевистской ее части в особенности. Вопрос этот только поставлен, а достаточно ли он исследован? Или еще, скажем, идеи Маркса и Энгельса о роли крестьянства в пролетарской революции. Широкой научно-критической проработки этот вопрос еще не получил. Мы, несомненно, можем получить много интересного от специальной проработки этого вопроса. Или: идеи Бланки или Бакунина и идеи большевизма. При нашем Институте Ленина могла бы вестись научно-исследовательская работа и в этом направлении. В настоящее время выработано положение об этой научно-исследовательской группе и мы вскоре приступим к организации этой группы. Конечно, результаты этой научно-исследовательской работы должны найти отражение и в «Записках Института Ленина»; вместе с тем, тип «Записок Института Ленина» должен будет в значительной степени измениться.

Вы видите, что в некоторых случаях у нас получается как-будто соприкосновение с Истпартом. В самом деле, можно ли отделить Ленина, ленинизм от истории ВКП (б) и Октябрьской революции?

Однако, пока никакого параллелизма в нашей деятельности не было. Но почему?—Только потому, что до сих пор Институт Ленина ограничивался разрешением одной задачи,—изданием собрания сочинений Ленина. Впоследствии, когда институт будет развешивать свою деятельность, параллелизм будет неизбежен. Это одинаково видят как работники Института Ленина, так и работники Истпарта.

Мы уже видим, что вскоре придется поставить вопрос о координировании действий этих учреждений, может быть, придется поставить вопрос об объединении на тех или иных основаниях. Этот вопрос уже поставлен партийными инстанциями.

Известный параллелизм будет налицо, если я охарактеризую различные вспомогательные учреждения, существующие при институте. Прежде всего, скажем, архив. В нем мы имеем не только материалы, имеющие самое непосредственное и ближайшее отношение к Владимиру Ильичу, но и материалы, которые представляют большую ценность для истории партии, для истории революционного движения в России вообще. Следовательно, имеются материалы, которые представляют особенную ценность для Истпарта. Таково же положение и с библиотекой.

Нельзя составить библиотеку таким образом, чтобы она примыкала непосредственно только к ленинизму и Ленину. Наша библиотека должна быть учреждением, необходимым для всякого научного исследования, которое занимается изучением революционного движения в России вообще, скажем с 60-х гг. прошлого века, и в особенности революций 5-го и 17-го годов. Так что и тут известный параллелизм с Истпартом неизбежен.

Скажу несколько слов о некоторых новых приобретениях архива и библиотеки. Институту Ленина удалось сделать несколько в высокой степени ценных приобретений. Таковым, например, является коллекция Савельева, одного ленинградца, которая дает ценный материал для истории революционного движения. Здесь имеется большое количество прокламаций, которых нигде кроме как в этой коллекции, нельзя найти. Очень большую ценность представляет приобретенный Институтом Ленина архив Бунда, который дает ценный материал не только для истории революционного еврейского движения с 80-х гг. прошлого века, еще до зарождения Бунда; он дает много ценного материала для истории русского революционного движения, для истории РСДРП. В непродолжительном времени мы опубликуем статьи, которые характеризуют эти материалы, мы думаем кое-что из них опубликовать в «Записках»; частично эти материалы войдут

и в Ленинские сборники. В настоящее время исследователь русского революционного движения не может уже обойтись без пользования библиотекой Института Ленина.

Отмечу еще одно приобретение, которое нам удалось сделать в самое последнее время. Это—библиотека Парвуса эпохи империалистической войны. При содействии сына Парвуса нам удалось приобрести эту в высшей степени ценную библиотеку. Туда входят как книжная и брошюрная литература по истории империалистической войны, так и периодическая литература по истории империалистической войны. Недавно мне пришлось поручить одному товарищу написать работу об отношении заграницы к октябрьской революции. Оказалось, что в Москве невозможно произвести такую работу, потому что ничего, кроме немногих разрозненных иностранных газет за эту эпоху, ничего, кроме этого, найти нельзя. Библиотека Парвуса, приобретенная нами, дает замечательно ценное собрание иностранных периодических изданий, начиная с 1914 по 18-й год. Знатоки библиотечного дела говорят, что более богатое собрание материалов по империалистической войне в настоящее время имеется только в двух учреждениях: в Британском музее и в Вашингтонской библиотеке. Говорят, что в Германии такого богатого собрания работ по истории империалистической войны сейчас нет.

Несколько слов я должен сказать о том, как мы размежевались с Институтом Маркса и Энгельса. Здесь размежевание получается достаточно отчетливое. В сферу ведения Института Маркса и Энгельса входит эпоха II Интернационала до начала империалистической войны. В сферу же ведения Института Ленина входит разложение II Интернационала (империалистическая война) и затем III Интернационал. По русской линии с Институтом Маркса и Энгельса размежеваться не приходится, потому что в круг деятельности наших вспомогательных учреждений входит история русской революции, в особенности, история русских революций XIX века.

Скажу только еще несколько слов о том, что мы делаем для издания собрания сочинений Ленина на иностранных языках. Здесь положение таково: мы даем текст, надежный текст, критически проверенный, и научный аппарат к этому тексту. При посредстве ИККИ эти тома переводятся на иностранные языки. В Германии в настоящее время вышли: XIII, XX том, 1-я книга (XX том, 2 книга— в печати), III, IV и VII тома в наборе. Во Франции вышли XIII, XX тома, в наборе IV и VII тома. В Америке XIII вышел, XX том 1-я и 2-я книга в печати, III, IV, VII, XVIII, XXI в наборе, редакции и переводе. В Англии переиздается американское издание, вышел XIII том. Можем ли мы в этом отношении сделать что-нибудь большее, т.-е. контролировать качество переводов? Полагаю, что это дело неосуществимое. Нам пришлось бы создавать очень громоздкий аппарат для того, чтобы контролировать качество переводов.

Дальнейший вопрос. Что делается у нас в СССР для издания сочинений Ленина на национальных языках, на языках союзных республик,—на языках национальных меньшинств? Здесь, насколько я знаю, на Украине больше всего делается, в других местах издают только избранные сочинения. Институт Ленина опять-таки, по крайней мере в настоящее время, может делать только одно: давать проверенный текст и давать научно-подготовленный научный аппарат. Претендовать на более активные функции Институт Ленина вряд ли может.

Вот, товарищи, какова в общем и целом деятельность Института Ленина. Вот задачи, разрешавшиеся им до настоящего времени, и те задачи, которые поставлены им на ближайшее будущее.

О РАБОТЕ УКРАИНСКОГО ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА

(Доклад тов. Скрыпника).

Товарищи, так как Украинскому институту марксизма и ленинизма впервые приходится делать сообщение о своей работе перед Всесоюзным марксистско-ленинским совещанием научно-исследовательских учреждений, так как и перед Всесоюзной Коммунистической Академией нам до сих пор не приходилось делать доклада о своей работе, то мне приходится не только говорить о плане нашей

работы на дальнейшее время, но в кратких словах остановиться на предшествующей работе Украинского института марксизма и ленинизма.

Организован он был в 1923/24 году. Вначале он шел теми же путями, как и Всесоюзная Коммунистическая Академия, т. е. был по преимуществу научно-учебным учреждением. Что Всесоюзная Академия была таким учреждением, об этом говорит первый номер «Вестника социалистической академии». Нужда в марксистски-образованных силах на Украине еще более остра, еще во много раз меньше удовлетворена, чем в России, и поэтому перед нами во всей высьоте и полноте встал вопрос о выработке научно-образованных работников для нашего государственного и партийного аппарата.

Этот вопрос еще встал перед нами в более сложной форме, чем здесь, ибо на Украине теперь идет и растет украинский культурный процесс, и нам, коммунистической партии большевиков Украины, для того, чтобы руководить им, для того, чтобы пролетариат у нас мог выполнять свою задачу руководства этим процессом, необходимо значительное число марксистски-образованных научно-квалифицированных сил, которые бы принимали участие, во всех областях этого культурного процесса, борясь с тем влиянием, которое оказывают уже давно сложившиеся различные буржуазные научно-общественные группировки, и вели бы разработку научной мысли в этой области.

Мы имеем в настоящее время уже несколько выпусков учебной части нашего Института марксизма; в числе них работники, которые отчасти стали научными работниками нашего института, а неизмеримо-большая часть работает в наших государственных плановых органах, журналах, ведут газетную работу, а также участвуют в различных других областях государственной и общественной жизни.

Этой работе подготовки научных сил нам и сейчас приходится уделять достаточно много внимания, ибо, как я уже сказал, запасы у нас неизмеримо меньше чем в России, а запасы сил, которые могли бы работать, участвовать в украинской культурной жизни, которые владели бы языком и могли бы в этом процессе участвовать, этих сил у нас еще меньше. Нужно указать, что у нас на Украине отсутствует институт, подобный Институту красной профессуры в Москве, и поэтому нам приходится в учебной части своего института и эту работу выполнять, что еще более осложняет нашу работу. Все это создает чрезвычайную обремененность всех научных сил нашего института.

Все-таки нужно сказать, что при всем том у нас за эти годы проведена, однако, некоторая, довольно значительная научно-исследовательская работа. Если взять, например, последние 2 года—1926 и 1927,—то у нас было заслушано 87 научных докладов. Я укажу, что из числа этих докладов 12 было сделано тов. Поповым, Николаем Николаевичем, об истории коммунистической партии Украины.

Издательская деятельность у нас до сих пор была менее развита. Непосредственно Институт марксизма приступил к изданию лишь в последний год. До сих пор работы его членов и научных сотрудников издавались в обычном порядке Государственным издательством Украины и другими издательствами, при чем мы уже имеем значительное число произведений наших работников, опубликованных в Государственном издательстве и в других издательствах.

Я не ставлю перед собою задачи делать отчет по докладам. Поэтому я только вкратце могу указать вам отдельные темы, которые у нас разрабатывались, и те работы, которые были произведены. Начну с кафедры истории Украины на историческом отделении нашего института. Я могу перечислить вам доклады, которые были у нас заслушаны:

«Методологические замечания к истории Украины»—М. Яворский; «Проблема украинского октября»—В. Рубач; «Проблема национально-демократической революции на Украине»—М. Яворский; «Уничтожение автономии Киева»—Т. Каретникова; «М. Грушевский и его место в украинской историографии»—Б. Багалея; «Кирилло-Мефодиевское братство»—З. Гуревич; «Харьковский бунт 1872 года»—М. Волин; «К вопросу об изучении истории РУП'а»—Гермайеи и М. Яворский; «Лекции по истории КП (б)У»—М. Попов; «Методологические замечания к изучению крестьянских движений 1905 г.»—Р. Шпунт; «Казачина 1812 года»—М. Свидзинский; «УСДРП в революции 1905 года»—Д. Фрид.

Если мы возьмем другую кафедру—кафедру аграрного вопроса, то доклады, которые были здесь прочитаны, таковы:

1. Методология изучения дифференциации крестьянских хозяйств—т. Левенштам. 2. Динамика дифференциации крестьянских хозяйств на Украине по основным признакам (массовые материалы ЦСУ)—т. Левенштам. 3. Аренда земли на Украине—т. Сосновий. 4. Наемный труд в сельском хозяйстве Украины—т. Тараненко.

Кроме того были напечатаны такие труды:

1. Дифференциация крестьянских хозяйств на Украине—т. Левенштам, Соснового, Хоменко, Олейникова, Васяткина под редакцией Левенштама, изд. «Радянский Селянин», 1927 г. 2. Земельная рента в СССР—т. Слепанского «Вістник с.-г. науки», 1927 г. 3. К критике организационно-производственной теории крестьянского хозяйства—т. Хоменко, «Вістник с. г. науки», 1927 г. 4. Аренда земли на Украине—т. Соснового, «На аграрном фронте». 5. Наем и сдача жилого и мертвого инвентаря—т. Хоменко, «На аграрном фронте». 6. Наемный труд в сельском хозяйстве на Украине—т. Тараненко, «Більшовик України», 1927 г. 7. Роль кредита в развитии сельского хозяйства Украины—т. Слепанского—изд. «Радянский Селянин».

По кафедре коллективизации и кооперации, руководимой тов. Лозовым, мы имели проработку целого ряда тем, которые отвечали стоящим перед нами вопросам.

Постановка тем по этим нашим двум отделениям,—историческому и аграрно-экономическому,—вам показывает направление этих тем. Разрабатываются общие теоретические темы. Но вместе с тем, ударение ставится на исследовании Украины, ее хозяйственных и исторических процессов для того, чтобы уразуметь теперешнее положение Украины. И второе ударение делается на изучении тех вопросов, которые в настоящее время стоят перед партией и советской властью и требуют научного разбора и выяснения для дальнейшего практического разрешения и осуществления. Мы уже имели в этом отношении некоторые достижения. Работы нашего Института марксизма по аграрному вопросу нам дали некоторый научно-проработанный материал для разрешения сложных вопросов дифференциации крестьянского хозяйства, для выявления роли комитетов незаможных селян и борьбы классов и отдельных слоев крестьянства, для выработки научного материала для той практической работы, которая проводится в этом отношении партией и советской властью.

Если вы возьмете названные мною темы исторического отделения по истории Украины, то вы тоже увидите, что все эти вопросы имеют, кроме общего теоретического значения, и задачу подготовить научный материал для того, чтобы партия могла делать свои заключения о проводимой ею в настоящее время линии по отдельным вопросам. Даже такое более отвлеченное, более абстрактное отделение наше, как социологическое, имеет эту же установку. Я перечислю, например, темы по социологии: 1. «Генетическая социология» Грушевского и марксистская наука (Юриец). 2. Социальные основы творчества Тычины (Юриец). 3. Проблема изменений художественных стилей (Степовой). 4. Издательская работа на Украине (Пилипенко). 5. Искусство, как идеология (Бойко). 6. Эстетика Плеханова (Эпик). 7. Вопрос о взаимоотношениях форм и содержания в искусстве (Беркович). 8. Пушкин, Шевченко, Мицкевич и декабризм (Иванов). 9. Урбанизм в украинской литературе. 10. Село в современной украинской литературе (Пилипенко). 11. Итоги украинской литературной дискуссии (Юриец).

Я не буду останавливаться на этой отчетной части моего доклада, она уже отняла 10 минут, и сделаю лишь общие выводы, что при небольших силах, у нас все-таки проведена известная, довольно значительная работа, которая привела нас почти одновременно, и даже одновременно с Всесоюзной Академией к задачам внесения плановости в эту работу. Это выразилось в выработке нами первоначального плана научно-исследовательской работы кафедр Украинского института марксизма и ленинизма на настоящий академический год. Позвольте мне поэтому перейти к изложению этого плана.

Основные черты, установка этого плана таковы, что мы продолжаем предшествующую работу нашего института, т. е. разработку общих теоретических основ марксистских и ленинских теорий с ударением по двум направлениям. Первое ударение мы ставим на разработке вопросов на базе украинской истории и украинской

действительности. Мы считаем необходимым, чтобы эти области украинской истории, украинской действительности по различным направлениям научной мысли были предметом изучения Украинского института марксизма. Необходимо констатировать, что научная работа, производимая в других частях Союза ССР, этих тем до сих пор почти совсем не затрагивала, и эти области—история экономической и хозяйственная и т. д.,—почти совершенно не разрабатывались. Нам приходится поэтому эту задачу брать на себя и работать для ее выполнения.

Другое ударение ставим мы в своем плане на разработке вопроса, выдвигаемого самой жизнью, а именно вопроса научной разработки очередных, стоящих перед партией и советской властью вопросов.

Позвольте мне от характеристики нашего плана в целом перейти к характеристике планов по отдельным нашим отделам.

Историческое отделение имеет у нас две кафедры—кафедру истории Украины и кафедру истории Запада. У нас возникал вопрос об организации кафедры истории России. Но, к сожалению, у нас, во-первых, не нашлись необходимые силы для того, чтобы руководить и организовать эту кафедру, и, во-вторых, мы столкнулись с отсутствием на Украине каких-либо архивов, которые давали бы базу для научно-исследовательской работы в этой области. Восполнить этот пробел нам, несмотря на проявленную нами инициативу, до сих пор не удалось.

Кафедра истории Украины свой план работы строит в следующем направлении: общие вопросы историографии и методологии, общая история Украины, революция 1905 года, революция 1917 года и дополнительно—история литературы.

По общей методологии историографии намечены к проработке следующие темы:

1. Методологические вопросы в украинской истории—М. Яворский. 2. Украинская историческая мысль в настоящем и прошедшем—М. Яворский. 3. Политическая программа истории Руссов—Д. Гончаренко. 4. В. Б. Антонович и его школа—В. Ходак. 5. Историографические взгляды П. Кулиша—В. Десняк. 6. М. Грушевский и его схема украинской истории—С. Покровский. 7. В. Лазаревский и его место в украинской историографии—В. Гольберг.

Таким образом разработка данных тем даст нам оценку с марксистской точки зрения той исторической мысли, которую мы имеем на протяжении последних двух столетий.

В области истории Украины намечены для разработки следующие темы:

1. Критические замечания к истории общественных движений XIII столетия—С. Покровский. 2. Критические замечания к Гайдамачине 1750 г.—В. Алексеев. 3. Борьба классов и партий в эпоху Руины—В. Хоменко. 4. На заре рабочего движения (1870 гг. на Украине)—М. Яворский. 5. На переломе общественной мысли на Украине (1880 гг. на Украине)—М. Яворский. 6. Социально-экономическая природа Запорожья XVIII ст.—П. Фельдман. 7. Партийное оформление политической мысли в Галиции в конце XIX ст.—М. Яворский. 8. Наступление московского торгового капитала на Черноморское побережье в XVIII столетии—В. Загрещкий.

По революции 1905 года намечено 7 тем:

1. УСДРП в революции 1905 года—Д. Фрид. 2. Украинская громада в 1-й и 2-й думках—З. Гуревич. 3. Крестьянский союз на Украине в революции 1905 года—М. Свидзинский. 4. РСДРП (б) в революции 1905 г. на Украине—В. Лапин. 5. Организация Советов в революции 1905 г. на Украине—М. Волин. 6. Программа крестьянских движений в революции 1905 г. на Украине—Р. Шпунт. 7. Столыпинская реформа—А. Городецкая.

Революция 17-го года у нас поставлена в план, намечены следующие темы:

1. УСДП, австрийская С.-Д. и II Интернационал—С. Витик. 2. Земельный вопрос в Галиции накануне революции—М. Левичкий. 3. Аграрная программа Центральной рады—Т. Каретникова. 4. Крестьянское движение на Киевщине в 1918 году—М. Карпенко. 5. Союз освобождения Украины—В. Десняк. 6. Социальные основы махновщины—П. Алексеев. 7. III и IV Универсалы Центральной рады—В. Хоменко. 8. Кубань в революции 1917 года—П. Христюк. 9. Проблема национально-демократической революции в Галиции—М. Яворский. 10. Харьковский совет рабочих депутатов—В. Лобахин.

Кафедрой истории Украины, которая дает нам разработку общих методологических вопросов и намечает первые шаги к марксистской проверке исторических построений развития Украины в предшествующее столетие, равным образом намечаются к выяснению узлы движения 1905—1917 годов.

Кроме того, кафедра Украины подготавливает сейчас некоторые сборники: сборник, посвященный революции 1848 года на Западной Украине, сборник материалов по революции 1918 года в Галиции и, кроме того, намечено издание сборника, посвященного 40-летию М. Зибера, который дал бы возможность всесторонне выявить научную и общественную деятельность первого марксиста на Украине да и в России. Одновременно под общей редакцией М. И. Яворского разрабатывается план полного критического издания сочинений М. Драгоманова, Н. Зибера и С. Подолинского.

Намечено образование Украинского историко-марксистского о-ва, при чем кафедра завязывает связи с другими марксистскими организациями и работниками других городов Украины.

Кафедра истории Запада у нас более позднего происхождения—1926/27 года. Из работ, опубликованных ею, можно отметить следующие:

1. Камышан—«Великая Французская Революция» и «Очерк истории рабочего движения на Западе». Готовит к печати работу: «Шомет и его роль в французской революции».

2. Рохкин напечатал работу «Фейербах и Маркс» (историко-философский этюд) и первую главу работы о Ленине «Ленин и борьба направлений в международном рабочем движении» в журнале «Большевик» № 1 за 1925 г. Приготовил к печати историографическую хрестоматию «Классики исторической науки», которая скоро появится в свет. Готовит работу «Стефан Борн и рабочее движение в Германии в 1848 г.».

3. Либберберг напечатал «Очерки экономического и социальной истории Англии» и статью в «Прапор Марксизма» № 1, «Франкмасонство, как организационная форма буржуазии накануне революции». Готовит работу по истории французской революции.

Далее, работы гг. Бушуева, Гуревича, Рашкова и др. Из работ тов. Рашкова отмечу: «О русско-германских отношениях в эпоху Бисмарка» и «Украина и внешняя политика Германии и Австрии в эпоху мировой войны».

План работы этой кафедры менее обширен. Кафедра имеет небольшое число работников и план ее охватывает следующие темы:

1) «Матъез», как историк французской революции (Камышан). 2) «Шомет и его роль во фран. револ.» (Камышан). 3) «Происхождение современного капитализма» (Рохкин). 4) «Так называемый античный коммунизм» (Рохкин). 5) «Рабочий класс в Германии 1848 г.» (Рохкин). 6) «История Английской революции» (Рохкин). 7) «Восстание нюрнбергских ремесленников в 1348 г.» (Пакуль). 8) «Эволюция нидерландских учреждений в правление герцога Альбы» (Пакуль). 9) «Предреформационные настроения буржуазии» (Пакуль). 10) «Русско-германские отношения в эпоху Бисмарка» (Рашков). 11) «Внешняя политика Германии и Украина» (Рашков). 12) «Австрийское крестьянство и революция 1848 г. (Бадан). 13) «Крушение австрийской монархии» (Витек). 14) «Торговые колонии Франции в Леванте при старом порядке и во время революции» (Вайнштейн).

Экономическая кафедра в настоящем году разрабатывает 34 темы, из которых 21 тема по секции теоретической экономики и 13 тем—по секции экономики СССР и УССР.

Секция теоретической экономики намечает следующие темы:

1. «Современные формы монополистических объединений» (Наумов). 2. «Монополистический капитализм и рабочий класс» (Кривицкий). 3. «Банки и их роль в эпоху монополистического капитализма» (Посвольский). 4. «Проблема статистики и динамики монополистического капитализма» (Посвольский). 5. «Кредит в капитале, хозяйстве (Трикоз). 6. «Кредит и конъюнктура» (Павлов). 7. «Количественный фактор и стоимость денег» (Козлов). 8. «Деньги в хозяйстве СССР» (Радицкий). 9. «Зибер, как комментатор экономического учения К. Маркса» (Наумова).

По научной библиографии намечены три темы и все они дают библиографические работы по истории экономической мысли на Украине.

действительности. Мы считаем необходимым, чтобы эти области украинской истории, украинской действительности по различным направлениям научной мысли были предметом изучения Украинского института марксизма. Необходимо констатировать, что научная работа, производимая в других частях Союза ССР, этих тем до сих пор почти совсем не затрагивала, и эти области—история экономическая и хозяйственная и т. д.,—почти совершенно не разрабатывались. Нам приходится поэтому эту задачу брать на себя и работать для ее выполнения.

Другое ударение ставим мы в своем плане на разработке вопроса, выдвигаемого самой жизнью, а именно вопроса научной разработки очередных, стоящих перед партией и советской властью вопросов.

Позвольте мне от характеристики нашего плана в целом перейти к характеристике планов по отдельным нашим отделам.

Историческое отделение имеет у нас две кафедры—кафедру истории Украины и кафедру истории Запада. У нас возникал вопрос об организации кафедры истории России. Но, к сожалению, у нас, во-первых, не нашлись необходимые силы для того, чтобы руководить и организовать эту кафедру, и, во-вторых, мы столкнулись с отсутствием на Украине каких-либо архивов, которые давали бы базу для научно-исследовательской работы в этой области. Восполнить этот пробел нам, несмотря на проявленную нами инициативу, до сих пор не удалось.

Кафедра истории Украины свой план работы строит в следующем направлении: общие вопросы историографии и методологии, общая история Украины, революция 1905 года, революция 1917 года и дополнительно—история литературы.

По общей методологии историографии намечены к проработке следующие темы:

1. Методологические вопросы в украинской истории—М. Яворский.
2. Украинская историческая мысль в настоящем и прошедшем—М. Яворский.
3. Политическая программа истории Руссов—Д. Гончаренко.
4. В. Б. Антонович и его школа—В. Ходак.
5. Историографические взгляды П. Кулиша—В. Десняк.
6. М. Грушевский и его схема украинской истории—С. Покровский.
7. В. Лазаревский и его место в украинской историографии—В. Гольберг.

Таким образом разработка данных тем даст нам оценку с марксистской точки зрения той исторической мысли, которую мы имеем на протяжении последних двух столетий.

В области истории Украины намечены для разработки следующие темы:

1. Критические замечания к истории общественных движений XIII столетия—С. Покровский.
2. Критические замечания к Гайдамаччине 1750 г.—В. Алексеев.
3. Борьба классов и партий в эпоху Руины—В. Хоменко.
4. На заре рабочего движения (1870 гг. на Украине)—М. Яворский.
5. На переломе общественной мысли на Украине (1880 гг. на Украине)—М. Яворский.
6. Социально-экономическая природа Запорожья XVIII ст.—П. Фельдман.
7. Партийное оформление политической мысли в Галиции в конце XIX ст.—М. Яворский.
8. Наступление московского торгового капитала на Черноморское побережье в XVIII столетии—В. Загребский.

По революции 1905 года намечено 7 тем:

1. УСДРП в революции 1905 года—Д. Фрид.
2. Украинская громада в 1-й и 2-й думах—З. Гуревич.
3. Крестьянский союз на Украине в революции 1905 года—М. Свидзинский.
4. РСДРП (б) в революции 1905 г. на Украине—В. Лапин.
5. Организация Советов в революцию 1905 г. на Украине—М. Волин.
6. Программа крестьянских движений в революции 1905 г. на Украине—Р. Шпунт.
7. Столыпинская реформа—А. Городецкая.

Революция 17-го года у нас поставлена в план, намечены следующие темы:

1. УСДП, австрийская С.-Д. и II Интернационал—С. Витик.
2. Земельный вопрос в Галиции накануне революции—М. Левицкий.
3. Аграрная программа Центральной рады—т. Каретникова.
4. Крестьянское движение на Киевщине в 1918 году—М. Карпенко.
5. Союз освобождения Украины—В. Десняк.
6. Социальные основы махновщины—П. Алексеев.
7. III и IV Универсалы Центральной рады—В. Хоменко.
8. Кубань в революции 1917 года—П. Христук.
9. Проблема национально-демократической революции в Галиции—М. Яворский.
10. Харьковский совет рабочих депутатов—В. Лобахин.

Кафедрой истории Украины, которая дает нам разработку общих методологических вопросов и намечает первые шаги к марксистской проверке исторических построений развития Украины в предшествующее столетие, равным образом намечаются к выяснению узлы движения 1905—1917 годов.

Кроме того, кафедра Украины подготавливает сейчас некоторые сборники: сборник, посвященный революции 1848 года на Западной Украине, сборник материалов по революции 1918 года в Галиции и, кроме того, намечено издание сборника, посвященного 40-летию М. Зибера, который дал бы возможность всесторонне выявить научную и общественную деятельность первого марксиста на Украине да и в России. Одновременно под общей редакцией М. И. Яворского разрабатывается план полного критического издания сочинений М. Драгоманова, Н. Зибера и С. Подолинского.

Намечено образование Украинского историко-марксистского о-ва, при чем кафедра завязывает связи с другими марксистскими организациями и работниками других городов Украины.

Кафедра истории Запада у нас более позднего происхождения—1926/27 года. Из работ, опубликованных ею, можно отметить следующие:

1. Камышан—«Великая Французская Революция» и «Очерк истории рабочего движения на Западе». Готовит к печати работу: «Шомет и его роль в французской революции».

2. Рохкин напечатал работу «Фейербах и Маркс» (историко-философский этюд) и первую главу работы о Ленине «Ленин и борьба направлений в международном рабочем движении» в журнале «Большевик» № 1 за 1925 г. Приготовил к печати историографическую хрестоматию «Классики исторической науки», которая скоро появится в свет. Готовит работу «Стефан Борн и рабочее движение в Германии в 1848 г.».

3. Либереберг напечатал «Очерки экономической и социальной истории Англии» и статью в «Прапор Марксизма» № 1, «Франкмасонство, как организационная форма буржуазии накануне революции». Готовит работу по истории французской революции.

Далее, работы гг. Бушуева, Гуревича, Рашкова и др. Из работ тов. Рашкова отмечу: «О русско-германских отношениях в эпоху Бисмарка» и «Украина и внешняя политика Германии и Австрии в эпоху мировой войны».

План работы этой кафедры менее обширен. Кафедра имеет небольшое число работников и план ее охватывает следующие темы:

- 1) «Матьез», как историк французской революции (Камышан).
- 2) «Шомет и его роль во фран. револ.» (Камышан).
- 3) «Происхождение современного капитализма» (Рохкин).
- 4) «Так называемый античный коммунизм» (Рохкин).
- 5) «Рабочий класс в Германии 1848 г.» (Рохкин).
- 6) «Историки Английской революции» (Рохкин).
- 7) «Восстание нюрнбергских ремесленников в 1348 г.» (Пакуль).
- 8) «Эволюция нидерландских учреждений в правление герцога Альбы» (Пакуль).
- 9) «Предреформационные настроения буржуазии» (Пакуль).
- 10) «Русско-германские отношения в эпоху Бисмарка» (Рашков).
- 11) «Внешняя политика Германии и Украина» (Рашков).
- 12) «Австрийское крестьянство и революция 1848 г. (Бадан).
- 13) «Крушение австрийской монархии» (Витек).
- 14) «Торговые колонии Франции в Леванте при старом порядке и во время революции» (Вайнштейн).

Экономическая кафедра в настоящем году разрабатывает 34 темы, из которых 21 тема по секции теоретической экономики и 13 тем—по секции экономики СССР и УССР.

Секция теоретической экономики намечает следующие темы:

1. «Современные формы монополистических объединений» (Наумов).
2. «Монополистический капитализм и рабочий класс» (Кривицкий).
3. «Банки и их роль в эпоху монополистического капитализма» (Посвольский).
4. «Проблема статистики и динамики монополистического капитализма» (Посвольский).
5. «Кредит в капитале, хозяйстве (Трикоз).
6. «Кредит и конъюнктура» (Павлов).
7. «Количественный фактор и стоимость денег» (Козлов).
8. «Деньги в хозяйстве СССР» (Радзиковский).
9. «Зибер, как комментатор экономического учения К. Маркса» (Наумов).

По научной библиографии намечены три темы и все они дают библиографические работы по истории экономической мысли на Украине.

1. Библиография о Смита по эконом. литературе на Украине—т. Гольденберг. 2. Библиография о Рикардо по эконом. литер. на Украине—т. Розман. 3. Библиография о К. Марксе по эконом. литер. на Украине—т. Луценко. Здесь работают три товарища. Кроме того намечен ряд отдельных рефератов по отдельным вопросам.

По секции экономики СССР и УССР темы намечены следующие:

1. Методология построения конспективного плана—т. Мышкис. 2. Баланс народного хозяйства за базисовый год—т. Мышкис. 3. Реконструкция промышленности УССР—т. Жигалко. 4. Реконструкция сельского хозяйства УССР—т. Соловейчик. 5. Воспроизводство рабочей силы—т. Шатан. 6. Емкость и структура рынка УССР—т. Рывкинд. 7. Условия равновесия народного хозяйства УССР—т. Виткуп. 8. Экономические циклы в условиях советского хозяйства—тов. Ефимов. 9. Влияние неурожая на народное хозяйство СССР. 10. Роль Украины в системе народного хозяйства СССР. 11. СССР и капиталистический мир—т. Коломыцев.

Аграрная кафедра точно так же базируется преимущественно на украинской действительности и дает нам следующие темы:

1. Марксизм и ревизионизм в аграрном вопросе—т. Коваль. 2. Предмет и метод с.-х. экономии,—т. Коваль. 3. Проблема капитала в с. х.—т. Слеспанский. 4. К вопросу о теории аграрных кризисов—т. Биляш. 5. Рынок и его роль в сельском хозяйстве—т. Полонский. 6. Проблема распределения и дохода в крестьянском хоз.—т. Хоменко. 7. Земельная рента в СССР—т. Левенштам.

Второй раздел нашей аграрной кафедры занимается планом народного хозяйства и разрабатывает 6 следующих тем:

1. Методология статистического исследования сельского хозяйства—т. Вольф. 2. Методология планирования сельского хозяйства—т. Качинский. 3. Максимальный вариант пятилетнего плана сельского хозяйства—т. Соловейчик. 4. Проблема аграрного перенаселения. 5. Организация внутреннего рынка в связи с перспективным планом сельского хозяйства—т. Кривицкий. 6. Вопросы сельскохозяйственного экспорта в разрезе пятилетнего плана—т. Альтерман.

Таковы шесть тем второго раздела нашей аграрной кафедры. Сюда же относятся вопросы сельско-хозяйственной политики.

Третья кафедра нашего экономического отделения—это кафедра кооперации и коллективизации. Эта кафедра намечает следующие темы: во-первых исторические темы, затем разработку обще-теоретических проблем кооперации и коллективизации и теоретических проблем советского кооперативного хозяйства.

Обращаю ваше внимание на темы и план нашей кафедры по кооперации и коллективизации, которые намечены к проработке. Намечен ряд тем по истории кооперативного движения на Украине.

Темы таковы:

а) Развитие кооперативной мысли на Украине. Пионеры Украинского кооперативного движения (Балин, Козлов, Галаган, Юркевич) (т. Огурцов). б) Национально-освободительное движение и кооперация на Украине. Василий Доманицкий как идеолог сельской кооперации на Украине. Народная кооперативная мысль на Украине и связь украинских народников с обще-русскими народниками. Н. Левицкий и его артели. Причины упадка артельного движения (т. Шмаргонь).

Дальше идет большая тема, имеющая непосредственную связь с современной действительностью: в) Борьба за украинские кооперативные центры. Две точки зрения по этому вопросу (Киевская и Харьковская) (т. Лозовый).

Далее выдвигаются темы, беседа по которым много дает для нашей практической работы: г) Кооперация как общая форма для национально-освободительного движения на Украине (доклад т. Краснояружского) и «Кооперативный капитал как основание экономического строительства украинского народного хозяйства».

Из обще-теоретических тем выдвинуты лишь некоторые:

а) Кооперативный кредит и его современные формы в СССР (т. Дуда и Огурцов). б) Современные мелко-буржуазные течения кооперативной мысли (т. Краснояружский). Буржуазные теоретики кооперации на Западе (Кульман и Шид) и их критика (т. Дуда). г) Кризис в международном альянсе. Старый лозунг

нейтральности альянса и современная политическая работа последнего (т. Абраменко).

Третий раздел нашей кафедры кооперации и коллективизации имеет в виду научное освещение вопросов, непосредственно стоящих перед нашей коллективной и колхозной действительностью. Он охватывает следующие темы: 1. «Проблема современного советского кооперативного строительства», 2. «Создание крупного коллективного сельского хозяйства как путь к обобществлению сельского хозяйства», 3. «Социалистические и капиталистические тенденции современной кооперации» и, наконец, 4. Исследование одного из видов кооперации: «Сельско-хозяйственная сбытовая кооперация (бураковая, хмелевая и т. п.) как способ кооперирования производства».

В секции коллективизации намечен ряд отдельных тем: 1. «Изучение простейших форм коллективизации», 2. «Машино-тракторное хозяйство», 3. «Переход от простейших форм коллективизации к высшим», 4. «Земельное общество как путь к обобществлению».

Это все очень актуальные у нас темы, научная разработка которых даст опору для нашей практической деятельности. Кроме того, я не указываю здесь еще ряд тем из теории и практики нашего колхозного движения, которые у нас намечены.

Теперь позвольте мне обратиться к последнему отделению нашему—философскому и социологическому. Оно разбивается на две научно-исследовательские кафедры: кафедру философии и кафедру социологии. Кафедра философии в том плане наших работ, который не является только планом данного года, а должен явиться планом, обеспечивающим дальнейшую работу, имеет в виду разработку общих проблем материалистической диалектики. Вот темы, намеченные этой кафедрой:

1. Категория случайности в философии и науке (С. Ю. Семковский). 2. Категория случайности (П. И. Демчук). 3. Понятие закономерности у Маркса (С. Ю. Семковский). 4. Причинность и взаимодействие у Гегеля и Маркса (С. Ю. Семковский). 5. Проблема причинности (В. И. Беркович). 6. Категория меры (В. И. Беркович). 7. Проблемы действительности (П. И. Демчук). 8. Суждение, сознание и действительность (А. П. Филиппов). 9. О природе логического (Нестеренко). 10. Пограничные объекты биологических и социологических наук (Н. И. Перлин). 11. Науки о природе и науки об обществе (т. Бойко). 12. Марксистская психология и психо-физическая проблема (С. Ю. Семковский). 13. Спор на нашем философско-марксистском фронте (диалектический и механический материализм) (С. Ю. Семковский).

Борьба, которая ведется во Всесоюзной Академии, проявляется и у нас, наши позиции выясняются и целый ряд тем, намеченных здесь, ведут к дальнейшему и полнейшему определению.

По следующему разделу «Ленин как философ» темы такие:

1. Ленин и диалектика (С. Ю. Семковский). 2. Ленин и спор о механическом материализме (С. Ю. Семковский). 3. Философские взгляды Ленина в период борьбы с народничеством (В. И. Беркович). 4. Философские взгляды Ленина в период выработки программы партии (Н. В. Билярчик). 5. Ленин в борьбе с махизмом (Я. Г. Билык).

Можно отметить значительность этих тем, самая постановка их уже дает некоторый вклад в общую разработку ленинских тем.

Что касается раздела критики новейших буржуазных течений и раздела истории, я не буду приводить ряда поставленных нами тем, скажу только, что здесь-то именно желательна возможно более полная координация нашей работы с деятельностью соответственных секций Всесоюзной Коммунистической Академии.

По методологии естествознания намечается ряд тем по марксистскому осмыслению естественно-исторических наук. Здесь, кроме непосредственных работников Института марксизма, привлечены к работе естественно-исторические, близкие к нам учреждения.

Особое внимание настоящего всесоюзного совещания я обращаю на работу комиссии по изучению истории философии на Украине. Здесь, может быть, для многих товарищей будет новостью самая постановка этой темы—история философии на Украине. Необходимо констатировать, что здесь действительно научная мысль только лишь делает первые шаги к постановке этого вопроса. Можно отме-

тить разве лишь эмигранта, украинского профессора Чижаевского, который тоже разрабатывал такую тему и которым составлен план такой работы.

Большое количество тем, намеченных здесь, объясняется тем обстоятельством, что мы имеем дело не с темами на данный только год, но темы намечены, может быть, на ряд лет. План же разработан для данного года.

Прежде всего нужно остановиться на постановке общих вопросов методологии по изучению истории философии на Украине. И вот темы по этим вопросам:

1. Исследовательские проблемы истории философии на Украине (С. Ю. Семковский).
2. Первый опыт построения истории философии на Украине (Я. Г. Билык).
3. Источники по изучению истории философии на Украине (Я. Г. Билык).
4. Проблема национальной философии вообще и украинской в частности (С. Ю. Семковский, Билык, кафедра нац. вопроса).

Далее намечен целый ряд тем по истории философской мысли на Украине за предшествующее столетие:

1. Философия средневековья на Украине (Грушинский),
2. Философия в Киево-Могильской Академии (его же) и др.—целый ряд тем по истории философии на Украине в XIX веке.

Следующий ряд тем в этом цикле посвящен философским взглядам декабристов на Украине, философским взглядам Кирилло-Мефодиевцев, философским воззрениям Шевченко, Костомарова, Франка и т. д.

Отдельно стоит ряд философов, которые до сих пор считались более русскими, чем украинскими философами—Овсянников-Куликовский, Лискович, Кистяковский, Туган-Барановский, Остроградский.

Наконец, две темы близкой нам эпохи: 1. Философия материализма на Украине до Октября и 2. Философско-марксистская работа на Украине за годы после Октября.

Вы видите, таким образом, что мы имеем перед собой не столько план данного года, сколько проработанный в данном году план на последующий ряд лет.

Кафедра социологии имеет ряд комиссий—комиссию исторического материализма, комиссию истории буржуазной социологии, комиссии социологии искусства, социологии религии и комиссию права. Если мы возьмем общие темы, стоящие у нас, то здесь в области философии мы разрабатываем общие для всех учреждений темы. Здесь перед нами встанет задача возможно более полной координации совместной работы по распределению тем и планов, но и здесь в этой кафедре мы также ставим себе задачей разработку той тематики, которую ставит перед нами украинская действительность.

Так, комиссия по истории буржуазной социологии ставит себе специальной задачей изучение «генетической истории» Грушевского и ее критика.

Комиссия социологии искусства все темы свои намечает, исходя из истории украинской литературы.

Что касается комиссии по истории социологии, то кроме общей темы «Значение фрезера для проблемы генезиса религии» мы ставим только 2 темы, обе связанные с предшествующей историей украинской жизни.

Комиссия права имеет задачу, кроме общих тем, также разработку тем нашей украинской действительности.

Позвольте мне привести вам данные, говорящие о том, как мы эту свою научную работу уже могли внедрить в обще-украинский процесс. В настоящее время мы имеем уже по учебной части свои переводы, почти все предметы переведены на украинский язык. Наше издательство и наши журналы переведены на украинский язык. Правда, нужно сказать, что это уменьшает распространение наших изданий среди марксистов всех других республик СССР, но вместе с тем дает нашему Институту марксизма и его работам, необходимые и действительные средства для того, чтобы влиять на обще-украинские культурные и общественные процессы, дает еще большие средства для собирания научных сил и для осуществления стоящих перед партией задач.

Второй год как образована у нас кафедра национального вопроса, которая ставит перед собой задачу разработки теории национального вопроса и национальной политики как отдельной научной дисциплины, имея в виду прежде всего нашу украинскую действительность. За прошлый год заслушано 6 тем и 7 тем заслушано в настоящем году. За прошлый год заслушаны следующие темы:

1. Национальный вопрос как отдельная научная дисциплина (т. Скрыпник).
2. Национальное возрождение в современных буржуазных государствах на примере Закарпатской Украины (т. Скрыпник).
3. Украинское население за границами УССР (т. Сияк).
4. К истории национального вопроса на Закарпатской Украине (т. Бадан).
5. Национальный вопрос в кооперации на Украине (т. Лозовой).
6. Теория нации австро-марксизма (т. Юринец).

На настоящий год намечены такие темы:

1. Национальные меньшинства на Украине—тов. Буценко (для содоклада пригласить т. Ларина).
2. Национальная теория группы федералистов в КП (б)У 1919—1920 г.—т. Павло Попов.
3. Украинский национальный вопрос и социалистические партии на Украине в 1917 году—т. Билык.
4. Национальная теория Драгоманова—тов. Речицкий.
5. Западно-украинская национальная проблема и пути революции—т. Сияк.
6. Москвофильство в Галиции и его роль в нац. движении—т. Левицкий.
7. Государственные взаимоотношения УССР и РСФСР после Октября—т. Скрыпник.
8. Октябрь и национальный вопрос на Украине—т. Хвиля.
9. Теория нац. культуры Ваганьяна—тов. Сидорович.

Тов. Рязанов. Нам это очень лестно. Это один из наших очень талантливых молодых работников и нам очень лестно, что на Украине на него обратили внимание.

М. Н. Покровский. Причем я отмечаю, что этот цвишенруф идет от Института Маркса и Энгельса, а не от Коммунистической Академии.

Тов. Скрыпник. Очень жаль, что это мнение Института Маркса и Энгельса и очень рад, что председатель Всесоюзной Коммунистической Академии от него отмежевался, потому что мы считаем, что данное течение не марксистское, не ленинское, а по существу троцкистское и с ним надо бороться теоретически всеми силами.

Кроме того, нами намечено приглашение ряда работников из других республик; так, намечен доклад по национальному вопросу в Карелии и доклад по национальному вопросу в Узбекистане в связи с той теоретической борьбой, которая имела в коммунистической партии Узбекистана.

Кроме намеченных тем мы имеем целый ряд тем, которые разрабатываются нашей аспирантурой, как общих тем, так и по истории национального вопроса и марксизма, и национального вопроса и ленинизма, в частности. Но эти темы у нас разрабатываются аспирантурой и поэтому являются более учебными темами, чем темами научными.

Заканчивая, можно сказать, что, несмотря на молодость нашего Института и на то, что нам приходится работать на новой почве, перед нами стоят весьма сложные задачи. Если здесь, в Ком. Академии, как докладывал тов. Милютин, стоит задача подготовки квалифицированных работников для госаппарата, то перед нами эта же задача стоит еще более остро, причем мы должны готовить таких работников, которые могли бы принимать участие во всем украинском культурном процессе, и бороться с той гегемонией буржуазных и мелкобуржуазных течений, которые господствовали в предшествующее десятилетие в области разработки украинской действительности.

В соответствии с этим и план, намеченный на текущий год, и перспективный план дальнейших работ имеет в виду как разработку общих научных тем, так и разработку специальных тем по украинской действительности и по новым заданиям для дальнейшей борьбы на идеологическом фронте на Украине.

Хотя наше учреждение молодое,—оно возникло в 1923 г. после окончания гражданской войны, но научная работа на Украине начала развиваться более полно лишь в последние два года, преодолев препятствия, стоявшие на ее пути до тех пор,—но мы можем сказать, что в дальнейшей своей работе наш Институт внесет свой вклад в обще-марксистскую мысль.

О РАБОТЕ КИЕВСКОЙ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ КАФЕДРЫ

(Доклад тов. Левика)

Тов. Рязанов. Я просил бы тов. Левика раз'яснить, что означает следующий титул: «Кафедра марксизма при Академии Наук».

Тов. Скрыпник. Я прошу не об'яснять.

Тов. Левик. Это входило в мой план. Киевская марксистско-ленинская кафедра, действительно, называется так: «Научно-исследовательская кафедра марксизма-ленинизма при Украинской Академии Наук»; она находится при той Академии Наук, где позиции заняты представителями буржуазной и мелко-буржуазной идеологии, о чем уже говорил тов. Скрипник в своем докладе. Следовательно, наша кафедра при той Академии Наук, с которой нам приходится идеологически бороться, так что, действительно, это «при» довольно диалектического свойства.

Тов. Рязанов. В таком диалектическом отношении находятся и рабфаки при университете.

Тов. Левик. Это совсем не то: сравнение тов. Рязанова неверно. У кафедры, поскольку она существует при Академии Наук, положение совершенно своеобразное и очень трудное. Прежде чем пойти на такую форму организации, мы считали необходимым проделать некоторую предварительную работу по собиранию марксистских сил в Киеве, что и было сделано межвузовским марксистско-ленинским семинаром, который у нас существовал до этого. Мы рассматривали такую форму организации кафедры—при Украинской Академии Наук,—как особую форму борьбы и как способ внедрения в Академию Наук.

Тов. Рязанов. Хитрый народ.

Тов. Покровский. Прошу воздержаться от националистических замечаний.

Тов. Левик. Должен сказать, что мы при этой форме кое-каких результатов добились. Они, правда, чрезвычайно скромны, прежде всего, потому, что кафедра начала свою работу только осенью 1926 года. Но и не только поэтому, а еще больше потому, что у нас слишком тонкий слой марксистов научных работников. Однако, при этих условиях можно считать, что кафедра завоевала себе определенное место и положение и, вовсе не приходится рассматривать ее положение при Академии Наук, как положение рабфака при вузе. Это я отвечаю на замечание тов. Рязанова.

Тов. Рязанов. Но «при» остается.

Тов. Левик. Остается, но в таком же положении остается и кафедра истории Украины, которой руководит Грушевский. Это—особая форма организации научно-исследовательских учреждений на Украине, они существуют либо при Академии Наук, либо прикрепляются к тем или иным вузам.

Итак, наша кафедра открылась осенью 1926 года, именно тогда она начала свою деятельность. Работа ее развертывалась по трем направлениям, соответственно тем задачам, которые ставила перед собой кафедра. Эти задачи таковы: 1) научно-исследовательская работа, 2) учебная работа с аспирантами, подготовка молодых сил и 3) пропаганда марксизма. Соотношение этих трех частей работы на первой стадии было таково: внимание было перенесено, главным образом, на учебную работу с аспирантами. Я должен сказать, что аспиранты первого приема отличаются довольно высоким уровнем общего развития и марксистской подготовки. Это был тот слой работников, который накопился за годы революции. Собственно говоря, некоторые из них могли бы вести самостоятельную научную работу, однако, мы пошли по пути зачисления их в аспиранты и постановки с ними систематической учебной работы, в которую, однако, были сразу же внесены элементы научно-исследовательской работы. Что касается второго приема аспирантов, то я должен сказать, что они качественно значительно ниже первого. И вот на научно-учебную работу с аспирантами было обращено, главным образом, внимание в течение первого года. Дальше нами была взята установка на научно-исследовательскую работу, на более или менее планомерное ее развертывание и мы с полным правом можем сейчас считать, что кое-какие весьма, правда, малые, достижения в научно-исследовательской работе мы уже имеем. Но к более или менее планомерному ее развертыванию мы подходим только теперь. Конечно, совершенно ясно, что планировать в пределах одной Киевской кафедры не приходится. Сейчас приходится говорить о более общем планировании и о том, какое место в общей научной работе марксистов Союза должно быть уделено Киеву, и о постоянной связи Киева, как с Институтом марксизма, так и с Всесоюзной Коммунистической Академией. Без этого мы нашу работу хорошо и планомерно поставить не сможем. Я считаю, что совещание, которое сейчас происходит, сможет нам в данном случае многим помочь.

Работа кафедры протекает в трех секциях: философской, экономической и исторической. Работа философско-социалистической секции,—таково ее полное название,—протекает под руководством тов. Семковского. О ее работе можно сказать, что она с самого начала выработала план научно-исследовательской работы. Мы имели в этой секции большую внутрисекционную работу, разрабатывались актуальные вопросы, в частности и в особенности спорные вопросы, по которым ведется дискуссия на философском фронте. Мы имели также ряд докладов на пленумах кафедры. Я хочу тут отметить то обстоятельство, что наша философско-социологическая секция вполне определилась, определила свои позиции в тех спорных вопросах, которые сейчас имеются на философском фронте. Я могу сказать, что механистов вовсе нет в нашей секции, и если имеются те или другие разногласия,—а они имеются,—то они идут по другим линиям. Может быть, эти разногласия тоже одним боком примыкают к основным разногласиям (между диалектиками и механистами). Такие споры у нас время от времени ведутся. Позиция нашей философско-социологической секции, ее подавляющего большинства, является совершенно определенной, это—позиция последовательных диалектистских материалистов. Я здесь не буду перечислять тех докладов, которые у нас ставились. В материалах, которые розданы делегатам конференции, все эти доклады перечислены, я боюсь, что если я буду их перечислять, то я не смогу уложиться в предоставленные мне 30—40 минут.

Хочу остановиться на ряде комиссий, которые работают при нашей философско-социологической секции. Прежде всего о комиссии методологии естествознания. Надо сказать, что мы довольно решительно пошли по пути развертывания работы этой комиссии, несколько однако, не подвергаясь опасности быть зараженными естествознанием. Работа этой комиссии дала уже свои значительные результаты. Правда,—и это относится и ко всей работе кафедры,—мы не вышли до сих пор из той стадии, которую можно назвать стадией докладов, обсуждения этих докладов, обмена мнений и т. д. Совершенно ясно, что на настоящий путь развернутой научно-исследовательской работы мы не могли еще выйти. В этой стадии находится и работа комиссии методологии естествознания. В этой комиссии работают философы-марксисты, а также целый ряд естествовников; стоящих на материалистической точке зрения. Например, сюда мы привлекли академика Плотникова, акад. Фомина, руководителя кафедры физики проф. Гольдмана, и целый ряд материалистов, работающих в кафедре математики и в др. естественно-научных кафедрах. Если просмотреть темы, которые разрабатывались в этой комиссии, и тот план, который намечен на ближайшее время, то можно увидеть довольно значительную работу. Правда, я должен здесь признать, что вначале (а отчасти и теперь) темы иногда назначались довольно случайно рядом естествовников; мы имели иногда не столько методологическую постановку вопроса, какая нам важна, а ту или иную тему, над которой работает тот или иной специалист. Если бы мы шли по этому пути постановки таких случайных докладов, это было бы бесполезно для нашей работы и получилось бы действительно засорение работы. Но все внимание направлялось на то, чтобы ставить темы методологического характера, и я считаю, что некоторое достижение мы в этом отношении имеем.

Дальше идет комиссия социологии искусства и литературы. Здесь после того, что сказал тов. Скрипник, совершенно ясно, что к этой области, к области искусства и литературы, мы должны проявить особое внимание. В этой области происходит серьезнейшая и напряженнейшая идеологическая борьба в той или иной, более или менее скрытой, более или менее замаскированной форме. Поэтому наша марксистская работа в этой области представляет особое значение. Поскольку в Киеве мы имеем значительную концентрацию украинских литераторов и критиков, то естественно, наше внимание должно быть особенно направлено в эту сторону. Комиссия социологии науки и искусства и литературы в течение первого года, надо прямо сказать, только успела организоваться. Но первые шаги проделаны, и уже в этом году ведется довольно оживленная работа. Здесь опять-таки сошлось на наш план, который роздан, и в котором указаны все темы,—темы актуальные, которые касаются вопросов современности в различных отраслях искусства, и прямо откликаются на ту идеологическую борьбу, которая происходит в этой области. Должен сказать, что мы сделали уже первую попытку вынесения работ этой комиссии в более широкую аудиторию. Недавно мы органи-

зовали диспут, посвященный борьбе различных направлений в украинском изобразительном искусстве, при чем сделали это в связи с всеукраинской художественной выставкой, посвященной десятилетию Октября.

Другие комиссии, на которых следует остановить свое внимание, это комиссия исследования религиозной идеологии, которая проводит уже некоторую работу; комиссия социологии права и государства, которая организовалась только в январе 1928 года под руководством тов. Розанова и наметила значительный, интересный и реальный план работы. Наконец, комиссия методики преподавания исторического материализма.

Тут я сделаю замечание общего характера. При всех наших секциях работают методические комиссии. Для Киева, как для вузовского центра, вопрос просмотра программ, вопросы методики, научный контроль над методикой и содержанием преподавания имеет большое значение. В методических комиссиях мы эту работу и проводим, и надо сказать, что не безрезультатно. Дело в том, что в работу этих комиссий мы вовлекаем преподавателей социально-экономических дисциплин, привлекаем беспартийных марксистов и не марксистов, которые желают встать на марксистские рельсы. Комиссия по методике преподавания исторического материализма развернула значительную работу и тут мы тоже имеем одно из прочных достижений.

Перехожу к экономической секции. Оценивая работу экономической секции, я должен сказать, что здесь соотношение научной и учебной работы несколько иное, чем в философской секции, я бы сказал, менее благоприятное для научно-исследовательской работы. Отчасти это объясняется составом работников, отчасти объясняется также тем, что состав аспирантов в этой секции является особенно квалифицированным. И здесь организация учебной или, вернее, учебно-научной работы поглощала особенно много внимания и сил. Более или менее планомерного развертывания научно-исследовательской работы мы еще в этой секции не имеем. Для характеристики состава аспирантов в этой секции, поскольку я касаюсь этого вопроса, я могу сказать, что из среды аспирантов мы имеем товарищей, которые серьезно работают, самостоятельно работают. Подготавливаются, например, работы о Зибере, о Подолинском и др., и я считаю, что в скором времени эти работы смогут быть опубликованы. Однако я повторяю, научно-исследовательской работы в настоящем смысле этого слова мы еще в этой секции не имеем, в отличие, скажем, от философско-социологической секции. Когда мы перейдем практически к планированию, увязке, я тогда буду ставить вопрос о недостатке у нас работников по линии экономической секции и буду просить направить к нам экономиста, если вообще в планомерном порядке хоть как-нибудь спрос на работников будет удовлетворяться. Однако надо сказать, что экономической секцией был проработан ряд тем теоретического порядка, а также ряд практических тем. Некоторые отдельные работники экономической секции прорабатывали и прорабатывают вопросы по заданию госплана УССР, Всеукраинского торгового музея и др. Так что здесь мы имеем прямую увязку с нашим практическим строительством. Однако, надо прямо сказать, что внедрение в практическое строительство нашей экономической секции является далеко недостаточным. Только в последние месяцы нами организована комиссия по изучению местного хозяйства. Мы имеем при этом в виду не только Киевщину, но и все Правобережье. Эта комиссия включает в свой состав как научных сотрудников кафедр, так и руководителей различных областей нашей хозяйственной работы. Вместе с плановыми органами и с нашими другими хозяйственными организациями мы наметили конкретный план работы, темы, которые должны быть подвергнуты разработке. Мы этим будем достигать двойного результата. С одной стороны, наша экономическая секция будет втягиваться в практическую работу, а с другой стороны, руководители хозяйственных организаций будут поднимать свою квалификацию на основе некоторой теоретической работы, насколько это будет возможно.

При этой секции нами организована так же комиссия по изучению вопросов труда, которая работает под руководством тов. Черного и разрабатывает вопросы социального страхования, некоторые вопросы зарплаты в практической постановке вопросы производительности труда и т. д. Целый ряд работ уже подготовлен в этой комиссии.

Наконец, при экономической секции работает методическая комиссия, работающая в области методики экономических дисциплин.

Перехожу к исторической секции. В отношении этой секции положение с личным составом у нас очень острое, и здесь я с этой трибуны прямо хочу об этом заявить. В руководящем составе этой секции у нас только 1 коммунист, а далее мы имеем 3 беспартийных, которые считают себя марксистами, которые хотят быть, некоторые искренне, другие, может быть, не совсем искренне, марксистами. Мы должны сказать прямо, что мы проходим и должны были пройти через такую стадию, когда этих считающих себя марксистами мы к работе привлекали. В дальнейшем мы должны будем поставить вопрос об очищении от сомнительных, шатающихся элементов. Пока положение таково, и я его констатирую с тем, чтобы заявить о необходимости укрепления нас в области истории коммунистическими научными силами. Даже молодые марксистские научные силы, работающие в этой области, были бы нам весьма полезны. По линии подсекции истории Украины и по линии подсекции истории Запада,—в отличие от состояния дела в институте марксизма,—у нас очень мало было проведено докладов. В плане работ, который роздан, можно видеть те темы, которые были разработаны, и те, которые намечены на ближайшее будущее. Вот при условии некоторого усиления нас работниками мы сможем более полно развернуть работу и в исторической секции. По подсекции истории Запада как раз работает тот единственный коммунист, о котором я говорил и которого, вероятно, историки знают,—это тов. Либберберг. Аспиранты коммунисты в этой подсекции являются достаточно развитыми, подготовленными работниками, они проводят не только учебную работу, но и определенную учебно-научную работу.

При той же секции существует комиссия методики преподавания исторических дисциплин. До сих пор она работала тоже слабо, соответственно с общим состоянием этой секции, но сейчас намечен ряд работ, имеющих большое значение. Это—вопросы об элементах украинской истории в программах общественного развития различных типов школ, вопрос об историзме в курсе обществоведения и т. д., рецензии трудов по истории.

Таковы те секции и комиссии, которые работают в составе нашей кафедры.

Еще нужно упомянуть об одной комиссии, которая работает у нас, но которая не прикреплена ни к одной секции, а к кафедре в целом. Это—комиссия по истории партии. В ней работает ряд молодых историков партии, которые в этой работе связаны непосредственно с Истпартом, так что можно видеть на плане печать Истпартовских практических заданий.

Мы считали, однако, что и это не плохо, и, начав с этих небольших работ, мы можем развернуть дальше более углубленную работу в области истории партии. Сейчас у нас разрабатывается цикл вопросов, связанных с 10-летием Октября на Украине; дальше, вопросы, связанные с 10-летием КП(б)У (о корнях КП(б)У, о борьбе правых и левых в КП(б)У и т. п.); затем, вопросы, связанные с 1-м и 2-м Съездами; при чем вся эта работа ведется непосредственно по архивным материалам, которых в Киеве довольно много. Я выделяю особо работу библиографическую, которая нашей кафедрой организована. Мы для этого имеем специальный кабинет, который об'единяет в этом отношении работу всех секций и комиссий. Кабинетом руководит тов. Розанов. Опять-таки я не буду перечислять тех работ, которые уже изданы и которые в плане имеются. Намечен целый ряд работ, чрезвычайно важных для всех наших секций—экономической, исторической и философской. Некоторые из этих библиографических работ уже начаты нашим Кабинетом. Замечу еще, что при кабинете организован также и семинар, который имеет целью повышение квалификации и подготовку библиографических работников, которых, к сожалению, у нас чрезвычайно мало.

На пропаганде марксизма—на третьем виде нашей работы—я остановлюсь кратко. Здесь мы выполняем свою задачу таким образом. С одной стороны, организуются курсы для ответственных партийных работников при кафедре—это одна из форм, другая форма—организация популярно-научных докладов, серий докладов для партийного актива, при чем поскольку речь идет о руководящем партийном активе, вопросы ставятся довольно глубоко теоретически. В отчете, который мы представили, мы привели те темы, на которые доклады читались и намечены еще. Здесь я не буду их повторять.

Приведу некоторые количественные данные. В нашем научном составе мы имеем 6 действительных членов. Также у нас работают по нашей кафедре некоторые работники Института марксизма. Сверх того, есть 18 научных сотрудников и 40 аспирантов—28 прошлого приема и 12—нового приема. В отношении аспирантов я должен сказать, что мы считаем необходимым сжимать в дальнейшем прием, для того чтобы у нас не разбухала учебная работа и чтобы можно было больше развивать научно-исследовательскую работу, и чтобы с теми кадрами молодых работников, которые мы сейчас имеем, проводить достаточно углубленно и полно учебно-научную работу.

Общие итоги, какие можно подвести, я считаю, таковы. Наши достижения еще являются незначительными, однако, целый ряд таких достижений мы уже можем констатировать. Тот факт, что мы сплотили научные марксистские силы, что мы уже подошли к планомерному развертыванию научно-исследовательской работы, тот факт, что мы начали большую работу по подготовке молодых научных работников из аспирантуры, уже говорит о наших некоторых достижениях, но я ни в коей мере не хотел бы их преувеличивать.

Я хочу остановиться еще на одном вопросе, это вопрос о внедрении в украинский культурный процесс, это необходимо учитывать всем ведущим марксистскую научную работу на Украине; об этом говорил тов. Скрыпник. В этом отношении Киевской кафедрой достигнуто очень мало. Мы находимся в этом отношении у самого начала этого процесса внедрения. Однако, я хочу сказать, что мы находимся на верном пути, по которому нам в ближайшее время надо идти. Планы были отчасти на это ориентированы. Я говорю—отчасти потому, что наличный состав научных работников не обеспечивает в полной мере такую постановку работы. И только в том случае, когда мы будем планировать всю нашу работу не только в масштабе киевской кафедры, но в увязке с Институтом марксизма и со Всесоюзной Коммунистической академией?

Тов. Рязанов. Кто вам мешает связаться с Институтом марксизма?

Тов. Левик. Нам никто не мешает, наоборот, помогает. Но установление связи тоже представляет собой определенный процесс. Эта связь у нас есть, однако, я хочу сказать, что связь эта является недостаточной. Эта связь должна быть по линии отдельных секций, комиссий. Эта связь должна быть установлена более прочно и плановым образом, этот вопрос может быть с достаточной интенсивностью поставлен сейчас. Вот почему я и говорю, что перед нами—задача установления планоной, более тесной связи с институтом, чем это было до сих пор.

Кроме того я говорю о связи со Всесоюзной Коммунистической Академией, эта связь должна быть усилена, и тогда, я надеюсь, что с задачами, которые стоят перед нами, мы сможем справиться. Без такой связи, без помощи и поддержки других учреждений мы не сумеем справиться с теми задачами, которые в украинской обстановке являются особенно сложными.

О Т Р Е Д А К Ц И И

Ввиду ограниченности места не могли быть напечатаны прения. Доклад т. Рязанова о деятельности Института Маркса-Энгельса не помещен здесь ввиду того, что стенограмма доклада не была выправлена т. Рязановым. Резолюции, принятые Конференцией, напечатаны в № 26 (2) «ВКА».

О П Е Ч А Т К А

В № 22 (1) книги «Вестн. Комм. Академии» в статье Милонова «Гегель и материализм» на стр. 2, 2 абз. сверху следует читать так: «История человеческой мысли, в том числе и философии, есть длинная цепь связанных между собой звеньев, но связанных не так, как в сделанной кузнецом цепи: очень часто они соединены друг с другом только через свои противоречия».

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

Бухарин, Н. И., Дволайцкий, Ш. М., Деборин, А. М., Крицман, Л. Н., Лукин, Н. М., Милютин, В. П., Пашуканис, Е. Б., Покровский, М. Н., Шмидт, О. Ю.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

С т а т ь и

	Стр.
А. С. Мендельсон—Проблема конъюнктуры (к вопросу о построении марксистской теории конъюнктуры)	3
Э. Брегель—Формы и функции кредита в капиталистическом хозяйстве	24
Г. Абегауз, Г. Дукор и А. Ноткин—Свет марксовой теории в кривом зеркале	66
Ф. Горохов—К вопросу о производительных силах и диалектике их развития	101
М. Миронов—Современные взгляды Каутского на революцию	135
Ю. Стеклов—И. Г. Чернышевский и революционное движение 60-х гг.	173
Д. Граве—Принципы механики	212
А. Холщевников—Множество и сплошность	220

С т е н о г р а м м ы д о к л а д о в , ч и т а е м ы х в К о м . А к а д е м и и .

Клара Цеткин—О задачах секции женского движения	240
---	-----

К р и т и к а и б и б л и о г р а ф и я

А. Острецов—О задачах марксистского изучения истории музыки. По поводу книги С. М. Чемоданова—«История музыки в связи с историей общественного развития»	252
В. Егоршин—«Диалектика в природе» сборник № 3	269
А. Романский—Гобсон. «Экспорт капитала»	282

Первая всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (стенографический отчет) (Окончание)	289
--	-----

О СОЗЫВЕ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Быстрый рост марксистской исторической науки и то огромное значение, какое приобретает изучение истории в наши дни, ставят вопрос о необходимости созыва всесоюзной конференции историков-марксистов. Идя навстречу многочисленным пожеланиям, О-во историков-марксистов созыв всесоюзной конференции историков-марксистов наметило на 27 декабря 1928 года. Порядок дня конференции следующий:

1. Развитие современной исторической науки и задачи историков-марксистов—Докл. М. Н. Покровский.

2. Сообщения (информационного характера) о работе научных исторических учреждений: а) Общества историков-марксистов, б) Института Маркса и Энгельса, в) Института им. Ленина и Истпарта ЦК ВКП(б), г) Сообщения с мест.

3. Секционные работы (назначены секции: Истории России, Истории ВКП(б), Истории Запада, Истории Востока, Социологическая, Секция военной истории, Архивная и Учебно-методическая).

В задачи конференции входит подведение итогов развития современной марксистской исторической науки, выявление анти- и псевдомарксистских течений и намечение проблем, требующих своей научной разработки. Поставленные задачи, конечно, могут быть успешно разрешены только при условии самого активного участия историков-марксистов как в подготовке, так и в проведении конференции. Поэтому Общество историков-марксистов обращается ко всем его членам, а также и к историкам-марксистам, не входящим в него, приглашая их всемерно помочь Организационной Комиссии по созыву конференции. Эта активная помощь, прежде всего, мыслится в посылке в Оргкомиссию своих пожеланий о конференции, а также заявок докладов, которые будут заслушаны в секциях.

Секционной работе будет уделено большое внимание. Общество историков-марксистов поэтому обращается ко всем историкам-марксистам с просьбой прислать не позднее 1 октября заявки на свои

доклады, а также тезисы к ним. Со своей стороны Общество историков-марксистов предупреждает, что 1 октября является последним сроком, после которого Оргкомиссия приступит к рассмотрению заявок, наметению секционных докладов и предварительной рассылке тезисов утвержденных докладов. В работе секций особенное внимание будет уделено докладом иногородних историков-марксистов, и поэтому Общество просит всех иногородних товарищей присылать свои заявки на доклады и тезисы к ним.

Вопрос о форме представительства в настоящее время еще не решен и о ней будет сообщено дополнительно. Однако, в виду того, что конференция ставит особо научно-исследовательские задачи, каждый член Общества историков-марксистов может являться делегатом конференции с правом совещательного голоса и принять активное участие в работах пленума и секций. Для тех же историков-марксистов, которые не являются членами Общества, право совещательного голоса будет предоставлено только по получении рекомендации того научного и учебного заведения, в котором он работает, и по утверждении его кандидатуры в Оргкомиссии. Заявления о желании присутствовать на конференции с правом совещательного голоса должны быть поданы до 1 ноября 1928 года. Общество историков-марксистов предупреждает, что никаких расходов по приезду делегатов, пользующихся совещательным голосом, оно на себя не берет.

Председатель Совета Общества
Историков-Марксистов **М. Покровский**

Ученый Секретарь Общества **П. Горин**